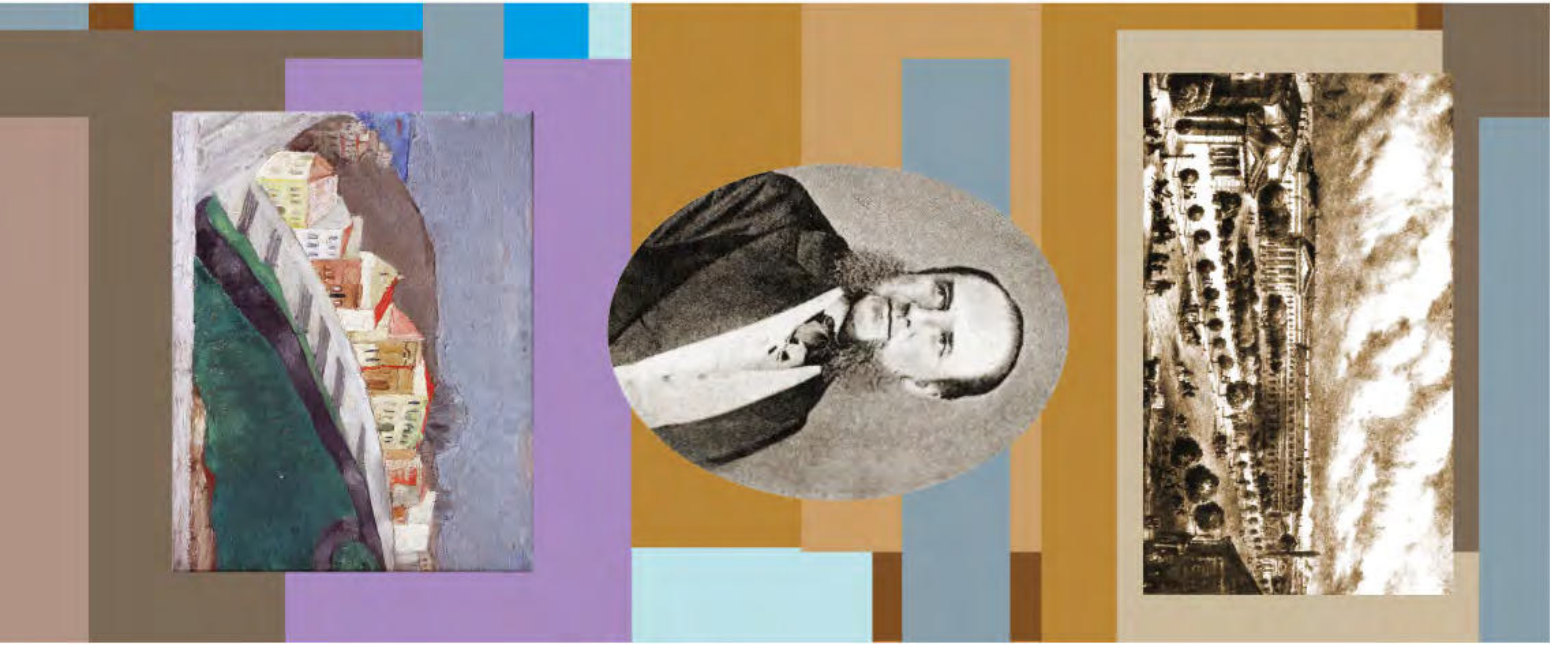
PLASKE
ПЛАСКЕ

Одесский альманах
№51
IV / 2012

ДЕРИБАСОВСКАЯ ▽ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

ББК 84(4Укр-4Оде-2Од)63-47я430+63.3,014(4Укр-4Оде-2Од)63я430
Д 362
УДК 821.161.2'06=161.1(477.74-21)-92(082.1)+908(477.74-21)(09)''452.2''

Д 362 Дерибасовская – Ришельевская: Одесский альманах (сб.) / кн. 51 Всемирн. клуб одесситов: Сост.: Ф.Д. Кохрихт, Е.М. Голубовский, О.И. Губарь, И.Л. Липтуга. – Одесса: Издательская организация АО «ПЛАСКЕ», 2012. – 372 с.

ISBN 978-966-8692-19-2

Д 4702640204 / 2012 + 0503020902 / 2012

Редактор Феликс Кохрихт

Редколлегия: Евгений Голубовский (заместитель редактора), Олег Губарь, Иван Липтуга

Editor Felix Kokhrikcht

Editorial Board: Yevgeniy Golubovsky (deputy editor), Oleg Gubar, Ivan Liptuga

ISBN 978-966-8692-19-2 © Авторство опубликованных текстов, 2012

От редакции

В минувшем сентябре вышли пятидесятый номер альманаха «Дерибасовская – Ришельевская» и десятый «Одесский календарь». Уже несколько лет нас объединяет общий издательский проект АО «ПЛАСКЕ», Всемирного клуба одесситов и Литературного музея.

50 и 10 – привычные юбилейные цифры, ими издавна измеряются годы деятельности коллективов и отдельных граждан, выпуски периодических изданий, количество спектаклей, спортивных состязаний… Но все чаще и чаще мы с не меньшим размахом и всеобщей готовностью торжественно отмечаем те даты, которые еще недавно называли «не круглыми» и от которых не ждали ни наград, ни праздничных концертов, ни, как нынче выражаются, – корпоративов.

Нынче и они – не кратные 10 – считаются знаменательными. И вовсе не из-за всеобщего желания получить поскорее от начальства очередное поощрение или повеселиться. Просто время теперь движется куда быстрее, чем это было, кажется, еще вчера. И это не наши досужие измышления – вполне серьезные ученые отмечают некий феномен, объяснить который берутся в недалеком будущем.

Достаточно обратиться к так называемому хронотопу – таблицам, фиксирующим привязку знаменательных событий в жизни человечества к временным циклам, чтобы убедиться: с середины XX века коренные изменения в судьбах государств, людских популяций, а значит, неизбежно и отдельных индивидуумов происходят все быстрее и интенсивнее. Иными словами, нынешний Дюма назвал бы книги – продолжения «Трех мушкетеров» соответственно «Десять лет спустя», «Пятнадцать лет спустя» и так далее.

В соответствии с Духом времени, все убыстряющим свой полет, Одесса отпраздновала 35-летие нашего Литературного музея, вы-

пустившего к этой дате еще одну и серьезную, и занимательную, и веселую книгу.

В те же осенние дни мы отметили 125-летие великолепного здания Одесского театра оперы и балета – архитектурного шедевра мирового значения.

Пятнадцатого октября совпали две не круглые, но яркие даты, пусть и разного исторического формата, но все же касающиеся одного столь знакового для нашего города предмета, как юмор. Собравшись во Всемирном клубе одесситов, мы и наши киевские друзья подняли тосты и в память об Илье Ильфе, с рождения которого в этот день исполнилось 115 лет, и за успехи журнала «Фонтан», отмечающего свое 15-летие. Любопытно, что с нами в этот вечер были главный редактор журнала «Радуга» Юрий Ковальский и авторы-юмористы этого киевского издания, которому недавно исполнилось 85 лет…

«Кругом – 15!» – констатировал редактор «Фонтана» Валерий Хаит. И с ним никто не стал спорить.

Нетрудно подсчитать, что приближающийся год не будет для Одессы юбилейным – городу исполнится всего 219 лет. Но разве это помешает нам с вами достойно и от всей души отпраздновать ее не круглый день рождения?

Михаил Жванецкий

Добро и зло

Зло конкретно, четко, ясно.

Зло всегда с цифрами в руках.

Зло всегда с фамилиями в руках.

Зло материально понятно, ясно и легко овладевает массами.

Толпа не побежит в больницу перекладывать больных и мыть полы.

Но мгновенно сорвется бить людей и поджигать дома.

Зло рождается вместе с ребенком, колотит, бьет, щипает.

И только постепенно в душу входит его противоположность.

Добро накапливается. От услышанного. От увиденного. От прочитанного.

Оно требует нежной мамы и времени.

Оно складывается по словам, по поступку, по страничке.

Оно идет от тех, кто через это прошел и сам понял, что погасить полезнее.

Не вспылить, не бросить злое слово, после которого все равно просишь прощения.

Неправота твоя не в слове, а в злости.

Добро твое накапливается всю жизнь и всего лишь достигает уровня, достигнутого другими.

Поэтому так мало изменений в морали за века.

Добро полностью не передается. Ему нельзя обучить. Злу можно. Зло передается. А накопленное добро умирает с каждым.

И всё начинается снова.

Но однажды посеянное зло долго остается с человеком. Запоминается всеми. Тем более на экране.

Нельзя сегодня говорить о сексе, а завтра о любви одному и тому же человеку. Даже если все утверждают, что это должен знать каждый.

Нельзя сегодня говорить: «Не защищайте демократию. Сидите дома», – а завтра разоблачать коррупцию.

Ну, кто-то же что-то вспомнит.

Характер человека не зависит от науки, потому что наука его не совершенствует.

Человек в прямой связи с добром и злом.

И хоть это всё перетекает друг в друга, но мы все чувствуем, в какой момент что из них берет верх.

И тогда из каждой семьи уходят лучшие. Как бы это не называлось: борьба за свободу, за справедливость, за территорию…

Это борьба между теми, кто говорит: жить должны все, и теми, кто говорит: жить должны не все.

А дальше по списку, с фамилиями, с цифрами в руках против невнятного бормотания: «это нехорошо», «это как же так», «за что»…

Добро накопили старики.

Они невнятны и неконкретны.

В них заключена не мудрость, а добро.

Давая злу дорогу, мы все равно поползем просить прощения…

Когда дело коснется нас.

Александр Третьяк

О доходах и расходах Одессы в первой половине XIX века

Собственно хозяйственная жизнь Одессы первой половины XIX столетия в современной научной литературе освещена крайне слабо. Между тем финансовая статистика означенного периода не просто стала ярким отражением экономического благополучия отдельно взятого города, но и послужила своеобразным примером для развития урбанистики во всей Российской империи, да и не только в ее пределах, для последующей эпохи. И дело не только в том, что за сухими цифрами статистики скрывался качественно новый подход в управлении общественным хозяйством города. Здесь, как в зеркале, отражался огромный разрыв между отмирающей рабской системой внутренних губерний России с ее гигантским бюрократическим аппаратом, регулировавшим все и вся, и новыми подходами на вновь приобретенных территориях, именуемых Новороссийским краем. В Одессе, являвшейся административным и экономическим центром края, вовсе не принято было определять общественную значимость того или иного деятеля количеством «благоприобретенных» им душ. Напротив, город выдвигал для распоряжения своим общественным хозяйством именно тех людей, которые умом, распорядительностью и предприимчивостью заслуживали уважение и доверие своих сограждан. А тот факт, что всего за пятьдесят лет своего существования Одесса, вышедшая по количеству жителей на третье место среди городов в Российской империи после обеих столиц, даже приблизительно не зная себе равных по темпам экономического роста, заслуживает, по крайней мере, пристального внимания.

Самым удивительным является то, что легенда о каких-то особых льготах Одессе со стороны центрального правительства

Городская больница

жива до настоящего времени. Тем любопытнее читать строки приверженцев данного тезиса, когда делаются попытки его доказательства при помощи поиска особых положений финансовой политики правительства в означенный период относительно города на Черном море. Ибо найти таковые подтверждения практически невозможно. Все затраты, связанные со строительством города и порта, Одесса оплатила с лихвой, принося ежегодно миллионные доходы казне. А вот все, что касалось жизнедеятельности городского общественного хозяйства, где действительно было немало затратных статей, отсутствовавших в городских бюджетах подавляющего числа других городов, начиная от содержания театра, учебных заведений, приютов и вплоть до благоустройства карантина и зарплаты судейским стряпчим, Одесса оплачивала исключительно из собственных доходов. В качестве примера приведем данные из многотомного издания «Городские поселения в Российской империи»*, осуществленного властями в период реформ на основании всех законных и именных актов первой половины XIX века.

* Городские поселения в Российской империи. Т. 1-7. – СПб., 1860-1864.

Нетрудно убедиться, что все так называемые «льготные» статьи, относящиеся к созданию и содержанию тех или иных общественных, культурных или, скажем, учебных и богоугодных заведений, неизменно оканчивались фразой «из городских доходов». Тогда как фраза «за казенный счет» если и присутствовала, то в весьма своеобразном виде. Так, например, 16 марта 1836 г.: «В Одессу назначен особый прокурор Одесского градоначальства с жалованием по 2000 р. в год, в том числе по одной тысяче – из городских доходов».* Но это быстрее исключение, чем правило, ибо даже арестантские роты, проще говоря, тюрьма, повсеместно содержавшиеся на казенный счет, в Одессе находились на иждивении городского бюджета. И тогда, когда мы читаем, что в июле 1836 г. «Повелено Одесскую арестантскую роту увеличить 120 арестантами, 1 обер-офицером и 12 нижними чинами, с отнесением издержек означенных лиц на городские доходы», не приходится удивляться тому, что 19 апреля 1841 г. правительство делает распоряжение: «Содержание учрежденных в Одессе, вместо бывшей одной двух арестантских рот, в составе каждой 250 человек арестантов, обращено на счет городских доходов Одессы»**.

Да что там арестанты, если высшие военные чины и полиция оплачивались из того же источника. Опять-таки, к примеру, 25 октября 1844 г.: «Назначенные по новым штатам и табелям суммы: на содержание канцелярии одесского военного губернатора – 6.751 р., и городской полиции – 38.874 р. 16$\frac{1}{7}$ к. сер. в год, повелено отпускать из городских доходов, на которые отнесена и одновременная сумма – 2.649 р. на усиление пожарной части; отпуск же производившихся до того из государственного казначейства на содержание полиции – 1.828 р. 57$\frac{1}{7}$ к. повелено прекратить».*** И не то что жалко означенной казенной суммы, но хотя бы для видимости оставили пятьдесят семь и одну седьмую копейки, дабы показать, что отнюдь не просто так получала многомиллионные прибыли империя от торговых оборотов одесского порта, а граждане Одессы, исправно платившие налоги в государственную казну, имели возможность лицезреть мо-

* Там же, т. 5, ч. 2, с. 147.

** Там же, с. 149.

*** Там же.

Ришельевский лицей

наршие милости к их городу. В общем, сколь ни пристально мы будем анализировать сотни финансовых документов рассматриваемого периода, тезис об особом льготном положении Одессы относительно других городов империи не более чем миф, а вот почему городу было выгодно подобное положение вещей, совершенно другой вопрос.

В стране, где доля городского населения не превышала 7-8%, весь положительный опыт по устройству урбанистической политики мог строиться исключительно на примере обеих столиц – С.-Петербурга и Москвы. Но если абстрагироваться от своеобразия и архитектурной прелести данных городов, их хозяйственная жизнь складывалась из сотен маленьких и больших привилегий, обслуживание которых осуществлялось всей империей, простиравшейся на одну шестую часть поверхности земного шара. Эта огромная по своим масштабам государственная машина требовала и соответствующий гигантский бюрократический аппарат, изменить основополагающие правила существования которого было бы равнозначно самоуничтожению. Это великолепно понимала еще Екатерина II, но еще более явственно прочувствовал Александр I, когда вступил в начале своего царствования на путь реформ. Одесса в силу целого ряда объективных и субъективных

причин оказалась в самом начале XIX в. в эпицентре той политической борьбы, которая велась вокруг попытки, увы, неудачной, по слому азиатского уклада управления территориями империи. Но именно тот факт, что относительно Северного Причерноморья и, в частности, Одессы, сложилась особая политическая конструкция, не вызывает сомнений. Как и то, что сложилась она не благодаря, а вопреки общественной системе Российской империи того времени.

Наряду с Александром I и его «молодыми друзьями» особую роль в складывании данной, весьма не свойственной для России того времени системы взаимоотношений центрального правительства с вновь присоединенными провинциями, сыграл государственный канцлер Александр Романович Воронцов. В служебной записке от 1801 года старый граф, бывший еще при Екатерине II президентом коммерц-коллегии, прямо писал императору относительно губернского управления: «Нельзя не признать, чтоб оно не шло на внутренние российские губернии, где многого недоставало; но едва ли была нужда распространять оное на присоединенные и завоеванные нами провинции, кои имели у себя более устройства, нежели внутри России…»*. Действительно, зачем нужно было распространять на Новороссийские губернии уклад, порочность которого была очевидна, и реформировать который собственно и собирался молодой царь, оказавшийся заложником глубокого кризиса, порожденного правлением его отца, и о котором тот же Воронцов высказывался более чем резко: «…подати и все налоги больше прежнего умножены. Торговля разными запрещениями на полезный наших продуктов вывоз, служащие к обогащению государства, стеснена была; все внутренние обороты в свободном их прохождении ненужными осмотрами немало остановлены. Вообще сказать можно, был хаос совершенный…»**.

Впрочем, Одесса в качестве главного торгового порта на Черном море сумела благодаря таланту и подвижнической деятельности герцога Ришелье в полной мере использовать благоприятный

* Записка графа А.Р. Воронцова императору Александру I. 1801 г. – АКВ, т. 29, с. 459.

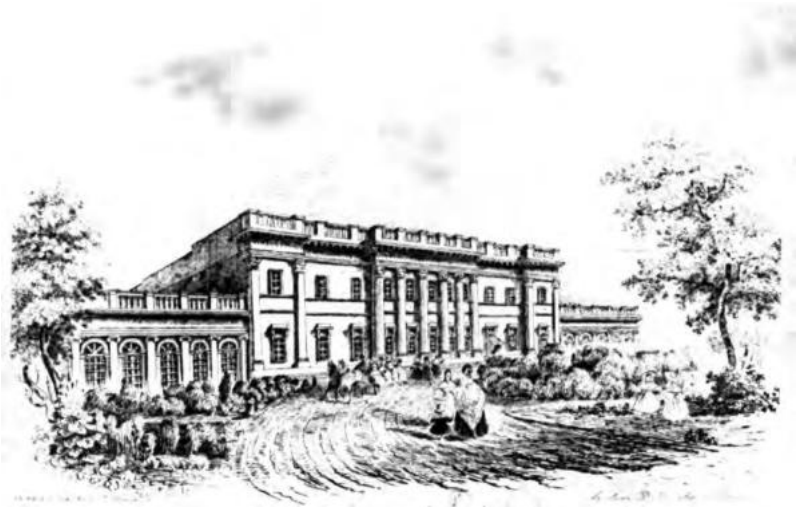
** Там же, с. 460-461.

Карантин

момент в период половинчатых реформ Александра для своего становления и развития. Главным и безусловным условием для этого стали не получаемые городом некие льготы, которых, в общем-то, и не было, а относительная свобода от пресса гигантского бюрократического аппарата империи, парализовавшего своей закостенелостью любые положительные начинания. Говоря словами знаменитого министра Людовика XVI Тюрго: «я имею в виду манию всем руководить, все регулировать и никогда не полагаться на людей в том, что касается их собственного интереса»[***]. То есть именно тот основополагающий принцип, который Ришелье, будучи меркантилистом по своим экономическим воззрениям, сумел передать по своеобразной эстафете своим преемникам. Естественно, это в полной мере отразилось и на городском хозяйстве. И когда мы читаем расходные статьи бюджета Одессы первой половины XIX в., большая часть которых совершенно отсутствовала в бюджетах других городов, то это лишь доказывает, что город был в состоянии выкупать свое благополучие, ограничивая вмешательство чиновнического аппарата империи в свою хозяйственную жизнь. Ибо политическое руководство страной и мелочная фискальная регламентация экономической и хозяйственной деятельности совершенно не одно и то же.

*** Тюрго А.Р.Ж. Избранные экономические произведения. – М., 1961, с. 56.

Институт благородных девиц

Между тем данная особая политическая конструкция относительно Одессы и Новороссийского края в целом могла сложиться не только благодаря объективным причинам, но и субъективным, так как влияние герцога Ришелье, графа Ланжерона, князя Воронцова и графа Строганова непосредственно на личность абсолютного монарха Российской империи было достаточно серьезным заслоном от попыток правительственных чиновников «всем руководить и все регулировать». А вот то, что подобные попытки предпринимались регулярно, свидетельствуют десятки документов. Например, всесильный министр в царствование Николая I граф Кисилев писал еще в 1816 г. в личной записке на имя Александра I: «к тому же, государь, управление дюка Ришелье в начале могло быть полезно, теперь же сделалось отяготительным и дает повод к величайшим злоупотреблениям; новое положение и общие правила мне кажутся необходимы. Южная Россия не то, что была; ныне она заселилась русскими и может иметь уже одинаковое с Россиею управление. Странно видеть, что в одном государстве, у одного народа на каждом шагу права и управления разные. Если бы я не был тому очевидным сам свидетелем,

верить бы, конечно, не хотел; и вот, я полагаю, причина затруднений для управляющих: все жалуются, все ропщут!»*. В ответном письме Александр вынужден был оправдываться, что проводить реформы некем, что он не может подобрать даже 52-х достойных генерал-губернаторов, тем более дать чиновникам достойную зарплату, дабы ограничить злоупотребления и т. д.** Все это ярко доказывает, что отнюдь не в простом противостоянии добывала себе право Одесса оставаться подлинно цивилизованным европейским городом под давлением азиатского менталитета и великодержавного шовинизма.

Теперь посмотрим на конкретные цифры и динамику развития городского хозяйства рассматриваемого времени. К середине XIX в. отечественная статистика уже имела возможность оперировать не только абсолютными, но и относительными величинами, что позволило статистическому комитету при министерстве внутренних дел произвести сравнительный анализ и тенденцию развития общественного хозяйства Одессы на протяжении пятидесяти лет.*** Оказалось, что сопоставлять городские бюджеты провинциальных городов, включая губернские, оперировавшие в лучшем случае тысячами рублей, с доходами и расходами Одессы, измерявшимися сотнями тысяч, совершенно бессмысленно. Поэтому статисты провели сравнительный анализ третьего города империи по количеству жителей с бюджетами обеих столиц за аналогичный период. Вот, к примеру, характерная фраза относительно доходов С.-Петербурга с 1797 по 1837 год: «с сим вместе, в 1837 году в столице приходилось на душу дохода – 9 р. 85 к. асс., а в Одессе – в три раза более, именно 31 р. 9. к.».**** И это говорится, заметим, о доходах Петербурга, одного из богатейших городов мира того времени. Впрочем, не сие суть важно. Разложив динамику цифр по годам за четырнадцать лет, предшествующих собственно середине XIX в., исследователи получили любопыт-

* Граф П.Д. Кисилев и его время. Материалы для истории императоров Александра I, Николая I и Александра II. / Под ред. А.П. Заблоцкого-Десятовского. Т. 1. – СПб., 1882, с. 28.

** Там же, с. 29.

*** Общественное хозяйство города Одессы// Журнал министерства внутренних дел (далее – ЖМВД). Ч. 33. – СПб., 1851, с. 227-284.

**** Там же, с. 265.

Вид Одессы

ный результат: «На основании этих цифр можно заключать, что доходы и расходы в Одессе удваиваются почти с одинаковою скоростью, именно: доходы в 10 лет, расходы – в 11 лет; в Петербурге, напротив, доходы удваиваются в 29 лет, расходы же только в 53 года; а по Москве удвоение доходов происходит в 12 лет, расходов – в 23 года».* Даже в то время, когда отечественная экономическая наука делала едва ли не первые шаги в понимании сути движения капиталов, пусть смутно, но уже осознавалось главное преимущество Одессы – сбалансированность городского хозяйственного механизма и поразительная скорость динамики роста, которая определялась уже не в долях, не в считанных процентах, а в разы.

К тому же, Одесса представляла собой едва ли не уникальный пример города, где доходы в течение полувека всегда превосходили расходы. Даже в абсолютном выражении при столь существенной разнице масштабов обеих столиц и Одессы мы имеем возможность получить вполне сопоставимые цифры. Так, указанный выше 14-летний цикл, то есть с 1835 по 1848 год, раз-

* Там же, с. 277.

деленный на три периода, дает нам следующую таблицу (в рублях) ежегодного бюджета Москвы, С.-Петербурга и Одессы:

	Одесса	Петербург	Москва
Период I			
Доходы	509,311	1.461,800	735,300
Расходы	483,741	1.115,400	867,500
	+25,602	+316,400	–132,200
Период II			
Доходы	604,836	1.682,800	862,500
Расходы	574,639	1.818,700	1.016,600
	+30,197	–135,900	–154,100
Период III			
Доходы	824,755	1.834,100	1.093,700
Расходы	623,699	1.782,790	1.075,900
	+201,056	+51,370	+17,800

Из данных этой таблицы был сделан совершенно верный вывод: «Таким образом, если Одесса по количеству доходов своих и расходов стоит ниже столиц, то она была всегда обеспеченнее их по соразмерности средств своих с потребностями. Ни в одном из трех периодов не видно, чтобы потребности города превышали его средства; напротив того, увеличения, заметные в цифре доходов, шли с увеличением потребностей в такой соразмерности, что ежегодные остатки по Одессе увеличивались в значительной прогрессии».** Впрочем, к этому следует добавить, что в указанный период к бюджету Одессы не была добавлена практически ни одна доходная статья, а его развитие в расходной части происходило исключительно за счет внутренних ресурсов и энергичной хозяйственной деятельности. В условиях тотального дефицита бюджета подавляющего большинства других городов империи это говорило о многом.

** Там же, с. 275.

Есть еще один весьма существенный момент. За весь период первой половины XIX в. Одесса для своего развития и строительства порта лишь однажды брала взаймы у центральных властей необходимые ей финансы. И то это было на заре ее истории, когда Павел I в 1800 г. приказал выделить городу для окончания портовых сооружений 250 тыс. рублей: «Выдать 250,000 рублей из экономического государственного банка заимообразно на 14 лет; за исправность же платежа этой суммы должны ответствовать все купцы города, как ныне там записавшиеся, так и поселяющиеся вперед, каждый за всех и все за каждого».* Между тем только в 1825 г. Одесса из своих доходов одолжила 300 тыс. руб. на строительство петербургских таможенных зданий**, а в 1827 г. на эти же цели, также беспроцентно, еще 500 тыс. рублей. Означенная сумма в 800 тыс. руб. была возвращена городу в 1828 г.***, но показательно не это, а то, какими средствами оперировал городской бюджет, если только по остаточной части капитала он мог позволить себе движение, превосходившее финансовый бюджет некоторых государств Европы того времени.

Отметим также весьма непонятный для статистиков того времени парадокс относительно планируемых и фактических доходов Одессы, которые неизменно были в пользу последних. Цитировавшийся ранее статистический отчет министерства внутренних дел беспристрастно фиксирует на основе приведенных многочисленных цифр за пятидесятилетний цикл, что «Одесса представляет редкий пример города, в котором на самом деле доходов поступает более, чем предполагается по смете, и часто сумм расходуется меньше, чем ассигнуется».**** Впрочем, если данное положение вещей было плохо понимаемо в середине века позапрошлого, то в веке нынешнем порой понимается не лучше. Ибо капитал как таковой не есть выражением абсолютных цифр, но измеряется, прежде всего, движением, а потому именно его скорость является определяю-

* ЗООИД. Т. 3, с. 375.

** О расходах Одессы с 1824 по 1834 гг. – Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 1261, оп. 1, д. 2336, л.. 1-54.

*** Там же, л. 47.

**** ЖМВД, с. 279.

щим моментом.***** Одесса элементарно просто доказывала своим примером объективность категорий, выведенных еще Тюрго и Адамом Смитом: движение – всё. Вот откуда город черпал свои жизненные соки, не противопоставляя собственные хозяйственные потребности умственным, культурным, социальным и прочим устремлениям, на которых он, заметим, в отличие от многих других, не экономил.

В сухих статистических отчетах есть своя магия цифр, своеобразный шарм объективности и реалий. И нет сомнений, что статистика, альфа и омега экономической науки, отражает в себе многое. Но как измерить издержки и затраты, например, на городской театр, сад, гимназии, музеи, библиотеки, больницы, институт благородных девиц и пр., и пр.? Ведь здесь все соизмерялось не только прямыми, но и косвенными объективными категориями, оказывавшими порой на десятилетия самое непосредственное экономическое влияние. Не было бы одного из лучших карантинов Европы, не смог бы столь эффективно функционировать одесский порт, измерявший свои отчисления в казну многими миллионами, наполняя при этом определенной своей частью и городские доходы за счет таможенных отчислений, ластового, якорного и прочих сборов. Не было бы в городе одного из лучших по европейским масштабам театра, вряд ли появлялось бы желание у продававших свои товары купцов и помещиков оставаться здесь долго после удачных сделок. А вот ради желания увидеть прелестное театральное действие стоило задержаться, давая тем самым стимул и доходы одесским ресторациям, отелям, магазинам модной одежды и т. п. Все это в полной мере относится и к благоустройству улиц, садов и бульваров, изяществу зданий, не обремененных еще формулой «борьбы с архитектурными излишествами» века прошедшего, тем более жаждой века нынешнего «все уничтожить». Ибо создавая научные общества, беря на иждивение учебные заведения, юный город создавал и преумножал

***** Нередко данная категория политической экономики не понимается, хотя на бытовом уровне вряд ли найдется здравомыслящий человек, который стал бы рассматривать уровень развития, например, Нидерландов и, скажем, Индии на основе простого сопоставления абсолютных цифр.

тем самым единственно полноценный капитал всех времен и народов – умственную жизнь и комфортность условий для развития человеческой личности, иначе именуемые цивилизация.

Пример Одессы стал одним из действенных стимулов для проведения городской реформы 1863 г. в царствование Александра II. И хотя можно говорить о запоздалости данной реформы и ее далеком от совершенства виде, Одесса вновь в полной мере использовала ее либеральные составные, выйдя на качественно новый виток развития своего хозяйственного механизма. Это позволило в конце XIX столетия авторитетному академическому изданию утверждать: «Мы не можем указать другого русского города, который мог бы сравниться с Одессой по быстроте развития и роста. Просуществовав всего лишь 100 лет, Одесса заняла положение, соответствующее столичным городам»*. Это слова, сказанные о городе в самом конце позапрошлого века. И, дай Бог, чтобы могли повторяться они и в наши дни. А фразы относительно Одессы не наполнялись бы провинциальным бахвальством, но несли с собой истинный отпечаток гордости, развитого самосознания и достоинства.

* Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении / Под ред. П.П. Семенова. – Т. 5. Ч. 2. – СПб. – М., 1898, с. 119.

Олег Губарь

«Дом с петухом» и его давние обитатели

Наброски к семейному портрету в интерьере

Сегодня лишь единичные старожилы утолят ваше любопытство доверительным сообщением о том, что дом этот некогда принадлежал благородному французу Коклену, фамилия которого несет в себе отчетливые приметы хрестоматийного галльского петуха. А самые просвещенные краеведы прибавят: Кокленов было два – мебельщик и архитектор. Историческая память непредсказуемо, по произволу избирательна. Имею право отбирать и поминать на собственный лад. Одесскими Кокленами никто и никогда всерьез не интересовался. Пришлось изрядно потрудиться. И вот что мне удалось «нарыть» об этом достойнейшем семействе, вложившем свою лепту в копилку общественного труда, сформировавшего Одессу.

Пока не знаю даже годов рождения отца и сына Коклен – Варфоломея и Федора Варфоломеевича: метрические записи об одесситах римско-католического вероисповедания сохранились лишь выборочно. Однако эту лакуну с лихвой компенсирует солидный пласт информации, связанной с их занятиями в Одессе на протяжении многих десятилетий.

Коклен отец фигурирует в материалах Государственного архива Одесской области, по крайней мере, с 1817 года, то есть со времен графа А.Ф. Ланжерона, его соотечественника, не исключено, и покровителя. В это время французский подданный Варфоломей Коклен подает в Одесский строительный комитет (ОСК) прошение об отводе ему под застройку участка земли на Военном форштате (не форштадте), в XL квартале, место № 384. Ныне это место – по Ришельевской, второй дом от угла Базарной в сторону Большой Арнаутской по нечетной стороне. По стандартной

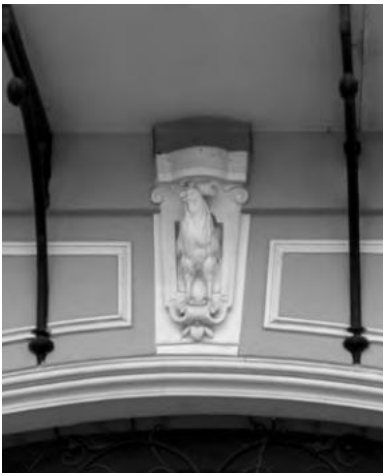

процедуре городской архитектор Джованни Фраполли обследовал просимое место и нашел там лишь стену из бутового камня протяженностью немногим более 20 метров.

При сверке документов выяснилось, что место это ранее отвели купцу Настасину, который его в срок не застроил. Комитет проявил снисходительность к прежнему владельцу и дал еще год на застройку. Год спустя, в 1818-м, городская полиция уведомила Комитет, что на самом деле место принадлежит плац-майорше Смирновой, то есть супруге одесского плац-майора (плац – место для воинских разводов и парадов – находился на территории будущего Пале-Рояля; поручик Ладожского пехотного полка Смирнов был плац-майором уже в 1809-м). В 1819 году Коклен вновь просит тот же участок, и снова осуществляется та же бюрократическая процедура: Фраполли является туда же и находит ту же стену из бута. При этом владелец строения куда-то запропастился (новый хозяин обязан был компенсировать ему сумму от продажи стены на слом), а о Смирновой в документах 1819-1820 годов уже ничего не говорится: то ли полиция ошиблась, то ли плац-майорша не оформила сделку с Настасиным. Как бы то ни было, Коклен этого участка так и не получил.[1]

Объясню, почему он так стремился закрепиться именно на Ришельевской. Дело в том, что со времен герцога Ришелье именно на этой улице стали обосновываться лучшие мебельщики. Прибыв в Одессу 8 марта 1803 года, Дюк, как известно, не смог сыскать во всем городе дюжины стульев для своей резиденции и был вынужден выписать мебель из Херсона. По этой причине, занимаясь обустройством немецких колонистов, он призвал в Одессу столяров и краснодеревщиков. И в дальнейшем большая часть

элитарных мебельных (и не только) салонов, преимущественно немецких, располагалась по Ришельевской. До конца 1850-х эта улица считалась главной, и лишь затем уступила первенство Дерибасовской. К этой теме мы вернемся ниже, а пока перейдем к деятельности старшего Коклена вовсе в другом роде.

Активное шоссирование утопающей в грязи Одессы началось вскоре после назначения новороссийским генерал-губернатором графа М.С. Воронцова, однако первые опыты благоустройства развернулись еще в бытность Ланжерона. И здесь скажу без малейшего преувеличения: о деятельном участии в них Коклена сегодня не знает вообще никто. Но – обо всем по порядку.

Начало 1820-х годов ознаменовано сооружением первых более или менее полноценных по тогдашним технологиям шоссе – в наиболее значимых транспортных развязках, прежде всего, на Ланжероновском и Херсонском спусках. Первый служил главной артерией, связывающей город с портом, а по последнему гужевой транспорт въезжал в Одессу со стороны Херсона и Николае-

ва. Собственно говоря, Ланжероновский спуск был продолжением Херсонской улицы, разрезанной на две части после устройства Городского сада и объединения в один кварталов LXIV и LXV.

Шоссе в сказанных местах осуществлялось по единообразной схеме, каковую представляет контракт, заключенный 17 мая 1821 года «с иностранцем Варфоломеем Кокленом о сделании шоссе на дороге к Карантину» за состоявшуюся на торгах цену 17.835 рублей. Он обязывался сделать шоссе к Карантину длиной 165, а шириной 8 погонных саженей. Технология устройства строго оговаривалась. Вначале следовало вручную вымостить спуск «большим дикарным камнем» толщиной не менее одного фута, либо в два таких камня, уложенных без зазора. Второй слой надлежало вымостить крепким дикарем толщиной в шесть дюймов, третий слой – щебнем. Затем по всему шоссе необходимо было насыпать песку толщиной в 1½ дюйма. При этом верхние слои дозволялось укладывать лопатами, но с обязательной трамбовкой «бабами». Шоссе должна была окаймлять вымощенная камнем канава. Кроме того, подрядчик обязывался установить по обочинам 96 столбов высотой в одну сажень, а толщиной в шесть вершков, нижнюю часть которых следовало обжечь, а верхнюю выкрасить.

Условия заключения подряда предусматривали надежный залог, в качестве которого, как правило, выступала недвижимость. Залог исключал казенные потери в случае неисправности подрядчика. Но поскольку Коклен недвижимости еще не имел, то в залог исполнения выставил дом другого известного подрядчика, купца итальянского происхождения Симона Томазини, находившийся в XVII квартале Военного форштата, на месте № 145 (это угол нечетной стороны Польской улицы и Полицейской), оцененный Городским магистратом 9 января 1819 года в 35.200 рублей. Всю работу надлежало окончить не позднее сентября 1821 года. Как видим, устройство шоссе было далеко не простым, затратным, трудоемким делом.[2]

Почему мы знаем, что спуск к Карантину устраивался именно со стороны Ланжероновской улицы (здесь теперь лестница, ведущая от Литературного музея на Таможенную площадь)? Да потому, что об этом прямо говорится в докладе небезызвестного военного инженера И. Круга, зафиксированном в журнале ОСК

от 20 марта 1822 года. 13 сентября 1821 года он по приказанию градоначальника Н. Трегубова составил смету на «исправление трубы при спуске в Карантин по Ланжероновой улице суммою на 285 рублей». Подрядчик Коклен, сообщал приемщик, работу произвел, и ему следует заплатить 482 рубля 19 копеек.[3] Уточним, что «трубой» в данном контексте именуют коллектор для стока воды. Что касается «переплаты», то она объясняется тем, что первичные расчеты Круга, судя по всему, не учитывали стоимость казенных материалов.

Итак, мы имеем все основания утверждать, что В. Коклен – активный участник благоустройства Одессы на одном из первых и сложнейших этапов ее существования. Вместе с тем в этом контексте можно оценить масштаб личности: стало быть, он уж никак не тривиальный «мебельщик», а, что называется, человек-оркестр, разносторонне одаренный, образованный, практичный, да еще и отважный, рисковый. Сколько его коллег обанкротилось на столь сложных, буквально авантюрных подрядах, – в их числе фигуры, стоявшие на иерархической лестнице значительно выше: возьмем, к примеру, того же Феликса де Рибаса. Коклен не убоялся и вышел победителем. Доход от подрядов в сочетании с другими занятиями, умение находить надежных деловых партнеров, личные качества – все это позволило ему прочно встать на ноги. Во всяком случае, уже в пушкинское время Коклен решил обзавестись пристойной недвижимостью.

Сюжет этот зафиксирован в одном из архивных дел за июль-сентябрь 1824 года. 13 августа 1824 года «одесские жители Варфоломей Коклен и Федор Шарпантье» купили у «штабс-капитанши Шостаковой» место с существовавшей на ней постройкой – в 1-й части города, в LXVII квартале, под № 732.[4] Это нынешнее место дома Коклена на углу Преображенской улицы и Казарменного переулка плюс смежное по переулку, в целом половина длины переулка. О какой постройке, однако, идет речь, и где именно она располагалась?

Застройка означенного квартала началась с некоторым запозданием, поскольку он примыкал к офицерским флигелям (нынешняя улица Гоголя, на бровке плато над Военной балкой) и Военно-морскому госпиталю (нынешний бульвар Жванецкого)

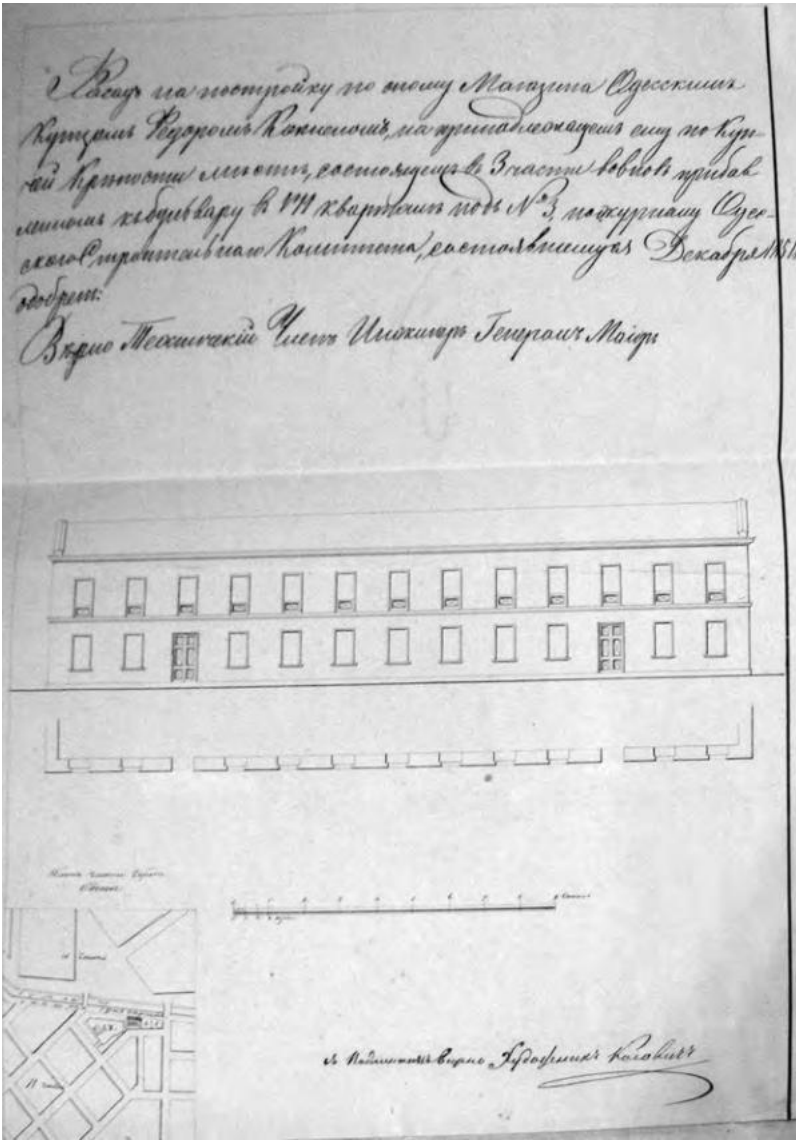

№ 47.
6209
ДѢЛО
По 3 столу
Одесскаго Строительнаго Комитета
Начато 18 года.
Кончено 18 года.
на листахъ.

Архивное дело 1852 г. об утверждении фасада на дом Коклена

и составлял как бы эспланаду.[5] Участки под застройку стали отводить здесь после 1803 года. Искомое строение впервые находим на плане Франческо Фраполли 1807 года[6] – по красной линии Преображенской улицы, но не доходящим до угла переулка, то есть угловое место, как и вся остальная часть участка, не застроены. Это же строение обозначено и на плане 1814 года, но здесь появляется стоящий параллельно посередине участка, торцом к переулку, еще и флигель. На плане второй половины 1820-х[7] угловое место не застроено, зато упомянутый флигель со стороны переулка расширен и сопровождается небольшими дворовыми хозяйственными постройками. Другими словами, возведенный в начале 1850-х (об этом – ниже) «Дом с петухом» лишь частично мог включить в себя предшествующие постройки.

К большому счастью, литературные и архивные первоисточники сохранили любопытную информацию о строениях, приобретенных Кокленом и его партнером у весьма авторитетного в юной Одессе семейства Шостак (о котором можно написать объемистую монографию: скажем, А.И. Шостак – сподвижник Иосифа де Рибаса, один из первостроителей города). Упомянутые источники, кроме всего прочего, фиксируют датировку и функциональное назначение флигеля со стороны переулка и сооружения вдоль Преображенской.

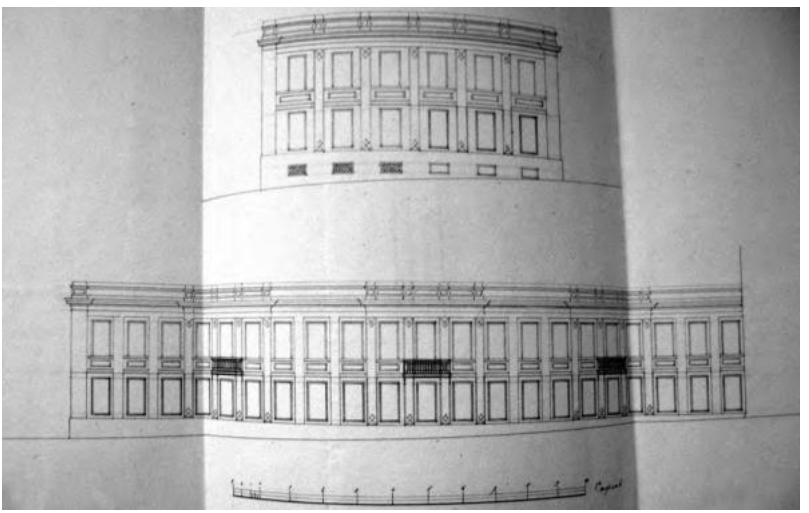
Следующий иллюстративный эпизод связан с трагической судьбой генерала от инфантерии графа Н.М. Каменского, выдающегося российского воина, героя многочисленных кровопролит-

Фасад и план дома Коклена на Внешнем бульваре

ных сражений. Под началом главнокомандующего Молдавской армией Каменского, в частности, служили граф М.С. Воронцов и будущий министр А.А. Закревский. 1 мая 1811 года Закревский писал Воронцову из Тирасполя о том, что везет умирающего Каменского из Бухареста в Одессу, где тот и скончался.[8] Известно точное место кончины генерала – дом его наставника по Кадетскому корпусу капитана артиллерии Шостака, по Преображенской улице, близ нынешнего Казарменного переулка[9]. После отпевания и литургии (28 мая) в одесской соборной церкви тело покойного в сопровождении Закревского и свиты 5 июня увезли для захоронения на родину, в село Каменское Орловской губернии. При этом по недостатку средств Закревскому пришлось даже занять у того же Шостака 20 тысяч рублей ассигнациями на транспортировку тела и нужды сопровождающего обоза, оставив соответствующее заемное письмо.

Что из этого следует? А то, что жилой флигель к этому времени был уже построен, а вдоль Преображенской явно стоял магазин (склад, амбар), каковые частные и казенные магазины располагались рядом и на противоположной стороне улицы, и по

Проект перестройки фасада «Дома с петухом»

Софиевской. Этот магазин зафиксирован оценочной ведомостью недвижимости для уплаты соответствующего налога в городской бюджет как раз накануне покупки – с 30 апреля 1824 года. Отсюда мы узнаем, что оценено это домостроение в 4.000 рублей, сумму довольно значительную по тем временам. Шостаки (возможно, деловые партнеры Коклена) могли расстаться с этой недвижимостью, ибо имели поблизости немало другой.

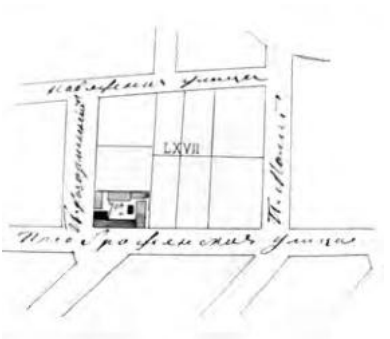
Следующий момент: «Дом с петухом» – довольно значимое мемориальное место буквально с первых эпох существования Одессы. Связанный с Каменским упомянутый флигель, что замечательно, сохранился по сегодняшний день – справа во дворе дома № 5 по переулку. Это типологическое строение 1800-1810-х годов – мощное, достаточно высокое, хотя и одноэтажное, с масштабными сводчатыми подвалами в цокольном этаже. Как ни удивительно, но аналогичные сооружения можно и сегодня обнаружить в историческом центре – например, дом Ф.М. де Рибаса в Малом переулке (кафе «Зося»). То есть первичный дом Шостаков, купленный Кокленом и Шарпантье, можно буквально потрогать руками! Впрочем, в перестроенном виде частично сохранился и первичный дом по Преображенской (ныне № 12, правый, двухэтажный).

Коклен далеко не сразу получил купленные строения в единоличное владение: так, в архивном перечне домовладельцев на 1832 год они по-прежнему числятся за «Кокленом и Шарпантье». Однако в одной из архивных описей от 25 июня 1833 года «француз Коклен» как будто упоминается уже как единоличный владелец.[10] Архивный документ от 2 сентября того же года однозначно подтверждает это предположение. В рапорте Одесскому строительному комитету архитектор Боффо сообщает: «Составленный мною по просьбе французского подданного Варфоломея Коклена план на построение дома на месте, состоящем в г. Одессе, в 1-й части, под № 732-м, принадлежащем к существующему уже на оном одноэтажному дому, ему принадлежащему, при сем оному комитету в три экземпляра на утверждение имею честь представить».[11] Тут же прилагается и сказанный план дома Коклена.[12]

Дела его – уже как ведущего, остро востребованного эксклюзивного мебельщика – быстро пошли в гору на фоне строительного бума, когда, в соответствии с предписаниями Строитель-

«Ситуационный план»
дома на Внешнем бульваре

«Ситуационный план» достройки
«Дома с петухом»

ного комитета, по центральным улицам вообще запретили строить одноэтажные дома. Коклен делал мебель на заказ не только для горожан, но и для всего южного региона, используя экзотические породы дерева. Изготовленные им секретеры, комоды, столы, серванты, вешалки украшали собой как дома и виллы одесских аристократов и буржуа, так и барские особняки в глубинке.

Вернемся к нашей Ришельевской – средоточию мебельных магазинов, устроенных по европейскому образцу. В середине 1830-х в Одессе насчитывалось около десятка значимых мебельных заведений. Половина из них обслуживала непритязательное патриархальное купечество и мещанство, тяготевшее к Старому базару, Александровскому проспекту и их орбите. Когда продвинутая, как нынче говорят, молодежь говорила о ретроградах, то именовала их «старобазарцами», сама же предпочитала магазины с французскими и итальянскими вывесками по Ришельевской, а впоследствии и по Дерибасовской. Там и находились новомодные мебельные салоны – немцев Мальмана (семейство известного впоследствии художника), братьев Стаппельберг, Фридланда: все три по Ришельевской, причем первого – в собственном доме, Геммерле – на Дерибасовской, где был «Дом книги»[13]. По этой

причине Коклен много лет арендовал дом известнейшего в городе греческого семейства Карузо[14], стена в стену с Мальманом (снова не убоялся, на этот раз – конкурента), на углу Почтовой (на этом месте построен дом, где жили Бабели – тоже отец и сын).

Многие годы Варфоломей Коклен – неоспоримо первый из одесских мебельщиков. В любом реестре или справочнике вопреки алфавитному порядку он всегда возглавляет список. Когда в 1837 году Воронцов ожидал визита императорской четы, то специально устроил первую в городе и регионе художественно-промышленную выставку, на которой экспонировались изделия и продукция лучших мастеров своего дела – ювелиров, художников, ремесленников, сельских хозяев. Организована она была в самом представительном и обширном тогда доме Крамаревых (где гораздо позднее возвели «Пассаж»). Так вот Коклен в числе лучших из лучших удостоился чести представлять здешних мебельщиков императору Николаю Павловичу, его августейшей супруге и многим другим высокопоставленным лицам.[15] В те же годы в его салоне были широко представлены фортепьяно известных зарубежных фирм, которые он отдавал и в арендное пользование.[16] Как раз в 1837-м у «мебельщика Коклена» приобрели «для залы одесской Биржи два канделябра за 350 рублей». В документах из соответствующего архивного дела есть его автограф: Coquelin[17]. Он принимал и другое участие в меблировке этого значимого общественного здания.

Еще один немаловажный эпизод. Когда в начале 1840-х годов упоминавшееся выше плац-парадное место назначили под застройку «красными лавками», Варфоломей Коклен в числе первых застройщиков подал прошение об отводе ему места.[18] Будущий Пале-Рояль планировался как элитарный торговый центр взамен патриархальных Гостиных (Красных) рядов на Александровском проспекте близ Старого базара, функционировавших с конца XVIII столетия меж Троицкой и Почтовой улицами. Красным товаром называли не только высококачественную мануфактуру, но и в целом предметы роскоши – ювелирные изделия, так называемые военно-офицерские и церковные вещи, галантерею, оптику, лампы, эстампы, мебель, столовое белье, фарфор, фаянс и проч. Пале-Рояль себя оправдал, а затем возникли более совре-

менные торговые центры – Дом Вагнера, «Пассаж», «Малый Пассаж» (где «Ирландский паб»). В архивном деле о «красных лавках» имеются подлинные автографы В. Коклена.

В начале 1840-х годов, когда Софиевская улица и начало Преображенской, выражаясь языком современных риэлтеров, обрели статус «тихого центра», где обитал весь местный нобилитет (княжна Кантакузин, барон Рено, генеральша Арсеньева, графиня Нарышкина, семейства Скаржинских, Кирьяковых, Кумбари, Дитерихс, Мещерских и др.), Коклен мог позволить себе перенести заведение с Ришельевской в собственный магазин по Преображенской[19]. Согласно ведомости на 1848 год, дом (жилой, флигель по переулку) и магазин оценены в 11.020 рублей.[20] Это немало. Для сравнения: сохранившийся с тех пор дом Прокопеуса («Два Карла») оценен в 15.000 рублей. Множество из находившихся тогда в самых престижных местах зданий оценено в два-три раза ниже.[21]

В ходе подготовки монографии об истории Старого городского кладбища я тщательно отбирал в ретроспективных СМИ ранние некрологи. В середине позапрошлого века они были еще относительной редкостью: поминали, в основном, людей служивых, а некрологи, помещенные за плату, только-только начинали входить в обиход. Неудивительно, что сообщений о смерти Коклена не нашлось. Однако это не помешало довольно точно датировать его кончину по косвенным данным. Как уже было сказано, он еще упоминается в ведомости владельцев недвижимости на 1848 год, составленной, очевидно, в 1847-м или немного ранее. Кроме того, числится в реестре одесских мебельщиков, составленной не позднее 1 сентября 1847 года[22], то есть наверняка еще жив. С другой стороны, его уже нет в перечне мебельщиков, составленном не позже 4 августа 1848 года.[23] Вот хронологические рамки, вмещающие его кончину.

Приняв это во внимание и сообразуясь с накопленным опытом, я пришел к выводу о том, что наследник должен был как-то распорядиться оказавшимся в его распоряжении товаром, в первую очередь, мебелью. Если так, то должна была последовать, как это практиковалось, большая распродажа из отцовского салона. Тогда, в свою очередь, надо искать синхронные газетные

объявления об этом коммерческом мероприятии. Мне и в голову не могло прийти, что сын покойного, Федор (Фредерик) Коклен, известный нам как блестящий архитектор, мог поступить иначе, а именно продолжить дело своего отца.

Так или иначе, а сама стратегия поиска вполне себя оправдала. В одном из октябрьских номеров местной газеты за 1848 год я обнаружил следующее рекламное объявление: «Мебельный магазин в Одессе Коклена не прекратил своих действий, а напротив, увеличил их под управлением Коклена сына. Все требования – как городских, так и иногородних, готовых и вновь заказываемых мебелей, будут выполняемы во всем совершенстве и в последнем вкусе. Притом имеется красное, ореховое и палисандровое дерево, и продаются по сходным ценам. Заведение находится в собственном доме Коклена, на Преображенской улице».[24] То есть речь идет опять-таки о магазине, а не о жилом флигеле.

Общеизвестно[25]: младший Коклен учился в Париже, окончил Королевское художественное училище, а в 1853 году получил звание внеклассного художника Императорской Академии художеств в Санкт-Петербурге. Это вовсе не означает, что он учился в Академии. Переходя на современный язык, можно констатировать: его просто-напросто сертифицировали, как это водилось (так было со многими одесскими зодчими, например, с тем же Моранди), на основании представленного высокопрофессионального проекта – городских ворот с гауптвахтой и домов для таможенной команды. Это был типологически «одесский проект», который, возможно, предполагалось осуществить. В самом деле, такая задумка вполне могла быть реализована на Херсонской таможенной заставе, при главном въезде в город со стороны тракта на Николаев и Херсон.

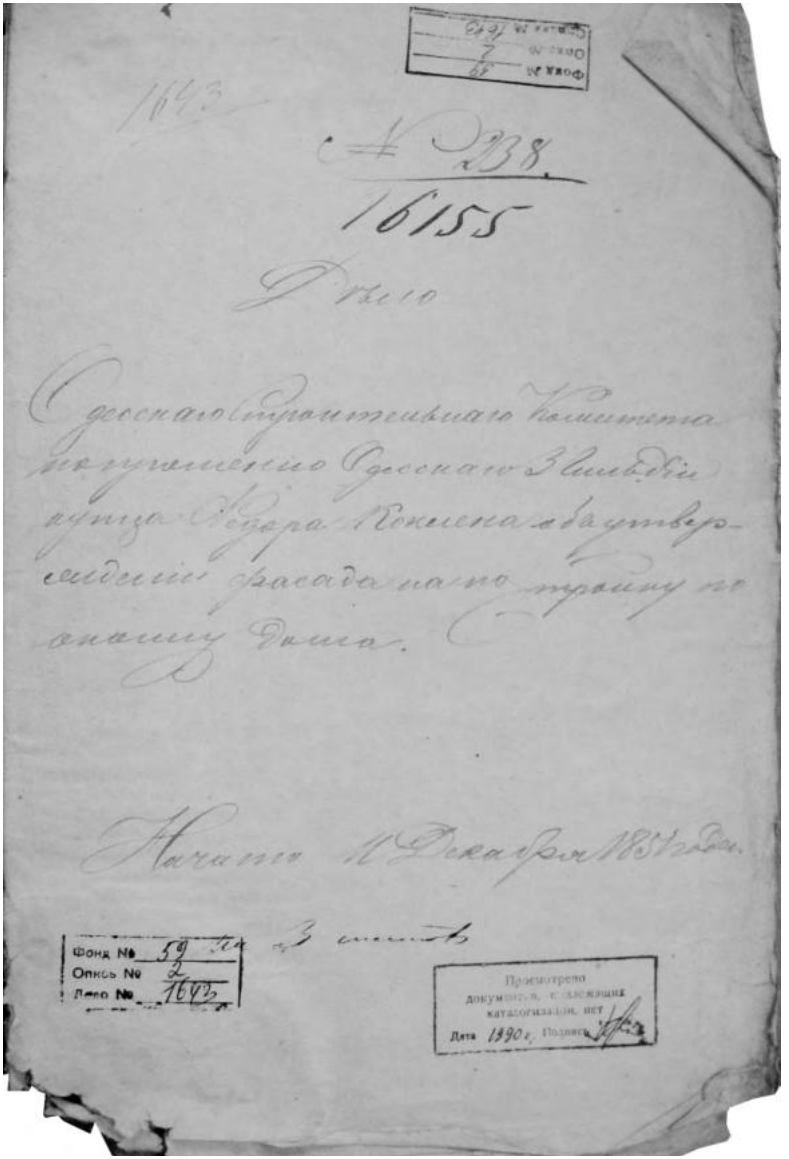
Неясно другое: когда именно он учился в Париже? До или после кончины отца? «Список русских художников»[26], откуда, собственно говоря, все и черпают информацию, об этом умалчивает, а до Парижа не близко. Стал ли бы заниматься мебельным бизнесом парижский выпускник? На первый взгляд, вряд ли. Но я этого не исключаю. Потому что хороших зодчих в Одессе очень даже хватало, и Коклену поначалу ничего не светило. А вот продолжить великолепно раскрученный бизнес-проект соблазнительно.

Как бы то ни было, а дело как будто пошло не сразу: ни в 1849-м, ни в самом начале 1850-х мы не видим Ф.В. Коклена в списках одесских мебельщиков[27]. Однако уже с 1852-го он прочно закрепляется в этих реестрах.[28] Это отлично согласуется с архивными материалами 1851-го[29] и 1852-го[30] годов: в статусе купца (!) Коклен фигурирует как застройщик (фактически вторично перестраивался уже существующий отцовский дом) своего места на углу Преображенской и переулка, об эволюции названия которого будет сказано ниже. Какое участие принимал в перепланировке этого сооружения известный зодчий Иван Козлов, а какое сам домовладелец, сказать трудно. Однако без него, конечно, не обошлось: декоративный петух над подворотней, и тот наводит на определенные размышления. Стало быть, мебельный бизнес сперва приостановился не по неумению бизнесмена, а по причине домостроительства. Новый владелец явно стремился улучшить архаичное строение, придать ему лоск.

В связи со всеми этими обстоятельствами напрашивается нехитрый вывод. На рубеже 1850-х Коклен уже имел соответствующее образование, и начал архитектурную практику с переустройства собственного дома. Столкнувшись в 1851-1852 годах с обременительными формальностями, озаботился получением «российского диплома», для чего и подал проект ворот с прочими причиндалами в Академию, в результате чего получил желанную бумагу.

Дальнейшие разыскания покажут, насколько я прав, но в любом случае на поприще практического зодчества Ф.В. Коклен пришел не ранее 1850-х. И тут поделюсь одним любопытным наблюдением. Работая в фондах Одесского государственного историко-краеведческого музея, наткнулся на план первого этажа дома Абазы по Итальянской улице. Теперь это здание Музея западного и восточного искусства, выдающийся памятник архитектуры. Проектировщиком небезосновательно считают Л.Ц. Отона, сына воспетого Пушкиным французского ресторатора (непонятно, какого черта в этой фамилии удваивают «т», – ведь это не римский император). А на сказанном плане, который условно датируют 1850-ми годами, стоит подпись… Коклена.[31]

Как это понимать? Остаются предположения, но предположения обоснованные. Обе французские семьи не могли не быть свя-

Архивное дело 1851 г. об утверждении фасада на дом Коклена

заны: отцы и дети, несомненно, дружили, или, по крайней мере, приятельствовали. У кого, скажем, мог заказывать салонную мебель знаменитый ресторатор Отон, как не у лучшего в Одессе краснодеревщика, да еще соотечественника? А где мог почеловечески отобедать Коклен, содержавший свою торговлю на той же улице? По-моему, тут все очевидно, тем более что французская колония была не особенно многочисленна. Подобные же отношения наверняка связывали и их сыновей – не только сверстников, но и коллег. Подпись Коклена указывает на его непосредственное участие в составление проекта. Что удивительного в том, что Отон дал подработать товарищу, да к тому же единомышленнику? Оба архитектора – представители французской школы, в основном использовавшие одни и те же стилистические приемы.

Многолетняя частная практика Коклена в Одессе также заслуживает серьезного изучения. В реестр объектов культурного наследия входит построенный по его проекту в 1878 году дом Черепенникова, представителя старинной купеческой фамилии, по улице Пушкинской, № 16.[32] Атрибутирован и другой объект, старый двухэтажный дом с мансардой семейства греческих купцов-старожилов Коссифо (Косифо, Косифи) на углу улиц Успенской, № 18, и Канатной. Историк архитектуры В.И. Тимофеенко пишет о том, что Коклен построил немало других доходных домов и особняков.[33] Атрибуцией их еще предстоит заниматься. В их числе, между прочим, и собственные доходные дома Коклена, построенные им на Нарышкинском спуске (по косвенным данным, не позднее 1861 года), ниже улицы Ольгиевской и Валиховского переулка.[34]

Относительно эволюции принадлежавшей Коклену недвижимости. Определенное представление о ее инфраструктуре может дать изучение архивного дела от 5 марта 1873 года «Об измерении дворовых мест архитектора Коклена, показанных на плане, составленном землемером Крыловым, несогласно документам»[35]. Вероятно, речь идет о плане города, составленном Крыловым в 1864 году[36], где габариты дворовых мест Коклена не соответствуют указанным во владельческих документах. Это обычный в практике тех лет случай – изначально места нередко

отводились на глазок, вследствие чего в дальнейшем возникали проблемы, впрочем, разрешимые.

Занимательно, что довольно продолжительное время младший Коклен оставался в купеческом звании. Мебельным бизнесом занимался до 1860 года: в 1857-1859 годах числится в этой отрасли, а далее уже нет[37]. В списке частных колодцев, составленных в 1861 году, один из них, «на Пересыпи», значится принадлежащим «купцу Коклену». К Пересыпи тогда относились и приморские территории, примыкавшие к нынешнему Нарышкинскому (Маринеско) спуску, где находилось и два принадлежавших Коклену дома. То есть совершенно очевидно, что колодец прокопали на спуске, причем на довольно значительную глубину – восемь саженей (чуть больше 17-ти метров), ибо непосредственно на Пересыпи, в низине, глубина колодцев не превышала 2,5 сажени[38]. Коклен также владел большим магазином по Внешнему бульвару: место досталось ему по купчей крепости, а 11 декабря 1851 года Комитет утвердил план на постройку двухэтажного сооружения в 11 окон и двух дверей по фасаду[39].

Еще о мемориалах «Дома с петухом». Поскольку архитектор принимал заказчиков на дому, постольку здесь перебывали многие представители местной элиты, члены Строительного комитета, коллеги, представители французского «одеколона», соответствующего благотворительного общества, в котором сотрудничал и сам архитектор. Большая часть обширного дома сдавалась под жилье, офисы, заведения. Из приметных жильцов назовем Софью Рубинштейн – сестру выдающегося композитора Антона Рубинштейна, отменную пианистку и вокалистку. Обитала она в квартире, носившей тогда № 10, ежедневно давала уроки пения.[40] Ее неоднократно навещал во время визитов в Одессу не только знаменитый брат, но и вся интеллектуальная элита города. Сюда же приходил друживший с ней небезызвестный узник Шлиссельбургской крепости легендарный Герман Лопатин, племянница Н.Я. Шведова, известная благотворительница, супруга авторитетного университетского профессора Ф.Н. Шведова, и др. Приписываемая Коклену дружба со знаменитым французским актером-тезкой лично мне представляется сомнительной: во всяком случае, первые

его гастроли в России относятся лишь к 1882 году, когда наш домовладелец уже ушел из жизни.

Сведения об архитекторе, как это ни странно, еще более скудны, нежели об отце, жившем в достаточно отдаленную эпоху. Мы пока ничего не знаем о его матери, как и о супруге, а сведения о детях довольно смутны. Мы знаем только, что в 1880-1881 годах в Рисовальной школе Одесского общества изящных искусств учился Альфред Коклен[41], очевидно, сын Федора Варфоломеевича. Здесь уместно напомнить: Ф.В. Коклен на протяжении многих лет был активным членом этого общества[42], и даже временно входил в состав его совета[43]. Он был, что называется, в авторитете – избирался оценщиком недвижимости (то есть оценивал здания и сооружения для назначения налога с недвижимости в городской бюджет), членом Аукционной камеры (то есть контролировал аукционные продажи за долги), членом Французского благотворительного общества[44].

Пока не установлена и точная дата кончины В.Ф. Коклена. Как практикующий архитектор он отмечен в справочниках 1860-1870-х и рубежа 1870-1880-х[45]: последнее разрешение цензуры получено на публикацию сборника, в котором он упоминается, 23 декабря 1880 года[46]. В отчете Общества изящных искусств, цензурное разрешение на который получено 20 марта 1881 года, Коклен уже не значится[47], как и в последующих отчетах и справочниках[48]. В сохранившихся местных газетах 1880-х годов мне не удалось разыскать некролог, что довольно странно: представитель известной фамилии, да еще архитектор. Если бы он скончался даже за границей, то и тогда следовало ожидать типологического некролога и (или) сообщения о панихиде в римско-католической церкви. Снова получаем хронологически несколько размытые границы. В ближайшем перечне домовладельцев (1884) фигурирует просто Коклен[49], тогда как позднее – «наследники Коклена» (в числе каковых, очевидно, был и Альфред), то есть кончина его в это время – относительно свежее событие.

Далее, на протяжении многих лет недвижимость покойного архитектора числится за «наследниками Коклена»[50], однако позднее «Дом с петухом» параллельно значится за некоей Матильдой Фридриховной Смельс[51], каковая остается в этом ка-

честве до самой революции. О Смельсах я в принципе кое-что знаю. Это были подданные Дании, в Одессе с начала 1880-х совместно с семейством Ильс владели экспедиционной и пароходной конторой, были агентами «Датского соединенного пароходного общества»[52]. Пароходство это пользовалось рядом привилегий, которые предоставлялись исключительно российским компаниям. Его суда совершали регулярные рейсы меж портами Балтики и Черного моря с заходом в Копенгаген, Антверпен и Константинополь[53]. Смельсы владели недвижимостью в городе и градоначальстве[54].

Какой вывод напрашивается? Пока лишь единственный. Поскольку аутентичное, так сказать, имя Федора Варфоломеевича Коклена – Фредерик (Фридрих), можно предположить, что Матильда Фридриховна – его дочь, в замужестве Смельс. Надеюсь, дальнейшие разыскания позволят прояснить и эту страницу биографии семейства.

В заключение – необходимые пояснения, имеющие отношение к адресу «Дома с петухом». Прежде всего замечу, что менялась его нумерация. Со второй половины 1900-х годов он носил № 12 по Преображенской, где, как известно, левая сторона улицы четная. Ранее, в хронологической последовательности, нумерация менялась: № 6, № 8, № 10. А по переулку – № 5, затем № 7. Поразительно, однако грубая ошибка первой половины 1870-х годов изменила и наименование самого переулка, который три четверти столетия именовался Малым, а затем его перепутали с Казарменным (впоследствии – Малым). Ошибка возникла в результате неправильной смены уличных указателей, а затем закрепления переиначенных названий на высочайше утвержденном генеральном плане Одессы. Возмущению горожан не было предела, что нашло широкое отражение на страницах газет[55]. Доходило до того, что вызванный к больному жильцу дома Коклена доктор приходил не по тому адресу[56]. Однако написанное пером не вырубалось топором, да так постепенно и закрепилось в городской топонимии.

Этимология первоначальных названий вполне понятна. Прежний Малый переулок как бы служил продолжением Софиевской улицы, а потому звался Малым Софиевским, позднее –

просто Малым. Казарменный же вел к офицерским флигелям, в просторечии именуемым казармами, каковые, как я уже говорил, составляли правую по ходу из города сторону нынешней улицы Гоголя[57].

Впрочем, функциональность названий практически не потеряла смысла: бывший Малый переулок фактически тоже вел к казармам, а бывший Казарменный – сам по себе мал.

Возвращаясь к прологу, подчеркну: отец и сын Коклен, несомненно, достойны благодарной памяти одесситов. Я включил сведения о них в монографию, посвященную истории Старого городского кладбища[58], где, очевидно, оба и нашли свое вечное упокоение (хотя памятники погоста варварски уничтожены, однако могилы-то, в основном, на прежних позициях). Намерен отразить информацию об этом семействе в пролонгированном проекте Всемирного клуба одесситов «Они прославили Одессу» и др.

P. S. Когда этот текст был уже написан, я обнаружил в одной из описей фонда Одесской городской управы название утраченного архивного дела на 32-х листах от 19 мая 1879 года: «О найме дома наследников Коклена под помещение штаба 8-го корпуса»[59]. Следовательно, Ф.В. Коклен ушел из жизни не в самом начале 1880-х, а немного ранее.

Примечания

[1] Государственный архив Одесской области (ГАОО), фонд 59, опись 1, дело 165, лист 27.

[2] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 279, л. 449-455.

[3] Там же, д. 281, л. 196.

[4] Там же, д. 286, л. 338.

[5] Одесский государственный историко-краеведческий музей (ОГИКМ), инвентарный номер К-600.

[6] Там же, № К-602.

[7] Там же, № К-605.

[8] Архив князя Воронцова, книга XXXVII. – М., 1891, с. 195, 196, 201, 205.

[9] Одесская старина. – Одесса, 1869, с. 55-56.

[10] ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 1800, 199 л.

[11] Там же, д. 1800, л. 28.

[12] Там же, л. 32.

[13] Новороссийский календарь (НК) на 1837 год. – Одесса, 1836, с. 165. НК на 1838 (1837), с. 147.

[14] Там же.

[15] Олег Губарь. 100 вопросов «за Одессу». – Одесса: «Киноцентр», 1994, с. 71.

[16] НК на 1838 (1837), с. 148.

[17] ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 2237. – 7 л.

[18] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 2609.

[19] НК на 1842 (1841), с. 283.

[20] Список домам и прочим строениям, состоящим в 1-й части города Одессы, оцененным для платежа полупроцентного сбора с 1848 года, подлежащим и не подлежащим оценке. – Б. м., б. г.

[21] Там же.

[22] НК на 1848 (1847), с. 334.

[23] НК на 1849 (1848), с. 335.

[24] Одесский вестник (ОВ), 1848, № 85, 23 октября.

[25] См., например: В. Тимофіснко. Зодчі України кінця XVIII – початку XX ст. Біографічний довідник. – Київ: НДІТІАМ, 1999, с. 190 (187).

[26] /С.Н. Кондаков/. Список русских художников. К юбилейному справочнику Императорской Академии художеств. – /СПб, 1914/, с. 342.

[27] НК на 1849 (1848), с. 335. НК на 1850 (1849), с. 323.

[28] НК на 1853 (1852), с. 376. НК на 1854 (1853), с. 363. НК на 1855 (1854), с. 356, 365. НК на 1856 (1855), с. 366, 375. НК на 1857 (1856), с. 380, 389. НК на 1858 (1857), с. 402, 411.

[29] ГАОО, ф. 59, оп. 2, д. 1643, 32 л.

[30] Там же, д. 1666, 10 л.

[31] ОГИКМ, инвентарный № К-311.

[32] № 580-91/452 по реестру объектов культурного наследия.

[33] В. Тимофіснко, там же.

[34] К. Висковский. Путеводитель по городу Одессе. – Одесса, 1875, с. 55.

[35] ГАОО, ф. 16, оп. 49, д. 88, 3 л.

[36] ОГИКМ, инвентарный № К-621.

[37] НК на 1859 (1858), с. 407, 416. НК на 1860 (1859), с. 420, 431. НК на 1861 (1860), с. 392, 396.

[38] Труды Одесского статистического комитета. Вып. 1. – Одесса, 1865, с. 97.

[39] ГАОО, ф. 59, оп. 2, д. 1643. – 3 л.

[40] ОВ, 1869, № 228, 16 октября.

[41] Отчет о деятельности Одесского общества изящных искусств за 1880 год. – Одесса, 1881, с. 24. Отчет о деятельности Одесского общества изящных искусств за 1881 год. – Одесса, 1882, с. 28.

[42] Отчеты Одесского общества изящных искусств 1860-1870-х годов.

[43] НК на 1871 (1870), с. 102. НК на 1872 (1871), с. 107.

[44] НК на 1872 (1871), с. 6, 114, 118. НК на 1873 (1872), с. 9.

[45] Путеводитель по городу Одессе. – Одесса, 1867, с. 97. Адрес-календарь Одесского градоначальства (АКОГ) на 1877 и др. Памятная книжка Одесского градоначальства (ПКОГ) на 1878, с. 141. ПКОГ на 1880, с. 262.

[46] Отчет о деятельности Одесского общества изящных искусств за 1879 год. – Одесса, 1880, с. 26.

[47] Отчет о деятельности Одесского общества изящных искусств за 1880 год. – Одесса, 1881.

[48] АКОГ на 1884-1887. Отчеты о деятельности Одесского общества изящных искусств за 1880-е годы.

[49] К. Висковский. Путеводитель по городу Одессе. – Одесса, 1884, с. 43, 53, 72.

[50] «Адресная и справочная книга г. Одессы» в изданиях Л.М. Лукашевского и «Вся Одесса» в изданиях В.К. Фельдберга 1890-1900 гг.

[51] Вся Одесса (ВО) на 1911 год, ч. 4, ст. 90, 194. ВО на 1914, ч. 3, с. 377; ч. 4, ст. 100, 218.

[52] К. Висковский. Путеводитель по городу Одессе. – Одесса, 1884, с. XLII.

[53] В. Коханский. Одесса за 100 лет. – Одесса, 1894, ч. 2, с. 89.

[54] Л.М. Лукашевский. Адресная и справочная книга г. Одессы на 1896 год, с. 101, 105. Тот же справочник на 1897, с. 143, 151. В.К. Фельдберг. Вся Одесса на 1900 год, с. 148.

[55] ОВ, 1874, № 53, 6 марта. ОВ, 1875, № 185, 22 августа.

[56] ОВ, 1875, № 272, 13 декабря.

[57] Офицерские флигеля обозначены на упоминавшихся выше планах, а равно и на других – 1811, 1814 гг.

[58] Первые кладбища Одессы. – Одесса, 2012.

[59] ГАОО, ф. 16, оп. 55, д. 352. – 32 л. (утрачено).

Фотографии Натальи Евстратовой

Сергей Решетов

Потомки и родственники М.И. Голенищева-Кутузова и Наполеона Бонапарта в Одессе

200-я годовщина Отечественной войны 1812 года. Мы не могли обойти вниманием эту дату. Мало кому известно, что Одесса с самых первых лет своего существования фактически была прифронтовым городом, скажем, в турецкую кампанию 1806-1812 гг., когда здесь функционировал военный госпиталь и многочисленный армейские структуры. С нашим городом связаны судьбы сотен героев войны с Бонапартом: от Воронцова, Ланжерона, Инзова, Сабанеева, Орлова, Раевских, Пущина, Давыдовых до Жевахова, Савоини, Ферстера, Рошешуара, Венансона, Зонтага, Третеского, Вицмана и многих, многих других менее известных персонажей региональной истории. Предлагаем вниманию читателей серию генеалогических разысканий о некоторых важнейших фигурах грандиозного ретроспективного батального полотна.

Часть 1

М.И. Голенищев-Кутузов и его потомки

В этом году исполняется 200 лет Отечественной войне 1812 года, как называют военные действия в 1812 г. между Россией и вторгшейся на ее территорию армией императора Наполеона I Бонапарта. Война закончилась почти полным уничтожением наполеоновской армии и переносом военных действий на территорию Польши и Германии в 1813 г. В этой войне принимали участие многие одесские жители. При этом малоизвестен тот факт, что в Одессе в разное время проживали либо связаны

Герб Голенищевых-Кутузовых

с этим городом родственными узами прямые потомки и родственники главных полководцев войны 1812 г. – светлейшего князя Михаила Илларионовича Кутузова-Смоленского и императора Франции Наполеона I Бонапарта!

Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов (1745-1813) – прославленный русский полководец, генерал-фельдмаршал (с 1812), светлейший князь Голенищев-Кутузов-Смоленский (с 1812 г.), герой Отечественной войны 1812 г. и первый полный кавалер ордена Святого Георгия. Во время русско-турецкой войны, в 1789 г., участвовал в штурме турецкой крепости Хаджибей, расположенной на месте нынешней Одессы. В 1792 г. М.И. Голенищев-Кутузов был пожалован поместьем в Очаковской земле, завоеванной у турок. В «Ведомости четырех уездов, составляющих новоприобретенную область от Порты Оттоманской и присоединенную к Екатеринославскому наместничеству 1792 года» находим сведения: № дачам по планам: 30; звание дач и чьи именно: Генерал-поручика и кав.[алера] Михайла Голенищева-Кутузова; число душ мужских: 41, женских: 40; число десятин земли удобной: 9000, неудобной: 260[1]. Присутствует он и в списке землевладельцев Ольвиопольского уезда Херсонской губернии на 1803 год: «пустошь деревни Катериновки генерал порутчика и кавалера Михаила Ларионова сына Голенищева Кутузова», число десятин земли удобной – 3000, неудобной – 230[2]. Данная местность находилась на реке Тилигуле, впоследствии вблизи находилось село Богорождественское (Сиротинка) Ананьевского уезда, ныне село Сиротинка Николаевского района Одесской области[3].

В метрических книгах фонда Херсонской духовной консистории Государственного архива Одесской области содержатся записи, в которых фигурируют дети и потомки М.И. Голенищева-Куту-

зова. Так, в метрических книгах Елизаветградской Владимирской греческой церкви* найдены записи:

– о крещении Дарьи Михайловны Голенищевой-Кутузовой**: запись № 1 от 1 января 1789 г.: крестил благочинный иерей Григорий Сарафинович млдцу [младеницу] Дарию от родителей благочестивых генерала Михайла Илларионовича Кутузова [так!] и жены его Екатерины, воспринимала Параскева, дочь его генерала Михайла Илларионовича Кутузова[4];

– о крещении Николая Михайловича Голенищева-Кутузова: запись № 21 от 31 мая 1790 г.: крестил благочинный иерей Григорий Сарафинович младенца Николая от родителей благочестивых г-на генерал-майора Михайла Илларионовича Кутузова и жены его Екатерины, воспринимал капитан Василий Алексеевич Шишков[5];

– о погребении Николая Михайловича Голенищева-Кутузова: запись № 31 от 20 октября 1790 г.: погребал благочинный иерей Григорий Сарафинович младенца Николая, сына г-на генерал-майора Михайла Илларионовича Кутузова, лет ему 1[6].

Потомки Прасковьи Михайловны Голенищевой-Кутузовой

Старшая дочь М.И. Голенищева-Кутузова – Прасковья Михайловна (11 января 1771 – 2 января 1844), была замужем за тайным советником, сенатором и камергером Матвеем Федоровичем Толстым (1772 – ноябрь 1815). Среди большого числа их потомков (у них было 9 детей) некоторые имели отношение к Одессе. В родословной графов Игнатьевых[7] указано, что в Одессе 31 марта 1911 г. родился их праправнук – граф Леонид Леонидович Игна-

* Елисаветград, ныне Кировоград, город в центре Украины, административный центр Кировоградской области. Назван по имени крепости, которая была заложена в 1754 и упразднена в 1784 г.

** Даты рождения в метрических книгах этого периода не указывались. Д.М. Голенищева-Кутузова (22 декабря 1788 – 5 апреля 1854) была супругой Федора Петровича Опочинина (1779-1852), директора Департамента разных податей и сборов, шталмейстера высочайшего двора (1831), действительного тайного советника (1838), обергофмейстера (1838).

тьев, сын графа Леонида Николаевича (1864-1943) и Елены Ивановны Матвеевой (1884-1920). При этом запись о крещении графа Л.Л. Игнатьева в метрических книгах Государственного архива Одесской области на 1910-1912 гг. не обнаружена[8]. Однако его отец, граф Леонид Николаевич, с 12 мая 1910 по 25 марта 1913 г. в чине полковника командовал 8-м Донским казачьим генерала Иловайского 12-го полком, который дислоцировался в Одессе. В одесском справочнике на 1912 г. он указан проживающим на Маразлиевской, 40а, на 1913 г. – на Маразлиевской, 8[9]. Граф Л.Л. Игнатьев работал в крупной американской авиакомпании Trans World Airlines (TWA) и был бальи суверенного Мальтийского ордена. Нисходящая линия родства П.М. Голенищевой-Кутузовой и графа Л.Л. Игнатьева выглядит следующим образом: Прасковья Михайловна Голенищева-Кутузова, в замужестве Толстая, → Анна Матвеевна Толстая (1809-1897), в замужестве княгиня Голицына, → княжна Екатерина Леонидовна Голицына (1842-1917), в замужестве графиня Игнатьева, → граф Леонид Николаевич Игнатьев (1864-1943) → граф Леонид Леонидович Игнатьев (род. 1911).

Священник Русской православной церкви за рубежом протоиерей Стефан Владимирович Павленко является сыном Владимира Степановича Павленко (род. 1898 или 1899 г. в Одессе) и Марии Дмитриевны Шатиловой (род. 1916). Последняя является прямым потомком П.М. Голенищевой-Кутузовой. Их линия родства: Прасковья Михайловна Голенищева-Кутузова → Теофил (Феофил) Матвеевич Толстой (1810-1881) → Александр Теофилович Толстой (1839-1910) → Мария Александровна Толстая (1889-1975), в замужестве Шатилова, → Мария Дмитриевна Шатилова.

Потомки Елизаветы Михайловны Голенищевой-Кутузовой

Елизавета Михайловна Голенищева-Кутузова (19 сентября 1783 – 2 мая 1839, Санкт-Петербург) в первом браке (1802 г.) была замужем за графом Федором (Фердинандом) Ивановичем Тизенгаузеном (15 августа 1782 – 4 декабря 1805), во втором (1811 г.) – за генерал-майором Николаем Федоровичем Хитро-

во (ум. 1819). От первого брака она имела двух дочерей – Екатерину и Дарью, в замужестве графиню Фикельмон. Графиня Екатерина Федоровна фон Тизенгаузен (7 мая 1803 – 26 апреля 1888, Санкт-Петербург) скончалась незамужней. 6 декабря 1873 г. камер-фрейлина двора ее величества графиня Екатерина Федоровна Тизенгаузен присутствовали в кафедральном соборе г. Одессы как крестная своей правнучатой племянницы и тезки баронессы Екатерины Федоровны Пилар фон Пильхау, потомка Екатерины Михайловны Голенищевой-Кутузовой (подробнее о последней будет рассказано ниже). Считается, что от внебрачной связи Е.Ф. Тизенгаузен с принцем Вильгельмом Прусским родился Феликс Николаевич Эльстон, получивший в 1856 г. фамилию и графский титул своего тестя графа С.П. Сумарокова. По другой версии, родителями Ф.Н. Эльстона были барон Хюгель и графиня Форгач[10]. Достоверно можно утверждать, что Феликс Николаевич был усыновлен Елизаветой Михайловной Хитрово, матерью Е.Ф. Тизенгаузен. Таким образом, документальных доказательств, что графы Сумароковы-Эльстоны прямые потомки М.И. Голенищева-Кутузова, нет.

Елизавета Михайловна Хитрово, урожденная Кутузова (1783–1839), дочь М.И. Голенищева-Кутузова, в первом браке за графом Ф.И. Тизенгаузеном, во втором – за Н.Ф.Хитрово, русским поверенным в делах во Флоренции

Граф Феликс Николаевич Сумароков-Эльстон (24 января 1820 – 30 октября 1877) сделал блестящую военную карьеру, будучи генерал-лейтенантом и генерал-адъютантом. Одно из его имений располагалось сравнительно недалеко от Одессы. В Государственном архиве Одесской области хранится дело «О залоге имения землевладельца Аккерманского уезда [Бессарабской губернии], генерал-адъютанта графа Феликса Николаева

Портрет Екатерины Федоровны Тизенгаузен – Григорьев Иван Григорьевич (1750-1801)

Сумарокова-Эльстон при урочище Чаге (23.11.1871)»[11].

Связаны с Одессой и супруги сыновей графа Феликса Николаевича. Так, первой супругой графа Павла Феликсовича Сумарокова-Эльстона (6 июля 1853 – 17 января 1938, Ницца) стала в 1879 г. Александра Александровна Демидова, урожденная Абаза (1 октября 1853, Санкт-Петербург – 4 ноября 1894, Кореиз). Она была дочерью майора Александра Михайловича Абазы (1826-1889) и его супруги Елены Алексеевны Золотаревой. Их родители, то есть дедушки и бабушки Александры Демидовой, были одесскими жителями и богатыми домовладельцами. Абазам и Золотаревым принадлежала недвижимость в Одессе – дома на Приморском бульваре и известный «дворец Абаза» на улице Итальянской, ныне Музей западного и восточного искусства). Однако вследствие больших долгов, сделанных А.М. Абазой, недвижимость была продана. Сама же Александра Александровна Абаза была известной авантюристкой. В 1875 г. она вступила в связь с сосланным за кражу и находящимся под постоянным надзором великим князем Николаем Константиновичем (1850-1918). Несмотря на принятые меры, она постоянно проникала в дома, где он содержался, после запрещения видеться с ним скрывалась в Одессе. В результате она родила от великого князя двух внебрачных детей. Разведясь с первым супругом Александром Павловичем Демидовым (1845-1893), который был сыном попечителя Одесского учебного округа (причем по ее требованию император Александр II сослал мужа в 1874 г. Туркестанский край), она вышла замуж за графа П.Ф. Сумарокова-Эльстон. В 1888 г. ее дети от великого князя получили дворянство и фамилию Волынские с отчеством Павловы, так как их воспитание взял

на себя ее второй супруг граф Павел Феликсович[12]. От брака П.Ф. Сумарокова-Эльстона и А.А. Демидовой, урожд. Абаза, родились дочери Екатерина (1881-1969) и Зинаида (1886-1954). Указом от 29 мая 1886 г. граф Павел Феликсович Сумароков-Эльстон с женою Александрой Александровной и дочерью Зинаидою были внесены в 5-ю часть Дворянской родословной книги Подольской губернии, а указом от 27 августа 1886 г. туда же была внесена и его дочь Екатерина[13]. В Балтском уезде Подольской губернии Павлу Феликосовичу принадлежало село Шершинцы (ныне одноименное село Кодымского района Одесской области). В.К. Гульдман в справочнике «Поместное землевладение в Подольской губернии» сообщает: «Влад.[елец] жит.[ельствует] в г. С.-Петербург, Сергеевская ул., д. № 36. Всей земли в имении 2247 д[есятин], 1034 с[аженей], в том числе: усадебн. – 23 д. 1801 с., пахотн. – 1316 д. 1194 с., леса – 870 д. 704 с. и неудобн. – 36 д. 2135 с. Имение находится в управлении…»[14]. В Иллюстрированном путеводителе по Юго-Западной железной дороге указывается: «За Попелюхами на 385 версте от Киева находится станция Кодыма, принадлежащая к числу менее значительных станций Юго-Западных железных дорог. В 1½ верстах лежит незначительное местечко Кодыма… В 12 верстах от станции Кодыма по берегам реки Белочи раскинулось имение Шершинцы, принадлежащее графу Сумароковy-Эльстон; оно приобретено у князей Гика и заключает в себе 3.100 десятин»[15]. Сумароков-Эльстон оставался его владельцем и в 1914 г. – 2260 дес. при с. Шершинцы Писаревской волости числились за Пав. Фед. (так в оригинале) Сумароковым-Эльстоном.

Портрет сестер Дарьи (Долли) Федоровны Фикельмон (1804-63) и Екатерины Федоровны Тизенгаузен (1803-88) Неаполь, 1825

6 августа 1909 г. в Одессе в возрасте 28 лет «от воспаления легких и болезни сердечных мышц» скончалась «жена графа» Татьяна Федоровна Сумарокова-Эльстон (таким образом, она родилась около 1881 г.), которая 7 августа была отпета в Николаевской церкви в Ботаническом саду г. Одессы. Тело для предания земле отправлено на станцию Кодыма Юго-Западной железной дороги в село Шершенцы Подольской губернии, согласно открытому листу одесского градоначальника от 7 августа 1909 г. за № 2615[16]. Ее место в родословной рода графов Сумароковых-Эльстон пока не известно. Однако тот факт, что она была захоронена в селе Шершенцы, указывает на то, что она находилась в самом близком родстве с графом Павлом Феликсовичем.

Граф Николай Феликсович Сумароков-Эльстон (29 мая / 10 июня 1861 – 22 июня / 5 июля 1908, Дрезден) был женат с 1891 г. на графине Софии Михайловне Коскуль. Она родилась 29 октября и была крещена 25 ноября 1856 г. в кафедральном Преображенском соборе Одессы. Ее родителями были коллежский секретарь граф Михаил Францович Коскуль (1825-1869) и Варвара Петровна, урожденная княжна Щербатова (ок. 1833)*, а восприемниками – одесский военный губернатор граф Федор Давыдович Алопеус и баронесса Ольга Павлова Местмахер[17]. Скончалась Софья Михайловна 4/17 марта 1916 г. в Петрограде. В 1909 г. его жена, указанная как вдова поручика, и дочь Елизавета Николаевна, графини Сумароковы-Эльстон, проживали в Петербурге на Сергиевской ул. в доме № 8[18].

Потомки Екатерины Михайловны Голенищевой-Кутузовой

Младшая дочь М.И. Голенищева-Кутузова – Екатерина Михайловна (26 июля 1787 – 31 декабря 1826), от первого брака с князем Николаем Даниловичем Кудашевым (1784 – 6 октября 1813,

* Княжна Варвара Петровна Щербатова, дочь князя Петра Александровича Щербатова В первом браке (23 апреля 1851 г., Преображенский собор Одессы) за полковником Александром Григорьевичем Ломоносовым (род. ок. 1809), во втором – за графом Коскулем, в третьем браке за бароном фон Люсом.

погиб в бою под Лейпцигом) имела дочь княжну Екатерину Николаевну Кудашеву (16 августа 1811 – 14 сентября 1872). Вторым супругом Екатерины Михайловны стал генерал-майор Илья Степанович Сарачинской (26 октября 1786 – 5 января 1845).

Первым супругом княжны Екатерины Николаевны Кудашевой, венчание которой состоялось не позднее 1830 г., стал старший ее на двадцать лет офицер барон Карл-Магнус (Карл Федорович) Пилар фон Пильхау (22 мая 1791 – 27 июля 1861, Женева), старший сын барона Вильгельма-Фридриха (1761-1819) и Магдалины-Вильгельмины Сталь фон Гольштейн (1771-1849). Он происходил из баронского рода Эстляндской губернии, в военную службу вступил 12 декабря 1810 г. в конную гвардию. Принимал участие в Отечественной войне 1812 г., походах в Пруссию и Францию. В 1819 г. произведен в ротмистры, а 7 июня 1822 г. получил чин полковника. 24 мая 1824 г. был назначен командиром Новгородского кирасирского полка. 6 декабря 1830 г. произведен в генерал-майоры и вскоре назначен командиром 1-й бригады 2-й кирасирской дивизии. В 1831 г. сражался в Польше с повстанцами, с 1842 г. командовал 1-й уланской дивизией. 11 апреля 1843 г. произведен в генерал-лейтенанты. В начале 1850-х гг. его назначили заведующим резервными и запасными эскадронами 1-го резервного кавалерийского корпуса. С 1857 г. числился в запасных войсках. Был награжден многими орденами и знаками отличия[19].

С 1830-х годов семья Пилар фон Пильхау связана с Новороссией. В 1828-1832 гг. старший брат Карла Федоровича – полковник барон Густав Федорович (1793-1862), указанный в справочниках того периода как Пиллер 1-й, командовал Стародубовским кирасирским полком, входящим в состав 3-й кирасирской дивизии 3-го резервного кавалерийского корпуса[20]. 10 апреля 1832 года он был произведен в генерал-майоры и назначен начальником 1-4 кавалерийских округов Украинских военных поселений (впоследствии генерал-лейтенант, директор Департамента военных поселений). Имя Карла Федоровича можно встретить в «Новороссийских календарях», издававшихся в Одессе. Например, в издании на 1840 г. генерал-майор Карл Федорович Пиллар фон Пильхау указан командиром 1-й бригады 2-й кирасирской

дивизии, входящей в состав 2-го резервного кавалерийского корпуса, в которую входили Орденский и Стародубовский кирасирские полки, дислоцировавшиеся в Новороссии, а его брат Густав Федорович был в это же время начальником 1, 2, 3 и 4 кавалерийских округов Украинского военного поселения[21]. В этом же издании 1848 г. генерал-лейтенант Карл Федорович Пилар фон Пильхау 1-й указан начальником 1-й уланской дивизии (г. Чугуев), а Густав Федорович – начальником 1-й Кирасирской дивизии[22].

Центром Новороссии была Одесса. В Государственном архиве Одесской области числится утраченное дело, датированное 1852 г., «Об отводе земли, прилегающей к хутору генерал-лейтенанта фон Пильхау чиновнику Шашину»[23]. Этот хутор располагался в приморской части города. На «Плане города Одессы 1864 г.» с дополнениями, внесенными в 1867 г., весь участок, ограниченный впоследствии Обсерваторным и Стурдзовским переулками (на этой карте их еще нет, но именно эти два переулка естественно ограничивали впоследствии небольшие участки разных владельцев), принадлежал, согласно надписи, «Пилер фон Пильхау»[24]. На плане г. Одессы К. Висковского (1888 г.) этот же большой участок разбит примерно на три десятка мелких, и два вышеуказанных переулка уже четко обозначены.

Вторым супругом Екатерины Николаевны стал барон Наполеон-Герман Германович фон Гойнинген-Гюне (Hoyningen genannt Huene) (28 ноября 1810 [по др. данным, 1811], Дорпат (Дерпт) – 22 марта 1869, Одесса), сын барона Германа-Кристофа (1771-1845) и Генриетты-Иоганны фон Баумгартен (1779-1852). Таким образом, внучка М.И. Голенищева-Кутузова вышла замуж за российского генерал-майора по имени Наполеон! По данным Э. Амбургера, на 1854 г. он был командиром кирасирского принца Альберта Прусского полка (этот полк входил во 2-ю бригаду 2-й кирасирской дивизии и дислоцировался в Новороссии), а на 1856 г. – командиром Воронежского уланского полка. Среди крупных помещиков Александрийского уезда Херсонской губернии в 1860 г. упоминается Герман фон Гине, владелец села Серебренное. Определениями Правительствующего Сената от 4 ноября 1864 г., 5 мая и 29 сентября 1865 г., и 20 апреля 1866 г. утверждены в баронском достоинстве бароны: 1) коллежский советник

Бернгард (Борис) Федорович; 2) Дагоберт и Бруно Эдуардовичи; 3) ротмистр Карл-Рихард-Эдмунд Карлович и 4) генерал-майор Наполеон-Герман Германович фон-Гойнинген-Гюне. В 1868 г. генерал-майор барон Герман Германович фон Гойнинген-Гюне являлся одним из трех директоров Земского банка Херсонской губернии, располагавшегося в Одессе[25]. И.В. Дивный сообщает, что скончался барон Наполеон-Герман фон Гойнинген-Гюне в Одессе, и вероятно, здесь же был и похоронен[26], называя его генералом от кавалерии в отставке (при этом по всем печатным источникам он указан генерал-майором, причем вероятнее всего, получил этот чин при отставке).

Некоторый период жизни Екатерины Николаевны, внучки М.И. Голенищева-Кутузова, прошел в Одессе. В конце 1860-х годов она являлась действительным членом Одесского женского благотворительного общества (в справочнике указана как фон Гюне)[27]. Также ей принадлежал участок в приморской части города.

Была она и местной помещицей (как и оба ее супруга). В «Алфавитном списке владельческим и другого ведомства селениям, состоящим в Александрийском уезде, составленным из сведений, доставленных земским судом в 1856-м году» упоминаются имения: Белецковка, Смитановка, Свинарка помещика Пиллер и Боковая (Кудашовка) генерал-лейтенанта Пиллер[28]. Перед крестьянской реформой, по состоянию на 1860 г., Екатерине Пилар фон Пильхау принадлежали крупные имения с крепостными крестьянами в Александрийском уезде Херсонской губернии: при с. Белецковка и д. Свинарке, д. Сметановке, Кудашевке[29]. В фонде Земского банка Херсонской губернии числится утраченное дело «О залоге имения землевладелицы Александрийского уезда [Херсонской губернии], жены генерал-майора баронессы Екатерины Николаевны Гине при д. Кулешевке (она же Боковая) (10.06.1865-24.10.1902)»[30]. Необходимо отметить, что землевладельцем данного региона был еще дед Екатерины Николаевны по матери князь Даниил Иванович Кудашев (1760-1845), потомки которого по линии его второго сына князя Сергея Даниловича (1795-1862) также были связаны с Одессой. Так, в 1778 г. была заложена, а 3 августа 1781 г. освящена устроенная князем Даниилом Ивановичем деревянная церковь во именование Святителя Николая

в помещичьем селе Белецковке[31]. До 1803 г. он являлся, как и его будущий сват М.И. Голеницев-Кутузов, землевладельцем Ольвиопольского уезда: «деревня Бобрик надворного советника князя Даниила Иванова сына Кудашева, ныне по купле владеет Тимофей Акацатов…»[32].

16 мая 1870 г. вдова генерал-майора баронесса Екатерина Николаева Гойнинген-Гюне была одной из восприемниц при крещении в Покровской церкви Одессы Алексея, сына статского советника Александра Алексеева Кожухова и его супруги Марии Николаевны[33]. В Одессе внучка прославленного полководца и скончалась. Запись о ее отпевании в кафедральном Преображенском соборе г. Одессы гласит: вдова генерал-майора баронесса Екатерина Николаевна фон дер Гойнинген-Гюне, урожденная княжна Кудашева, скончалась 14 сентября 1872 г. в возрасте 61 года, отпета 17 сентября в кафедральном соборе и погребена на городском кладбище[34].

От первого брака с бароном Пилар фон Пильхау Екатерина Николаевна имела шестерых детей, трое из которых впоследствии путем брака оказались связаны с семьями, имевшими отношение к Одессе: Мария Карловна была замужем за Леонидом Николаевичем Хорватом, Елизавета Карловна – за внуком новороссийского генерал-губернатора светлейшего князя М.С. Воронцова Павлом Андреевичем, светлейшим князем Воронцовым графом Шуваловым, а Федор Карлович женился на дочери новороссийского генерал-губернатора графа П.Е. Коцебу.

Баронесса Мария Карловна Пилар фон Пильхау (ок. 1839 – ок. 1922) была супругой Леонида Николаевича Хорвата. Его семья проживала в Одессе. Отец, Николай Антонович Хорват, гвардии штабс-ротмистр, в 1830-е годы служил чиновником особых поручений при новороссийском и бессарабском генерал-губернаторе М.С. Воронцове, камер-юнкер двора его величества. Был одесским домовладельцем (в частности, у него графы Толстые купили дом, в котором ныне размещается одесский Дом ученых). От брака с Любовью Александровной Пищевич (Писчевичевой), членом Одесского женского благотворительного общества, у него были дети – Михаил (род. 1833), Леонид (ок. 1834), Федор (ок. 1835 – 1860), Владимир (ок. 1841 – 1903). В 1866 г. по-

ручик Леонид Николаевич Хорват был гласным Херсонского губернского земского собрания. В фонде Земского банка Херсонской губернии значатся утраченные дела: «О залоге имения землевладельца Елисаветградского уезда, поручика Леонида Николаевича Хорвата при д. Антоновке (22.12.1864)», «То же землевладельца Александрийского уезда, поручика Михаила Николаева Хорвата при м. Ревовке (12.04.1865-01.05.1873)», «То же землевладельца Хорвата Леонида (1865)»[35]. Среди землевладельцев Александрийского уезда на 1896 г. значатся дети поручика Леонида Хорвата – Дмитрий, Владимир, Любовь, Екатерина, Ольга и вдова поручика Мария Карловна Хорват, которым принадлежало 650 и 298 десятин соответственно (детям и вдове) при деревне Ревовке[36]. Александр Леонидович фон Ден вспоминал (перевод с английского): «Мой прадед Леонид Хорват, который женился на моей прабабушке Марии Пилар фон Пильхау, вел легкомысленный образ жизни и растратил свое состояние, в результате чего семья была разрушена, и когда он умер в Лондоне, Англии, его вдова осталась без денег с пятью детьми, которым помогали остальные члены семьи»[37].

Более всего известен сын Леонида Николаевича и Марии Карловны – Дмитрий Леонидович Хорват (1858-1937), генерал-лейтенант (1911), в разные годы руководивший различными участками железных дорог Российской империи, один из лидеров Белого движения на Дальнем Востоке, верховный правитель России (1918). Его дочь Мария Дмитриевна Хорват (род. 1901, СПб.) в 1921 г. вышла замуж за своего родственника – барона Лотаря-Теодора-Артура фон Гойнинген-Гюне (род. 1899), сына барона Харальда-Николая и баронессы Екатерины Федоровны Пилар фон Пильхау (1873-1953), о которых будет сказано ниже.

Баронесса Елизавета Карловна Пилар фон Пильхау (29 мая 1841 [или 1852 г.] – 1939) была трижды замужем. Ее первым мужем был Павел Валерианович Столыпин (1843-1899), от этого брака родилась дочь Мария (1872-1953), вторым с января 1885 г. – Павел Андреевич (1846-1885), светлейший князь Воронцов граф Шувалов, а третьим – итальянский граф Джулио ди Ручеллаи (род. 1852). П.В. Столыпин был владельцем хутора в Одессе, а его родители тесно связаны с Одессой (подробно об их семье расска-

зано в газете «Всемирные одесские новости»)*. Граф Павел Андреевич Шувалов (7 ноября 1846 – 4 апреля 1885, Париж) был сыном графа Андрея Павловича Шувалова (1817-1876) и светлейшей княжны Софьи Михайловны Воронцовой (1825-1879). После смерти своего бездетного дяди светлейшего князя С.М. Воронцова (6/18 мая 1882 г.)**, бывшего городского головы Одессы и сына новороссийского и бессарабского генерал-губернатора, он 7 июля 1882 г. получил титул светлейшего князя Воронцова графа Шувалова: «высочайше дозволено было графу Павлу Андреевичу Шувалову принять герб, титул и фамилию деда его по матери, Михаила Семеновича Воронцова, и именоваться светлейшим князем Воронцовым графом Шуваловым» (после его смерти из-за бездетности этот титул перешел к младшему брату Михаилу, также не имевшему детей).

Барон Федор Карлович Пилар фон Пильхау (с 1878 г. – граф Коцебу Пилар фон Пильхау) (5 июля 1848 – 7 августа 1911, Мекс, Эстляндия). В службе находился с 1866 г., был офицером гвардии, генерал-майор (20 декабря 1898 г.), генерал-лейтенант (17 апреля 1905 г.). Был адъютантом командующего Одесским военным округом (13 июля 1872 – 18 апреля 1874 гг.), затем – адъютантом командующего Варшавским военным округом (18 апреля 1874 – 18 августа 1883). При этом в указанный период, до 1880 г., командующим этими округами был его тесть П.Е. Коцебу. До 1898 г. Федор Карлович занимал ряд важных военных должностей на Кавказе и в казачьих войсках[38]. Старший помощник начальника Терской области и наказной атаман Терского казачьего войска (с 20 декабря 1898 г.)[39], градоначальник Ростова-на-Дону (с 1 апреля 1904 г.)[40], с 1905 г. – причисленный к МВД генерал-лейтенант[41], с 9 августа 1910 г. в отставке[42].

29 июня 1871 г. Федор Карлович женился на Александре Павловне (Александре-Матильде, 20 мая 1849 – 19 июля 1943, Таллин), дочери новороссийского и бессарабского генерал-гу-

* Решетов С. Столыпины в Одессе // Всемирные Одесские новости. – № 1 (80), январь 2012, с. 4.

** Светлейший князь С.М. Воронцов был женат на М.В. Столыпиной, урожд. княжне Трубецкой. Ее первым мужем был А.Г. Столыпин, дядя П.В. Столыпина, первого мужа Е.К. Пилар фон Пильхау.

бернатора Павла Евстафьевича Коцебу*** и его супруги графини Елизаветы-Вильгельмины Цеге фон Мантейфель, проживавших в Одессе, где находилась резиденция Коцебу. 29 июня 1874 г. П.Е. Коцебу был возведен в графское достоинство, а 12 января 1878 г. именным высочайшим указом его дочери Александре Павловне вместе с мужем было дозволено присоединить к своей фамилии фамилию и титул графа Коцебу и именоваться впредь графом и графиней Коцебу-Пилар фон Пильхау[43].

30 сентября 1873 г. родилась их дочь Екатерина, которая 6 декабря была крещена в кафедральном Преображенском соборе г. Одессы. Родителями в метрической книге указаны штабс-ротмистр барон Федор Карлович Пилар фон Пильхау, православного исповедания, и лютеранка Александра Павловна. Восприемниками при крещении выступили генерал-майор Михаил Ильич Сарачинский и камер-фрейлина двора ее величества графиня Екатерина Федоровна Тизенгаузен[44]. Необходимо отметить, что восприемники были близкие родственники по линии М.И. Голенищева-Кутузова. Михаил Ильич Сарачинский служил офицером с 1837 г., был командиром Одесского пехотного полка. 16 апреля 1867 г произведен в генерал-майоры и назначен состоящим для особых поручений при командующем Одесским военным округом П.Е. Коцебу. На 1872 г. состоял в той же должности, числился в 48-м пехотном Одесском полку[45]. Впоследствии – начальник 7-й пехотной дивизии (1874-1877), к 1885 г. был в запасе. Его отец Илья Степанович Сарачинский (1786-1845), был женат на Екатерине Михайловне Голенищевой-Кутузовой (1787-1826). Ее дочерью от первого брака с князем Николаем Даниловичем Кудашевым (1784-1813) была княжна Екатерина Николаевна Кудашева (1811-1871), мать отца младенца – Федора Карловича Пилар фон Пильхау. Графиня Екатерина Федоровна Тизенгаузен (1803-1888) была дочерью графа Тизенгаузена и Елизаветы Михайловны Голенищевой-Кутузовой (1783-1839). Таким образом,

*** Павел Евстафьевич (Пауль-Деметриус) фон Коцебу (1801, Берлин – 1884, Ревель). Генерал-лейтенант (1847). Новороссийский и бессарабский генерал-губернатор и командующий войсками Одесского военного округа (1862-1874), член Государственного совета (1863), варшавский генерал-губернатор и командующий войсками Варшавского военного округа (1874-1880). Участник многих войн и обороны Севастополя.

младенец Екатерина приходилась своей крестной Е.Ф. Тизенгаузен правнучатой племянницей. Мужем Екатерины Федоровны Пилар фон Пильхау стал с 6 июля 1897 г. (бракосочетание состоялось в Гельсингфорсе) барон Харальд-Николай фон Гойнинген-Гюне (15 декабря 1868, Матцаль – 28 августа 1937, Тян-Цзин, Китай), сын барона Николаса-Вильгельма-Михаэля (1845-1914) и баронессы Берты фон Унгерн-Штернберг). Он принадлежал к тому же роду, что и второй муж ее бабушки Екатерины Николаевны. Скончалась Екатерина Федоровна 21 января 1953 г. в канадском городе Эдмонтон.

Примечания

[1] Записки Императорского Одесского общества истории и древностей. Т. 9. – Одесса, 1875, с. 320.

[2] О раздаче в Новороссийских губерниях разным лицам земель под разные произрастания, под население крестьян, под овцеводство, скотоводство и проч. Часть 1. // Государственный архив Одесской области (далее – ГАОО), ф. 1, оп. 220, д. 1, л. 480 об.

[3] Сообщено А.В. Пивоваром.

[4] Запись о крещении Д.М. [Голенищевой]-Кутузовой в метрической книге Елизаветградской Владимирской греческой церкви на 1789 г. // ГАОО, ф. 37 (Херсонская духовная консистория), оп. 3, д. 17, л. 31. Сообщено С.Е. Березиным.

[5] Запись о крещении Н.М. [Голенищева]-Кутузова в метрической книге Елизаветградской Владимирской греческой церкви на 1790 г. // ГАОО, ф. 37, оп. 3, д. 22, л. 33. Сообщено С.Е. Березиным.

[6] Запись об отпевании Н.М. [Голенищева]-Кутузова в метрической книге Елизаветградской Владимирской греческой церкви на 1790 г.// ГАОО, ф. 37, оп. 3, д. 22, л. 42 об. Сообщено С.Е. Березиным.

[7] Ignatiew // Genealogisches Handbuch der gräflichen Häuser. Gräfliche Häuser. B Band III (Band 35). Limburg a. d. Lahn, 1965. – S. 110. Сообщено Р.Г. Красюковым.

[8] Сообщено С.А. Желясковым.

[9] Вся Одесса на 1912 г., с. 129; То же на 1913 г., с. 159.

[10] Губастов К.А. Генеалогические сведения о русских дворянских родах, происшедших от внебрачных союзов / Публ. и коммент. Р.Г. Красюкова / – СПб., 2003, с. 174.

[11] ГАОО, ф. 249 (Земский банк Херсонской губернии), оп. 1, д. 396.

[12] Красюков Р.Г. Великий князь Николай Константинович (опыт биографии) // Историческая генеалогия. Вып. 5. – Екатеринбург – Париж, 1995, с. 74-75.

[13] Список дворян, внесенных в дворянскую родословную книгу Подольской губернии. Каменец-Подольск, 1897, с. 167.

[14] Гульдман В.К. Поместное землевладение в Подольской губернии. – Каменец-Подольский, 1898, с. 267-268.

[15] Андреев П. Иллюстрированный путеводитель по Юго-Западной железной дороге. – Киев, 1898, с. 186.

[16] Запись об отпевании графини Т.Ф. Сумароковой-Эльстон в метрической книге Николаевской церкви в Ботаническом саду г. Одессы на 1909 г. // ГАОО, ф. 37, оп. 13, д. 772, л. 215 об. – 216. Сообщено С.А. Желясковым.

[17] Запись о крещении графини С.М. Коскуль в метрической книге кафедрального Преображенского собора г. Одессы на 1856 г. // ГАОО, ф. 37, оп. 6, д. 20, л. 59 об.

[18] Весь Петербург на 1909 г. – СПб., 1909, с. 762.

[19] Волков С.В. Генералитет Российской империи. Энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II. Т. II. – М., 2009, с. 305.

[20] Список генералам, штаб и обер-офицерам всей Российской армии… СПб., 1831. – С. 632.

[21] Новороссийский календарь на 1840 год. – Одесса, 1839, с. 68, 65.

[22] Новороссийский календарь на 1849 год. – Одесса, 1848, с. 233, 232.

[23] ГАОО, ф. 2, оп. 3, д. 35 (1852 г.), утрачено.

[24] План города Одессы. Составл. землемер. Крыловым. 1864 г. (дополнен в 1867 г.). – Одесса, 1867.

[25] Новороссийский календарь на 1869 год. – Одесса, 1868, с. 29.

[26] Дивный И.В. Страницы военного некрополя старой Одессы: Биографический справочник. Кн. 2. – Киев, 2000, с. 29.

[27] Новороссийский календарь на 1869 г. – Одесса, 1868, с. 141.

[28] Пивовар А.В. Поселення Херсонської губернії за повітовими алфавітами 1856 року. Киев, 2009, с. 14, 17, 21.

[29] Извлечение из описаний помещичьих имений в 100 душ и свыше [Ананьевский уезд. Херсонская губерния] // Приложение к трудам редакционных комиссий для составления положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости: Сведения о помещичьих имениях. – Т. VI. – СПб., 1860, с. 6, 7, 12, 13.

[30] ГАОО, ф. 249, оп. 1, д. 26.

[31] Сообщено А.В. Пивоваром.

[32] ГАОО, ф. 1, оп. 220, д. 1, л. 496 об.

[33] Запись о крещении А.А. Кожухова в метрической книге Покровской церкви г. Одессы на 1871 г. // ГАОО, ф. 37, оп. 3-а, д. 19, л. 51 об. – 52.

[34] Запись об отпевании баронессы Е.Н. фон Гойнинген-Гюне в метрической книге кафедрального Преображенского собора г. Одессы на 1872 г. // ГАОО, ф. 37, оп. 6, д. 39, л. 207 об.

[35] ГАОО, ф. 249, оп. 1, д. 5, 92, 94.

[36] Алфавитный список землевладельцев Александрийского уезда на 1896 год, с. 56.

[37] Воспоминания А.Л. фон Дена http://familytreemaker.genealogy.com/users/v/o/n/Holger-Von-dehn/FILE/0001page.html

[38] Список генералам по старшинству. Составлен по 1-е мая 1903 г. СПб., 1903, с. 773.

[39] Список лиц, служащих по Министерству внутренних дел в губерниях, областях и градоначальствах 1902 года (исправлено на 1 марта). Ч. II. СПб., 1902, с. 877.

[40] Список лиц, служащих по Министерству внутренних дел… 1904 года. Ч. II, с. 833.

[41] Список лиц, служащих по Министерству внутренних дел… 1906 года. Ч. I, с. 241.

[42] Волков С.В. Генералитет Российской империи. Т. I. – М., 2009, с. 709.

[43] Любимов С.В. Титулованные роды Российской империи. – М., 2004, с. 110-111.

[44] Запись о крещении Е.Ф. Пилар фон Пильхау в метрической книге кафедрального Преображенского собора г. Одессы на 1873 г. // ГАОО, ф. 37, оп. 6, д. 44, л. 86 об.

[45] Список генералам по старшинству. Исправлено по 1-е августа. – СПб., 1872, с. 687.

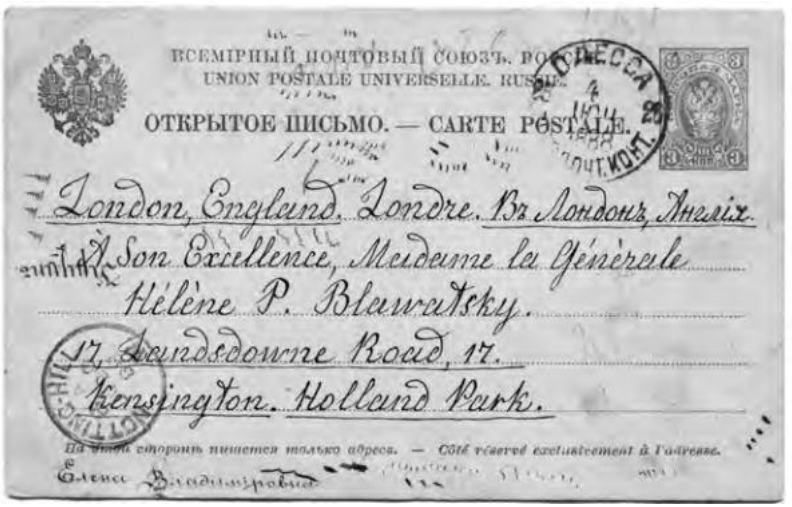
Продолжение следует

Ева Краснова, Анатолий Дроздовский

Открытка из Одессы 1888 года

Старинные одесские открытки, которых более 5000 в нашей филокартической коллекции, чаще всего интересны своей иллюстрированной стороной, документально фиксирующей некий городской вид, важное событие и т. п. Знатока филателии может заинтересовать редкий почтовый штемпель на открытом письме. Любознательный собиратель обязательно изучает текстовую и адресную часть открытки и зачастую это приводит к интереснейшим находкам.

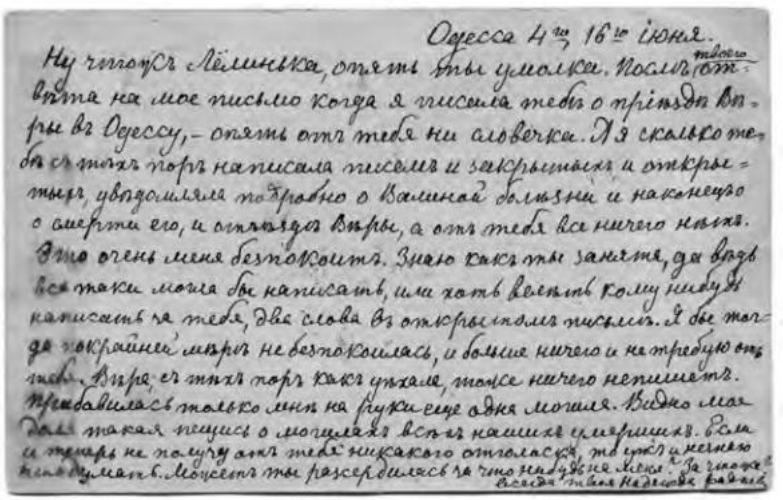
Открытка, о которой мы хотим рассказать, «прошла почту», как говорят филателисты, в 1888 году из Одессы в Лондон. Ин-

тересно, что при низких транспортных скоростях последней четверти XIX века открытка находилась в пути, согласно датам на почтовых штемпелях, всего четыре дня: с 4 июня (соответственно 16-го по Григорианскому календарю, принятому в то время в Европе), по 20 июня 1888 года. Рекордно короткое время даже по нынешним временам, когда для доставки почтовых отправлений используют авиацию.

Наша открытка – «из ранних»: в те времена еще не многие пользовались новым видом почтового отправления, введенным в официальный оборот только в 1874 году, когда был создан Всемирный почтовый союз. Большинство государств Европы придерживались утвержденных Всемирным почтовым союзом размеров открытого письма: 9×14 см. Исследуемое нами открытое письмо – стандартное, не иллюстрированное почтовое отправление, использованное отправителем для сообщения отнюдь не секретных семейных новостей.

Приведем текст письма, а затем расскажем об адресате и отправителе послания – незаурядных русских женщинах, оставивших заметный след в российской и мировой истории.

Одесса 4го, 16го іюня.

Ну чтожъ Лёлинька, опять ты умолкла. Послѣ твоего
взята на мое письмо когда я писала тебѣ о пріѣздѣ ва-
ры въ Одессу, – опять отъ тебя ни словечка. А я сколько те-
бѣ съ тѣхъ поръ написала писемъ и закрытыхъ и откры-
тыхъ, увѣдомляя подробно о Ванечкѣ болѣзни и наконецъ
о смерти его, и отправляя Вѣры, а отъ тебя все ничего нѣтъ.
Это очень меня безпокоитъ. Знаю какъ ты занята, да вѣдь
все таки могла бы написать, или хоть велѣть кому нибудь
написать за тебя, двѣ слова въ открытомъ письмѣ. Я бы та-
да покойнѣй мысли не безпокоилась, и больше ничего и не требую отъ
тебя. Вѣра съ тѣхъ поръ какъ уѣхала, только ничего не пишетъ.
Тревожилась только мнѣ на руки еще одна могила. Видно моя
доля такая пишешь о могилахъ всѣхъ нашихъ умершихъ. Вотъ
и теперь не получу отъ тебя никакого отголоска, то ужъ и нехорошо
подумать. Можетъ ты разсердилась за что нибудь на меня? За что?
Всегда твоя надежная [illegible]

«*Одесса, 4-го, 16-го июня.*

Ну что же, Лелинька, опять ты умолкла. После твоего ответа на мое письмо, когда я писала тебе о приезде Веры в Одессу, – опять от тебя ни словечка. А я столько тебе с тех пор написала писем и закрытых и открытых, уведомляла подробно о Валиной болезни и наконец о смерти его, и отъезде Веры, а от тебя все ничего нет. Это очень меня беспокоит. Знаю, как ты занята, но ведь все-таки могла бы написать, или хоть велеть кому-нибудь написать за тебя два слова в открытом письме. Я бы тогда, по крайней мере, не беспокоилась, и более ничего не требую от тебя. Вера, с тех пор как уехала, тоже ничего не пишет. Прибавилась только мне на руки еще одна могила. Видно у меня доля такая – пекусь о могилах всех наших умерших. Если и теперь не получу от тебя никакого отголоска, то уж не знаю, что и думать. Может, ты рассердилась за что-нибудь на меня? За что же?

Всегда твоя Надежда Фадеева»

Глянув на адресную сторону открытки, нетрудно догадаться, что Лелинька, которой адресованы упреки, что не шлет в Одессу ни открытых и ни закрытых писем, – это «ее превосходительство генеральша» Елена П. Блаватская, проживавшая в ту пору в Лондоне, «Landsdowne Road, 17, Kensington. Holland Park». Отправительница одесской открытки, так озабоченная здоровьем Леленьки, ее тетя – сестра матери Надежда Андреевна Фадеева (1829-1919 гг.). Вера, упомянутая в тексте открытки, – это Вера Петровна Желиховская (1835-1896) (урожденная Ган) – родная сестра Елены Блаватской (Ган).

Бытовая по содержанию открытка объединила трех выдающихся женщин одной семьи, имена которых можно без труда отыскать в многочисленных мировых и российских энциклопедиях и словарях по литературе, истории и духовности.

Сестры Ган родились на Юге Российской империи, Елена – в Екатеринославе (Днепропетровске), а Вера, как установила одесский исследователь О. Богданович, – в Одессе, в семье известной русской писательницы Е.А. Ган (урожденной Фадеевой) (1814-1842) и родовитого военного А. Гана (1799-1875). После ранней смерти матери девочки воспитывались в семье дедушки и бабушки Фадеевых.

Будущая создательница теософских обществ Елена Блаватская (1831-1891) в 17 лет вышла замуж, чтобы уйти от опеки семьи. Она вскоре оставила мужа, надолго уехала в Европу, затем постигала языки, санскритскую литературу и мудрости йогов в Индии, потом посетила США, получив одной из первых граждан Российской империи гражданство этой далекой страны. Именно там, в Нью-Йорке, 17 ноября 1875 года Блаватской и ее соратниками было объявлено о создании теософского общества, в девизе которого: «Нет религии выше Истины» – была выражена идея всеобщего братства без различия рас, каст, вероисповедания, пола, цвета кожи. Теософия, по мнению создателей общества, является «наукой об этой Истине». «Теософия – это не религия, – подчеркивала Блаватская, а сама ее сущность, ибо она утверждает единение – всеобъемлющую божественную связь всего сущего». И поэтому как организация теософское общество не считало себя принадлежащим к какой-либо из существующих религий.

Мы не ставим себе задачу в рамках этой статьи пропагандировать теософию или раскрывать глубинный смысл этого учения, созданного и развитого титаническими усилиями талантливой русской женщины. На эту тему написаны многотомные труды самой Е. Блаватской, единомышленниками – теософами и противниками этого учения. Постарались и ее многочисленные биографы и родственники, в том числе и сестра Елены Петровны – Вера Желиховская.

В 1886 году Е.П. Блаватская вернулась в Европу, живя и работая то в Германии, то в Париже, то в Лондоне. Повидаться с ней приезжали из России ее тетка Надежда Фадеева – автор текста открытки, и сестра Вера Желиховская. Все трое провели незабываемые шесть недель, путешествуя по Европе.

Близким было известно о пошатнувшемся от непосильных трудов здоровье Елены Петровны, в 1888 году друзья перевезли ее в Лондон и создали условия для отдыха и плодотворной работы. Чем она была занята и почему не отвечала Фадеевой, стало понятно из ее биографии: в октябре 1888 года Е.П. Блаватская завершила и опубликовала в двух больших томах свой великий труд «Тайная Доктрина» – венец ее литературной деятельности. Кроме того, во многих письмах сестре и тете она пишет, что чи-

тает много лекций, проводит семинары, пишет статьи в теософские журналы всего мира. Потому и не отвечает своевременно.

Опубликованы письма Е.П. Блаватской этого времени, адресованные сестре Вере Желиховской в Санкт-Петербург, где она выражает соболезнование в связи с кончиной младшего сына Валериана и настойчиво приглашает ее приехать к ней в Лондон немного отвлечься от мрачных мыслей. О болезни Валериана Владимировича Желиховского (1864-1888) сообщила Надежда Фадеева в публикуемой открытке, посланной из Одессы в Лондон. Видимо, Елена Петровна нашла время написать убитой горем сестре, а на ответ тетке времени не нашлось.

Текст коллекционной открытки прямо указывает на то, что извещенная о болезни сына Вера Петровна весной 1888 года приехала из Петербурга в Одессу, ухаживала за тяжело больным юношей, но не смогла его спасти. Желиховская уехала из Одессы в конце мая после его похорон.

Это важное подтверждение последнего пребывания Веры Желиховской в Одессе, так как в исчерпывающем труде современного исследователя Ольги Богданович «Блаватская и Одесса» сказано, что сведений о приезде Желиховской в Одессу в 1888 году нет. То есть наша коллекционная открытка дает достоверные уточняющие сведения о связи окружения Е.П. Блаватской с Одессой.

У Веры Петровны Ган-Яхонтовой-Желиховской, в отличие от сестры, жизнь была более упорядоченной. Она дважды была замужем за прекрасными людьми, но дважды овдовела и должна была жить литературным трудом, к которому имела недюжинные способности, обеспечивать будущее своих шестерых детей. Под влиянием своей старшей сестры Вера Петровна также увлекалась мистицизмом, спиритизмом, необъяснимыми явлениями. Ее книга «Необъяснимое или необъясненное» полностью посвящена теме чудес, происходивших в семье Фадеевых, в которой сестры воспитывались.

«Имя Блаватской, русской женщины, возбудившей такое мировое движение, не сотрется со скрижалей истории, а должно получить заметное место в числе деятелей конца XIX века», – такими словами Желиховская завершила свою книгу «Радда-бай» («Правда о Блаватской») о великой сестре, чьей стойкой защит-

ницей она всегда выступала. Книга была издана в 1893 году уже после смерти Е. Блаватской.

Как писательница В.П. Желиховская была очень популярна в конце XIX века. Прожив в Одессе несколько лет, она переехала в Санкт-Петербург, где было легче получать заказы на литературные произведения, так необходимые ей для заработка. В столице Вера Петровна и скончалась в 1896 году, однако похоронить она себя завещала там, где родилась, – в Одессе. Воля ее была исполнена детьми, и писательница упокоилась в семейном склепе на Старом одесском кладбище в конце Преображенской улицы, в квартале от главных ворот. Описание могилы Желиховской приведено в уникальной только что изданной книге одесситов О. Губаря и М. Пойзнера «Первые кладбища Одессы».

Наименее известная из трех женщин, причастных к открытке, – автор текста, сестра матери Е. Блаватской и В. Желиховской – Надежда Андреевна Фадеева (1829-1919). Как видим, тетушка была всего лишь на два года и шесть лет старше племянниц, и между ними установились скорее сестринские дружественные отношения, поддерживаемые постоянной перепиской.

Надежда Фадеева никогда не была замужем и жила поначалу с родителями, а позднее, уже в Одессе, куда переехала окончательно в 1868 году, – с семьей сестры Екатерины, в замужестве Витте. Тесная дружба и серьезная переписка с Еленой Петровной Блаватской привела к тому, что интерес Надежды Андреевны к теософии с годами все больше укреплялся, и в августе 1883 года при ее участии создается филиал Теософского общества в Одессе – первый в России, и она стала его председателем.

В нашей коллекции сохранилась брошюра В.Н. Пушкиной «Братство и любовь как основа грядущего века», принадлежащая, согласно владельческой надписи, сделанной от руки, Одесскому теософскому кружку. Книга была издана в Петрограде «Орденом звезды на Востоке» в годы первой мировой войны, когда идея всеобщего братства и любви была очень злободневной. В это время Надежда Фадеева была еще жива – она умерла в 1919 году в 90-летнем возрасте.

Всю свою долгую и плодотворную жизнь Надежда Андреевна была очень деятельным человеком, много путешествовала, зани-

малась изучением истории своих родовитых предков, ее перу принадлежат статьи о знаменитых женщинах их рода: сестре – Е.П. Фадеевой-Ган, и племянницах: Е.П. Блаватской, В.П. Желиховской. Письма и рассказы Н. Фадеевой, в том числе и мистического содержания, публиковали солидные российские литературные журналы.

Поселившись в Одессе вместе со старшей сестрой Е.А. Фадеевой-Витте и ее пятью детьми в 1868 году, сестры, по сведениям О. Богданович, заняли квартиру в доме Беридо на углу Ремесленной и Базарной улиц, затем поселились доме № 36 по Полицейской (ныне Бунина) улице. На литографии В. Вахренова, выполненной около 1870 года, виден этот полукруглый дом, выходящий плоской стороной на Полицейскую улицу, а закругленной – на Александровскую площадь (Гре-

Дом на Бунина, 36 (Гречерский базар)

ческий базар). В «Путеводителе по городу Одессе», составленном К. Висковским в 1875 году, сказано, что в это время дом принадлежал Эгизу и со стороны Александровской площади значился под номером 5. В доме работало училище Кошелевых и аптека Баршаха. Контурно полукруглый дом на литографии Вахренова очень напоминает современное строение, в котором в советские времена размещался ресторан «Киев», в наши дни – офис «ПриватБанка».

Видимо, в этом доме бывала Е.П. Блаватская, гостившая у родных в Одессе в 1872-1873 годах.

Прожив в Одессе более 50 лет, отправитель нашей открытки, Надежда Андреевна Фадеева, много раз меняла квартиры. В некрологе, напечатанном в одесской прессе в 1898 году в связи с кончиной Екатерины Фадеевой-Витте (матери министра финансов России С.Ю. Витте), сказано, что вынос тела происходил из дома Ведде на Дерибасовской улице (№ 27). Видимо, сестры жили там в 1890-х годах.

В справочниках по Одессе за 1911 и 1914 годы указан адрес Н.А. Фадеевой: Греческая, 45, угол Преображенской, в доме Юрьевича, построенном в начале XX века, против Собора. Этот же дом

Дом на Полицейской, 36 (Гречерский базар)

Дом на углу Преображенской и Греческой

Юрьевича числился под № 38 по Преображенской улице. По этому адресу проживала племянница Фадеевой, дочь ее сестры Софья Юльевна Витте – создательница Общества борьбы с туберкулезом в Одессе. Видимо, племянница опекала престарелую тетушку после смерти своей матери Е. Фадеевой-Витте, но тетушке суждено было пережить племянницу на несколько лет.

В тексте коллекционной открытки Надежда Андреевна сетует, что в связи со смертью Валериана (Вали) Желиховского на ее попечении оказалась еще одна могилка. К 1888 году в фамильном склепе Фадеевых, расположенном на престижном месте, уже находились два захоронения: Е.П. Фадеевой-Ган и ее дяди – Р.А. Фадеева. После студента В. Желиховского там похоронили и саму Веру Желиховскую, согласно ее завещанию, затем Е. Фадееву-Витте и членов ее семьи – Бориса Витте и Софью Витте, много потрудившихся во благо Одессы. В смутном 1919 году в густонаселенном склепе упокоилась и Надежда Фадеева.

Старое (первое) одесское кладбище находилось в конце Преображенской улицы (теперь – Преображенский парк). При погребе-

Ворота на христианское кладбище. Преображенская улица

нии в 1842 году Е.П. Фадеевой-Ган городские власти выделили семье почетное место для ее захоронения. Достаточно сказать, что в квартале от главных ворот в 1890 году похоронили ввиду особых заслуг перед Отечеством генерала от инфантерии Ф.Ф. Радецкого – героя русско-турецкой войны 1877-1878 гг.

Входные каменные ворота со стороны Преображенской улицы по решению советских властей были снесены вместе со всем кладбищем и культовыми сооружениями на нем в 1930-х годах. Перезахоронений не производилось, и по сей день в земле парка лежат останки 200.000 одесситов, создававших наш город. Склеп Фадеевых и все захоронения в нем постигла та же печальная участь.

Итак, текст коллекционной открытки с обыденными внутрисемейными новостями позволил нам напомнить читателям о судьбе трех талантливых женщин одной семьи, живших и творивших в конце XIX века. Отрадно, что их судьбы так или иначе связаны с Одессой.

Виктор Михальченко

Жизнь нуждается в милосердии*

К истории Шуваловского приюта

Призирайте нищих, оденьте нагих, напитайте алчущих.

Вероятно, деятельность Общества призрения неимущих и помощи нуждающимся могла бы еще долгое время продолжаться в том же русле. Но вот в далекой столице в недрах императорского двора родилось мнение, а затем 20 февраля 1898 года последовал высочайший указ: «Штаб-офицеру для особых поручений при МВД, полковнику графу Шувалову всемилостивейше повелеваем быть исправляющим должность одесского градоначальника». Заняв крупный пост, полковник граф Павел Павлович Шувалов согласно уставу Общества призрения неимущих и помощи нуждающимся стал его почетным членом вместе со своей супругой графиней Александрой Илларионовной Шуваловой, урожденной Воронцовой-Дашковой. Надо сказать, что им обоим в самое короткое время удалось всколыхнуть общественно-благотворительную жизнь всей Одессы. Уже в сентябре того же года Александра Илларионовна хлопотала об учреждении нового Общества св. Магдалины, которое намеревалось открыть еще один приют с фермой, наподобие того, который так и не был возведен Обществом призрения неимущих. Городская Дума 28 сентября 1899 года выделила вновь созданному обществу безвозмездно участок земли из бывшего Скакового поля за новою тюрьмой в размере 1 десятины. Это была часть тех трех десятин, отведенных еще в 1892 году Обществу призрения нищих.

Кроме этого графиня являлась председательницей центрального комитета Общества помощи бедным г. Одессы, попечительницей детского приюта им. императрицы Марии Федоровны. В свою

* Окончание. Начало в кн. 49, 50.

очередь, Павел Павлович Шувалов возглавлял Одесское городское попечительство о детских приютах. Когда в 1903 году семейство Шуваловых покидало город, ставший им близким, их богоугодная деятельность была особо отмечена общественностью города. Вот, к примеру, как отнеслось к трудам обоих супругов собрание Попечительства о детских приютах: «...находя, что личные заботы графа и графини по детским приютам действительно имели весьма благотворный результат, и что таковые их заслуги чрезвычайно важны для дальнейшего развития и процветания одесских детских приютов, единогласно постановило: на основании 90 ст. Положения о детских приютах графа П.П. Шувалова и графиню А.И. Шувалову избрать пожизненно в почетные члены попечительства».[1]

С появлением нового влиятельного градоначальника в составе Общества призрения неимущих его члены вновь возбудили перед городом вопрос о строительстве нового приюта. Шувалов активно поддержал идею расширения и выноса приюта за пределы центра Одессы. В ожидании решения начался сбор денежных средств. По предварительным подсчетам, для строительства могло потребоваться до 100 тысяч рублей. В 20-й день сентября 1900 года гласные Думы постановили: отвести Обществу призрения неимущих две десятины земли из городского оброчного участка под № 8 за новой тюрьмой для строительства приюта призрения неимущих. Урезанная на одну треть площадь по своим размерам и расположению не совсем отвечала тем планам, которые вынашивал распорядительный комитет общества. Поэтому Думе пришлось еще раз вернуться к обсуждению старого вопроса о строительстве приюта за тюрьмой. Однако комитет самостоятельно нашел компромисс, решив обменяться участками с Обществом св. Магдалины. С его руководством все было быстро улажено, и в ноябре 1902 года прошение передали в городскую Думу на рассмотрение.[2]

Комитет, вполне уверенный в поддержке со стороны городской Думы, приступил к строительству приюта, не дожидаясь окончательного решения по вопросу обмена участками земли. Об этом поведал городской землемер А.В. Юргевич, которому в июне 1902 года было поручено на месте разбить и указать размеры выделенных обоим обществам участков. Прибыв в назначенный час на пустырь за тюрьмой, он обнаружил, что на зем-

ле Общества св. Магдалины полным ходом идет строительство приюта, причем – Общества призрения неимущих. Среди большого количества строительных материалов возвышался двухэтажный корпус из камня-ракушняка, выведенный под самую крышу.[3] Землемеру ничего не оставалось, как вбить в землю колышки, очертив тем самым участок земли для приюта неимущих в следующих границах: по дороге на Большой Фонтан – 34,20 саж., с противоположной стороны по границе участка Общества св. Магдалины – 66,50 саж., по дороге в Чубаевку – 101,30 саж., и с противоположной стороны по границе с тюрьмой – 98,20 саж.

Строительством приюта неимущих руководил инженер Н.А. Лишин, выполнявший свою работу совершенно бесплатно. Здание было построено быстро, во многом благодаря тому, что распорядительному комитету удалось собрать достаточно большую сумму денег. Сообщалось, что к началу февраля 1903 года вместе с последними 2000 руб., которые пожертвовал М. Эфруси, в кассе общества уже насчитывалось 102.816 руб. 86 коп. Следует отметить особый вклад в это богоугодное дело Ремесленного общества Одессы, внесшего на устройство приюта 30.000 руб. В течение всего строительного периода во всем чувствовалась неоценимая помощь со стороны одесского градоначальника П.П. Шувалова. К примеру, когда 12 марта 1902 года председатель комитета Я.И. Бунин направил просьбу к городскому общественному управлению об оказании материальной помощи в виде отпуска необходимого количества строительного камня из городских каменоломен, причем бесплатно, то Шувалов не оставил этот вопрос без внимания и решил его скорейшим образом. Спустя четыре дня он писал гласному Думы А.А. Швенднеру: «…имею честь уведомить ваше высокородие, что означенной надобности потребуется приблизительно 300 кубов плиты и 180.000 штук пятерика...».[4]

Однако графу Шувалову не суждено было своими глазами увидеть открытие выстроенного с его участием нового приюта Общества призрения неимущих и помощи бедным. В марте 1903 года градоначальник выехал в Москву, а оттуда в двухмесячный отпуск за границу. В Одессу он вернулся 20 апреля, но лишь для того, чтобы уладить дела, связанные со своим отъездом к новому месту службы.

Фасад здания приюта

Прощальные визиты были назначены на 10 и 11 мая, поскольку уже 12 мая кабинеты Воронцовского дворца должен был занять новый градоначальник, Д.Г. Арсеньев. Одна за другой делегации нескончаемо следовали на бульвар, с тем чтобы отдать свое почтение отъезжающему градоначальнику. Депутация санитарно-исполнительной комиссии в ознаменование памяти о совместной деятельности по борьбе с острозаразными заболеваниями в 1901-1902 гг. преподнесла П.П. Шувалову художественно исполненный образ-складень работы Овчинникова с изображением Касперовской иконы Божией Матери и ликами св. угодников Апостола Павла и царицы Александры (на боковых частях). Группа представителей Ремесленного общества Одессы во главе с председателем В.Д. Андрушиным вручила ему Владимирскую икону Божией Матери в серебряной ризе. Традиция подношения святых икон сложилась издревле. Этому придавался особый смысл – предполагалось, что икона способна защитить и уберечь от всего плохого на жизненном пути.

К сожалению, ни один святой образ, подаренный Павлу Павловичу Шувалову, не смог защитить покидавшего Одессу генерал-

майора. Вполне вероятно, что ему не удалось не только присутствовать на освящении нового приюта, но когда-либо побывать в его стенах. О посещении им Одессы после 1903 года информации найти не удалось. Вскоре после убийства московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича Шувалов с 18 апреля 1905 года вступил в должность градоначальника Москвы. В 28-й день июня того же года во время обыденного приема в доме на Тверской улице он был застрелен в упор двумя выстрелами из револьвера. Эту «священную миссию», по словам революционеров, выполнил эсер-террорист П. Куликовский.

И все же память о Шувалове надолго сохранилась в Одессе. Перед самым его отъездом из Южной Пальмиры из недр министерства внутренних дел было получено уведомление о том, что идя навстречу пожеланиям Общества призрения неимущих и помощи нуждающимся, вновь отстроенному приюту было присвоено имя Павла Павловича Шувалова. С тех пор название «Шуваловский приют» надолго закрепилось в топонимике Одессы. Даже когда приют прекратил свое существование, и здание, в котором он находился, было полностью уничтожено, местные жители продолжали именовать эту местность не иначе как «у Шуваловского приюта». Даже новый городской садовый питомник, раскинувшийся на 16 десятинах вблизи приюта, с чьей-то легкой руки долго именовался Шуваловским.

В том же 1903 году общество лишилось и своего энергичного председателя распорядительного комитета Якова Ивановича Бунина. Выйдя в отставку с чином генерал-майора, он поселился в Санкт-Петербурге, оставаясь при этом в числе почетных членов Общества призрения неимущих. Тогда же пост и. д. городского полицмейстера Одессы занял ротмистр Николай Степанович Головин, «по наследству» ему перешла и должность председателя распорядительного комитета общества. Статистические данные о призреваемых в приюте свидетельствуют, что на 1 апреля 1903 года в нем находилось 352 человека. В апреле прибыло еще 35, в то же время 22 воспитанника были переведены в больницу, двое были определены на работу, еще двоих отправили к родственникам. Итого, к маю в приюте был налицо 341 призреваемый, в том числе 194 ребенка.[5]

К лету 1903 года все строительные работы по сооружению нового приюта были завершены. Здание производило самое прекрасное впечатление. Его просторные комнаты были наполнены солнечным светом и чистым воздухом. На втором этаже была устроена православная церковь во имя Св. Александра Невского. Еще в самом начале возведения приюта на Большефонтанской дороге его почетный член Федор Семенович Сутягин, почтя своим священным долгом, взялся во второй раз вновь устроить приютский храм полностью на свои средства. Иконы и церковная утварь были перевезены из прежней церкви. Настоятелем Александро-Невского домового храма по-прежнему оставался священник Михаил Мирославлев. В апреле 1903 года он был награжден наперсным крестом, а позже, 10 июня 1912 года, в церкви Свято-Успенского монастыря на Большом Фонтане возведен в сан протоиерея.

Шуваловский приют унаследовал многие порядки из установленных в старом заведении. Здесь также были устроены классы церковно-приходской школы, отдельные комнаты для мастерских, где могли работать способные к труду призреваемые. Во все времена приют Общества призрения неимущих не разделял своих подопечных по национальности – в его стенах всякий мог найти хлеб и кров. Владелец влиятельной газеты «Одесский листок» В.В. Навроцкий так охарактеризовал приют Общества: «...Цель, преследуемая этим учреждением, поистине глубоко гуманная. Это убежище для несчастных, убогих, сирых старцев, бездомных и брошенных на произвол судьбы детей».[6]

В новом здании для лиц еврейской национальности были отведены отдельные помещения. Для них же существовала и отдельная кухня, где «еврейка-кухарка готовила пищу по обряду еврейской веры». Здесь же в отдельной комнате была устроена небольшая молельня. Уже после открытия приюта, в конце декабря 1903 года, член Общества призрения неимущих С.Л. Фишман вручил председателю распорядительного комитета Головину деньги, пожертвованные евреями Одессы на устройство здесь вместо молельни – молитвенного дома для призреваемых евреев.[7]

Освящение здания Шуваловского приюта и его домовой Александро-Невской церкви состоялось 13 июля 1903 года. Это торжество возглавил архиепископ Херсонский и Одесский Иустин

(Охотин). В приютской церкви присутствовали градоначальник Д.Г. Арсеньев, городской голова Павел Александрович Зеленый, прокурор Одесской судебной палаты А.И. Полан и многие другие из приглашенных гостей. Здесь же находились члены Общества призрения неимущих и сами призреваемые. По окончании торжеств за товарищеским обедом было принято решение отправить графу П.П. Шувалову телеграмму следующего содержания: «На состоявшемся сегодня освящении и открытии приюта имени вашего сиятельства члены общества и все присутствующие приносят вашему сиятельству и графине Александре Илларионовне свою глубокую благодарность за сооружение этого прекрасного здания, которое будет вечным памятником вашего высокочеловечного отношения к сирым и бедным людям Одессы…».[8]

Несмотря на преемственность заведенных порядков и устройства обыденной жизни в Шуваловском приюте, время вносило существенные коррективы в деятельность всего Общества призрения неимущих и помощи нуждающимся. В первую очередь, это касалось частой смены состава Общества как среди его почетных, так и среди рядовых членов. В столице империи были недовольны теми беспорядками, которые творились на улицах Одессы в 1904-1906 гг., вследствие чего в городе прокатилась череда смен градоначальников, полицмейстеров и чиновников других рангов. Поскольку многие из указанных лиц, согласно уставу Общества, входили в состав распорядительного комитета, то от такой чехарды страдала вся система призрения в приюте.

Для примера можно привести состав Общества призрения неимущих, почетными членами которого в 1905 году состояли: правящий епархиальный архиерей Иустин (Охотин), одесский градоначальник Д.Б. Нейдгард, проживающие в Санкт-Петербурге граф и графиня Шуваловы, городской голова П.А. Зеленый, княгиня Е.П. Демидова-Сан-Донато, княжна А.И. Гагарина, вдова Р.А. Бродская, генерал-лейтенант П.А. Зеленой, граф М.М. Толстой, тайный советник Г.Г. Маразли, генерал-майор в отставке Я.И. Бунин, коммерческий советник А.А. Анатра, Н.А. Лишин, и. д. полицмейстера Н.С. Головин, архитектор Л.Л. Влодек, Ф.С. Сутягин, староста Мещанского общества Одессы Г.В. Добровольский, И.И. Ради. В число членов распорядительного комитета из уже перечисленных

входили: Головин, Сутягин, Добровольский, а также: помощники полицмейстера А.Д. Фон-Гесберг и Е.В. Кисляковский, почетный гражданин Я.А. Дынин, священник Михаил Мирославлев, доктор Розенберг и делопроизводитель и смотритель приюта губернский секретарь В.Е. Обыдовский.

В 1906 году в составе комитета Общества появилась известная в городе личность – купец Павел Петрович Котляревский, входивший в попечительные советы нескольких одесских учебных заведений и благотворительных обществ. Долгое время он регулярно вел записи в своем дневнике, по которым сегодня можно иметь определенное представление о различных событиях в общественной жизни Одессы, происходивших в начале XX века. На ряде страниц нашлось место и Шуваловскому приюту, где Котляревский часто бывал и во многом знал внутреннюю жизнь заведения. Думается, имеет смысл привести короткие строки из дневника Павла Петровича без каких-либо купюр, тем самым дать читателю самому ощутить один из субъективных взглядов того времени на деятельность приюта.

«1906, 27 августа, воскресенье, – Вечером были на гуляньи в пользу приюта Шувалова в Аркадии. [л. 66]

1906, 23 сентября, суббота, – В 12 часов осматривали приют неимущих по просьбе полицмейстера как представителя приюта, образцовая чистота, вполне приличная пища, здоровый вид призреваемых произвели на Лати и меня отличнейшее впечатление, что мы записали в посетительную книгу. [л. 70]

1908, 27 марта, – У меня в конторе ревизовали книги Общества призрения неимущих и помощи нуждающимся. [л. 140]

1908, 25 мая, воскресенье, – Поехал в город на общее собрание Общества призрения неимущих и помощи нуждающимся. Ничего невозможно добиться. Новый заместитель полицмейстера Корочанский и Влодек против передачи приюта городу. Решили 15 июня еще раз собрать общее собрание и просить руководить им Толмачева. [л. 149]

1908, 15 июня, воскресенье, – Сегодня собрание Общества призрения нищих и помощи нуждающимся под председательством градоначальника Толмачева. Решили оставить программу общества в прежнем виде, избрали председателем распорядительно-

го комитета помощника градоначальника Набокова. Слава Богу, освобожден от этого дела. [л. 152]

1908, 24 июня, вторник, – Были с Набоковым в приюте Шувалова. Приехали случайно и нашли все в полном порядке. Обед был вкусный и сытный. [л. 154]

1908, 30 июля, среда, – Вчера было гуляние в Аркадии в пользу приюта Шувалова. Оно прошло с меньшим успехом, чем в предшествующие годы. [л. 159]

1908, 2 августа, суббота, – Написал отказ от должности товарища председателя Приюта неимущих. Рекомендую в своем заявлении избрать на эту должность кого-либо из высших чинов полиции или из представителей Одесского городского общественного управления. Пусть меня порядочного человека оставят в покое.

1908, 9 августа, суббота, – В 2 часа у Набокова было общее собрание Общества призрения нищих. Я отказался от звания товарища председателя распорядительного комитета, и на эту должность избрали нового полицмейстера Кублицкого-Пиотука. Очень рад, что отвязался от этой должности. [л. 160]

1909, 12 сентября, – было заседание распорядительного комитета приюта Шувалова».[9]

Несмотря на некий субъективизм дневниковых записей Котляревского, все же удается выхватить общую картину происходящего как внутри, так и вокруг приюта Шувалова. После того, как в должности старосты домовой Александро-Невской церкви приюта почти 20 лет состоял Федор Семенович Сутягин, здесь тоже произошли смены. В сентябре 1906 года епархиальное начальство утвердило новым старостой мещанина Василия Андрунина, которого в октябре следующего года сменил почетный гражданин Александр Болгаров. Один из наследников миллионного состояния своего отца, известного в Одессе купца Василия Дорофеевича Болгарова, был помимо этого избран казначеем Общества призрения неимущих и заведующим хозяйственной частью приюта.[10] Последним из известных церковных старост Александро-Невского храма был крестьянин Федор Троицкий, которого избрали на эту должность в январе 1916 года.[11]

О том, что домовая церковь действовала в приюте до начала 1920 года, свидетельствуют сохранившиеся метрические книги.

В последней такой книге за 1919 год записи велись вплоть до конца декабря. Возможно, что и в следующем году такая книга была получена из Духовной консистории и исправно велась до закрытия храма. Как известно, советская власть окончательно закрепилась в Одессе в начале февраля 1920 года. Приюты и другие богоугодные заведения были переданы в распоряжение министерства народного образования молодой Советской республики. Первыми своими распоряжениями Наробраз узаконил ликвидацию домовых храмов при учебных заведениях и приютах. Вследствие этого начатую в новом году метрическую книгу, вероятно, уже некуда было сдавать на хранение, несмотря на то, что епархиальное управление продолжало свою деятельность.

О дальнейшей судьбе настоятеля Александро-Невской церкви приюта отца Михаила Мирославлева ничего не известно. В списках духовенства Одессы за 1925 год, обнаруженных в архиве, его имени нет, возможно, он к тому времени покинул город. Общеизвестно, что после отделения церкви от государства по новым советским законам лица духовного звания могли иметь доход лишь от общей церковной кружки. Приказом № 8 от 13 июля 1922 года по Одесгубнаробразу предписывалось: «Категорически точно и неукоснительно выполнять постановление Совнаркома от 7 марта с. г. о недопущении к службе по народному образованию священников, раввинов и ксендзов и всех вообще лиц, находящихся в материальной и служебной зависимости от организаций религиозного культа».[12] Таким образом, священникам надолго была заказана дорога в народное образование.

Революционным вихрем в Одессу занесло огромное количество беспризорных детей, которых не могли вместить даже все вместе взятые городские приюты. К тому же, полностью нарушенная система обеспечения этих заведений позволяла обеспечить призреваемых лишь самым что ни на есть минимальным питанием и уходом. Учреждения воспитательного характера, получившие название детдомов, в число которых вошли и дореволюционные приюты, в Советской России получили широкое развитие. Но их количества катастрофически не хватало.

В годовом отчете Одесского губернского отдела народного образования за 1923 год, в частности, отмечалось:

«…Достаточно сказать, что нашими детдомами охвачено 25% всего интернированного детства на Украине, что на 1000 душ населения в РСФСР приходится 1,13 воспитанников детучреждений, на Украине – 3,16, а у нас 5.

Положение усугубляется и тем, что большая часть наших детучреждений возникла во время голода, строилась стихийно, наспех, не снабжалась при своей организации элементарным оборудованием, представляла собой, скорее всего, убежище».[13] В самой Одессе дела обстояли еще хуже, чем в других местах, – в отчетном году в семьдесят одном городском детском доме находилось 8147 детей, что составляло 25 человек на 1000 жителей города.

Сегодня здания Шуваловского приюта нет на карте города, на том месте ряд тюремно-исправительных заведений, небольшие жилые дома и длинная девятиэтажка стандартного «чешского проекта» вдоль Люстдорфской дороги. Однако в том районе кое-где в земле еще можно натолкнуться на обломки красного кирпича и черепицы со следами клейм дореволюционных заводов, – все, что осталось.

Примечания

[1] Ведомости Одесского градоначальства. – 1903, 3 мая, № 98.

[2] Известия одесской городской Думы. – 1903, № 7, с. 1327.

[3] Там же, 1903, № 6, с. 1185-1190.

[4] Там же, 1902, № 6, с. 1132-1134.

[5] Ведомости Одесского градоначальства. – 1903, 3 мая, № 98.

[6] Одесский листок. – 1903, 14 июля, № 181, с. 2.

[7] Одесские новости. – 1903, 21 декабря.

[8] Ведомости Одесского градоначальства. – 1903, 15 июля, № 155.

[9] ГАОО, ф. 335, оп. 1, д. 2.

[10] Болгаров Василий Дорофеевич (1830-10.08.1905) – одесский купец, домовладелец, незадолго до своей кончины женился, оставил своим наследникам миллионное состояние.

[11] Херсонские епархиальные ведомости. – 1916, № 3, с. 75.

[12] ГАОО, ф. Р1395, оп. 1, д. 5, л. 464.

[13] Там же, ф. Р150, оп. 1, д. 53, л. 10.

Станислав Айдинян

На прошлолетнем Французском бульваре

Из воспоминаний

В 1958 году меня, родившегося 13 апреля в Москве, в возрасте двух месяцев от роду бабушка с матерью и дед погрузили в поезд, который тогда еще лихо тащил дымящий угольным дымом черный паровоз, и привезли в Одессу на улицу Пироговскую, в старинный дом-особняк, 13/3. Деда со стороны отца я никогда не видел, он умер до моего рождения, а дед по материнской линии был ко мне очень привязан, и я отвечал ему взаимностью… Тогда уже полковник в отставке, Трофим Андроникович Гладков получил в 1945 году целый нижний этаж в этом особняке на Пироговской, когда приехал после фронта и контузии служить в Одессу на должность начальника оперативного отдела штаба округа. Должность была генеральская, однако его оставляли в полковниках, ведь он был родом из станицы Романовская, донской казак по происхождению, и еще до войны был репрессирован – в 1938 году в Сталинграде, где занимал такую же должность… Маршал Г.К. Жуков, под началом которого он служил, ценил его как весьма грамотного специалиста – у него еще до войны было высшее военное образование, в день выпуска его курс поздравил Сталин. Так вот маршал Жуков, чья ненависть к безграмотным выдвиженцам была известна, говорил моему деду во время составления карт окружных учений: «Полковник, переделайте после генерала!..». И при этом демонстративно перечеркивал красным карандашом неверно нанесенный на карту план.

Возможно, в силу того, что деду пришлось побывать в тюрьме, и оттого что только чудо спасло его от общей смертной участи арестованных тогда офицеров, Трофим Андроникович сторонился военной среды, внутри которой в сталинскую эпоху мож-

но было жестоко поплатиться за неосторожно сказанное слово. У него было очень мало друзей, и жил он уединенно. Отдельный этаж особняка – это то, что он выбрал для своего уединения. Единственными соседями семьи деда по дому в 1940-50-е годы был летчик-полковник И.И. Баутин с женой и дочерью Еленой, они занимали весь верхний этаж. Баутин сменил там арестованного за политический анекдот полковника Бабаханова. Здание же штаба округа, где мой дед служил, находилось сначала в конце улицы Островидова, а потом было перенесено все на ту же Пироговскую улицу, совсем недалеко от архитектурного комплекса-ансамбля особняков в старонемецком романтическом стиле, в который был вписан и 13/3. С черепичною крышей, с уютным внутренним двориком и открытой летней верандой, этот особняк был овеян духом дореволюционного времени, в котором был некогда создан. Да и окружение было из людей, которые помнили те давние старорежимные, как тогда говорили, времена…

Как не вспомнить семью Свирских, что жили в своем частном доме 13/2, Надежда Эммануиловна Свирская, вернувшаяся из эвакуации преподавательница французского языка в одесском политехническом, проводила у себя вечера, посвященные французской культуре, у нее были французские пластинки, она показывала диафильмы, слайды с видами Парижа. Ее отец, маленький старичок во всем черном, был образцом староодесской приветливости. Когда мы с дедом встречали его на Пироговской, он неизменно приподнимал над головою старомодную шляпу с полями и что-то рассказывал… А ходили мы на прогулки до железнодорожного моста, на который поднимались, чтобы посмотреть, как дымят, гудят и пускают белоснежный пар из-под своих смазочных поршневых коробок так привлекавшие меня тогда, в раннем детстве, паровозы.

Не менее протяженными были наши прогулки к Французскому бульвару – к мавританской арке, за которой, по легенде, некогда было имение княгини Елизаветы Ксаверьевны Воронцовой, там интимно принимавшей Пушкина. Ходили и дальше – к заводу удельных вин, и далее – на неизменном 5-м трамвае ездили в Аркадию, где у нас с дедом были излюбленные памятные местечки – пеньки, которые всегда волшебно ждали нас…

Пироговская впадала, как река, в выложенный крупными серыми булыжниками Французский (тогда Пролетарский) бульвар. И наш комплекс в середине Пироговской, состоявший из нескольких одностилевых домов, построенных известным одесским архитектором Гонсиоровским, как выяснилось годы спустя, был особенным еще и тем, что в одном из них жил царский генерал, прообраз генерала Черноты из булгаковского «Бега», которого в одноименном фильме талантливо и характерно сыграл М. Ульянов.

Та ушедшая безвозвратно жизнь оставила нам яркие личности и характеры людей, живших по соседству. Чего стоила только Анна Григорьевна, старая дворянка, жившая по соседству, чей отец, как говорили, был причастен до революции к основанию Вольного пароходства, у нее – тогда неслыханное дело – горела день и ночь перед образом лампада… Или ее прислуга, Татьяна Евдокимовна, приходившая и к нам помогать по хозяйству. В детстве она училась в Люстдорфе в немецкой школе и знала хорошо немецкий разговорный язык, что и ей, и ее семье позволило не голодать во времена немецкой оккупации. Отголоски войны еще были в воздухе Одессы – бабушка моя рассказывала, что она видела, как голодные пленные собирали придорожную траву и на вопрос «Зачем?» отвечали: «Зупен!» – то есть для супа.

Бабушка моя, супруга Трофима Андрониковича Эльпида Азарьевна Гладкова, урожденная Гашибоязова, была греческого происхождения. Ее отец Азарий Спиридонович был почитаемым учениками учителем математики, чьи питомцы поступали в лучшие вузы страны. Один из его сыновей, Александр Азарьевич Гашибоязов, потом стал заведующим кафедрой математики Ленинградского университета. Азарий Спиридонович, чья вдова Олимпиада Александровна после его смерти в Кисловодске тоже приехала доживать свой век в дом на Пироговской, отличался даром красноречия, выступал перед войсками, отправлявшимися на фронт в первую мировую войну, в его гостиной бывали господа офицеры, по приемным дням и моя бабушка, и ее сестра Клеопатра Азарьевна еще детьми входили в комнаты понюхать оставшийся после ухода гостей запах дорогого табака от сигар… Бабушка моя, конечно, училась в царской гимназии, а потом и в заведении Святой Нины в Тифлисе, где, вызывая к доске, преподавательница стро-

го говорила ее соученице: «Княжна Джавахова, отвечайте урок!». Гимназисткам юная Эльпида, чье имя с греческого переводилось как «Надежда», неизменно помогала на уроках математики…

Люди культурной среды в те времена тянулись друг к другу, и неудивительно, что бабушка Эльпида Азарьевна дружила с семьей Балицких-Рыбаченко, сестрами Ольгой и Наталией, жившими здесь же, на Пироговской, напротив штаба округа, в доме, где по сию пору охотничий магазинчик. Они занимали не тронутую временем большую квартиру, где все сохранилось так, как было до революции, вплоть до картины – это был холст, писанный маслом, и на нем натюрморт, «герои» которого – изумительной красоты гипсовый слепок с руки молодой женщины и старинная восточного орнамента ваза. Нарисованная ваза живым прототипом стояла тут же, как и гипсовый слепок, который был, как торжественно сообщалось, сделан с руки младшей из сестер. Стариною от этой семьи веяло и оттого, что был еще жив и Балицкий – царский офицер в прошлом. После контузии в первую мировую он повредился в рассудке, оттого его позже не расстреляли. Мне было всего двенадцать лет, когда он по-детски обиделся на меня за то, что я не оценил по достоинству его коллекцию окаменевших миллионы лет назад кусков древесины… Он изумительно в старинной манере пел под гитару романсы, знал их множество. У него был синдром бродяжничества, он мог куда-нибудь надолго исчезнуть – уезжал летом в археологические и геологические экспедиции, пел для молодежи, в одной из этих поездок, простудившись, он, Балицкий, и закончил свои дни.

Отец мой хотел купить у моря дачу. Велись переговоры с подругой знаменитого Ивана Козловского, певицей, солисткой Большого театра Надеждой Чубенко, чтобы приобрести верхний этаж ее дачи в Крыму, недалеко от Медведь-горы… Но вместо сада у той дачи был овраг, хотя на море с веранды и открывался бесподобной вид. Я помню, как мы ехали по Крыму на черной «Волге»… Как осматривали дом недалеко от Медведь-горы… Однако любовь к Одессе пересилила и победила.

Когда я в первый раз, в 1966 году весной, побывал в приобретенном отцом моим доме на Французском бульваре (№ 53, д. 32), впечатление было такое, что я попал в когда-то заколдованное

и брошенное пространство. Большой фруктовый сад зарос, был заброшен. Внешне дом под черепичной крышей с восемью колоннами был просто старинным строением, от которого веяло прошлым веком. Внутри же дело обстояло хуже – паутина и пыль в комнатах оседали на проломы в прогнивших насквозь досках пола… Жить в доме было еще невозможно. И вот до зимы 1966 года мы жили в доме бабушки Эльпиды Азарьевны на улице Пироговской, раз, помню, а том же году останавливались и у наших добрых и верных друзей – Петросянов, так у нас дома называли Петросянцев – без благородной староармянской приставки «ц»…

В это время на будущей даче в доме шел ремонт. Руководил им один из представителей семьи Рыбаченко. Оставалось сожалеть, что советы моей матери, профессионального архитектора, в полную меру не были приняты при этой реконструкции… Полы были заменены, черепица переложена заново, деревянные части дома, двери, ниши – все было обновлено… Дом, конечно, потерял дореволюционную замшелую таинственность, зато стал чистым и жилым. Туда переехала солидная, сделанная из цельных ореховых плит мебель еще первой квартиры Артура Айдиняна, находившейся в правительственном доме на набережной Шевченко в Москве. Шкафы, стулья приехали поездом. Привезли и удивительного строя и выносливости трофейное германское пианино «Пфейфер»… Позже был перевезен от бабушки, с Пироговской, очень старинный сплошь резной стол… Первое время на даче не было автоматического газового нагревателя, и дом отапливался печкой, правда, очень добротной, однако она нагревала лишь одну первую комнату, остальные большие комнаты превращались на зиму в ледник… 1968 год мы жили без моих родителей на даче при горящей печке с бабушкой и прабабушкой, Олимпиадой Александровной, этот год особенно уютным светом светит из детства… Садовые деревья, зимою окутанные снегом, сад под солнцем, оледенелая виноградная лоза… А по ночам из-за сплошных многолетних зарослей живых оград выли надрывно дачные собаки, которым хозяева зимой доверяли охранять свое летнее жилье. Им привозили пищу, но общались они воем и лаем под луною, в ночное время. Под этот концерт мы, бывало, и засыпали… Кри-

минальный элемент до поры до времени на дачи не хаживал, клыкастых сторожей опасаясь.

Когда зима закончилась, наступила весна, из-под снега глянула прошлогодняя трава, и я облюбовал себе деревянный стол, на который прямо в шубе ложился во дворе и читал днем военные приключения, – они, видимо, согревали, так как было не холодно.

Летом мы с младшим братом больше лазили по деревьям, заборам, бегали на море.

Помню, что не разводя серьезного огорода, Эльпида Азарьевна для стола сделала на нашем весьма обширном участке несколько грядок, где мне было поручено посадить базилик, петрушку, лук. Наблюдая с любовью рост из земли маленьких всходов, потом и серьезных ростков, я душою ощущал дыхание природы, свечение ее рождающей растение тайной силы… Как увлекательно свежо весною появлялись почки на деревьях, как оживали лозы лидии и изабеллы, виноградных сортов, переживавших снежные в те годы одесские зимы… Потом появлялись скромные нарциссы и тюльпаны, далее распускались алые пионы.

Помнится, как-то летом, когда дачу наша семья уже несколько обжила, к нам на обед отцом был приглашен генерал-полковник, будущий маршал бронетанковых войск Амазасп Хачатурович Бабаджанян, начальник Одесского военного округа. Он очень почитал вокальный талант отца, дружески к нему относился. И вот помню хлопочущих у стола мою бабушку Эльпиду Азарьевну, маму мою Лилию Трофимовну, неповторимо благородную Рипсиме Аветисовну, мягкую женственную Наталию и строгую Ольгу Рыбаченко, у которых был серьезный спор: у большой рыбы, размещенной «с комфортом» на огромном блюде, должны быть глаза черные, из маслины, или зеленые – из зеленого горошка?! Помню, как прибыл Бабаджанян на двух машинах – на одной он сам с женою, на другой, на «Победе», – вооруженная охрана… Потом он сидел во главе стола. Лицо его было обожжено кислотою во время войны – он горел в танке. Коньяк и вина на свежем воздухе делали свое дело. Отец пел для гостей. Позже генерал встал из-за стола.

– Артур, – обратился он к отцу. – Мне нужно позвонить!

Однако отец ответил, что на даче у него нет телефона. Амазасп Хачатурович сказал:

– Ты народный артист, и у тебя нет телефона?.. Нет, так не годится. Телефон – вещь необходимая.

На следующий день в переулке Кренкеля, с которым соприкасались каменные заборы дачного кооператива, что-то громко застучало. Я вышел через железную калитку в заборе в переулок. Там военная команда ставила деревянные столбы и вела по ним телефонный провод. Буквально через несколько часов столбы были вкопаны, укреплены по двум сторонам рельсами. В дом вошел бравый майор, кинул руку под козырек и отрапортовал «товарищу народному артисту», что телефонная линия проведена. Он подключил к проводу телефонный аппарат. Вот так у нас появился телефон.

Между прочим замечу, что телефоны у других избранных хозяев домов потом появились, а вот газоснабжение для кооператива организовал своими хлопотами мой отец, это была его заслуга.

В конце 1960-х – начале 1970-х годов глава Черноморского пароходства Томас, внук крупного революционера, за символическую стоимость продал моему отцу катер, нами названный «Алас» – то есть по-гречески «соль», а помимо того, по буквам, сокращенно – Артур, Лилия, Александр, Станислав. С катером начались морские путешествия отца. На дачу приходил верный друг и большой поклонник Валерий Кузнецов – укротитель крупных хищных, он был дрессировщиком-профессионалом, но он же был выпускником Кишиневской консерватории, был очень музыкален и аккомпанировал на фортепьяно шефским концертам отца, когда тот выступал перед портовиками, так как был официально признанным «шефом» одесского порта, коллектив которого ходатайствовал о том, чтобы ему было присвоено звание народного артиста СССР.

Теперь на дачу кроме старой интеллигенции стали приходить и люди из одесского яхт-клуба, куда отец спускался, как правило, пешком. То я, то младший мой брат Александр сопровождали его. Когда отец на катере ходил на рыбную ловлю и привозил ведрами ставриду, объевшиеся дачные коты уже не могли есть, они только подходили к рыбе и на нее мяукали, грустно выражая свое сожаление.

Валерий приглашал к нам на участок не только музыкантов, но и молодых циркачей, которые помогали убирать участок. Пом-

ню, он приводил к нам на дачу молодую женщину-скрипачку, и отец с ними музицировал прямо в саду. Но самое высокое музыкальное действо начиналось на даче вечером. Валерий Кузнецов за пианино, рядом стоит отец, вокруг сидят гости. Отец поет итальянские песни, русские старинные романсы. Мог спеть изредка и арию из какой-нибудь классической оперы. А иногда под то же дачное пианино или под гитару отец пел в два голоса с моим младшим братом Аликом, – особенно нежно у них звучала «Санта Лючия». Голос брата, еще детский, шел в унисон с отцовским тенором, это было исключительно высоко музыкально. В последние годы на дачу к отцу приезжала ученица-гречанка, молодая певица Динара, отец ей ставил голос, преподавал тонкости вокального искусства. Потом она уехала навсегда в Италию…

Садовник у нас был свой, и очень основательный, фамилия его была Баранов, он был автором книги по садоводству, имел свой особенный сад, куда мы ездили «на экскурсию». Баранов не только посадил новые фруктовые деревья, дополнил ряды винограда новыми сортами, возобновил розарий перед окнами фасада, но и посвятил моему отцу яблоню-лиру, стоявшую у входа на участок. Это было выгнутое в форме лиры дерево. Плоды его – изумительного вкуса, какой ныне даже на одесском всеобъемлющем и всеприимном Привозе уже почти не встречается… Таков был дар известного садовода известному певцу.

В те годы отец мой Артур Михайлович Айдинян был без преувеличения знаменитым певцом. Его концерты по прямой радиотрансляции из Москвы слушала вся страна, несколько заводов грамзаписи выпускали его пластинки с итальянскими песнями, ариями из опер, их раскупали сразу. И из репродукторов на остановках городского транспорта в те далекие времена лился его голос – лирико-драматический тенор. Знатоки авторитетно заявляли, что он не только обладал редкой красоты голосом, но и владел искусством бельканто. Это было неудивительно, поскольку он учился некогда, до войны, у маэстро Доменико Росси, который пел на оперных сценах Италии во времена Карузо.

Отец мой родился в Греческом Королевстве под короной короля Георгиоса в 1923 году. Отец его владел хлопковыми участками над городом Салоники, мраморным домом в городе, неболь-

шой мебельной фабрикой. В детстве Артур Айдинян пел в армянской церкви, вместе с сестрами исполнял греческие песни по местному радио, выступал с ансамблем гавайских гитар «Цигаридис». Состоял, когда Грецию оккупировали итальянские, потом греческие войска, в Сопротивлении, входил в подпольную организацию Элас-Эпон. Попал однажды в застенок. Там почти лишился зрения. Об этом годы спустя особенно охотно стали писать во множестве советских периодических изданий – в газетах, журналах, когда после окончания войны и разорения его отца их семья решилась на репатриацию – с братом и сестрами на пароходе приплыли в Одессу… Из Одессы их поездом отправили в Ереван, на историческую, как сейчас говорят, родину. Жизнерадостный, веселый, оптимистичный, но, увы, слабо видящий певец поступил в Ереване в музыкальное училище. Ему преподавал бывший артист Императорских театров Тигран Иванович Налбандян, но он мало что мог прибавить к школе, обретенной у Росси еще в Греции. Консерваторию он окончил значительно позже, уже получив всесоюзное признание, став сначала заслуженным, потом и народным артистом Армянской ССР.

Каждый год Артур Айдинян обновлял репертуар, готовил по две-три сольных программы, в которые артист включал уже не только итальянские, испанские, немецкие произведения, он с огромным успехом исполнял и армянскую, и русскую классику. Это были произведения Комитаса, Спендиарова, Глинки, Чайковского, Рахманинова, вокальные циклы Шостаковича, Кабалевского… С неповторимым мастерством звучали в его исполнении арии из опер, в 1960 году с оркестром Большого театра под управлением дирижера А. Жюрайтиса была записана стереопластинка, состоящая полностью из классических итальянских арий.

Славе Артура Айдиняна и широчайшему его признанию помогали не только концерты в самых больших, ведущих залах страны, но и то, что он снялся в художественном фильме «Сердце поет». Половина фильма снималась в Одессе, город Одесса играл фильме город Салоники. Фильм был снят в 1956 году по мотивам биографии певца. Сценаристка Маро Ерзикян смогла, избежав «военной» линии, сделать трогательный лирический музыкальный фильм, который напоминал многие доходившие до нашей страны ита-

льянские музыкальные фильмы, в которых снимались великие Беньямино Джильи и Тито Скиппа. Кстати, Тито Скиппа во время оккупации Одессы при Муссолини приезжал в Одессу, давал концерты, а с Артуром Айдиняном познакомился во время Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве в 1957 году. Тито Скиппа прекрасно понимал, что перед ним очень яркое самобытное дарование. Приглашал записываться в Италию, но не те были времена, чтобы столь яркого исполнителя выпустили свободно за границу, – то были времена «железного занавеса».

Из Армении Артур Айдинян приехал в Одессу на лечение. Профессор Мелик-Мксьян лечил его в Ереване. В Армению пожаловал из Одессы знаменитый академик В.П. Филатов. Ему показали Артура как больного, и академик сказал, что берется сделать операцию, нужно ехать в Одессу. И вот поезд, потом теплоход «Россия»… Артур пел для пассажиров. Как всегда, имел успех. И вот уже машина «Победа» капитана теплохода везет артиста к академику. Лечение в институте Филатова, в клинике, при жизни носившей имя ученого. Владимир Петрович, увлекавшийся не только поэзией и живописью, но и вокалом, певший итальянские и русские песни, любивший оперу, сразу очаровался голосом Артура Айдиняна, стал другом и почитателем артиста. Он сделал ему две операции, первая была особенно удачной…

Певец лечился стационарно в институте, близ которого в дачном кооперативе «Научный работник» на Пролетарском, бывшем Французском бульваре, № 53, в начале первой аллеи стоял и ныне стоит дом академика Филатова. Там знаменитый ученый отдыхал от хирургических, офтальмологических трудов своих с супругой Варварой Васильевной Скородинской-Филатовой. Там он с мольбертом рисовал…

Через годы быстрая словоохотливая вдова академика Варвара Васильевна жила в домике, все время то принимала экскурсии, то спешила в институт. В домике была особая атмосфера культа академика – Варвара Васильевна перепечатывала с рукописей его стихи, гостям показывала машинописные сборники. Помню, мне она давала на прочтение переплетенную машинопись «Провозвестия» Рамакришны… Убедившись в моем неподдельном интересе к мистической стороне жизни, она показала удивительный

и мрачноватый альбом, где были фотографии и подлинные рисунки профессора Георгия Федоровича Цомакиона, который до войны рисовал тушью, резал по дереву и создавал гипсовые изображения всевозможных химер и иных мистических образов. Меня она познакомила с последним представителем этой ближайшей к Филатову семьи – с бывавшей у нее Людмилой Георгиевной Цомакион, чья мать Марфа Викторовна держала много лет в Одессе негласный культурно-философский салон, много лет дружила с академиком и оставила письменное свидетельство о своей с ним последней встрече. У Филатова была и друг, ясновидящая Анастасия Теодориди. Она предсказывала врачу-академику, как будут проходить сложнейшие его операции. Говорят, Анастасия носила не снимая две недели ночную рубашку, потом ее на две недели надевали на больного шизофренией, – и он вопреки невозможности выздоравливал. Владимир Петрович повез моего отца к Анастасии Васильевне, она некогда пела в Италии в театре Ла Скала и ставила в Одессе голоса, преподавала вокал. Она прослушала молодого тогда певца, но сказала, что это сформировавшийся голос с итальянской школой, к которому уж ничего не нужно прибавлять…

В Доме-музее В.П. Филатова под стеклом хранятся фотографии моих отца и матери, сделанные фотокорреспондентом, когда они в очередной раз навещали академика в его домике. Справедливости ради надо сказать, что у Филатова была еще квартира на Французском бульваре, в солидном сталинской постройки доме, что стоит рядом с институтом Филатова на бульваре, если идти из центра. Там тоже у академика бывали мои родители, потом вспоминали домашний вечер с угощением. В этой квартире жил сын Владимира Петровича Сергей Владимирович Филатов, тоже доктор медицинских наук, с женою. Мемориальная же доска В.П. Филатова установлена на месте более ранней квартиры академика на улице Гоголя близ дома с атлантами, держащими Землю.

Много лет операциям Владимира Петровича ассистировала Елена Аркадьевна Петросянц. Она была известным офтальмологом Филатовской клиники тех лет. Прошла военврачом войну, у нее было много орденов. Поговаривали даже, что Филатов подумывал о браке с нею, но предпочел все же активную, увлеченную наукой и медициной Варвару Васильевну. Вдову академика

я помню не только у нее дома, она жила постоянно в домике на Французском бульваре, где принимала друзей и начала проводить экскурсии, когда дом стал домом-музеем. Я помню Варвару Васильевну именно за столом у Петросянцев, где она была неизменно в центре внимания. Как изумительно она рассказывала о фантастической новелле, написанной Филатовым о статуэтке из Танагры… Или – прямо готический рассказ о том, как в Одессе было у одной женщины две небольших холста изумительной работы. Они попали к ней от отца, путешествовавшего в карете по Европе и увидевшего в старинном полуразрушенном французском замке эти два небольших шедевра. Здание находилось в плачевном состоянии, стены башни в трещинах, из которых дул ветер. Хозяева развалин давно умерли. Но старый слуга ни за какие деньги не соглашался продать хозяйское добро. Так они и уехали, не договорившись. Однако в пути выяснилось, что кучер-пройдоха услышал разговор своего господина с хранителем замка, в суматохе отъезда выкрал все-таки эти две картины… Господин был дворянином строгого нрава и, отругав кучера, приказал повернуть назад, чтобы вернуть полотна хранителю-старику. Но когда они увидели стены замка, то поняли, что замок сгорел прошлой ночью, лишь обугленные стропила в каменных провалах стен да густой запах гари напоминали о том, что недавно тут жили люли… Старика они так и не нашли. Он исчез при пожаре. Потом отец приятельницы Скородинской привез эти неправедно обретенные работы в Петербург, где и выяснилось, что создал их не кто иной как сам великий Рембрандт… Так и жили они, бесценные работы, в квартире той женщины. Отец ее умер, после революции квартиру уплотнили, но несмотря на голод и нищету послереволюционных лет, ни за какие деньги не проданы были картины вплоть до смерти хозяйки. Потом же – исчезли…

Я вспоминаю этот рассказ Варвары Васильевны, потому что хочу передать атмосферу, тональность интересов того времени. Чему удивлялись, как жили прошлым эти люди.

Дом Петросянцев, точнее, их особняк в мавританском стиле и сегодня стоит, на углу Французского бульвара и Кирпичного переулка. Дом этот был разрушен в революцию, восстановлен во времена нэпа. Хозяйка его, Елена Аркадьевна, принимала

тут пациентов, как и Филатов в своем доме, бывшем несколько дальше по бульвару. Отец Елены Аркадьевны был дельцом-коммерсантом. Вместе с нею жила жена ее покойного брата Рипсиме Аветисовна, женщина особой старомодной стати, до глубокой старости сохранявшая благородную внешность. У Рипсиме Аветисовны отец до революции был хозяином обойного завода. Рипсиме, будучи гимназисткой, приняла участие в праздничной беспроигрышной лотерее. Каково было ее разочарование, когда она выиграла… комплект обоев!..

На нижнем этаже особняка жил брат Елены Аркадьевны, скульптор Михаил Петросянц, работавший тут же, на Французском, на киностудии, на территории бывшей дачи Демидовой де Сан-Донато. В подвале особняка и сегодня хранятся несколько скульптурных работ Михаила Петросянца. Он был репрессирован за то, что оставался при немцах во время оккупации Одессы, но из лагерей вернулся и до конца жизни так и прожил в доме на нижнем его этаже…

Я хорошо помню все комнаты верхнего этажа этого дома – великолепную большую гостиную, в которой стояло пианино, мебель в белых чехлах, старинные канделябры, в которых вместо свечей были свечные лампы, два громадных фотографических портрета родителей Елены Аркадьевны, зеркальное трюмо, в котором полочки для статуэток держали головы змей, и скульптура – гипсовый слепок – «Ночь». Был когда-то и «День», тоже работы Михаила Петросянца, тоже в белом гипсе, но к тому времени давно разбился. Гостиная служила одновременно и комнатой Елены Аркадьевны.

Елена Аркадьевна очень чтила талант Артура Айдиняна, у нее дома бывали многие представители старой Одессы. У нее в гостях была знаменитая в те годы певица Гоар Гаспарян. Помню также и еще одного члена этой семьи, строгую старшую сестру Марьям Аркадьевну, тоже врача. Вообще, этот дом на бульваре в те годы стал своеобразным культурным центром армянской, да и русской интеллигенции, одного определенного ее слоя.

Академик Владимир Петрович с удовольствием бывал в доме у своей коллеги-сподвижницы Елены Аркадьевны, ведь он жил от ее дома столь близко. Ходила тогда легенда, что участок, на ко-

тором был построен институт, находился на землях, некогда купленных Филатовым. Филатовы в дачно-строительном кооперативе жили в окружении собратьев по профессии, ученых-медиков и докторов технических и многих прочих наук.

На даче у доцента Одесского мукомольного института имени Сталина Григория Даниловича Домбровского и его супруги Елена Платоновны, добрых знакомцев Филатова и Петросянцев, останавливался мой отец, когда в самом начале 1950-х годов приезжал в Одессу. Они были удивительно радушные старики. Отца моего воспринимали как сына. Когда он пел у них дома, собирались их друзья приходили и просто соседи из кооператива. Живя у них, отец заходил в гости в дом к В.П. Филатову. Одно время Григорий Данилович Домбровский был председателем кооператива «Научный работник», до 1970-х годов, Домбровские дружеские отношения поддерживали со многими жившими неподалеку: и с профессором-медиком И.М. Срибнером, и с профессором-педиатром А.И. Скротским, и с академиком-астрономом В.П. Цисевичем, чья дача была следующей по алее за их домом. А вот с академиком Ишлинским они даже вместе соорудили из ферритовых стержней устройство, которое угадывало рельеф местности до Турции. Это устройство соединялось с ламповым телевизором и – неслыханное тогда дело – они могли поймать сигнал зарубежного, турецкого телевидения. На дачном участке в углу сада у Григория Даниловича была своя химическая лаборатория. В ней возгонялись фруктовые спирты из яблок и абрикосов, потом раздаривались знакомым и соседям. Кто-то пил их, разбавляя наливки, а кто-то использовал, для того чтобы чистить иглы для примусов, на которых готовила себе обеды добрая половина жителей Одессы.

В молодости студентом Григорий Данилович, бывало, и впадал в бедность – об этом он очень колоритно рассказывал. Речь его припадала на букву «о»: «Войдешь в обжорку, – говорил он, – сорвешь с мундира медную пуговицу – и вместо денег подашь хозяину. Тот возьмет и нальет тебе миску борща, а каши гречневой – той бери, сколько хочешь, без всякого счета».

Супруга Григория Даниловича Елена Платоновна, урожденная Богданович, родом была из Винницы. Училась на курсах французского языка до революции в Париже. Говорили, что на ее пианино,

это был завещанный позже моему отцу «Блютнер», играл как-то раз С. Рахманинов…

Старики Домбровские жили очень скромно, старозаветно. Сад у них небольшой, но богатый яблоками оригинального сорта – зелеными с горизонтальными красными полосками. Очень благородно выглядели и самшитовые кусты-куртины перед домом.

Гостиная в доме была для меня заповедным местом – старинная гнутая мебель, на столе бархатная скатерть с рисунком тесьмой; у трюмо перед зеркалом сиявшие хрустальными гранями шары, стройные блестящие флаконы, и в стоячих настольных рамках фотографии дореволюционных военных, среди них – брат Елены Платоновны, погибший в первую мировую… На стенах пейзажи, этюдные работы В.П. Филатова.

Елена Платоновна была дочерью большого церковного чина. Именно в ее одесском доме были спрятаны после революции многие храмовые ценности. Шли годы, и Елена Платоновна стала по старости иной раз рассказывать то, что многим слышать и не нужно было. Ходили слухи о том, что деревянный подоконник выдвигался, и там были ценные старинные иконы в серебряных окладах – некоторые с платиновыми звездами, с драгоценными камнями. Овальное зеркало за своей стеклянной поверхностью скрывало пазы, в которых были спрятаны золотые пятирублевки. А на чердаке таилась, как тогда называли, сейф-касса, в которой – страшно сказать – была некоторая сумма в валюте, в старых долларах. Валюта в СССР была строжайше запрещена.

Видать, что-то из неосторожно сказанного Еленой Платоновной дошло до цыган. И вот как-то в ночь, когда Григорию Даниловичу не спалось, он услышал, что кто-то лезет по приставной садовой лестнице на дом, на крытую черепицей, как и большинство соседних домов, крышу. Черепицу разобрали – и уже несколько человек крадутся по темному чердаку к люку. Застонала под крышей фомка, которой взламывали люк. Но Григорий Данилович был неробкого десятка. Еще со времен, когда побережье было изрыто окопами, в которых ржавело немало оружия, а по склонам расставлены сплошные минные заграждения, в дом он принес немецкий штык-нож с готической надписью и сигнальную ракетницу, видом она была, как пистолет… Пока бандиты взламыва-

ли чердачный люк, он успел в пустой патрон забить капсюль, насыпать пороха, сверху забить картонный кругляш-жакан, а вместо картечи насыпать горсть мелких гвоздей. Стоя внизу, он увидел, как открылась крышка люка. Кто-то сверху угрожающе закричал по-цыгански. Старик выстрелил. Визг боли был ответом на гром ракетницы… Вскоре еще раздался крик – и люди, ломая черепицу, покатились, видимо, пораженные, деморализованные раной главаря, с крыши. Воцарилось тишина. Григорий Данилович только под утро открыл мощную входную дверь, ведущую на веранду, которую бандиты не решились ломать. Никого не было. О визите ночных гостей напоминал только пролом крыши и кровавые следы раненного ночным выстрелом цыгана.

Еще когда Елена Платоновна была «в силах», она отличалась большой склонностью к благотворительности – многим помогала, выхаживала, лечила. У нее часто останавливалась наездами из-под Одессы тогда уже весьма пожилая дама – Лиана фон Прайс-Фрейнд. Ее общение особенно ценила Елена Платоновна за то, что Лиана говорила с ней на французском языке. Она была отменный рассказчик. Правда, у нее, как мы позже стали замечать, было много биографий. Мой отец, бывало, подшучивал над ее рассказами о прошлом. Как-то раз, вдохновенно повествуя о прошлом, она сказала: «И вот я села за пианино и заиграла вальс». Отец мой спросил: «А сейчас, Лиана Николаевна, можете нам сыграть?». Нисколько не смутясь, села за наш дачный «Пфейфер» – пианино изумительного звучания – и исполнила вальс, о котором говорила. Отцу на сей раз пришлось промолчать. Он не знал, что она играла и на аккордеоне.

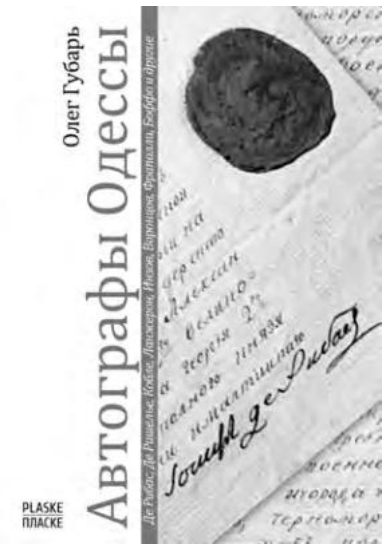
Соответственно самой правдоподобной из биографий Лианы, как ее звало старшее поколение, а за ним и мы, дети, была эта: до войны она жила в Одессе, была замужем за человеком много старше ее, инженером. Потом в Одессу пришли немецкие войска, и наша Лиана Николаевна – она была австрийского происхождения – уехала в Берлин, где, по ее словам, работала переводчицей и весело проводила время с офицерами. Какими – она не уточняла, однако нетрудно было догадаться, с какими. В Берлине она оказалась в зоне советской оккупации, была схвачена и оказалась на долгие годы в сталинских лагерях как шпионка… Потом по воз-

вращении из лагерей приехала в поселок имени Посмитного, это был очень богатый и известный в СССР совхоз. Сам председатель Макар Посмитный весьма к Лиане благоволил – она увлекательно преподавала детям в школе немецкий язык. Лиана Николаевна была одной из самых загадочных обитательниц кооператива «Научный работник» 1960-х, затем и 1970-х годов. Как-то раз я пришел к ней на урок – она мне вызвалась бесплатно преподавать немецкий язык, и увидел, что она в своей «антикварной» соломенной шляпе с черной лентой сидит в саду под деревом и… паяет что-то паяльником во внутренностях лампового приемника. На мой вопрос о том, чем это она занимается, Лиана Николаевна мне преспокойно заявила, что отпаялся провод, ведущий к конденсатору переменной частоты, причем она сначала вспомнила, как этот термин звучит по-немецки, потом перевела на русский. И мне подумалось, что у нее было весьма секретное до войны и во время войны прошлое…

Лиана Николаевна после смерти Елены Платоновны вступила в законный брак с Григорием Даниловичем Домбровским, от него она законно унаследовала дачу № 19, на которой сначала некогда появилась гостьей… Уже во время Лианы Николаевны дом все-таки был ограблен. Сама она выжила чудом – ее пытали, чтобы выведать, где что лежит. Но воров вспугнула соседка. Об этом Лиана Николаевна написала не лишенный некоторой фантастичности литературный очерк, который сохранился в машинописи.

Валентина Голубовская

«Не надо заводить архива»?!

Уверовав в молодости в завет Бориса Пастернака, я с годами почувствовала, что все чаще меня посещают сомнения в непреложности и справедливости этого заклинания – «Не надо заводить архива, над рукописями трястись».

Что такое архив, как не спрессованное в интеллектуальную и эмоциональную материю наше прошлое? Не помню, кто сказал: «У нас есть только прошлое. Будущее каждую минуту превращается в настоящее, все это уходит в прошлое и там остается». Возможно, слишком категорично, но, мне кажется, что определенный смысл в этом есть.

Не будь архивов – семьи, города, страны, человечества, мы бы оставались в самом драматическом смысле «иванами, родства не помнящими».

Эти наблюдения укоренялись во мне все больше при чтении книг исследователей истории Одессы. Не люблю слово *краевед* – что-то в нем от пионерских кружков, именно историки, знатоки одесского наследия провели для нашего просвещения и просветления годы в библиотеках и архивах, над старыми газетами

и журналами, над потускневшими от времени документами с их пожелтевшей бумагой, неразборчивыми почерками, выцветшими чернилами. Этих людей я для себя называю «национальным достоянием Одессы».

К этим достойнейшим хранителям нашей «одесской вечности» принадлежит и Олег Иосифович Губарь. Его книга «Автографы Одессы»* еще раз подтвердила мои нехитрые размышления на заданную тему.

Систематические публикации Олега Губаря об истории градостроительства в Одессе, легендарных и забытых персоналиях одесской истории в альманахе «Дерибасовская – Ришельевская» и в других периодических изданиях потом перевоплощались в книги, которые читаются как исторический эпос. И вот новая глава этого эпоса – «Автографы Одессы». В книге представлены сюжеты, основанные на скрупулезном изучении первоисточников, в которых речь идет о дорогих для одесситов именах, таких как братья Иосиф и Феликс де Рибас и герцог де Ришелье, граф Александр Ланжерон, светлейший князь Михаил Семенович Воронцов, Фома (Томас) Кобле (улица Коблевская получила название при жизни военного коменданта Одессы, много сделавшего для нашего города), первый архитектор Одессы Франческо Фраполли (в течение почти двух столетий сохранялись на Греческой площади выстроенные им здания, пока «благодарные» потомки не снесли их в угоду меркантильным интересам и не возвели очередного каменного монстра), Григорий Иванович Маразли, отец последнего выдающегося городского головы в истории Одессы Григория Григорьевича Маразли, на котором и завершился «Золотой век» нашего города… Наряду с бегло упомянутыми мною сиятельными персонажами в книге Олега Губаря мне кажутся драгоценными свидетельства о людях не столь прославленных, но внесших неоценимый вклад в становление, развитие, расцвет нашего города в благословенном для него девятнадцатом столетии. Не случайно их имена были увековечены в одесской топонимике нашими предшественниками, очевидно, более благодарными, чем мы. Авчинниковский переулок, Андросовский мол, Валиховский переулок, Жевахова гора, Колонтаевская улица, Сабан-

* Олег Губарь. Автографы Одессы. – Одесса: АО «ПЛАСКЕ», 2012.

ский переулок, мост Коцебу – за этим топонимическим перечнем стоят имена достойнейших граждан Одессы. Я упоминаю только тех, о ком идет речь в «Автографах Одессы».

Что, на мой взгляд, особенно интересно и важно в этой книге – то, что в большинстве представленных автографов герои, давно ставшие памятниками или сохранившие свои имена в одесской топонимике, спускаются с пьедесталов, предстают живыми людьми, озабоченными не только государственными делами, но и «прозой жизни», в частности, выбором и покупкой земли под будущую застройку. Какие ссоры, переходившие в долгие тяжбы с соседями из-за участка, могли бы послужить сюжетом для «криминального чтива»! Как закрывался вид на море для Конной и Дворянской улиц из-за нарушавших первоначальную планировку выстроенных домов! Все, как и бывает в жизни… К счастью, кое-что, созданное в результате этих забот и поисков, сохранилось вплоть до наших времен, будь то Воронцовский дворец или скромные, но не менее дорогие одесской памяти дом Прокопеуса на Греческой площади и дом Кирьякова на углу Дворянской и Коблевской…

Олег Губарь о каждом герое пишет краткую и выразительную историческую новеллу. История Одессы в книге оживает, говорит человеческими голосами и, кажется, на разных языках.

Прочитав книгу Олега Губаря, я спросила у автора, почему он не упомянул еще одного пушкинского героя. Как известно, Одесса изначально возникала как многонациональный город. Об этом писал в одесской главе «Евгения Онегина» Пушкин – «Язык Италии златой звучит по улице веселой, где ходит гордый славянин, француз, испанец, армянин и грек, и молдаван тяжелый…». «Где армянин?!»… Но это шутка, автор выбирал героев не по национальным квотам, а по их вкладу в историю Одессы.

Хоть вместо Итальянской – улица Пушкинская, но есть Итальянский и Французский бульвары, есть Греческая площадь и Греческая улица, есть Еврейская улица и Болгарская, Армянский переулок, Польская… Недавно узнала, что в Одессе есть даже Монгольская улица, но это уже из новых времен.

Как каждую книгу Олега Губаря, и «Автографы Одессы» требует внимательного неторопливого чтения. И самый взыскатель-

ный читатель будет награжден не только интереснейшими историческими сведениями, перед ним пройдут в конкретных эпизодах и ситуациях «люди и положения» – по Борису Пастернаку, и, что не менее важно, воспроизведенные в книге сохранившиеся в архивах документы героев этой книги. Автографы Одессы.

Вопреки строке любимого поэта, заводить и личные, и общественные, и государственные архивы надо, чтобы наше прошлое, наша память о предках не канули в летейские воды.

Анатолий Горбатюк

Четырежды голова Одессы, или Кое-что из топонимики…

Этот одаренный и высокоинтеллигентный человек, удачливый предприниматель и меценат, оставил глубочайший след в истории нашего города. Название данного очерка говорит о многом: часто ли горожане выбирают главой городской Думы четыре раза подряд одного и того же человека, тем более, если город этот уже приобрел международную известность и становится третьим по значимости в могучей империи? Может, детскую площадку открыл или где улицу булыжником замостил?..

Новосельский Николай Александрович – так зовут нашего героя, тайного советника, одесского городского голову с 1867 по 1878 годы. Он родился 23 ноября 1818 года в Грайворовском уезде Курской губернии.

Задолго до избрания его городским головой Николай Александрович обратил на себя внимание предприимчивостью и деятельным характером. Крымская война (1853-1856) помимо унижения нанесла катастрофический урон российскому черноморскому судоходству: от парусного флота практически ничего

не осталось, а пароходов оставалось только восемь: три речных торговых судна и пять морских.

И правительству, и местным властям (предпринимателям – в первую очередь) была понятна необходимость скорейшего восстановления флота на Черном море, потому очень кстати оказалось поданное в мае 1856 года Н.А. Новосельским и флигель-адьютантом Н. Аркасом прошение о создании частной пароходной компании. Правительство не только дало согласие, но и предоставило экономические льготы будущей компании. В августе того же года Одесса праздновала рождение Русского общества пароходства и торговли (РОПиТ), которое благодаря деятельному участию городского головы Новосельского в 1874 году имело в своем составе уже 97 парусных судов. Одесситы с восторгом избрали Николая Александровича городским головой. Но это было только начало! В 1870 году РОПиТ приобретает в собственность Одесскую железную дорогу и интенсивно занимается созданием развитой железнодорожной сети не только в порту (железнодорожная эстакада и пр.), но и всего Юга Российской империи.

Еще в 1861 году Николай Александрович инициирует столь необходимые Одесскому порту дноуглубительные работы в его акватории, на что было выделено 500 тыс. руб. Дело в том, что из-за малых глубин суда, приходящие в Одесский порт за зерном, стояли рядами на рейде. Зерно с подвод перегружалось в так называемые подвозные лодки по 200-300 четвертей (3,5-5 тонн) каждая и отвозилось на рейд. Изнурительная и занимавшая много времени работа! Дноуглубление велось в течение пяти лет. В ходе работ выясняется, что составители сметы ошиблись в… 10 раз, и выделенные средства закончились практически при проведении подготовительных работ. Не хватало 4,2 миллиона рублей – огромные деньги! Усилиями самого Н.А. Новосельского, под личные гарантии новороссийского и бессарабского генерал-губернатора и командующего войсками Одесского военного округа Павла Евстафьевича Коцебу необходимые средства были получены, и столь необходимые не только порту, но и городу работы успешно завершены. В разы сократилось время погрузки судов, которые теперь могли войти в акваторию порта и пришвартоваться к причалу!

Продолжая постоянно находить полное взаимопонимание с П.Е. Коцебу, городской голова коренным образом изменяет быт нашего города – с привлечением капиталов концессионеров из Англии в 1873 году вступает в строй одесский водопровод, на то время – самый современный и с лучшим качеством питьевой воды в Европе!

Одесса благоустраивается, появляются парки и скверы, город (и не только в центре) освещается газовыми светильниками, прокладываются канализационные сети, улицы, избавленные от зловонных канав с нечистотами, вымащиваются гранитом, строятся архитектурно привлекательные доходные дома и гостиницы. Из типичного средиземноморского городка с греческими харчевнями, турецкими кофейнями, итальянскими винными подвалами и базарными площадями (по определению известного одесского исследователя Олега Губаря) Одесса превращается в современный европейский город, один из наиболее благоустроенных городов Европы. Обращает на себя внимание неуклонный рост числа так называемых «народных училищ» и других благотворительных заведений, в чем значительная заслуга городского головы. Кроме того, Николай Александрович является основателем Общества куяльницко-хаджибеевских соляных промыслов и Одесского кредитного общества.

Современники Новосельского писали о нем как о высокообразованном человеке, завзятом театрале и книголюбе, любителе путешествовать. Оставив пост городского головы, Николай Александрович продолжал жить в полюбившейся ему Одессе на улице Ямской.

24 сентября 1898 года в Одессу приходит известие, подвергшее искренней печали ее горожан: во время одного из путешествий по Европе Н.А. Новосельский неожиданно умирает. 10 октября прах его был доставлен в Одессу и после отпевания перевезен в Санкт-Петербург, где, согласно воле покойного, захоронен на Новодевичьем кладбище, в то время – одном из самых привилегированных кладбищ столицы.

Решением городских властей Одессы после смерти Новосельского была учреждена стипендия его имени, а портрет выдающегося городского головы должен был вечно висеть в большом зале

Думы. В 1901 году улица Ямская получила название Новосельского, долгие годы при советской власти называлась улицей Островидова (в честь оперного певца и священника, помогавшего становлению советской власти), а в 1995 году вновь стала улицей Новосельского…

Вот таким образом я собирался закончить очерк о выдающемся одесском гражданине, но в последний момент захотелось побольше узнать о человеке, чье имя носила улица добрых семь десятилетий, называвшаяся в разное время и Верхней немецкой колонией, и Колонистской, и Немецкой, и Ямской… Я имею в виду Василия Александровича Островидова (сценический псевдоним – Тассин, народное прозвище – Красный поп). И открылось мне много интересного…

Нашел в Интернете любопытный материал «Великий оперный артист», автор которого, журналист, работавший ранее в редакциях газет разных регионов Украины, а ныне живущий в Израиле, сокрушается: «В Одессе была улицы Островидова, а сейчас ее *почему-то* (курсив мой. – **А. Г.**) переименовали в Новосельскую. Такая улица была и в Харькове, и в Балте…». Не буду судить о топонимике Харькова и Балты, а вот то, что в Одессе такое название улицы появилось… как бы помягче выразиться… – не совсем легитимно, – в этом уверен. Ну, посудите сами. «Родился Островидов в селе Копены Аткарского уезда Саратовской губернии. Окончил Камышинское духовное училище и стал послушником в монастыре, откуда вскоре сбежал. Потом был конторщиком на пристани, учителем в сельской школе и дьяком в кафедральном соборе…» – это цитата того же автора. Затем наступает звездный час Василия Островидова – открываются его необыкновенные вокальные возможности, его бархатным басом восхищается сам Федор Иванович Шаляпин, он гастролирует не только во многих городах необъятной Российской империи (замечу в скобках: не заезжая в Одессу), но и в Италии… Потом что-то происходит с политическим сознанием взошедшей звезды, он рвет со сценой, возвращается в религию и служит в кафедральном соборе Владивостока, затем на гребне Октябрьского переворота идет в народ, выступая с проповедями перед крестьянами и собирая тысячные толпы (отсюда и прозвище – Красный поп), пока в апреле 1921

года в Балте не принял мученическую смерть от рук бандитов Заболотного. Прах Василия Александровича был доставлен в Одессу, чтобы быть новой властью захороненным со всеми почестями на I Христианском кладбище, которое той же властью в середине 1930-х было варварски безжалостно уничтожено. Вот где бы следовало сокрушаться коллеге из Израиля! Впрочем, вполне допускаю, что об этом весьма прискорбном и не поддающемся осмыслению событии он мог и не знать…

Конечно, исходя из чисто человеческих понятий, искренне жаль так и не состоявшегося до конца гения мирового масштаба, может быть, оперного искусства, но, простите, при чем здесь по-настоящему великий одессит Николай Александрович Новосельский, его великие деяния на благо Города и улица, названная в его честь? Улица, постепенно утратившая свой некогда неповторимый шарм и традиции, но все равно по-прежнему любимая одесситами. Впрочем, это уже совсем другая история…

Сергей Рядченко

Укротитель баранов

Записки трезвого человека

1

Решил начать новую жизнь, и не с понедельника, как раньше, а прямо с воскресенья, и не с чего-нибудь, а с того, чтобы просто выполнить давнее обещание, потому что откладывать уже было просто некуда, просто даже уже опасно для собственного миропонимания с самоопределением, без которых, как известно, человеку эректусу в нашем горбатом мире просто никуда. Вот как вышло, что поутру принарядившись, мы с сыном взялись за руки и отправились в цирк на тогда еще улицу Подбельского ко всегда у нас Новому рынку.

Моросил наш декабрьский дождик, и продолжатель фамилии пяти с половиной лет от роду обеспокоился, где сейчас цирковые звери, не мокро ли им, не застудятся ль.

На афише значилось просто:

СВЕРДЛОВСКИЙ ЦИРК
НОВОГОДНЕЕ РЕВЮ
УКРОТИТЕЛЬ БАРАНОВ
ТИГРЫ
КЛОУНЫ
МУЗЫКАЛЬНЫЕ ЭКСЦЕНТРИКИ
ВОЗДУШНЫЕ ГИМНАСТЫ

Я прочел вслух, чтобы убедиться, то ли я читаю, а сын спросил:

– А разве тигры баранов не слопают?

– Признаться, Саня, баранов мне в цирке видеть еще не приходилось. Нет, честно. Не слыхал, что их дрессируют. Ведь бараны ж!!!

– Ну, да, – сказал Саня. – Ну, точно.

– Но раз так, – сказал я, – поглядим. Это, наверное, горные свирепые звери весом, как два меня.

– А два тебя это как?

– Это вот так, смотри, килограмм так двести.

– Ого-го!

– Они, Санька, с утесов сигают вниз головой на собственные рога, и им хоть бы хны, представляешь?

– А ты их охотил?

– Я про них смотрел телевизор. Бьются они, Саня, друг с другом по нескольку дней кряду.

– Что такое «кряду»?

– Без перерыва. И никто не отступает.

– А зачем они бьются?

– За место вождя. За прекрасную овечку.

– А как они бьются? Вот так?

– Да. И вот так тоже. А еще вот так. И вот так.

Сын засмеялся:

– Щекотно!

– Так что, думаю, они смогут за себя постоять. Вряд ли такие бараны станут легкой добычей для измочаленных в цирке тигров.

На вопрос об «измочаленных» ответом было «уставших, дальше некуда».

– А почему они устали?

– Потому что только ты не устаешь задавать вопросы. Все остальные имеют обыкновение, потрудившись, взять да устать.

– А тигры – они как потрудились?

– А вот так. И вот так.

– Щекотно! Нет, ну а правда?

Тогда я пустился в пространные рассуждения о том, что будь ты хоть зверем, хоть человеком, хоть преклонных годов, хоть молод, а все равно, коль неймется тебе достичь хотя б маломальского пускай мастерства под солнцем (или под куполом), так придется, Санек, все ж сперва, хошь не хошь, а повкалывать тебе до седьмого пота. Вот. Надо полагать, что сынишка вроде, и я заодно с ним, приняли к сведению эту проповедь, ибо вздохнули с «э-хе-хей» и наконец притихли оба; и, миновав не без опаски, словно Сциллу с Ха-

рибдой, нафталинных, с пафосом во взорах капельдинерш, ступили вдумчиво с правой ноги под долгожданные своды, где вникли с благоговением в дурманную атмосферу сего обиталища иных реалий.

Ароматы опилок, зверей и людей, отголоски страхов и восторгов, рисков и состязаний, крахов, фуроров, дружб, интриг и надежд, измен и любовей, полетов под куполом и падений всмятку, эх, вскружили мне голову и отволокли во мгновенном вихре назад на треть с лихвой века, когда и меня сюда тоже, вот так взяв за руку, привели под какой-то новенький с елочки-иголочки Новый год. Я забыл, а теперь вспомнил, что тут витает дух полнокровной жизни, дух неподдельной игры в самое себя, и сквозь все сквозь это проступает к тебе отовсюду непонятно, как – вопреки твоим мнениям или ж в угоду им, – зазывное предвкушение мистерии, без которой вдруг почему-то больше не обойтись. И хотя сегодня черед был уже не мой, а следующего, однако ж и я за компанию внятно испытал в себе дерзкую в ожидании чуда искристую невесомость, под стать той, из детства, когда бытие сладко манило окунуться в него с головой безо всяких оговорок, и многое, очень многое еще можно было решить совсем по-иному.

Что ж, убыванию во мне гравитации не стал я препон чинить.

И, признаться, собой удивлен был.

Потому как шанс упустить равновесие и взять вдруг да шлепнуться носился повсюду тут, но по странности, говорю вам, многолетняя привычка контролировать ситуацию отошла от меня на цыпочках в сторонку и уступила место оголтелой жажде новогодних подарков. Вот вам и трезвость в выходной с утра пораньше. Так ведь и до слабоумия рукой подать.

– Гуляем, Саня? Да? Как по Питерской.

– Как по Пироговской, – сказал сей муж достойный.

От в избытке сквозящей тут иномерности и тугого, взахлеб, многозапашья Александр Иваныч в канун представленья и себе пришел в немалый ажиотаж и, дабы совладать с ним, получил из рук отца без второго слова эскимо в испарине и стакан лимонада с орешками.

Впервые в цирке, Саня дал себе волю глазеть вовсю и помалкивать.

И представленье для нас для всех, пробил час, началось.

2

Санька вздрогнул от зычности шпрехшталмейстера, но скоро приноровился.

Не знаю, относится ли он к детям индиго, к новому у нас человечеству, может, что и не дотянулся, но по части приноравливания, друзья, нам с вами, мастерам этого жанра, Санек, не откажешь, фору выдаст. Так что и я вслед за ним приналег и втиснулся в отведенное мне на том пиру пространство-со-временем.

Места, что мы заняли, были впритык к манежу, и поначалу это виделось преимуществом и работало всецело на преумножение детского восторга. Клоуны поливали нас слезами дистиллята и хохотали нам прямо в уши, эксцентрики норовили нас увлечь в швыряние бутафорией, а весьма юных лет, но уже безупречный престидижитатор извлек у Сани из-за шиворота упитанного, с одышкой, кролика в цилиндре и новенькой жилетке.

– Щекотно?

– Не, мякенький.

– Хорошо, что не ежик?

– О, да, – сказал Санька. – Шутишь? Повезло.

Потом, как положено, со взмокшими ладонями и румянцем во всю щеку мы страшились за судьбы воздушных гимнастов, их было много, и одной гимнасточки, одной, а они все наперебой демонстрировали особое цирковое безрассудство, но оттого, что оно было цирковым и особым, и что проявляли его они, возможно, не столько на потребу тех, кто уплатил, сколько для себя самих, суть дела все-таки не менялась, и опасность оставалась опасностью, и мы б с Санькoм, думается, желали б уже, чтоб они там все поскорее прекратили б уже вытворять свои трюки под куполом поголовно, и уже б поскорее сворачивались бы, пока не дошло до беды, уже б спускались бы себе, судьбу б не искушали б. И вздохнули мы наконец с облегчением, когда они отлаженной гурьбой пружинисто сошли из-под купольных высей к нам сюда на арену целыми и невредимыми, и она среди них.

– А они, если свалятся, то что им будет?

– А ничего.

– Ну, ушибутся?

– …

– Или могут убиться?

– Ну, не свалились же.

– А могут?

– Не могут.

Фух.

Потом были силачи с гирями и ядрами, и нам с Санькой захотелось, воротившись домой, достать гантели из-под кровати.

– А мама разве не выкинула?

– Нет. Гантели нет пока.

А потом на арену вывалила вдруг гурьба разноцветного люду. И устроил этот люд там для нас настоящий – что бы вы думали? – балаган.

3

Я, конечно, слыхал, что в Свердловске во все времена обитала фронда. И в перестройку, и в застой, и при Сталине, и еще до катастрофы семнадцатого, и логично предположить, что ведет она там свою историю со времен самих декабристов, если и того не ранее, ибо засылать в ту степь всяких инаких, сами знаете, повелось на Руси исстари. Вот они там век за веком и выковались на студеных ветрах в доселе невиданное и явили собой продвинутый нынче этнос, до которого нам с вами, друзья, как до горизонта. А растолковал мне про что там к чему раз как-то за полночь посреди дымного честно́го собрания в апартаментах с цифрами на двери 1614, где обитали в ту пору почти тезки Серега с Дауром, под самой крышей общежития ВГИКа по улице Галушкина, упиравшейся тогда еще мимо пожарного депо и высотки на курьих ножках прямиком через проспект Мира в веромухинских железных Рабочего и Колхозницу, друг моего, да, друга, режиссера с берегов Днепра, бесподобный, в нагайской шапке из волка, житель Томска карлик Володя, весельчак и умница, кандидат исторических и еще каких-то кибернетических наук. «Всего три таких нас, – растолковывал он. – Мы, Екатеринбург и еще, сам понимаешь, Новосибирск. Специфика, расскажу, у всех своя. Но Томск, старик, сам понимаешь, в первую очередь». В означенном центре новомыслящего этноса Володя в ту пору, чтоб вы понимали, препода-

вал не что-нибудь, а научный коммунизм, и это тем вечером послужило ему в его волках, да и нам кто в чем, благодатной почвой для особого веселья, и лишь те, кого темп олимпийский сморил прежде прочих, не из-за лени, а по малости закуси, не отпустили на сей счет никакой остроты. Вообще же вышло славно, потому что кто бы что бы там в том застолье кому бы ни нагородил ни с полусна, ни с бухты-барахты, никого в тот раз, представьте, потом не замели и даже не спрашивали, а времена еще были, скажу, очень даже метельными. Сразу после Брежнева. Ну и, стало быть, прямо перед Черненко. Да, вот как некогда проведал я про храбрецов и умниц из далекого Зауралья. А если верить афише, то именно оттуда вырвался к нам сюда на арену весь этот скомороший завзятый люд.

С первым же взвизгом луженого голоса, с первой же беспардонной площадной выходки гурьба эта на арене хлестнула нас оттуда всех разом и каждого по потребностям тугим размашистым действом, таким, которое, не скажу за других, но я, тверезый и затеявший новое житие, никоим образом не чаял узреть в нашем с вами, дамы и господа, уважаемом всеми одесском цирке на дневном представлении для детей под эгидой елки предновогодней.

Жаль, поверьте, вот вправду жаль, что вас там не было. Потому как браться за пересказ тут, честно, безнадега та еще.

Усердно подбирая слова, можно, пожалуй, выразиться в том смысле, что нам предложили на арене, представьте, краткую историю, но не ВКП(б), а театра дель-арте от момента его возникновения по самые наши окаянные дни-денечки. Историю, друзья, в лицах, а вернее, конечно же, в масках.

Наверное, тот, кто затеял это, сызмальства был поклонником мэтра Феллини, потому что помимо зычных, наотмашь, итальянских словечек, возопиваемых со смаком там и сям, во всем в этом сквозил еще и напористый дух вечного круговорота, под стать которому вершатся, увлекая с экрана нас за собой, хороводы затей и судеб в лентах несравненного Федерико. Но тут в череду моих поспешных догадок вмешался страж места, на котором расположен наш дивный город, наш бесподобный Привоз с Дерибасовской, наш Приморский бульвар с Пушкиным и пушкой с фрегата «Тигр», с мэрией в колоннах под часами, с Гермесом в нише с мешком денег,

с Колоннадой – этой грацией среди граций – над портом, над морем, над грезами, с увенчанной Дюком Потемкинской лестницей, каких больше на свете не бывает, наш таинственный в скромности своей цирк у Нового рынка, наш Большой Фонтан с Дачей Ковалевского и наш Люстдорф с высоченным обрывом, ползущими дачами и тугими виноградниками, наши Пересыпь и Молдаванка, Слободка и Заставы, и Ближние Мельницы, Григорьевка с десантом, и Лузановка тут у нас, а как же, и Крыжановка, и гора Чумка, и заводы с винзаводами, и Еврейская больница, как монастырский анклав в дряхлеющем борделе, и длиннющая улица Мечникова, по которой сколько ни топай, мало что сыщешь, и полная исчезающей эзотерики Среднефонтанская – с тем ее от вокзальных задворок и до 5-го Бассейного тихим омутом за некогда деревянным мостом над разбегающимися отсюда во все концы Евразии рельсами, и там, в той запрятанной улочке за забором с чугунными воротами с номером четырнадцать бэ в сокрытом от случайного обывателя большом доме посреди большого с фонтаном двора явились и мы с вами на белый свет под гудки паровозов как-то на выходной в середине века к радости большого семейства; – и обманчиво бестолковая Водопроводная с полной (или частичной) неосмысляемостью тока по ней замыслов и расстройств, объектов и субъектов, и филармония – шедевр архитектуры с плановым дефектом акустики, и батарея четыреста одиннадцать с подлодкой на пьедестале и ореховой рощей, что скоро станет, вот-вот, маленьким лесом, где, может быть, еще сыщется свой Робин Гуд, ну, не Маугли ж, и арка в Отраду напротив госпиталя на Пироговской, где вас на свой страх и риск еще могут взять да вылечить вопреки всему, и акватория гавани, созерцая которую жизнь жить не жалко, и брусчатка Французского бульвара под разноцветной из конца в конец осенью, и Аркадия, какая есть, какая была и будет, – все это тут у нас с вами, целиком не постичь, но это мы, и это наше, – и явился мне тут страж места, на котором стоит наш город. Он, страж, блюститель прав и порядков, покровитель любви и закадычности, радушия и гостеприимства, а также клятв, договоров и субординаций, явился вдруг невидимый из-под купола, то ли из чьей-то уборной; он представился Сторожем, потом Даром Федием или, можно, Федор-Иванычем. Он дыхнул мне за шиворот несусветными тарань-

ками со сливовицей и указал на огрех в моих умопостроениях. И вышло тут же, что коль пораскинуть мозгами, чего делать, конечно, мы ж знаем, не хочется, но, увы, пришлось, то сразу видно, что сегодняшний наш затейник никоим образом не одалживался у досточтимого мэтра Федерико, а припадал, как и сам мэтр, непосредственно к живительным истокам площадной комедии. Вот куда.

В любом случае загадочный из далекой Сибири управитель неуправимого предстал там для нас в тот день могучим адептом таких таинств, что нам, ординарным посетителям одесского цирка, в силу разных причин доселе неведомы; и спросить негде.

По арене вдруг пурпурной в серебре и позолоте промеж враз надутых вертепов и расфуфыренных кулисок носились влево-вправо и взад-вперед, выкидывая хамоватые коленца, персонажи из давней заморской жизни. Они, проныры, они, ловкачи, они, субчики и сводни, селадоны, резонеры и жеманницы, простаки и чванные, блюстители и крамольники, хитрецы, набобы, парвеню, старики и молодухи, разумники и оболтусы перемещали себя вплотную друг мимо друга и от нас рукой подать, и крутили в острых ракурсах сальто-мортале, и кувыркались не к месту на повышенных скоростях; они спотыкались, шлепались, пластались и шмякались, и вновь обретали упругую вертикальность, и все для того, чтобы снова страдать, дурить и дурачиться, рыдать горюче в сто фонтанов и звонко хохотом запускать петухов под самый купол, и трясти, трясти, трясти накладными и собственными фасадами и задворками, курдюками и бюстами.

Они, все эти нам Панталоны, Скарамуччи и Коломбины, Артамоны, Джиопполины, Арлекины, Охламоны, Педролины, Балансоны и Труффальдины, Стентереллы и Пульчинеллы, Каравеллы, Капитаны и Докто́ры, слезы, визг, объятья, ссоры, срамы, драмы, ураганы, сребро-злато, басурманы, Жирандоли и Тартальи, Целомудрецы, Нахальи, Искусители в сутанах, Попечители в кафтанах, Хрены, Редьки и Петрушки, Топинамбуры, Простушки, Сельдерей, Капрал, Субретка, Инженю, Майор, Нимфетка, Карабуцалка, Дрожалка, Панч, Апач, Дуршлаг, Скакалка, Хмырь, Бригелла, Офигелла, тут Фиаска, там Поспелла, Барин с Барынькой, Дылда с Маленьким, сто секретов от Полишинеля, Субалтерн, Форейтор, Кассандра, Емеля, – все они, кого ни хватись, двунадесять персона-

жей, перемноженные с двунадесятью, – ноль на ум, а наяву все сто сорок четыре заправских циркача нового времени, да, – создавали в отведенном пространстве и невесть откуда внахлест с ним, с нами рядышком, да-да, возбужденную, немыслимую, выверенную до мизинца суматоху.

Они нам ее не демонстрировали, они нам ее подавали. И по их мановению мы, вкушавшие, причастились восторгу: всколыхнуло нас, и воодушевленные, мы проплыли над житием и отчаянием.

Блюститель прав и порядков и здесь сослужил мне службу: надоумил глянуть на представленье глазами Саньки. Наклонился я к сыну и узрел, как уж было и сам себе догадался, что видимые из моего угла скабрезностей гейзеры и пульсары эротики там, на арене, под Санькиным ракурсом рядились в одежки уморительных проказ с репкой и бабкой и детских шалостей с тремя поросятами. Вот вам и чудо предновогоднее самое что ни на есть, и его в любой момент в любом месте больше, чем его самого, и вниманья нам от затеи той буфф, сякой-такой буффонады, каждому было хоть отбавляй.

Распрямившись, я воротил себе свое видение, и вдруг подумалось влет, из ниоткуда, что кроме прочего служится тут реквием по рухнувшей на всех на нас в тот день огромной империи. И чего вдруг? Ведь не знали еще ни о каких хитрых дядьках в ночи среди зубров в пуще Беловежской, ни о каком, скажи, лесном соглашении. Ведь не ведали ж, не гадали. А блеснуло вдруг тихой молнией, что Союз нерушимый рушится. А паяцы со скоморохами панихиду тут правят по нем (по СССР) и по ней (по империи), отпевают их на все голоса – в том смысле, что сквозь балаган с подачи их нам вдруг позволено видеть уже и слышать уже то, что пока еще не позволено. И хохочем мы тут над тем, над чем хохотать никто еще сверху отмашки нам не давал.

Вот так выбрались, доложу, наконец, елки-палки, в цирк мы на елку.

Действо многоликое, мистерия-стеб, свернулось, как и возникло, – враз. Без экивоков. Цирк!

– Ух ты! – сказал взмокший насмеявшийся Санька. – Это клоуны?

– Это их бабки с дедками.

– Шутишь?

– Это, Саня, бойкие персонажи со всех базаров старой доброй Европы. Так вот они себе тогда развлекались.

– А теперь?

– Время ушло.

– А в цирке осталось?

– Точно. Глаз-алмаз.

– А Европа почему добрая? Потому что старая?

Я кивнул.

– Это та, что на быке на Девятой станции?

– Ага.

– Так она там молодая.

– А разве стал бы себе Зевс умыкать старушку?

Санька засмеялся, обнял меня за шею и уткнулся в ворот свитера, дабы пережить, хоть наскоро, выпадавшие ему один за другим восторги. Я нашел уместным бегло поведать ему о комедии масок, с чем ее едят. Лидок была б недовольна. «Старичка делаешь», сказала б она.

– Молодцы, – сказал Саня, – эти дэльярты. Я так никогда еще не смеялся, – он выморгал слезы и отстранился от колючего свитера. – А ты?

– А я давно.

– А когда?

Я пораскинул всласть мозгами.

– Ну, пожалуй, когда родился.

Благодарная моя аудитория хохотнула, но сил смеяться всерьез больше не было.

– А все плачут, да? Ну, когда их рожают. А тети тоже бывают клоуны? А этот Панталоне, он плохой или хороший? А время, оно куда уходит?

– Ха. Знать бы.

– Ты не знаешь?! А кто к тебе приходил?

– Дар Федий. Сказал – можно просто Федор Иваныч.

– А он что, пивом дышит?

– Нет. Сливовицей. Но с таранькой.

И я был тут же вынужден, будьте уверены, растолковывать, что такое сливовица, где ее пьют и как готовят. Мне зачлось.

4

В антракте мы прошлись по фойе с доставшимся нам не задорого заводным морским котиком, который в цепких руках юного дзюдоиста трещал ластами и крутил шаром на носу. Санек признался, что и к нему тоже, бывает, заходит поболтать Федор Иваныч, только он у него другой и зовется иначе.

– А как же его величать?

– А не повторю, – сказал Саня. – Язык поломаешь. А маме тюлень понравится?– А тебе?

– А мне уже. А тебе?

– Пойдет, вроде, – сказал Саня. – Пойдет.

Дали звонок. И мы воротились на свои места у самой арены. Отзвонились вторые и третьи, свет в цирке прижмурился, а во вспыхнувшем на манеже круге софита возник шпрехшталмейстер и с изыском на раскат баритоном всех регистров приказал нам ждать сюда вот-вот свирепых хищников Уссурийского края, самых крупных на свете тигриц и тигров под руководством знаменитого и лауреатного артиста Коми АССР укротителя Ярослава Баранова!!! Тут я и понял, что дрессированных баранов нам в тот день не видать. Но это и все, что я в тот миг понял. А встрепенувшееся по нутру предчувствие неладного отнесено было скорее к отсутствию решеток между нами с Александром с одной стороны и теми, кого нам тут зычно пророчили, с другой.

И хоть ждали их, объявили ж, но ворвались они внезапно вшестером или всемером, огненнополосые, влажноклыкие, хвостатые и усатые, с во все стороны рыками и зырками, и бесшумным шлепом огромных лап по манежу.

Отсутствие нашей от них защищенности повергло меня, скажу, в оторопь. Так что лишь спустя полпредставленья я допер-таки, что укротитель Баранов этот – это тот самый, мой, наш, Ярик Баранов, с кем мы бедовали плечом к плечу в чужих горах и жрали одну на двоих тушенку.

– Нету баранов? – сказал Санька. – Ты понял?

– Нету, – признал я. – Баранов нету. А это Баранов. Вот, сам-сусам.

– А-а, – сказал Саня. – Укротитель? Да?

– Может быть.

Сын потянул меня за рукав и прошептал в ухо:

– Па, а мне страшно.

– Мне тоже, – шепнул я. – Но если мы вытерпим и не сбежим, так нас и не цапнут.

А тигры меж тем – им было не до нас, им было там чем заняться – ходили, фыркая, на задних лапах, прыгали сквозь огонь и друг через друга и позволяли их повелителю, царю всех зверей, просовывать в пасть к себе его римско-мраморных форм башку со взмокшей шевелюрой. Цирк замирал, а потом аплодировал. Трижды, четырежды, десятикратно. Под очередную овацию укротитель Баранов мановением своего жезла велел тиграм убраться с манежа, и те ретировались один за другим, и за последним занавес сомкнулся.

Под бравурные звуки оркестра, и все еще принимая звонкое одобрение публики, Баранов раскланялся на три стороны, а потом в череде прочего подбежал вдруг к нам с Санькой и глянул мне в переносицу:

– Ну, что, Иван, уставился? Прошу ко мне в пенаты, – и протянул нам обе руки. – Теперь и я вас, друзья, как следует наконец разгляжу. Кого заново, а кого и впервые.

Он выдернул нас из публики поверх красного с потертым плюшем периметра, что отделяет тех от этих, и мы с Санькой ступили в опилки на пружинистый манеж и, словно дети, под новый взрыв аплодисментов и оркестровый туш пошагали за руки с Барановым через ослепительное нагое пространство в закулисную неизведанность.

– Улыбнитесь, друзья, – сказал нам Баранов. – Все равно никто не поверит, что вы не подсадные.

Редколлегия альманаха «Дерибасовская – Ришельевская» поздравляет Сергея Ивановича Рядченко с 60-летием.

Ефим Ярошевский

Жизнь была страшна и прекрасна… Как во сне

(записочки провинциала…)

…или Эхо романа…

Запись № …

…Улицы Одессы 60-70-х… К ночи это уже были корабельные палубы и мокрые паруса… В них всегда жил ветер. Ветер и дождь. К ночи ветер набирал силу и штормовую мощь. Улицы пахли бензином, солью и туманом. Мы прощаемся с Толей Гланцом на знаменитом углу – Советской Армии и Чкалова (а также Военно-Морского Флота! – прибавлял он почему-то.) Около овощной лавки, где работал его замечательный отец – Франк, или Франя, похожий на Жана Габена… Улица Чкалова – угол Валентины Гризадубовой! – здесь мы пытаемся расстаться… (Вряд ли кто из читателей знает, кто такая Валентина Гризадубова. А я знаю. Я собирал когда-то советские марки…)

– Но зачем тебе Военно-Морской Флот?! – спрашиваю я ошалело.

– Флот мне ни к чему. Как и тебе. Но такое название мне… ближе. Я тогда знаю, что уже не заблужусь. Вернее, не заблудюсь… (от слова «блуд») Я – как мой папа. Который говорил: «Толя, как надо правильно сказать – изобрил, изоброл или изобрул? Или изобразил?..».

– Папа, ИЗОБРЁЛ!!

– Хорошо, пусть будет «изобрёл»…

(Но изобру́л – ему больше нравилось…)

……..

…Мимо ворот по мостовой продвигаются по диагонали, держась друг за друга, два ночных и безвредных сумасшедших… Уже немолодые люди, Додя и Володя. Они не братья. Хотя по уму – очень даже. Они всегда вместе. Всегда вдвоем. Их нельзя разде-

лить. «И в этом их сила», – говорил Толя. А у Привоза их всегда ждал несчастный Шая, который всегда, в любую погоду, ходил босиком… Сейчас ему дали сигарету. И он счастлив.

…Я вспоминаю ночное море, 12 станцию… Ночь, лето, пыльные вишни у дороги. Цветы, одуряющий запах белой гвоздики. Початая бутылка шампанского на скамейке… Купание в ночной воде. Громадная луна над горизонтом. Такая странная планета… Рядом – Вадик Чирков и Юрочка Новиков. Мы говорим о великой задаче кинематографа (почему-то). О том, как было бы замечательно – снимать город и море ночью, и не обязательно обнаженных ночных купальщиц.

Хотя и их тоже. Прежде всего, их! И без камеры, без камеры!! Только глазом, виртуально. Как Дзига Вертов. Главное: зафиксировать их смех, бюст, брызги при луне, черную, как нефть, воду… Потом – хорошо бы снять «в волшебном и рискованном ракурсе!» – ноги девочек (это говорит Юра, задыхаясь и предлагая варианты), танец пьяных проституток Привоза!! И обязательно черных кошек, несущихся с крыш, и автомобильные фары в тумане… Черно-белые кадры. Непременно черно-белые! Контрасты! Контрасты!.. Тоновая съемка! Чарли Чаплин. Немое кино… Нью-вейв. Новая волна! Не забыть и зверей в ночном зоопарке, который подобен тюремной больнице… – Но при чем тут…?

Но он не слушает. «После чего… мы увольняем ВСЮ администрацию зоопарка! – кричит в азарте Юра. – Всю!! За безобразия, которые там творятся!.. Ибо администрация уже НЕ МОЖЕТ справиться. С великим задачами кинематографа!.. и содержать сытых и не больных зверей! Администрация собой уже не владеет!…» Бред какой-то.

(Как-то Игорь Павлов мне сказал: «Если бы пройти с киноаппаратом по городу – ЗА ТОБОЙ, Фима, но так, чтобы ты этого не видел… получился бы один из лучших документальных фильмов мира… Удивляюсь, что до этого до сих пор никто не додумался».)

Из записочек провинциала…

…Мы долго прощаемся с Толей Гланцем. Стоим на ветру, курим, разглядываем созвездия… Потом Толя, кутаясь в шарф, глухо читает мне стихи:

«Я уже большой, как видно,
Я иду пешком по крышам,
Я иду на нерест ночью,
Гулко кашляя в кашне.
И за мной плетется вечер,
Кровожадный провожатый,
Языком глухонемецким
Заслонив родную речь…»

– Как, Фима?

– Отлично, Толя! Отлично!..

– От нуля??

– Нет, в самом деле…

А потом прочел это:

«Отравился старым бензином на работе случайно Сережа. И не помогли ему ни слава, ни знакомство в английском посольстве. Проносил его ужасно по зеленым улицам ночью мимо денег, лежащих в кассах, мимо дворников, спящих в койках…» И стало мне тогда невероятно грустно и сладко, как после рассказа какого-нибудь Фолкнера или Шервуда Андерсона… Ниврoку.

…Валик Хрущ, гениальный художник Одессы, потом нам рассказывал…

– …Иду я по Новорыбной, около Привоза. Уже почти часов 12 вечера или ночи… Смотрю – стоят два еврея, два поэта. Два талмудиста под звездами. Один длинный, худой, с большим носом. Второй тоже еврей, но полнее и моложе. Смотрят в небо и, наверно, видят там Бога… Прикидываешь? И курят. Оба держат одну книгу… Книга одна на всех! Талмуд, ясный х… И не могут от нее оторваться. Они читают и курят в темноте. Курят, между прочим, хороший табак! Настоящий «Липтон». А мне как раз очень курить хочется. Как никогда. Но отрывать людей от Талмуда, ты же знаешь, – это не в моих правилах… Я терпеливо ждал. И чуть не обмочился тогда. От нетерпения…

Потом сказал нам: «Ребята, лучше заходите ко мне. Чай как раз вскипел. Вика дома, мы будем рады. Но курева нету, учтите. И до утра вряд ли будет!». Мы, конечно, немедленно его угостили… Постояли немного, Хрущик прочел нам под звездами короткую, но содержательную лекцию о Филонове и Кандинском… сказал еще

что-то, кажется, о креветках. Потом добавил на прощанье: «Вы будете смеяться, ребята, но этот поц, извините, с Новорыбной (который купил у меня вчера клевые крючки с клеймами) всю ночь стоял у камней с удочками, ни хера не поймал… и в тот же вечер повесился на ремне, на чердаке у Кузнецова, где снимал двухметровую хавиру на крыше. За семь рублей! …Причем не заплатил. И умер весь в долгах. Как и полагается художнику… Хаваете? Ладно, заходите. Я покажу вам работы Хруща… Настоящие. Без подделки».

– Спасибо, Валик, но только завтра… – сказал Толя. – После семи, ладно?

– Годится. После 11. Я заварю английский…

…Пошел серенький дождик, как серенький козлик…

Записки, записочки…

Записи, прописи, описи, выписи… Супеси, наконец. И заметьте, общие корни! Такое себе интимное общение с языком. Николай Васильевич это бы понял.

– Но вряд ли одобрил бы, – буркнул мой собеседник.

Однако довольно об этом.

……..

…Из записок поэта Гриши (Гирша) Резникова из Штатов, сделанных в Одессе 80-х, на службе, – и найденных в чемодане у Мишеля еще тогда. Еще в Союзе, в Одессе, в Эдессе, в эдеме… Во время о́но.

…Прикрывая круглой сгорбленной спиной листок бумаги, Гирш не рисовал уже никаких чертежей, не делал никаких вычислений (а следовало бы!), не писал, казалось, ничего путного, что-то лениво и нечто необязательное рисовал… Настоящей работы не было уже с месяц. Бюро бездействовало. Потом он стал ожесточенно писать… (Как-то он сказал мне: «Я уже давно ничего не делаю на работе! В смысле работы. Я только «давлю стул»… Зато я там пишу стихи. ЗА ЭТО мне платят 160 рублей в месяц. Неплохо?»)

(Гриша издевался – над собой и, кажется, надо мной тоже.)

Он писал и тщательно прикрывал листок от посторонних взглядов… Ненавидя главного инженера и своего шефа, Гирш на-

пряженно и мстительно что-то записывал – унизительно мелким почерком. И уже не мог остановиться. Сопел и невыносимо страдал при этом. И на бумаге получалось следующее:

«….сроки выдачи информации…»

Этот листок каким-то странным образом попал ко мне… из старого чемодана, где валялись еще со времен советской Новороссии (Совновороссии, в сованороловской новороссийской Украине?) – брошенные поэтом Гиршем Резниковым бумаги и рукописи (ибо брать их с собой в дальний вояж было опасно!.. На листке было написано буквально следующее:

«Сроки выдачи информации… сроки выдачи… сроки выдачи».

(Это они любят – ВЫДАВАТЬ. Надо их остановить. Хотя… надо ли?) Пока же – идут записи в столбик:

«Наименование документации в ознаменование операции. Операционные инструкции. Изучение конструкции. Получение индукции. Наименование обструкции… Излучение абстракции, приобретение редукции, разоблачение коррупции, а также извлечение… резекции, концепции, апперцепции…» и прочее.

«Сроки проверки… Сроки проверки… Сроки кончены. Кончены сроки. Отбой». (По-моему, бред какой-то. Но абсурд и драматизм записей нарастают!!) Выплывают опасные смыслы… Опасные связи и все безумие этого рабочего дня. «Убой. Разбой. Новиков – Прибой… Борис Полевой. Парис Половой. Клянусь головой!.. Гуманизм, коммунизм, герметизм, аневризм. Аневризм аорты… Как у Пушкина. Я знавал его в юности. Кого? Пушкина? Разумеется. Кажется, даже говорил с ним по телефону. По параноинному телефону. …Мы не без удовольствия гуляли с ним по Дюковскому саду. «Ну что, брат Пушкин? Да так, брат. Так както все…» – Запишем, однако: «…Синкретизм жизни, отверстой, открытой всем ветрам, идущей под всеми парусами. Секуляризация жизни и принцип неопределенности (в смысле дополнительности – принцип Бора), центробежное стремление личности и центростремительное – государства. Застылые глаза… Мертвые глаза государства. Невозмутимые глаза моей страны (зачеркнуто!) Твердый взгляд моего уполномоченного народа… А как было бы хорошо, как было бы неплохо. Коли б можно было

бы… (бы, бы, бы!) работать, работать ровно, в спокойном ритме, и получать от работы тихое успокоение, тайное забвение… Да, тайное забвение! Такие слова исчезли из обихода. НИКТО теперь не знает, что такое «забвение». Тем более тайное. Зато – знают глубокое удовлетворение. И проникновение. А преткновение? … … … Кругом – излишние скрежет и боль. Боль и скрежет. Приметы времени. Приматы времени. Боль и быль. Билль и боль. Билль о правах… Билл Клинтон. Боль о правах! Все дальше во времени, все страшней…

Творчество, жречество, старчество. (Вот что нужно!) Пиршество. Пир. И пар, выпущенный страной… Выпущенный стране. Выпущенный на волю пар пиара… Пар Пуаре. Пар, выпущенный на свободу. Пир, пущенный на самотек. «Над страной весенний ветер веет…» Нет, воет! (Наши войска вошли… Куда, интересно? Вошли – и всё. Важно, что они вошли.) «Сердитий вітер завива…» Кошмар какой-то… И все-таки пир! И меню этого пира: салат, две кружки пива, яичница с беконом… Меню Ильича. (Вот блядь, при чем тут Ильич?!) При том… Но как это понять? Как это освоить? Как освоить и принять это безумие мира за окном? Как понять творению – Творца?..

Святой дух. Демократия. Суфизм. Суд. Сад. Садизм. …Варна. Верно. Порно. Скверно. Бог знает что я говорю. (Зато над нами – Покров Богородицы… Вам не стыдно, господа?) И все же, как это понять… Как понять творителю – творенье? Я не знаю. «Когда огонь… Когда огонь уносит это… Когда огонь уносит это ввысь…» Кажется, стихи.

Наконец-то!……..

«…Когда огонь уносит ввысь поленья,
И дым земли уходит к праотцам,
Как понимать творителю – творенье,
Как узнавать творению – Творца?»

Недурно… однако. Ай да Гиршойхет!.. Ай да сукин… Стоп! (Кто-то идет!) Сворачиваемся… Мы сворачиваемся, как кровь. Делаем вид. Здесь – как бы не мы. Мы – не мы. Мы немы. Вот как, вот как, серенький козлик… Всего доброго, господа! Спасибо за внимание. Сроки проверки, сроки проверки… Сроки кончены. Кончены сроки… Отбой!»

…Запись № …

…Из письма художника: «СССР, Украина, Одесса.

…Итак, пишу вам третье письмо! Я устал – безумно – повторять вам! Слушайте меня внимательно! В России может быть здоровым, счастливым только борец за народное дело: Сахаров, Толстой, Ленин. Или партаппаратчик, или стяжатель, или спекулянт. Такая страна, такой народ: почитайте внимательно Гоголя, Бердяева, Соловьева, философов русских – они в ужасе от народа своего!! Я устал повторять: Россия страна рабов, славянин – раб. Я жил в рабстве 47 лет, 20 лет потратил на Союз (художников), – вместо того чтобы жить, как свободный человек. Поэтому повторяю десять раз, сто раз: язык, язык и язык! Язык – все, без языка – ничего. (Жажда – все, имидж – ничто…) (Я зарапортовался. Я схожу с ума.)… Оставьте питье, болтовню, девочек, депрессуху… Кроме таланта – язык, язык и еще раз ЯЗЫК – вот что необходимо (и достаточно) для победы! Обязательно английский! Ни в коем случае НЕ туркменский.

Обнимаю. Пишите, сволочи! Всем приветы.

Люсьен…

Нью-Йорк, Сохо, лето, кухня, Гудзон…»

…Запись № …

Еще когда мы жили в Средней Азии… Еще когда мы жили.

…В желтых ливнях плыла глинобитная Азия, рыжая Азия на ишаках в синей чадре проносилась мимо… В эту ночь я проснулся и понял: все равно, какая страна за окном, все равно…! Выгляни: качается дождь на деревьях… Дождь заливает планету с обоих боков, все города одинаково мокнут и щурятся в эту пахучую мглу… Запах земли… Неужели и он не везде одинаков? Теперь, когда я смотрю в азиатскую непогоду, понятие родины вновь возникает во мне…

….Когда-то Россия так меня мучила! Я слишком любил ее, без ответа… Довольно.

Обнимаю весь мир, залитый дождями, обнимаю всю Землю!.. Но все равно – «где-то слева болит, кровоточит Россия, моя любимая страна…» Почти стихи. Лет 20 назад я писал это. Каково?!

…(Вспомнилось: война, эвакуация, 1941 год. Поезд, теплушка… Состав пересекает пол-России. Но еще до Краснодарского края, до станции Темиргоевка – немецкий самолет обстрелял наши вагоны. На крышах солдаты, были раненые… Но мне только шесть лет. И потому не было страха. Потом была Средняя Азия… Над Наманганом – страшный ливень. Комната затоплена. Арыки захлебываются рыжей ледяной водой. Невозможно выйти. Даже за хлебом. Домики на окраинах – из глины. …Хлеб появился на третьи сутки. Потом был Ташкент. Жара. Улица Ленинградская. Старый город – Шахантаур, весь в таинственных письменах и изразцах. Чайхана. Старики узбеки часами пьют чай в толстых халатах. И не потеют при этом. Это какая-то тайна. (Вспомнил эпизод – про одну местную российскую девочку. Ее семья жила рядом. При мне она спрашивала свою маму: а кто такие евреи? И мама ее отвечала, с ужасом глядя на меня и на мою бабушку: «Это ТЕ САМЫЕ евреи, которые распяли нашего Христа…». И уводила ее домой.) Где-то по соседству с нами, на улице Ленинградской, как я позже узнал, жила тогда Анна Ахматова. Чуть ли не в соседнем дворе! Одуряюще пахли персики, цвели гигантские розы в садах. Если бы я знал… Впрочем, что было бы, если бы я даже знал? Ровным счетом ничего. Мне было тогда девять лет… А через год закончилась война, и мы вернулись. Стихи появились в тринадцать. Первая беспомощная проза – в четырнадцать…

* * *

…Пятидесятые. Одесса. Туман и сумерки…

Зима, университет… Мы с Севой – на подножке 12-го трамвая. Ветер, на Преображенской скользко. Сева вдруг говорит мне, почти кричит, повисая по ходу трамвая над ледяной мостовой под довольно рискованным углом: «И какой русский не любит быстрой езды?!»…

…И смеется.

* * *

…на дворе 1956 год. В газетах фотографии – жирный отекший Маленков, хмурый Хрущев, Каганович с бычьей шеей и тяжелым взглядом, грузный Булганин с щегольской бородкой и в генеральских погонах…

«Вот банда!..» – говорит кто-то. Я потрясен. Я не верю.

* * *

На углу Дерибасовской и Карла Маркса помню совершенно безумного продавца газет, в 61-м или 62-м году (как раз вышел «Один день Ивана Денисовича» Солженицына) почти по пояс высунувшегося из окошка и едва не выпадая из книжного киоска, исступленно кричал на всю улицу: «Вышла НОВАЯ книга: доклад товарища Сталина на XVII съезде партии! ПОКУПАЙТЕ новую книгу Иосифа Виссарионовича Сталина!!» – и размахивал брошюрой… Люди покупали.

* * *

…Уже восьмидесятые. В Одессе двадцать лет спустя по-прежнему туман… Из подворотен на мостовые кошки выбегают на верную гибель… Молдаванки почти не видно. «Куда ты ведешь нас, не видно ни зги!» – вспомнился почему-то забытый мной и всеми Рылеев. И совсем уже некстати – его же Иван Сусанин. Не хватает только Ивана Грозного! (Представляете: тетя Геня с Мясоедовской, мадам Фердман из 37-го… и Иван Васильевич Грозный! Ему явно не поздоровилось бы.)

…Трамвайные пути, мокрая мостовая, рельсы и ночь… Но ведь не Петербург же! Наоборот, вполне юг, ночное теплое море. И полная луна!.. Я оглядываюсь – никого. Кругом ночь, крыши, туман. Я не выдерживаю – и поднимаюсь к звездам… Это было довольно высоко. В звездах – ветрено, свежо, там жил ветер.

Запись №

…А хорошо, однако, сидеть на солнышке, читать Горация, грезить, смотреть на облака, на птиц, не ходить на службу, питаться, как птицы небесные – чем Бог пошлет…

А досуг отрабатывать писанием.

И не обязательно Священным. Да, мечты слабоумного.

…А вот и парк Ильича, «налитый молоком тумана»…

– Какое, милые, у нас тысячелетье на дворе? – хочется мне спросить. – Уже третье? Вот новость. А я не знал. На улице – туман. Протянешь руку – и рука сейчас же пропадет в тумане. А дальше что? «Неизвестность, гибель впереди…» Но это там, у Блока. Блок бы нашу гибель не одобрил.

…Парк Ильича, «налитый молоком тумана». Да, тот самый парк, «где детское Евангелие Марк читает людям без обмана…». И торчат из тумана, уже на улице Франца Меринга, туловища кариатид, руки, головы, ноги атлантов… со дна морей. Туман колеблется, ждет, раздумывает, потом отправляется далее. Медленно пожирает город и идет к морю… Дальше – уже некуда. Дальше – обрыв. Трава… Монастырь.

…Туман не дурак. Он поворачивает и осторожно, крадучись, пробирается переулками и покинутыми дачами – назад, снова в город. Я оглядываюсь. Он идет за мной. Не торопится, но и не отпускает меня из виду. Я ему нужен зачем-то… зачем? Хотел бы я знать. («У тебя не туман, а КГБ какой-то…» – сказал мне один мой знакомый. – «Что-то есть, что-то есть…» – рассеянно соглашаюсь я.)

«И девочку Дороти, лучшую в городе, я провожаю домой…»

…В тумане, оказывается, лучше всего жить. Там теплее и надежнее. Жить скрыто и тайно, незаметно и плодотворно. Но там очень легко заблудиться…

И Я ЗАБЛУДИЛСЯ…

…Я заблудился. Я не понимаю, что происходит. С некоторых пор у меня не стало покоя. Все стало зыбким. Не стало уюта в душе. Ветер стал гулять там… Зябко стало, свежо. Ночные звезды лихорадит на ветру, и созвездия ведут куда-то не туда. Что-то лопнуло. Где-то заело стрелку. Небеса дали трещину… Стало тем-

но, и я заблудился. «Мама, где ты? Ребята, подождите!.. Куда же вы?» Почему так вдруг стало? Почему было так хорошо раньше и стало так плохо теперь? Объясните мне мою ошибку, мою описку, промашку, кикс, кляксу, не ту ноту… Я исправлю. Если я допустил… Я клянусь. Мы все наладим. Сообща. Помогая друг другу. Жалея. …Еще можно. Еще не поздно.

Если взяться.

Если приналечь…

На Чижикова, во дворце у Хруща…

…Был март. Кричали вороны. Полной грудью дышал пустырь, шевелился ночной чернозем, стадион еще не был построен… Кругом были ночь и туман, заваленная сырыми досками пустошь, заколоченная на зиму луна. Начиналась какая-то дикая весна, с ранним цветением и морозами, по ночам снились кошмары.

Трава на крышах наливалась сырой водой, бутылочными осколками грозы…

– Хочешь, я покажу тебе уборную в нашем дворе? – сказал как-то Хрущ, пригласив меня в гости. – Нормальный себе такой одесский сортир, ничего особенного. Да? Но… один интересный момент: там уже лет СОРОК лежит немецкий снаряд, еще с войны… и никак не взорвется! Представляешь? Мы этого дня все время ждем. С самого детства. Прикинь: когда садишься… какой-то особый холодок в заднице появляется… Практически у каждого. Это – холодок ожидания. (Ладно, задница – хрен с ней! Вот если член оторвет… это уже серьезно. А его оторвет наверняка. Что особенно жалко.)

– Ну хорошо, а в ЖЭК писали?

– Об чем речь? Конечно. Вызывали даже саперов. Ну… саперы в дерьмо, сам понимаешь, лезть отказались. Категорически! (Их можно понять: я бы тоже не полез.) Так и уехали ни с чем. Но мы надежды не теряем. Кто-то же в этом доме должен взлететь, хоть раз в жизни! Кому-то же повезет.

……..

…На Канатной, осень, угол Греческой, мы идем куда-то с Борей Херсонским и Олегом Губарем. Я говорю Боре о том, что чувствую себя… как-то не так. Не так, как хотелось бы. И что нервы,

что нездоров. Жалуюсь. Он внимательно слушает. И тут нам почти навстречу идет Яша Шапиро, не узнавая. Вид довольно растерзанный: пальтишко висит на одном рукаве, брюки расстегнуты, он с трудом поддерживает их, в другой руке рубаха вылезла, шахматная доска, две или три книги, падают, он их пытается поднять, идет весь в соплях, без шапки…

– Вот видишь, Фима, этого человека? – говорит Боря. – Вот этот человек нездоров. А у тебя… все еще относительно в порядке. (И мне почудилось: «…все еще впереди».)

Я как-то сразу успокоился и жаловаться перестал.

…Уже не помню, где (кажется, в школе?), вижу на стене – текст гимна Украины. Я читаю этот текст и эти строчки вслух: «Сгинуть наші вороженьки, як трава на сонці…». И мой знакомый и вполне замечательный поэт, стоящий рядом, замечает: «А вот это уже про нас с тобой, Фима…». И я сразу же загрустил. Ибо тут же ему поверил. Хотя очень надеялся, что он все же шутит…

…Потом я вспоминаю что-то из детства.

Про ВЕЧЕР, который «стекает горячим сиропом в пыльный стакан Молдаванки… Там бабушка Дора – зовет, надрываясь, домой вспотевшего внука. Внук забивает в родные ворота решительный гол! Давно пора ужинать. На небе уже зажигаются звезды. Пора набирать газированной свежей воды. Киоск уже скоро закроют… Думать, что к вечеру все затихает в нашем прекрасном дворе, – большая ошибка… Где-то идет разговор. И далее – незабываемые вопли соседей – там «спор нарастает крещендо: – Чтоб ты так дыхать могла, румынская блядь, если я позволяю себе какую-то нечисть в отливе! – Ах ты паскуда, ты будешь меня публично позорить? Последний ребенок знает, что ты в такие тяжелые годы с немцами СТО РАЗ спала!! – Грязная тварь, мандавошка, последняя сука квартала! – Ты посмотри на нее – худая зараза!! Об тебя же порезаться можно… – Ах, ты опять за свое? Ну так запомни, халява, я твоего слабосильного мужа больше к себе не приму!.. – Потаскуха!.. Держите меня, или будет убийство… (Никто, конечно, соседку не держит – убийства не будет…)». И так далее.

Соседи почему-то изъяснялись тогда гекзаметром. Это было незабываемо!..

……..

…А потом я вспомнил – про «восхитительный запах дерьма и отечества» – и одно свое стихотворение по этому поводу… Но – об этом уже в другой раз.

И последнее.

* * *

…Я клоню в сено исхудалое лицо педагога, иссохшее от прозрений,

мудростью наливаются мои глаза, и пот честолюбия омывает мои ноги…

* * *

…на улице лето… из пахучего шланга дворничихи обрызгали гравий…

В деревянных скамейках скопилась совсем молодая роса…

Просыпаются мальчики…

Ночные планеты тихо сходят на нет…

Разминают затекшие косточки птицы…

Крикнул цветок.

У девочки болит и восходит грудь.

Она кричит…

Сладко,

сладостно.

От юности, от росы…

……..

(– Разве от росы кричат? –

поинтересовался однажды Игорек.

– Бывает, что даже ОЧЕНЬ… –

со знанием дела вкусно ответил Гланц.)

……..

1

КОГДА В ОДЕССЕ БЫЛ ВЕСНА… (эхо романа)
…всюду была какая-то неясность. Денег не платили,
алодисментов не было слышно, лучшие книги
исчезали с прилавков,
зелень продавали по высокой цене,
фильмы снимали по чужим сценариям,
пахло нефтью и отравленным морем…

…начиналась какая-то дикая весна,
с ранним цветением и морозами, по ночам снились кошмары,
где-то далеко, в московии,
Хрущ задыхался от столичного смога,
на магнитофонные ленты наматывалась жизнь,
а счастья все не было…

2

…Дул ровный, как веревка, ветер. Шел куда-то 1980 год.
Дул, раздувая жабры, теплый ветер с окраин…
Был март. Кричали вороны. Полной грудью дышал пустырь,
шевелился ночной чернозем,
стадион еще не был построен…
Кругом были ночь и туман,
заваленная сырыми досками пустошь,
заколоченная на зиму луна…

…У Вики пили чай с крепкой, но уже не той заваркой,
читали стихи, смотрели на икебану за окном,
вспоминали прошедшее лето, играли в слова и молились…
Билли преданно смотрел в глаза, на морде у него моталась слюна.
Порто-франко медленно опускался на древнее дно…
……..
…на кухне капала вода, в заплеванном отливе, торгуясь,
как на Привозе,
стая тараканов, задыхаясь, пожирала прошлогоднюю яичницу…
Рукописи угрожающе росли и складывались в повествование…

4

…А утром во дворе так тихо лопнет лед,
и сыростью ночной подует из сортира,
с окрестных гор и ледяных болот,
из плодоовощной квартиры…
Там грезит о тепле холодный зябкий парк,
налитый молоком тумана,
там детское евангелие Марк
читает людям без обмана.
Пускают в небеса свой аленький кораблик
мой грач двоюродный,
троюродный мой зяблик…
…
…и город всхлипнет вдруг,
и ослабеет холод,
и скажет мне мой друг,
что я красив и молод…

Кругом такая ночь!.. Расслабленная речь,
Задумчивая дочь, затопленная печь.
И звезды смотрят вниз в предощущенье чуда,
и неземная речь
летит оттуда…
……..
А потом была зима……

* * *

Там, где сейчас Шурочка Рихтер, на континенте, в Штатах, – тоже зима. Наваливаются ветер и возраст, снег и время…

Арлекины на холстах заскучали, постарели. Носы у них пообвисли. Жабо осыпалось, потускнело… Мишель уехал. Гирш тоже не звонит. Уже три дня…

…Седеет ночь. Океан за окном затаился. Всхрапнул – и ждет отката.

Дышит протяжно и мощно под панцирем луны… На Луне движение.

Всадники несутся друг за другом. И не догоняют……
Океанские пляжи пустынны. Черепахи и крабы зарываются
в лунный песок,
звезды лихорадит на ветру… («Не зарывайтесь, Штирлиц,
не зарывайтесь!»)
Холодно по ночам в громадных освещенных подъездах,
и свищет пра-время в пустых провалах мироздания…
Телефон молчит. Остывает чай, дымит сигаретка,
дремлет влага в коньячной таре…
«Пошевели хвостом, Акита, по трюму разгони тепло…» Акита –
большая теплая умная собака.
Идет вереница, почти арабская вязь Шуриных стихов:
«В разгар зимы, среди обуз,
преобрази Георгия в Егора и позови Сёрена Кьеркегора
в беседку Муз…»
Что-то похожее… Неужели я переврал? Определенно.
…Я перебрал во сне твои стихи
и переврал. Наверняка. Прости.
Я ПЕРЕБРАЛ… А мне еще грести против теченья. Но просить
прощенья,
держа стихи в протянутой горсти…? Побасенки свои нехитрые плести уже без божества, без вдохновенья? Не стану, Господи, прости.
……..

* * *

…А сейчас у меня роман. У меня роман с моими записными книжками… Это серьезно. И это надолго. Из них так просто не выбраться.

Там закодирована моя жизнь… И мои сны.

«Тают зеркала в пустыне комнат, время движется к весне. Кто нас помнит? Нас никто уже не помнит. Дикий снег заносит нас во сне…

– Вы, наверно, не читали Торы? Странные ведутся разговоры – об Иране, турках, о войне… Выпиваем, но совсем немного. Добрым словом поминаем Бога

в серебристой маленькой стране.

Барух Спиноза, сегодня ты мой господин.
Кегли с мороза и банка любимых сардин.
Угли в камине, и в термосе кубики льда.
Ветер в пустыне, в кране хмельная вода…
Горсточка пепла, бокалы осенней тоски.
Осень окрепла, зима заострила виски…»
И все это – «в разгар чумы, в присутствии сумы.
В родной стране,
в преддверии зимы…»
…Впрочем, я об этом уже говорил. В иных местах повествованья, в иных местах…
А теперь я устал.
……..
Спокойной ночи, господа…
Спите спокойно, дети, жены и друзья мои. Ночь на дворе. Над Израилем, как над Мадридом, глубокое голубое и чистое небо……
…А на прощанье – стишок тех далеких лет, который мы написали втроем когда-то:

«Полно врать, мы все устали.
Полночь смотрит на дворе…
Спасибо, дедушка, вам, Сталин.
И вам, Бальзак де Оноре.
И вам, сосед по скорбной плоти,
В пыли и пятнах мой пиджак.
Все кончено.
Мы в переплете:
Я, Александр, Гирш, Бальзак…»

* * *

…Над Германией медленно опускается рождественский снег.
……..

Потсдам

Петр Межурицкий

Дневник человека

Рассказ

По всей видимости, только я никоим образом не причастен к разрушению Советского Союза. Так, во всяком случае, мне хочется думать. Можете со мной спорить, но не из пустой прихоти или тайного тщеславия появился на свет именно этот воистину всемирно-исторический дневник. Нет, завел я его с единственной целью – обеспечить себе духовное алиби. Ведь как ни притворяйся настоящим советским человеком, а однажды тебя непременно разоблачат. И вовсе неспроста мысленному моему взору слишком часто представлялась следующая малоутешительная картина: под занавес допроса матерый следователь победоносно достает из ящика стола раздобытый ушлыми оперативниками дневник, коему я поверял свои самые сокровенные мысли и чаяния. Разве не обидно в подобной ситуации сознавать, что этакая духовная шалость, иллюзия, мираж безусловно перевесит в качестве доказательства годы безупречного притворства и реального верноподданичества? Думаю, не иначе как от досады меня и осенило. А что если в обычной жизни быть самим собой, а вот дневник вести так, словно я настоящий советский человек? Сказано – сделано. Когда я убеждался, что дома все уснули, и даже последний сверчок сам себя утомил, я на цыпочках подкрадывался к заветному тайнику, извлекал драгоценную рукопись, и устроившись на кухне под столом, при свете лучины вносил очередную запись. Например: «Число. Месяц. Сегодня исполнилось шестьдесят три года со дня рождения Кунаева Динмухамеда Ахмедовича, видного советского государственного и партийного деятеля, первого секретаря ЦК КП Казахстана. Чувство глубокого удовлетворения не покидает меня с самого раннего утра. Да и кого может

оставить равнодушным даже краткий перечень заслуг и свершений товарища Кунаева, видного советского государственного и партийного деятеля, первого секретаря ЦК КП Казахстана?». И т. д. День ото дня, вернее, ночь за ночью в кратких своих записях я клеймил, выражал братскую солидарность, благодарил за неустанную заботу, давал гневную отповедь – и вот однажды оказался задержанным органами государственной безопасности.

Напрасно я пытался изобразить политическую невинность. Как правило, в конце очередного многочасового допроса один из следователей выкладывал на стол неопровержимые СВИДЕТЕЛЬСТВА того, как полгода назад я скептически усмехнулся на комсомольском собрании, или как три месяца назад глаза мои не загорелись неподдельным возмущением при упоминании имени Голды Меир. Конечно, я исписывал килограммы бумаги, объясняя, что вовсе не усмехался, но лишь особое расположение света и тени на моем лице ввели в заблуждение славного тайного помощника органов, бдительно наблюдавшего за моим поведением. Я чертил схемы специфики освещения в том именно месте, где я сидел на злополучном собрании, но экспертиза всякий раз ставила под сомнение мою искренность. Силы постепенно оставляли меня, но делу не видно было конца. Уже не менее пяти научно-исследовательских институтов полными составами переключились исключительно на тематику, связанную с раскрытием моего подлинного лица, уже были чувствительно сокращены годовые бюджеты нескольких сельскохозяйственных и даже тяжелопромышленных областей с целью максимально повысить эффективность оперативно-розыскной работы по моему делу, но все-таки решающего успеха, такого, чтобы у самого злостного очернителя советской действительности не возникло малейшего повода усомниться в правомерности репрессий властей по отношению ко мне, добиться не удавалось.

И вдруг допросы, очные ставки и следственные эксперименты внезапно прекратились. Несколько суток меня не вызывали, а еще через какое-то время из моей камеры отселили провокатора, который месяца три тщетно уговаривал меня прорыть подкоп в кабинет следователя, выкрасть оттуда радиоприемник, и хоть разок вдоволь наслушавшись Би-Би-Си, вернуть приемник на мес-

то и засыпать подкоп. Я понял, что дневник мой обнаружен. Однажды в камеру вошли пятеро с лицами головорезов и повадками дипломатов. Туманно представившись, они, не переставая изысканно извиняться, натянули мне на голову светонепроницаемый пакет и, осведомившись о самочувствии, вывели, как я понял, из здания тюрьмы. Путь предстоял неблизкий. Сначала мы ехали на автомобиле, потом пересели в самолет. Посреди полета с меня сняли светонепроницаемый пакет, побрили, подстригли, опрыскали дезодорантом, накормили и снова вернули пакет на голову. «Неужели меня решили обменять на Луиса Корвалана, о котором я несколько раз так тепло отзывался в своем дневнике?» – терялся в догадках я. Наконец после долгого спуска в лифте меня провели по довольно извилистым коридорам, завели в некую комнату и предложили сесть. Удивительно, до чего быстро человек привыкает обходиться без помощи зрения. Конечно же, чисто умозрительно жаль утраченной способности к светоощущению, но с другой стороны, начинаешь как-то неизмеримо глубже, а главное – пронзительней ощущать окружающее тебя пространство. Я почему-то сразу понял, что слева от меня находится стеллаж с полным собранием сочинений классиков марксизма-ленинизма, справа бар с выпивкой, которую мне вряд ли предложат, а передо мной стол, за которым восседает член Политбюро ЦК КПСС, председатель КГБ СССР Юрий Владимирович Андропов, и в руках у него мой дневник.

– Итак, – начал Андропов, когда мы остались одни, – вы тут пишете, – он не торопясь полистал дневник и, наконец, принялся монотонно меня цитировать: «Число. Месяц. Сегодня электронные средства массовой информации разнесли по стране и миру радостную весть о том, что Юрию Владимировичу Андропову присвоено воинское звание генерала армии. Волна счастья сразу же нахлынула на меня. Наконец-то! Душа так и пела: сегодня Юрию Владимировичу Андропову присвоено воинское звание генерала армии! Я раскрыл утреннюю почту. На первых полосах всех без исключения газет сообщалось, что сегодня Юрию Владимировичу Андропову присвоено воинское звание генерала армии. Я ущипнул себя за ухо, – а вдруг это только дивный сон…» – Андропов

прервал чтение, прошелся по кабинету и совершенно неожиданно признался:

– Вот и я сочиняю стихи, и представьте себе, не написал пока ни одного о роли партии в построении развитого социализма или хотя бы о роли комсомола в воспитании молодежи – все больше о любви, знаете ли, семье, природе. В сущности, вы лучше меня.

– Господь с вами, Юрий Владимирович!

– Нет, нет, не спорьте. В сущности, вы лучше всего советского народа, этого крайне лицемерного строителя коммунизма. Знаете что? Напишите-ка мне донос на весь советский народ, а я возьму – и долбану по нему всем своим ракетно-ядерным потенциалом.

– Но Юрий Владимирович, – несмотря на охвативший меня ужас, осмелился возразить я, – ведь двадцать миллионов лучших представителей этого народа являются членами и кандидатами в члены КПСС.

– Двадцать миллионов? Да вы смеетесь надо мной! Впрочем, ради двадцати миллионов настоящих коммунистов я, конечно, не долбану.

– А ради двух миллионов?

– И ради двух не долбану.

– А ради одного?

– Вы правы, ради одного, пожалуй, и мараться не стоит. Но с другой стороны, как вы полагаете, на сколько времени можно еще растянуть строительство коммунизма, имея в наличии лишь один миллион настоящих коммунистов?

– Ну, лет на семьсот-восемьсот, – осторожно, стараясь все-таки не оскорблять здравого смысла и не слишком далеко выходить из границ реальности, предположил я.

– То есть в исторической перспективе – совсем ничего, – почти радостно подхватил Андропов. Он встал, задумчиво прошелся по кабинету, остановился у стеллажа с томами печатных трудов собственных предтеч, вздохнул и, вернувшись на свое рабочее место, продолжил. – Поэтому и нужна вечная идея. Понимаете? Вечная! Жить, например, чтобы покорять пространство и время. Как вы это находите?

– По-моему, хорошо.

– А вот Дмитрий Федорович Устинов так не считает. На редкость прагматичный человек. Спит и видит, как я умру, а он станет Генеральным секретарем. Как-будто плох тот коммунист, который не мечтает стать Генеральным секретарем. Где это написано? И снимите вы, наконец, этот идиотский светонепроницаемый колпак. Мне трудно разговаривать с вами, не видя вашего лица.

Пришлось подчиниться.

– Так вот вы какой, – удивился Андропов. – А я думал, вы совсем другой.

– А я вас сразу узнал. Да и сейчас меня не покидает чувство, будто не с вами, а с вашим портретом беседую.

– Ай, бросьте вы, в самом деле! Хотя, признаться, и меня не оставляет ощущение, словно разговариваю не с вами, а с вашим личным делом. Однако все мы время от времени и до поры до времени только люди. Вы лучше подскажите, чем можно занять народ, который уже осуществил свою национальную идею? Вот в чем вопрос текущего момента, как говорил Гамлет. Идея свыше нам дана, а коль не дадена, – хана! Извините за рифму, совершенно эстетически неуместную в контексте нашего диалога. Вероятно, нечаянный выплеск подсознания. С вами не бывает? Увы, мой друг, ни люди, ни даже их высшие руководители совершенно не в состоянии производить никаких идей, включая и ложные. Это говорю вам я, верный ленинец, беззаветный борец за мир и социальную справедливость. Как было сказано, Бог дал, Бог взял. Особенно это касается идей. Так что, давайте помолимся о даровании нам национальной идеи. Кстати, мне лично очень понравился ваш дневник. Непременно дам его почитать своим соратникам по политбюро. А теперь – ступайте. Вам принесут извинения и наградят орденом, пожалуй, даже двумя. Вы их вполне заслужили. И смотрите, чтобы вас не пристрелили при попытке к бегству. Мне было бы очень жаль. Ну, ступайте, ступайте же! – он снял очки, прикрыл лицо ладонями и разрыдался.

Разрыдался и я, правда, уже через много лет и, кажется, по другому поводу. Где теперь мой дневник? Где Советский Союз? Где Андропов? Вряд ли кто-либо из живущих, в том числе и я, способен вразумительно ответить на эти вопросы. Однако и повествование мое подошло к концу, и читателю, разумеется, не терпится

узнать, что стало хотя бы со мной. Ну что ж, после того как меня действительно чуть было морально не пристрелили при попытке получить статус беженца в США, я переселился в Израиль, маленькую страну в Восточном Средиземноморье, где и дожил до глубокой старости, выращивая фрукты и овощи, названия которых не в состоянии запомнить. Вот, собственно, и все. Здешняя жизнь совершенно не располагает к ведению дневника.

Израиль

Владимир Каткевич

Интерпол ловит щипача

Отрывок из романа «Код Артура Анатра»

Подкомиссар Лурье, являясь штатным сотрудником Морпола в Израиле, подразделения, ориентированного на борьбу с международными морскими преступлениями, лукавил. Поездка на неисторическую родину, инициированная в пожарном порядке по слезной просьбе его племянницы Фиры, бывшей жены Фармана, все-таки носила частный характер. Именно потому Пол Лурье (коллеги его обозначали Интерполом), не обрекая Фиру на дополнительные расходы, решил для экономии добираться из Одессы в Хайфу на линейном «рысачке» «Жасмин» частной судоходной компании. Он заплатил щадящую сумму, получил похожий на пригласительный глянцевый билет в конверте с замысловатой аббревиатурой и страховку.

– Пароход небольшой? – спросил.

Билетная менеджерша трубно засмеялась.

– А вам надо «Титаник»? – дымя зажатой в зубах сигаретой, она выпрямила пухлую ножку и подтянула голенище мушкетерского сапога до паха.

У менеджерши был вызывающий бюст, он не помещался в зеркало на стене.

«Менеджер широкого профиля», – сострил про себя Интерпол. «Титаник» его действительно не устраивал, тем более титаники тонут. Пароход наверняка из бывших. Как сам Интерпол. Он представил, как этот тихоход обанкротившегося пароходства в Стамбуле арестуют за долги, и тогда никакая страховка не поможет.

– Каюта четырехместная, – она обезопасила себя от претензий. – А зачем суперлюкс?

– А зачем эти глаза напротив?

– Всего трое суток ехать. На борту работает бар…

– Мучиться в таких условиях можно только в один конец, чтобы не приезжать больше никогда.

– Можно и назад. Или Одесса плохой город?

– Неплохой, просто он прекратился. Он живет воспоминаниями и киносъемками. Еще революциями.

– Где вы видели в Одессе революцию? Одесса же не Майдан.

– Но евреи в этом реалити-шоу напяливают поверх ливреев вышиванки.

– Вам не одинаково?

– Московский раввин Мозе сказал: «Революцию делают Троцкие, а расплачиваются за все Бронштейны».

– Вы слишком энергетический человек!

Интерпол вспомнил, как еще студентом добирался целые сутки в Измаил на пароходе «Белинский». По пуританским советским нормам бара на борту не полагалась. Выручали колхозники, которые везли в бочонках-анкерках винопродукцию. «Пыты можно, а ходыты ни!» – нахваливали они товар. За Аккерманом «Белинский» раскачало. и Интерпола стошнило.

В баре «Депонент» у отдела кадров пароходства безработные моряки пили пиво на запись. Из баночек зеленоватого бутылочного стекла, бокалы во всех барах разом как волной смыло. Интерпол подошел к будке по соседству с «Депонентом».

– Вам холодной водички? – спросила будочница.

– Неплохо бы.

– А как у вас с верхними дыхательными путями? Я вам дам снизу холодильника. Не будем рисковать.

– Вы внимательны, как врач.

– А я и есть врач.

Мостовую запрудила толпа моряков-бичкомберов, шла перекличка очередников на зарплату.

– Колбаса! – оглашали очередную фамилию. – Номер три тысячи двести одиннадцатый. Колбаса есть? Вычеркиваю!

«Надо бы успеть колбасы купить в дорогу», – думает Интерпол.

– Денег не будет! – объявляют с балкона.

«Все по Боре Березовскому, – размышляет Интерпол. – «Деньги были, деньги будут, но сейчас денег нет».

В трамвае искусственная толчея, девушка уступила ему место, и у Интерпола испортилось настроение.

Рабочие в одинаковых фирменных костюмах с логотипом телефонной компании тянут из люка кабель, как бурлаки.

«И это называется тянуть связь», – думает Интерпол.

Трамвай останавливается напротив экипажа мореходки и оглушительно трезвонит. На путях лежит громадный, на полтонны, кованый якорь. Кадеты традиционно в честь защиты дипломов переволокли якорь от проходной и положили на рельсы. Ватманша берет железную клюку и идет поддевать якорь. Интерпол, будучи человеком деятельным, забирает у нее клюку. Дежурный офицер с бело-голубой повязкой на рукаве приводит салаг-первокурсников и командует:

– Двое на шток и двое на лапы. Якорь – вира!

Фарватер свободен, и трамвай трогается дальше.

– Не вижу на билеты! – говорит кондукторша.

Интерпол лезет в сумку за деньгами и не находит портмоне. В портмоне был билет на «Жасмин». Карманник с курткой, наброшенной на руку, пробирается к выходу, по пути еще тянется к дамской сумочке, сообщник создает давку. Интерпол перехватывает кисть щипача, заламывает привычным приемом, а когда тот оседает, пристегивает наручниками к стойке. На полу лежит конверт с билетом на пароход.

По пути стихийный блошиный рынок, на провисших между акациями веревках висит барахло. Последнее продают.

– Не бойтесь, этот костюмчик вас выдержит, – говорит женщина.

– Сталина? Я Полик Лурье.

Она его не сразу узнала. Она сидит на тротуаре напротив дома, где опер Лурье, тогда лейтенант сталинского райотдела милиции Интерпол, несколько раз ночевал.

– Что, не узнать уже, Стеллочка?

– Жизнь берет свое.

– Она берет не свое, а твое, и в этом главное противоречие бытия.

Сталина-Стелла училась на Баранова в акушерском училище. Сталина боялась темноты, и они спали при свете люстры. Точнее, она спала, а он мучился. Но хоть в тепле. Жилья не было никакого вообще, прописан был у тетки на Лазарева. В заявке на комнату писал: «Условия – дворовые». Грустная встреча. Надо что-то купить. Интерпол находит матерчатые тапочки и покупает. У него телефон исполняет мелодию «тот город, который я вижу во сне».

– Вы еще не уехали, господин Лурье? – спрашивают из «шестерки», на связи отдел по борьбе с организованной преступностью. – Вы где?

– Пока еще на этом свете.

– Большая просьба, если сможете, загляните к нам. Нужна ваша квалифицированная помощь.

«Уж не Клинка ли повязали?» – думает Интерпол.

В подвале «шестерки» сидит человек лет сорока, лицо холеное, явно не Клинк. На большом настенном экране проекция его израильского паспорта.

– Вот здесь аккуратные следы переклейки фотографии, – сотрудник указкой показывает места, хотя Интерпол уже и так их обнаружил. – Он ни бельмеса не понимает по-русски. Для какой цели он пошел на подлог?

Интерпол переводит вопрос на иврит.

– Жена не давала ему развод, и потому он не мог уехать из Израиля, – говорит Интерпол.

– А где он приобрел ксиву?

– В районе Адар ха-Кармель. Улица Герцля, офис возле Большой синагоги.

– Правильно. Не врет. Артель «Золотой ключик» именно там. Уведите.

– Я думал вы Клинка мне покажете… Что с ним?

– Если не для огласки, то след теряется на пути к порту. В порту объявлена усложненная обстановка.

– Тогда «прощай, моя Одесса, мой славный карантин». Думаю, он уже за кордоном.

Хотя «Жасмин» был приземистым пароходом, но корпус его в миделе еще больше прогнулся к воде, как круп старой перетрудившейся лошади. «Рысачок» был куда миниатюрнее, чем изображенный на обложке билета.

– Почему я не слышу команды «Экипаж – во фронт!»? – привязался к матросу у трапа подвыпивший пассажир, протягивая скомканный билет.

– Как он раньше назывался? – спросил Интерпол у матроса.

– АМ-46, – ответил тот нехотя, – он переделан с тральщика-амика.

– Корпус с кардона? – подвыпивший пассажир постучал кулаком по фальшборту.

– С бакелизированной финеры, – матрос оскорбился.

– Вилли, – представился сосед по каюте, это был тот самый подвыпивший.

– Надоело реалити-шоу, Вилли Фарман?

– Как вы догадались?

– На столике лежал ваш именной билет из артели «Золотой ключик». Я случайно его перепутал и положил в карман. Извините. Вы совсем не похожи на своего брата.

– Вы знали Марата?

– Я его спасал. Кто я, как вы думаете?

– Вы явно не принадлежите к совковому истеблишменту, а скорее наоборот.

– То есть как наоборот? И почему?

– Они не носят клубные тапочки, как у вас, и шлепают в душ в туфлях, заправляя костюмные брюки в носки. Вы больше похожи на обеспеченного пенсионера с легким криминальным прошлым.

– Вы почти угадали. Я работаю в полиции.

В каюте забористо пахло баклажанами, чесноком и пивом. Интерпол понял, что спать не придется.

Бар, как и обещала менеджерша, работал бесперебойно, несмотря на свежую погоду. Экс-тральщик шел «свиньей», зарываясь носом в свинцовые волны. Соседи колобродничали, что-то

искали, шатались от выпитого и качки, икали, хлопали дверями. Интерпол не выдержал и пошел на корму «глотануть свежачка», как говорят кочегары.

– Ночевать людям мешаешь, Семик, – выговаривал ему Вилли Фарман.

Интерпол пытался выудить из-под койки свои клубные тапочки, но вместо них нашарил шлепанцы Семика, видимо, сосед напялил его обувь.

«Кто первый встал, того и тапки!» – подумал Интерпол.

Вилли как накаркал. Из следующего углубленного крена «Жасмин» не вышел. С кормы Интерпол слышал, как зашипел воздух автоматического надува плотов. Интерпол, не раздумывая, прыгнул за борт, чтобы не засосало в воронку.

Интерпол в лазарете

Закутанный в одеяла Интерпол лежит в амбулатории грузового теплохода «Капитан Кадецкий». Качает по-взрослому, без передышек. Накал в лампочке усиливается.

– Кажется, Лукойл запустил движок, – говорит доктор Фосфин. – Ну, как?

– Как я жив-нездоров? Терпимо, доктор.

– У вас лицо покраснело. Я положу вам вторую подушку, чтоб был отток крови от головы.

– Спасибо, док! В Одессе это называется более слаже.

Фосфин нашаривает на полке пузырек с химической формулой, наливает в разовый стаканчик.

– Рекомендую принять для согрева.

– От афтершока? А вы, доктор? Не привык в одиночку.

– Я не употребляю.

– А по просьбе присоединяющегося к большинству, как говорят американцы? Вдруг это моя последняя воля.

– Вы не умирающий.

– А если у меня откажут почки? Тем более что они уже отказывали без переохлаждения.

Фосфин щупает живот Интерпола.

– Ой-ц!

– Здесь болит?

– Доктор, в моем возрасте всегда где-то болит. Давайте лучше освежимся из фунфырика.

– Вы не дружили с зеленым змием?

– Я дружу с зеленым чаем. Зеленый змий заискивал со мной, но это было давно в молодости. Я тогда пил алиготе, не касаясь верхней губой горлышка. Правда, в этой стране змий снова начал за мной охотиться. Неделю назад я вдохновлялся фальсифицированной водкой в вип-кунге.

– Зачем рискуете? Это же смертельно опасно.

– Согласен. Рывок на финишной прямой – это лишнее. Но прапорщик Добридень хотел мне сделать цимес.

Фосфин допивает из своей персональной кружки остатки биокефира и наливает спирта.

– Вы агрессивный экстраверт, – говорит больному.

– За то, чтоб мы не дождали умереть! Зий гизунд!

Закусывают польским огурцом из баночки.

– А сколько вам лет? – интересуется Фосфин. – Да вы совсем салага, вы моложе меня на три года!

– А выгляжу на десять лет старше. Вы это хотели сказать? Да, как в песне: «Жизнь коротка, спят облака…». Пора в моем возрасте обзавестись редкой болезнью Альцгеймера, как Рейган, а я все моржую.

Заглядывает старпом Мунтян.

– Чиф, на процедуры зайдете после развода, – говорит Фосфин.

– После развода Босфор.

– Тогда после Босфора. У меня ургентный больной.

Старпом, хромая, уходит.

– Вот он ваш ровесник, – говорит Фосфин. – Средний возраст по судну пятьдесят четыре года.

– У вас тут геморройленд. А среднее артериальное давление? Когда я в молодости выпивал, то мне снились просто кошмары, а теперь смотрю вещие кошмары.

Интерпол погружается в рыхлый сон. Ему снится спецоперация на Греческой площади, куда младшего лейтенанта угро Лурье послали в засаду с сержантом Фунфырченко. На веранде

появляется убийца, рецидивист Иродов, которого ловят, здоровенный детина. «Идиоты, – думает младший лейтенант угро Лурье, – разве можно было посылать на захват без табельного оружия?».

– Мусорок, дай закурить! – Иродов тянется к пустой кобуре, где у Лурье лежит пачка «Беломора». Интерпол вскрикивает и просыпается.

Фосфин слышит, как больной вскрикивает во сне. На переборке размытая фотография «Самбора». Зыбкая видимость, мелкий противный снег сеет. И матросы, согнувшись, как бурлаки, тащат шланги линии для перекачки с судна топлива.

В летнюю навигацию возили по Севморпути топливо всех наименований, в том числе и авиационный керосин для воинских подразделений на Земле Франца-Иосифа.

Матросам по приходу приходилось монтировать линию перекачки от 3 до 5 километров. Температура топлива была положительной, лед под шлангами подтаивал, и линию перекладывали по несколько раз. Секции шлангов тащили, передвигаясь по глубокому снегу мелкими шажками. Разъемы «папа-мама» стыковали на колене, потом жаловались, что колени болят. Фосфин снова не умещался в рамки задач, обозначенных в санитарном институте транспорта, и потому придумал войлочные наколенники и ледоступы. Машинная команда смастерила из листовой стали ледоступы с шипами. Их разрешалось надевать только вне судна, чтоб не высечь искру. Матросы в ледоступах бегали и даже прыгали.

«На севере присутствует риск психологического ожидания опасности, – писал в отчете Фосфин, – скажем, угнетает боязнь провалиться в полынью и погибнуть. Возможно нападение тюленей, белых медведей».

Медведей подманивали к борту судна сгущенкой, заранее прокалывая банки, чтоб звери не мучились и не пугали матросов. Медведицы приводили лакомиться детенышей. Убегая от белого медведя, моторист Разувайло угодил в полынью. Фосфин вытащил парня из объятий костлявой. Правда, медблок «научника» «Самбор» был оснащен по предпоследнему слову, а здесь у него анальгин и самодельный парафин для старпома Мунтяна.

И сам он по судовой роли низвергнут до должности матроса. За лекарство добавили сто зеленых – гримаса рынка.

– Чем-то пахнет, доктор, – Интерпол ворочается.

– Мы везем минудобрения, а уплотнения трюмов изжеваны. В трюма попала забортная вода.

Эта самая забортная вода вращается в иллюминаторе, пейзаж, как в стиральной машине. Амбулатория на нижней палубе. При увлажнении удобрений выделяется газ, именем которого экс-доктора прозвала команда – фосфин.

«Не хватало еще отравиться».

Ефим Бершин

«В лесу, где не бытует эхо…»

Обрывки мыслей о поэтах И. Лиснянской и С. Липкине

Боже, неужто Твоя пылающая купина
Взрывами обернулась в разных концах земли?
На разный манер Твои выкрикивая имена,
Новые варвары с новым запалом пришли –
Нету ни фронта, ни тыла: везде война.

– Ну, конечно, – согласилась Лена Макарова, оглядываясь по сторонам, – все правильно. Особенно это касается нас: ни фронта, ни тыла, а война не кончается.

Лена знает, что говорит. Для нее война никогда не кончается не только в жизни, но и в ее собственных книгах, – ведь Лена последние годы посвятила детям, погибшим в фашистских концлагерях.

– Везде своя война. Только с мамой твоей об этом говорить не стоит. Она и так никак не успокоится. Война, твердит, кругом, а я тут со своими стихами. И кому это нужно?

Пока мы пробирались, совсем стемнело. И когда шли по улицам, отовсюду из увитых зеленью беседок и палаток раздавалось пение, шум и гомон. Люди пировали.

– Сегодня праздник, – объяснила Лена. – Суккот. Все пируют.

– А если зайти к ним и попросить поесть и выпить? Не выгонят?

– Не выгонят, – засмеялась Лена. И стала похожей одновременно и на себя, и на свою маму, которая написала:

Не отмирают на оливе ветки –
Со старыми соседствуют их детки,

Светясь молочной зеленью своей.
И старую, меня ведет по саду,
Даруя мне ленивую отраду,
Одна из лучших в мире дочерей.

С «одной из лучших в мире дочерей» мы пробирались к стенам Старого Города. А когда добрались, стало ясно, что здесь уже – никакого праздника. На подступах – только полиция и солдаты. Да изредка из-за высоких каменных заборов вдруг блеснут кинжалом чьи-то глаза. Старый Иерусалим ночью напоминал каменную Иудейскую пустыню. Пустые улочки. Нетронутая брусчатка. И даже Стена, горящая днем каждым камнем, успела погаснуть. Никого. Свернув в одну улочку, потом в другую, мы засмеялись, потому что поняли вдруг, что – заблудились, и не в состоянии понять, в какой стороне Яффские ворота, через которые мы собирались отсюда выйти. Странно. Ну, я-то – москвич, мне не грех тут и заблудиться. А на Лену что-то, видать, нашло.

– В Переделкино ведь войны нет, – заметила она и помолчала. – А мама сейчас как?

– Вроде ничего. Только курит много. Курит и курит. Курит и курит…

О роли пейзажа

Лиснянская сидит у окна и курит. Курит и курит, курит и курит. И смотрит в окно. И понимает: «На правду мир не похож…». Ни покосившийся забор, ни лес за забором, ни разросшиеся до невероятных размеров лопухи. Ничто не похоже на правду.

С этого все и начинается – начинается поэзия со всей ее «правдой-неправдой», со всем ее абсурдом, сомнениями, прозрениями и тайнами. Со всей ненормальностью. Я даже не о том, что нормальному человеку не придет в голову изъясняться в рифму, а Лиснянская, например, рифмует быстрее, чем курит. Нет. Просто, как только человек усомнится в адекватности мира, задумается о его похожести или непохожести на «правду», – все, пиши

пропало. Мир исчезает, остается один воздух. И где в том воздухе плавает «правда» – никому не ведомо. Да и что это за правда? Кто ее видел?

А тем временем лопухи скукоживаются и куда-то исчезают, забор покрывается инеем, лес прячется в сугробах. А она сидит у окна, курит и понимает, что опять «на правду мир не похож». И приходит к закономерному и печальному выводу:

И постепенно все менялось,
Назвался иней серебром,
И жизнь уже не совмещалась
С моим печальным ремеслом.

Ремесло ли печальное, жизнь ли неправильная – Бог весть. Не совмещается – и всё. Мало того, что мир противоречит своим ценностям, так еще и ремесло противоречит и тому, и другому. Это уже даже не бином. Это, если можно так выразиться, «трином». Только не Ньютона, а Лиснянской. Хотя правильнее, наверно, было бы сказать, что жизнь ее не очень совмещается не только с «печальным ремеслом», но и с самой окружающей жизнью. Впрочем, если ремесло и есть жизнь, – тогда все правильно.

Несоответствие между миром и представлением поэта об этом мире, как кремень и кресало, рождают искру-строку. Осталось только понять: о какой такой правде речь? О той, в которой усомнился молодой еще Мандельштам («Неужели я настоящий, и действительно смерть придет?»). Но в этом, пожалуй, Лиснянская не сомневается. Или… Но тут происходит странная вещь: одной этой фразой («на правду мир не похож») тихий, на первый взгляд, лирик, по чистому наитию, скорее всего, сама об этом не подозревая, врывается в бунтующую нигилистическую философию Фридриха Ницше, сформулировавшего абсолютную несостоятельность мира по отношению к высшим из признаваемых ценностей. Естественно, о признаваемых ценностях Лиснянская знает все. Или почти все. И вот им-то мир и не соответствует. Если ее спросить, что с этим всем делать, она опять же вряд ли ответит. Нельзя же, в конце концов, все время обижаться на мир за то, что он не соответствует им же провоз-

глашаемым ценностям. Как-то несерьезно это. Да и не поймут. Но интуиция (поэтическая интуиция!) выводит ее на какой-то срединный путь между общепринятыми ценностями и ницшеанскими «натуралистическими ценностями». То есть она перекладывает всю оценочную тяжесть на природу, на пейзаж. И природа начинает служить уникальным инструментом выражения того, что происходит в мире:

Клен кадит, и клочьями червонными
Сладкий дым над свалкою плывет,
Осень над отбросами зловонными
Службу служит, и душа поет.

Это написано в 1994 году. И не знаю, как для кого, но для меня эти строчки – точнейшее выражение того беспутного и мрачного периода. Хотя, опять же, голову даю на отсечение, что Лиснянская никакой такой цели перед собой не ставила. Просто пела себе и пела. Как пелось.

Потом, как из преисподней, является черный жирный кот и запрыгивает на подоконник. И прежде чем дать ему колбасы, Лиснянская произносит вслух: «Надо дать ему колбасы». И только затем дает ему колбасы. То есть слово всегда впереди. Всегда впереди. Более того – рифмованное слово. Ведь Лиснянская обладает уникальным даром версификации. В это даже трудно поверить. Она настолько легко в своей речи переходит на стихи, что диву даешься. Сидит, например, повествует о чем-нибудь – и вдруг начинает говорить в рифму. Просто так. Обо всем. Так просто и совершенно владеет словом и звуком, что ей все равно, как разговаривать, – в рифму или без. И стоит ли удивляться тому, что так много пишет, если она не успевает о чем-либо подумать, как все уже само собой зарифмовано. У другого поэта на это неделя уйдет, а у нее – минуты. Это и есть «высокая болезнь». Или проклятая болезнь. Хотя откуда она берется – Лиснянская тоже не знает. Знает только, что надо успеть все происходящее назвать. Наградить словом – кота, колбасу, лес, воздух или даже лопухи.

Кстати, о лопухах. Лопухи за окном – просто роскошные, так и просятся в стихи. Понятно, что Лиснянская не могла пройти

мимо этого чуда природы. И конечно, написала: «Во дворе моем всех сильней лопух…». А я, например, не успел написать. И правильно сделал. Потому что какой-то натуралист пришел, поглядел и заявил, что эти лопухи – вовсе не лопухи, а совсем даже белокопытник. И что делать? Стихи-то написаны. Пришлось новые писать. Уже с белокопытником.

Впрочем, Лиснянская не знает, откуда берутся стихи. Сидит дома, почти никуда не ходит, а стихи откуда-то берутся. Она так и говорит: «Сижу дома, никуда не хожу, а стихи пишутся». И удивляется этому, забывая о собственных же строчках:

Себя в настройщики прочим,
Гремя скрипичным ключом,
А музыка, между прочим,
Держится ни на чем.

Она забывает и думает, что нужно сменить за окном пейзаж, тогда стихи будут писаться лучше. А то и вправду – забор, лес за забором и лопухи или, простите, белокопытник.

Вдалеке от хвалы и хулы
Жизнь моя в двух квадратах окна.

Однажды Лиснянскую собрались класть в больницу, и она вдруг обрадовалась: «Хоть ненадолго сменю за окном пейзаж». Что-то, наверно, есть в поэте такое, из-за чего он никак не может преодолеть в себе человека. Человек думает, что информация поступает к нему исключительно из внешнего мира. Поэт знает, конечно, что это не так, но верит с трудом. Потому что он еще и человек. Лиснянская пишет потому, что мир не похож на правду. Вот и весь сказ. И сотворяет свой мир. Хотя – нет, не так. Она сотворяет мир, похожий на правду. То есть на тот, который, как она полагает, когда-то был создан Богом. Так она думает, и в это верит. Наверно. А поскольку каждому дается по вере его, то и ей дается – сотворение мира. И нам остается принимать созданное, как дар.

А менять пейзаж за окном совершенно бесполезно. Все равно что Бога менять.

* * *

Тут из какой-то улочки выскочил маленький арабчонок и потребовал шекель.

– Шекель-шекель-шекель, – потребовал он.

– Яффские ворота! – потребовала Лена.

И арабчонок повел нас какими-то закоулками, то поднимающимися по ступенькам вверх, то неожиданно сворачивающими в сторону. А нам ничего не оставалось как плестись следом.

Времени и места
Горная спираль.
Плач Стены и месса.
Розовый миндаль.
Виа Долороса
Меж торговых ниш.
Всех хамсинов роза
В вазе плоских крыш.

В принципе, в Старом Иерусалиме ничего такого страшного нет. Даже ночью. Проблема лишь в том, что он не только извилисто горизонтален, но и вертикален. И особенно ночью кажется, что из-за угла может появиться не только арабский мальчишка, сшибающий мелочь с припозднившихся паломников и туристов, но и царь Давид со свитой, одинокий волхв или, не приведи Господи, сам Навуходоносор.

Но они в этот раз не появились. Зато на горизонте образовался проем Яффских ворот.

– Шекель! – сказал арабчонок.

Лена дала ему шекель.

– Шекель! – потребовал он, повернувшись ко мне. А после того как получил и от меня, потребовал еще пять. Но это было уже слишком. Тем более что мы уже выходили за пределы Старого Города, и стало видно, как бегущая вдалеке улица Царя Давида отражает окнами своих домов звездное небо.

О роли отражения

Зашел как-то к Лиснянской, а она мне сообщает, что готовится к изданию книга, и нужно выбрать название. И предлагает несколько вариантов, среди которых было и «Эхо». Ну, «Эхо» так «Эхо». Неплохо. Нормально. Я – за. Теперь беру и читаю:

В лесу, где не бытует эхо,
Где лето – как в зиме прореха –
Мой утлый дом.
Собака лает, ветер дует,
Мотыль порхает, хмель колдует –
Всяк при своем.

Неувязочка выходит. Откуда эхо, если его нет? «Не бытует». Ничего не откликается, не возвращается из этого леса, что стынет «в пригороде Содома». Это что же значит? А то и значит, что лес-то, видать, какой-то нечистый. Нечистый лес. Да, может, и не лес вовсе, а так – форма леса. Маска леса. Ничего не отражает. Она туда – строку, а оттуда разве что кикиморы не кричат. Или кричат – похожие на кикимор. Не эхо – антиэхо. Но нас-то не обманешь. Мы-то ведь знаем, кто не имеет отражения, кто рядится в чужие одежды, собственного лица не имея.

И тут начинаешь понимать, что и не могло быть никакого эха у Лиснянской. Только его ожидание. То, что взято из воздуха, из ветра, – ветром же и уносит. Навсегда. Ведь из вечности тоже ничего не возвращается, даже звук. Звук отражается только от тупиков, от стен или глухих заборов. Даже от деревьев или кустов не отражается. Исключительно от твердых, понятных предметов. Например, от так называемого массового читателя. Отклик массового читателя – признак того, что стихи зашли в тупик. Читатель – не вечен, поэтому от него иногда что-то отражается. Как отражается – другой вопрос. «Нам не дано предугадать». Не согласны? Ну и ладно.

А если говорить об эхе, то оно у Лиснянской не звуковое, а какое-то зрительное, световое. С ним происходит почти электромагнитное преобразование. Как в телефоне. Звук идет откуда-

то изнутри, преобразовывается во взгляде, а уже потом выливается прямо на бумагу. Или на монитор компьютера. Но, опять же, выливается, выплескивается не звуком, а какой-то тенью или антитенью – в зависимости от того, светит в этот момент солнце или туча накатила:

Это я тенью пишу по солнечной стороне,
Это я светом пишу по стороне теневой.

Понятно, что читать такие стихи вслух – еще одно преобразование. Поэтому, наверно, она не любит публичных выступлений. Вот и получается, что эхо ее – какое-то молчаливое. Молчит – как пишет, и пишет – как молчит. Но молчание это, бывает, наполнено такой энергетикой – ну чистый дух. Я вообще подозреваю, что где-то в глубине души она о таком и мечтает – так молчать, чтобы было слышно.

Хватит речью бесполезной
День за днем казнить твой слух.
Скоро стану бессловесной,
Превращусь в древесный дух.

На последнее свиданье
Ты придешь ко мне, скорбя, –
В первый раз мое молчанье
Станет страшным для тебя.

* * *

Странно, но проходя под аркой Яффских ворот, я невольно заозирался. Заозирался, словно и впрямь надеялся увидеть где-то у стены Лиснянскую, «одетую в платье до пят» и поджидающую своего «царя Соломона». Ведь написала же: «Иногда я тебя поджидаю у Яффских ворот».

Я – твоя Суламифь, мой старый царь Соломон,
Твои мышцы ослабли, но твой проницателен взгляд.

Тайны нет для тебя, но взглянув на зеленый склон,
Ты меня не узнаешь, одетую в платье до пят,
Меж старух, собирающих розовый виноград…

Но за воротами я обнаружил только мирно спящую на теплых камнях верблюдицу, невольницу туристического бизнеса, – днем не было отбоя от любителей с ней сфотографироваться. Хотя оглянувшись на темное чрево Старого Города, нетрудно было представить выходящего на свет Семена Липкина в одеянии древнего царя. И мне даже показалось на мгновенье, что я его вижу. Здесь, на этой земле, все можно увидеть. Тем более что это видела уже Лиснянская.

Лене, правда, я ничего об этом не сказал. Тем более что вдали вдруг полыхнуло легкое зарево. Октябрь – время зарождения гроз.

О роли…

Вообще, чтобы что-нибудь понять в поэте, надо определить, где в нем заканчивается поэт и начинается человек. И – наоборот. На этом стыке, в этом, если хотите, зазоре – ключ к пониманию. Бывает, человек играет роль поэта. Это – понятно, хотя и не вызывает симпатии. Что же касается поэта, то он просто вынужден играть роль человека, поскольку выступает в его обличье. И вот тут занавес приоткрывается и начинается самое интересное. Но если актер, выходя на сцену, попадает в свою стихию, в свой мир, как попадает в мир нормальный новорожденный, то с поэтом – иначе.

В этот мир, где за деньги выдал
Верный раб своего Царя,
Бог не вдунул меня, а выдул
В виде мыльного пузыря.

А пузырь – он и есть пузырь. Воздух, принявший форму шара. И вот этот воздух исполняет человеческие обязаннос-

ти. Ходит в магазин, ест одесскую колбасу, платит за электричество, записывается на прием к чиновнику, получает паспорт. А как же иначе? Без паспорта нельзя! При этом не очень понимая, как соответствовать окружающему, этот сгусток воздуха пытается приноровиться к человеческим вкусам, порядкам и отношениям. Люди, например, любят выглядеть красиво и модно, чтобы нравиться другим. Лиснянская это понимает почти буквально. Поэтому приходит фотографироваться на паспорт, надев шляпу и улыбаясь в пол-лица. И совершенно искренне не понимает, почему этого нельзя. В мире людей поэт почти всегда чужой, потому что постоянно попадает в обстоятельства, в которых мало что понимает. Ему остается все время мимикрировать, как инопланетянину из фантастических фильмов, принимая форму землян. Поэтому Лиснянская совершенно не похожа на свои стихи. Глядя на нее, практически невозможно понять, откуда она их берет в таком количестве. Это кажется главной странностью.

У Лиснянской и в доме много странностей. Например, если смотреть в ее большие зеркала, то никак не можешь отделаться от ощущения, что вместо собственного отражения на тебя из них глядит Инна Львовна. Иногда еще и Липкин. Кто бы ни смотрелся – результат один и тот же. Просто пространство полностью заполнено ею, хотя она на это вроде бы и не претендует. Еще у нее странный письменный стол. Многие удивляются, как это она умудряется так много писать. Но она-то знает, что пишет вовсе не она. Стол пишет сам. Я вначале тоже не верил, что так бывает. Но Лиснянская предложила мне попробовать самому. И я попробовал. Можете не верить, но как только я садился за этот стол, сразу само все писалось. И стихи, и проза, и статьи. Быстро и много. Лиснянская только названивала и спрашивала: «Ну как? Стол пишет?». И стол писал. А когда я пересаживался в этом же доме за другой стол, – всё, ни строки. Пришлось поверить. И как можно было не поверить? В общем, есть во всем этом что-то ведьминское.

Кстати, когда я в своей книге рассказал абсолютно правдивую историю о том, как Лиснянская летала по собственной

кухне на метле, многие мне говорили, что она обидится, потому что это неправда. А другие были и вовсе категоричны: мол, нечего врать. Это я-то врал! Да я собственными глазами все это видел! Потому и написал. Можно сказать, засвидетельствовал. Сама же Лиснянская только весело посмеялась: дескать, разгадал меня, собака. А чего гадать-то? Она сама же все и написала:

Ведьма

Клюка моя сырая –
от знамени древко.
На знамени в сарае
Я сплю легко-легко.

Умру – пускай оденут
И в бархат, и в парчу.
У ведьмы нету денег –
Лишь космы по плечу.

Господь живет на небе,
А бесы – на земле,
И, кутаясь в отрепья,
Колдую на золе,

И черта с чертом ссорю
Я, ведьма, голью голь,
И посыпаю солью
На завтрак ту же соль.

Впрочем, перевоплощалась она не только в ведьму – в Ярославну, в Руфь, в Суламифь. Даже в юродивую. Словом, в кого хотела, в того и перевоплощалась. И правильно. Господь – на небе, бесы – на земле. И о каком эхе, о каком отражении можно после этого говорить? Разве только о перевоплощении. Но об этом – чуть позже.

О роли ассоциаций

Об отражении говорить не приходится. Зато можно говорить об ассоциациях. Ассоциации, на мой взгляд, тоже отражение, только – не прямое. Ассоциации – это отражение, прошедшее таким извилистым, порой совершенно неопределимым путем, погулявшее по стольким расставленным в полнейшем беспорядке зеркалам, что определить их происхождение часто даже не представляется возможным.

Впрочем, когда это возможно, в самых наипростейших случаях, Лиснянская определяет. Например, сидим с ней как-то, смотрим футбол. Надо сказать, что к футболу она пристрастилась совсем недавно, но, как это бывает с талантливыми людьми, сразу проникла в самую суть игры. Так вот, сидим, смотрим, как Аргентина с кем-то играет. И вдруг Лиснянская говорит:

– Этого Гонсалеса надо выгнать с поля!

– Почему вдруг? – спрашиваю. – Он ничего плохого еще не сделал.

– Потому что я переводила одного Гонсалеса на русский язык, и он оказался страшным занудой.

Парадоксальность ее ассоциаций – не метод, а некая врожденная особенность. Словно с рождения в Лиснянскую вживили особый чип, который не дает возможности воспринимать окружающее без примеси. Для нее ничего из того, что происходит, не происходит само по себе. Обязательно – в сопровождении памяти, истории, литературы, религии. И, естественно, тут же обретает совершенно иные очертания, а то и иной смысл. Эта же особенность в сочетании с прошедшими перед глазами Лиснянской страшными событиями ее века порой приносила поразительный поэтический эффект. Хотя слово «эффект» тут не вполне уместно, но другого сейчас не подберу.

Произведение «В госпитале лицевого ранения» Лиснянская называет поэмой, хотя написана эта поэма в форме венка сонетов. Так, по ее словам, она решила преодолеть форму с помощью содержания. Как когда-то Гоголь, обозвавший форменный роман «Мертвые души» – поэмой. Но дело, конечно, не в форме. Форму можно придумать. Любую. И ее же преодо-

леть. Дело в ассоциациях. «В госпитале лицевого ранения» – это многоплановое личностно-историческое ассоциативное сравнение, круто замешенное на детской памяти. На памяти, «оставшейся подростком». На том времени, когда еще девочкой во время войны она пришла работать в госпиталь. Да не просто в госпиталь – в госпиталь лицевого ранения, где люди – без лиц почти. Вернее, с лицами, наглухо закрытыми бинтами. Не просто в госпиталь, а в госпиталь, разместившийся в здании консерватории, где пропитанные музыкой стены все еще невольно излучали божественные звуки скрипок. Здесь надо было петь. И она пела.

Девочка пела в консерваторском
Зданье, чью внутреннюю отделку
Остановила война, но к подмосткам
Козлы приставлены, чтоб хоть побелку

Кое-как сделать. А в свете неброском
Лица, попавшие в переделку,
Скрыты бинтами… В окопе отцовском
Легче ей пелось бы под перестрелку,

Чем под хлопки, – только руки и видно.
Глядя на них, ей и больно и стыдно:
Сердце привыкнуть еще не успело,

Сердце на 118 долек
Здесь разрывалось, – девочка пела
В зале на 118 коек.

Неизбежное сравнение с Александром Блоком, с его девочкой, которая «пела в церковном хоре», здесь вызывает почти шок. Прежде всего, – относительностью грусти и трагедий в рамках общей с Блоком музыки. «О всех кораблях, ушедших в море» – грустно. «О всех, забывших радость свою» – грустно и почти трагично. Той, блоковской, девочке никто и не аплодировал за ее пение. А тут и аплодисменты вроде бы были. Но – «легче ей пелось

бы под перестрелку, чем под хлопки…». Лиц нет, глаз нет – одни аплодирующие руки, резкие хлопки, перестрелку же и напоминающие. А если у кого глаза и прорезаны, то – «лучше заглядывать в окна к Макбету». И вроде бы естественный для поэта (хотя и не для подростка) вывод – «что моя жизнь перед этой бедою?» – завершается таким привычным, истинно русским привыканием, что оторопь берет:

Я прижилась. Я забросила книжки,
Пятый забросила, вольному – воля,
Яблоне – яблоки, елочке – шишки,

Да и в какой я узнала бы школе
Сущую правду: у нас, как ни странно,
Что ни лицо, то закрытая рана.

Ну да, здесь еще и школа, позволившая одолеть уже совсем не только госпитальную науку о том, что у нас «что ни лицо, то закрытая рана». Каждая судьба – рана. Вся страна – рана. Все поражены огнем или осколками, да так, что никакие бинты не спасают – все сочится наружу. Но при этом опять парадокс:

…В детстве бывало мне горько, но редко.
Мне и мой нынешний жребий не горек.

Когда трагедия становится бытом, она перестает быть трагедией. Или еще и так:

Это значит, что ночи Голгофы
Растянулись на тысячи лет…

И здесь уже возникает совершенно иной ряд ассоциаций. Война уходит на другой уровень. Вся страна, а может, и весь мир перевоплощается в Голгофу. И какие там бинты? Какие лекарства? Пробитые руки Христу бинтовать не пробовали? А лечить после распятия?

О роли перевоплощения

Поэзия неизлечима, как неизлечим этот мир, со дня сотворения зараженный неведомой нам болезнью. Болезнь эта подтверждается непреходящей болью, а поэт всего лишь пытается ставить диагноз. Но если врач это делает в полном соответствии с достижениями науки, то у поэта есть только одно средство – перевоплощение. Причем именно реальное перевоплощение, а не лицедейство актера. Прежде всего – перевоплощение в чужую боль. Возможно, Лиснянская научилась этому у того безлицего раненого в зале консерваторской, который ее же, плачущую, и утешал. Но она пошла дальше, научившись перевоплощаться не только в чужую боль, но и в источник боли – в боль причиняющего боль.

Рот закушу до самой черной алости,
Мое молчание – моя броня.
Не мучайте меня – умру от жалости,
Мне жалко вас, не мучайте меня.

Иван Жданов когда-то поразил читателей образом «убитой» в теле птицы пули, «которая так хотела всего лишь летать, как птица». У Лиснянской нет никакой абстрактной птицы. В роли птицы выступает она сама и сама же жалеет попадающие в нее «пули». Более того, начинает наделять собственными качествами окружающую природу:

Как безбожно ее обдирает
Отдыхающий здесь народ!..
Липа всхлипывает всю ночь
От любви к своим обдиралам.
От бессилия им помочь.

Постепенно, подспудно она утверждается, видимо, в простой с виду мысли: жизнь – это боль, а боль – жизнь. Одного без другого не бывает. Но к этому еще надо было пройти сквозь голодное военное детство, утраты, разоча-

рования, трехдневный допрос в подвале НКВД, любовь, отлучение, испытание известностью. Хотя догадалась обо всем уже давно:

У ивы плакучей
Есть свой говорок:
Чем хуже – тем лучше,
Отчаянье впрок.

У зимней рябины
Присловье свое:
Чем горше кручины,
Тем слаще житье.

На них я ссылаюсь,
Ночуя во рву:
Чем больше я маюсь,
Тем дольше живу.

Единственная здесь для меня загадка – стихи, в которых говорится о Христовом перевоплощении, и эти строчки:

Голгофу вытерпел, но как он перенес
Блаженство воскресенья?

Воскресенье – может быть, бóльшая мука, чем само распятие. Воскресенье уж явно не могло обойтись без невыносимой боли. Или для Лиснянской боль и блаженство – уже синонимы?

* * *

– Ну, конечно, везде война, – согласилась Лена с маминой строкой. – Была война, есть война и, наверное, будет. Только мало кто это замечает. Потому что осколки войны – это не только осколки от снарядов и мин. Осколки всеобщей войны – это нищие, обездоленные, больные. Это беспризорные дети, живущие во вроде бы невоюющих странах. В России им никто

не хочет помогать. Все живут в своих мирках, у всех свои проблемы, которые, честно говоря, иногда раздражают. Какие могут быть проблемы, если рядом – дети, у которых с рождения нет будущего?

– Да, но на всеобщей войне у каждого – своя война. И из этого замкнутого круга не выйти. Поэты на войне воюют. И пишут тоже. Но сначала воюют. У нас целое поколение поэтов убито на войне. И я не знаю, что важнее: то, что они были поэты, или то, что они были убиты. Правда, на сегодняшней войне народились целые поколения поэтов, которые даже не подозревают, что идет война.

Лиснянская знает. Она написала о той войне, что идет постоянно. И порой – незримо. Она написала, а большинство эту войну и не видят вовсе. Воевать – воюют, а видеть – не видят. Может, потому, что мертвые не имут не только срама, но и зрения. А может…

Что мне делать в такую грозу?
Пахнет молния мокрой сиренью
И в больные глаза населенью
Запредельную сеет росу.

Что воскликнуть под этакий гром?
Мы росой, а не кровью умыты
И давно и настолько убиты,
Что уже никогда не умрем.

Мы бессмертны, потому что убиты?

Из-за сквера выглянул автовокзал. Когда мы приблизились, оказалось, что он оцеплен полицией, и в здание никого не пускают. Толпа жалась вокруг, чертыхалась и с опаской поглядывала по сторонам. В воздухе на разных языках висело слово «бомба». Полицейский объяснял наиболее нетерпеливым, что в здании заложена взрывчатка, и все автобусы отменены.

Ничего не оставалось, как переждать ожидаемый взрыв в соседнем кафе.

О роли пространства

Никак не пойму: любовь – это судьба? Или ее нужно выносить за скобки судьбы? Или у всех по-разному? Был бы, например, без Беатриче написан «Ад»? Возможно. А случился бы Петрарка без Лауры? Скорее нет, чем да.

Лиснянская, конечно, была и до встречи с Липкиным. И не просто была – успела почувствовать и осознать единство и непрерывность истории, преемственность катастроф, да и свое место в этом гигантском котле под названием человечество. То есть она успела в общих чертах начертить свой путь и, в общем, с этого пути не сворачивала. То есть мелодия уже давно звучала, «ночи Голгофы» тянулись, песня писалась и пелась. И тут – если и не «песнь песней», то песня – в песне. «Гимн». Явление «царя Соломона».

Конечно, история этой любви сама по себе, а тем более история этой любви, отраженная в стихах Лиснянской, – очень отличается от других любовей – молодых и страстных. Потому что:

> На садовой скамейке средь буйного сорняка
> Дотемна в подкидного режемся дурака.
> Старосветских помещиков в возрасте перегнав,
> Что еще могут делать два старые старика
> В одичалые дни посреди некультурных трав?

Но дело даже не в возрасте этих «старосветских помещиков». Да и никакие они не «старосветские», потому что «будь старосветскими – мы бы варили компот». А тут – не до компота и не до варенья. Тут – любовь. А уникальность ее в том, что обычные для молодых влюбленных чувства – от влечения до ревности – накладываются на возраст. И нисколько от этого не блекнут. И что с того, что «царь Соломон» встал под венец, кажется, в восемьдесят семь? Да ничего – все как обычно:

> В уходящую спину смущенно смотрю из окна…
> Твоя ревность и трогательна, и смешна…

Но и – не совсем обычно:

Неужели не видишь, что я и стара и страшна,
И помимо тебя никому на земле не нужна?

Только дело ведь не в этом, точнее, «не в том, чтоб бурлила кровь кипятком, А чтоб сердце взлетало, как с персиков спелый пух». Любовь ведь сродни поэзии – питается не глазами, а – воздухом. И воздух этот у Лиснянской не иссякал, чему она, по-моему, сама удивлялась и удивляется по сей день.

Здесь, правда, тему любви настойчиво перебивает еще одна тема – тема империи. В огромной общей стране общий же поэтический воздух гулял, где хотел, без барьеров. Он сводил и объединял, порождая немыслимые смешения и немыслимые взлеты духа. И оказывалось, что, например, для культуры нет никаких границ. Да и быть не может.

Сейчас я скажу нечто крамольное: Инна Лиснянская и Семен Липкин – дети империи. В противном случае не было бы ни их поэзии, ни их любви. У прикаспийского Баку, где родилась Лиснянская, и у причерноморской липкинской Одессы оказались общие культурные корни, потому что они стояли на одной земле и скреплялись одним языком – русским. Им повезло. Повезло, несмотря на войну, голод, опалу, попытки отлучения от литературы. Повезло. Они успели вобрать в себя этот общий воздух культуры, который сегодня, как из проколотого мяча, выпущен в неизвестное пространство.

Да, империя откуковала, и там, где мы
Родились, совершенно другие страны уже, –
Это мне не строкой, а осокою – по душе,
Это мне не оскомина от незрелой хурмы.

Там уже не цветет на каштанах русская речь,
И по-русски уже не говорит инжир…
Некрасиво грустить, что распался имперский мир,
Но и чувством распада немыслимо пренебречь…

«Некрасиво грустить» – это, конечно, взято напрокат у общественного мнения. Все остальное – не просто всерьез. Все остальное – дыхание судьбы. Потому что для детей империи, после того как империя «откуковала», – жизнь после жизни. Стихи после жизни. И – любовь после жизни. Влюбляясь в Липкина, Лиснянская, может быть, сама того не понимая, влюблялась в бездонное пространство – в вечность. И не случайно цикл «Гимн» плавно перерос в цикл «Без тебя». Липкин вроде бы умер. И в то же время не умер. Потому что все осталось. Любовь осталась, воздух остался, пространство общее осталось.

Без тебя ничего на свете не опустело,
Ты его напитал и словом
и смехом своим простодушным…

После ухода-неухода Липкина с Лиснянской, на мой взгляд, произошли две примечательные вещи. Во-первых, она почти полностью раскрепостилась. Раскрепостилась настолько, что стихи из нее понеслись вприпрыжку, перебивая друг друга и нисколько не сверяясь с ее собственной волей. А во-вторых, у нее сложились свои особые отношения с пространством. Нельзя сказать, что она не переносит одиночества. Нет. Но – кто-то должен охранять окружающее пространство. Пусть этот кто-то – где-то за стеной, пусть – невидимый. Но охранять должен. Потому что в этом пространстве Липкин. Потому что в этом пространстве – вечность. А вечность нельзя оставлять без присмотра.

* * *

Да, ничего не оставалось, как переждать взрыв в кафе. А чтобы лучше было видно, уселись за высокой стойкой, уткнувшись носом в огромную витрину, исполнявшую роль окна. За витриной поодаль толпились люди и, видимо, тоже ждали. Чертыхались на непонятном мне языке, активно, по-южному, жестикулировали и – ждали. Не расходились. Полиция почему-то тоже не спешила их разгонять.

– Ну вот, – говорила Лена, – вот тебе поэзия. И вот тебе мир.

А я думал: вот – мир, а вот – поэзия. Может быть, они живут отдельно, параллельно, пересекаясь только в словах, в названиях. От нашего, российского мира, от мира Лиснянской и Липкина оставались в тот момент осколки. Осколки, которые с огромным трудом пытались срастись в какое-то новое целое. Но поэзия-то жила! Совершенно независимая от мира поэзия. И отменить ее было невозможно – все равно что Бога отменить. Тот же Ницше уже пытался – не вышло.

Но как ее, эту поэзию («печальное ремесло»), все-таки совместить с миром («жизнью»)? Может, они и не совмещаются вовсе?

Лиснянская сидела за столом, глядела в окно на свой дворовый пейзаж, курила и писала стихи. А за окном того мира, где мы в этот момент сидели с Леной, в это же время ждали взрыва. Все готовились, все репетировали – стихи и взрыв. И когда напряжение дошло до высшей точки, у Лиснянской родилась строка, а взрыв отменили. И все облегченно направились к своим автобусам. В том числе и я.

О роли свободы

Лиснянская – талант, который всегда не похож не только на свои стихи, но и на себя саму. Не успеешь представить ее суровой служанкой муз, как она расплывается в почти озорной улыбке, а не успеешь признать отменной хохотуньей, как она своими стихами вводит в некое пространство, от которого у нормального человека – мурашки по коже.

Я все хочу уйти! Уйти!
Мне все нужней, нужней свобода!
И нет естественней ухода –
Крест-накрест руки на груди.

Я репетировала смерть,
Крест-накрест складывала руки.
Лицо не выражало муки,
Чтобы не страшно было впредь.

Борис Пастернак репетировал любовь – «шатался по городу и репетировал». Лиснянской это не надо. Она репетировала смерть. Она репетировала смерть, как свободу. И это был тот жуткий театр, где играют всерьез и навечно. Это был тот глубокий омут, в который кидаются за живительной прохладой, но с риском – не выплыть. А если не кидаться, возникает другой риск – не выжить. Поэтому и кидалась, и отступала в страхе, и уговаривала свой собственный страх, но далеко от омута не отходила.

Что до вечного сна – не верьте,
Не иду я на смерть стеной,
А заискиваю перед смертью,
Чтоб она погнушалась мной.

И почти там же, недалеко:

Но если о смерти? – я с нею накоротке.
Я жизнь ее прокрутила в своем котелке…

Но здесь есть и другая сторона медали. Лиснянская, видимо, человек не очень в себе уверенный. По отношению к собственным стихам – тоже. После того как напишет очередную порцию стихов, сначала радуется и читает всем приходящим. Потом начинает сомневаться:

– По-моему, какую-то ерунду написала. Как ты думаешь?

Насколько я знаю, этот вопрос она задает многим. А ответы получает почти одинаковые: ну что вы, Инна Львовна, все замечательно. Но это ее не останавливает, и половину написанного она откладывает в сторону – не годится. Откладывает в какую-то тумбу, чтобы потом, через месяц или год, случайно на них наткнуться и воскликнуть:

– А ведь это неплохо! Совсем не хуже того, что я отдала в печать.

Эту ее манеру я уже знаю. Поэтому на очередной вопрос о качестве написанных стихов (причем на другой день после случившегося с ней сердечного приступа) я взял и ляпнул:

– Если бы вы были здоровы, я бы вам сказал всю правду.

Все. Теперь это стало главным критерием.

Но это так – шутки. Лиснянская, конечно, понимает, что хорошие стихи – это живые стихи. А живые стихи рождаются от (простите за нелепицу) живой жизни. Жизнь ведь всякая бывает – живая и неживая. Вот этого она, по-моему, и боится больше всего: думаешь, что живешь, а на самом деле – одна пародия.

Это ведь жуть какая –
Смерть свою прозевать,
Думать, что ты живая,
И расстилать кровать.

То есть, по сути, не смерть Лиснянская репетировала – репетировала жизнь и свободу. Проверяла себя на жизнь и свободу. И кажется, проверила наконец.

Да и какая может быть репетиция смерти, если идет война?

* * *

Уже в автобусе, когда мы отъехали от Вечного Города километров на сорок, поступило сообщение, что взрыв все-таки произошел. Только не на автостанции, а в другом месте, неподалеку. Кажется, в тот раз погибли десять человек. Или больше.

Боже, неужто Твоя пылающая купина
Взрывами обернулась в разных концах земли?
На разный манер Твои выкрикивая имена,
Новые варвары с новым запалом пришли –
Нету ни фронта, ни тыла: везде война…

Москва

Ольга Ильницкая

Молись и пой

* * *

…я открываю ввысь окно,
в иные дали,
там голубь веточку оливы,
воркуя, дарит.
Мне солнце светит веселей,
и вдруг пишу:
«Я, мама, пономарь теперь,
и я прошу,
ночами спи, с утра молись,
молись и пой,
чтобы повсюду и всегда –
вдвоем с тобой.
Послушай звукопись времен,
иные выси».
Гудит к рассвету голова,
компьютер виснет.
Но сохраняю высоту
двойной печали,
где звук хранит мой пономарь
на призрачной скрижали.
И слышу, изболев душой,
воскресны звоны,
и, обмерев, земные бью
в ответ поклоны.

Плач

1

Мир, как пашня, пахнет сыро.
Завтра узнаю, как пахнет могила.
А пока предчувствую…
курю сигарету…
словно последнюю докуриваю эту…
я пойду спать в свою кровать.
А сыну перинку постелю в могилку.
Когда закопают – буду приходить…
словами ворожить…
цветы приносить…
горе горевать…
Ненавижу!
Ненавижу, что сына не увижу…
Что утром вставать.

2

Тринадцатые сутки как сын не похоронен,
не могу я спать.
Вот кресло, вот телевизор, вот кровать…
Вот книги… вот портрет… вот крест…
Вот я… А сына нет…
Никогда я не знала большего страха,
чем урна с прахом на полке шкафа.
…вторую неделю бумаги, печати,
справки, пароли да явки:
и только потом мать – сыра земля…
а вовсе не я…
а как называется мать – потерявшая сына?
потерявшая мужа – вдова…
как теперь называюсь…
как теперь называюсь я…
Смотрю на… Бедный мой сын,

взглядом вбираю, оберегаю…
Обратно в себя возвращаю?
Покойся во мне, дитя…
Родить тебя больше не…
Два раза не умирать?
Что за ужас придумала –
прах твой в себя вобрать –
«Роди меня, мама, обратно»…
Я не сумею.
Я прах твой лелею…
Жизнью смертельно болею.

Отмени и Ты меня, посмей

Яростью от ужаса дыша:
«Боль моя всегда передо мною»,
Сына отлетевшая душа
Стала путеводною звездою.
Тьмы и тьмы смотрящих в небо глаз.
Шаг за шагом преданные судьбы.
Выбеленный неба спущен флаг.
Затвердели сомкнутые губы.
Заверюха злится в чистом поле.
Это души рвутся из неволи.
Леденящие глаза зимы
Прозревают гибель.
Божьей воле верить или нет?
Свет сияет в гробе сына, свет.
Почему священник повелел
Не прощаться с голубем навеки?
Отчего дрожали сына веки,
Перед тем, как птицею взлетел?
Руки сжаты, кулаки страшны
Силой набухающей весны,
Но на взлете срезаны навеки.
Мы рабы и – божьи дети мы…

Тысяча чертей, опять об этом!
Кто же мы, кому посвящены
Смертным холодом больные дни,
Кто нам крикнул – больше!..
Больше света!
Ну ответь мне, кто-нибудь, ответь,
То, что неподвластно божьей воле –
Для чего мне день и ночь терпеть.
И зачем Ты мучаешь меня,
Отобрав того, кто всех дороже.
Отменяю этот белый свет.
Где надежд на возвращенье нет.
Отмени и Ты меня, посмей –
Обирающий болящих и детей,
И со мной во мне пребудь навеки.

Боже мой – ремонт

Истончилась душа.
Белый Свет…
Разбирает ремонтник паркет,
говорит – давай, помогай!
За окошком теренькнул трамвай.
«Ой, дивчина, шумит гай,
кого любишь, выбирай…»
Выбираю Белый Свет.
Не беру на Тот билет.
На Том свете – боже мой –
младший сын всегда живой.
На Том – бабушка, о боже, –
внуков всех уже моложе.
…Рановато в те края.
Здесь ремонт, и здесь земля
на которой, святый мой,
старший сын живой со мной.

Я побуду здесь пока,
тихо глядя в облака.
Вот закончится ремонт…
Я возьму свой старый зонт…
…Дождь, как сын, со мной идет.
Старший? Младший? –
…как в кино.
Что ли мне не все одно?
…Истончается душа,
Белый Свет,
как хлеб,
кроша…

Молитва

Святой Архангел Михаил, мой сын тебя любил.
Возьми его и огради, и присмотри, пожалуйста.
А то он в лавочку пойдет, и кто-нибудь винца нальет,
и я тебе пожалуюсь. Спаси от длани божьей и от Его любви
Летающего Мальчика во Храмах на Крови.
Бог так с Алешей носится, что гром с небес доносится.
Терпеть Лешке доколе радетельской неволи.
Спаси мне сына, догляди, не то он с неба бросится.

* * *

Холодно, холодно мне. Пропасть зим.
Это к морозу крутому плача взрыв.
Словно историй нарыв – из глубины времен,
я возвращений жду каждого в свой район,
где места миру нет, нет – красоте…
Рядом – не узнан никто, ибо – не те…
Ответишь ли, что за стих, и почему звук стих?
Кто запустил движок того, кто стирает блог,
книгами кормит костры… Лезвия чьи остры?
И по кому рыдал маленький детский бог?

Это за что в висок ввинчен земной виток?
Всё. Ничего не жаль, было – прошло.
Это небес скрижаль – перекорежило.
Что я смогу сказать – рот закушен навек.
Дольше побудь живым, теплый ко мне человек.
Здесь, высоко в снегах – благостно и светло.
Здесь претворяют прах в чистое вещество.
Слушаю день и ночь голос людских щедрот.
Как я скажу про то, что поняла не вдруг:
не передаст никто свой спасательный круг.
Не продышать, нет сил – в светлое завтра окно.
Ведь не увидеть свет, если в глазах темно.
Как не коснуться листа, если бежит строка…
Если уста к словам, что к поводку рука…
Память дана тому, кто опрокинуть смог
мир в себе и войну – в холода млечный слог.
А разжавши уста, кто кому повелит?
Произнесет не всяк – «Всякого Бог хранит»…

Юлия Петрусявичюте

Цикл «С того берега»

* * *

Осень мокрая как птица
Улетала в теплый вырий
С обожженных красных крыльев
Рассыпая медяки

На обугленных страницах
Райнера Марии Рильке
Вместо букв бежали искры
Чтобы дописать стихи

По полям плясало пламя
На углях в лукошке года
Язычком последней спички
Норовя слизнуть звезду

И стояла вместе с нами
Наша девочка Свобода
В ожиданьи электрички
На распластанном мосту

* * *

Онемевший поэт и ослепший художник
Постаревший ребенок, безумный старик
Пишет пулями хронику из неотложек
Из безумных газет и растерзанных книг

Коллажи и рекламные клипы, витрины
Витражи, мониторы, экраны, щиты
Беззащитные лица, сутулые спины
Обнаженные руки, глазницы пусты

Пулевые отверстия, дыры навылет
Автоматная очередь – и наповал
Труп эпохи надушен, накрахмален и вымыт
На застывшем лице застывает оскал

Пистолетные росчерки, залп многоточий
Пунктуация выстрелов, странные сны
Путевые заметки сожженных обочин
На полях поражений последней войны

Эта хроника не для грядущих потомков
Повесть временных лет – это для марсиан
Онемевший поэт, потерявшись в потемках,
Не за словом – за магнумом лезет в карман

Онемевший поэт и ослепший художник
Постаревший ребенок, безумный старик
Пишут пулями летописи неотложек
Заголовки газет и названия книг

Пишут тексты для радио и телебреда
Автоматная очередь. В сгустке вранья
Сжавшись в жалкий комок, умирает Победа
Или, может быть, ты, или, может быть, я.

* * *

И город затонул. Холодный дождь
Кругами разбегается по лужам.
Ты одинок, ты слаб, ты безоружен,
Ты никуда отсюда не уйдешь.

Ты пленник Атлантиды. В глубине,
На дне времен, среди немых созданий,
Ты связан, ты прикован, ты раздавлен
Обломками. Ты слышишь зов извне.

Далекий, еле слышный волчий вой,
Дрожащий от восторга и тоски.
И дыбом шерсть встает не по-людски,
И ты по-волчьи алой пьян луной,

Которая в зените над тобой,
И тянет, тянет душу, как магнит.
И сила притяжения звенит
В твоей крови натянутой струной.

* * *

Я живу в тишине. В тихом шелесте медленных туч,
В серой башне у самой черты горизонта, над морем.
Это древний маяк, и по стеклам его перед штормом
Пробегает зеленый и острый как лезвие луч.

От него зажигается в башне сигнальный огонь,
Запускается весь механизм. Штормовая сирена
Завывает как дева морская, поднявшись из пены,
И торжественно вторит ее завыванию шторм.

Десять тысяч испуганных птиц от пределов земных,
Обезумев, летят и летят через край на тот свет,
В те края, где ни боли, ни страха, ни холода нет,
Где прозрачное море спокойно и ветер затих.

* * *

Там стынет степь, как тело на ветру,
И бледная трава сплетается с травой
В надежде сохранить тепло. Живой
Остаться и проснуться поутру.

Здесь, выкопав могилу для себя,
И череп и стрелу находишь в ней,
И по расположению камней
Определяешь круг календаря,

Круговорот, и птичий перелет,
Начало года и конец времен.
И погружаясь в долгий зимний сон,
Вкушаешь мед. Осенний горький мед.

* * *

В рыбацкие сети летели осенние листья,
А в небе плескалась до самого дна синева.
Слова созревали, как яблоки на Покрова,
И горло сжималось от каждого нового смысла.
Слова созревали и падали с веток в траву,
Светились меж листьями мягким немеркнущим светом.
А рыбы в прудах ждали только попутного ветра,
Чтоб стаями сняться с деревьев и плыть в синеву.
Осенний прилив затопил города и сады,
Медвяной и лунной водой заполняя пределы.
Деревья стояли в дожде и тихонько гудели,
Как медные яблоки Китежа из-под воды.

* * *

Я живу один. Здесь только пески да глина.
Деревья, чужие птицы, кусты, колючие травы, жуки населяют остров.
Я уже выучил их язык и подолгу беседую с ними.
Мы стараемся не задавать друг другу лишних вопросов.

Кто кого сожрал на ужин, у кого затопили жилище,
Кто я сам такой и откуда, и как попал сюда, на этот край света –
Это все вопросы из категории лишних.
Мы тактично их избегаем в наших долгих беседах.

Вместо этого мы говорим о ветрах, приливах,
О песке, о времени, о перелетах птичьих,
О поющей воде, о танцующих травах, о ветре в ивах,
О воздушных стихиях вообще и об их обычаях.

Я с утра разбирал иероглифы в белом камне –
Об устройстве мира и сути всего живого.
Я бросаю в море бутылку с сухими листками
Подорожника. Там записано главное слово.

Евгения Красноярова

Наставления для птиц

* * *

Расти, расти – мужать корой,
накапливать под кожей камбий,
мести зелеными руками
небесным крашеный порог

Дышать, дышать – огнем зарниц,
питаться пением и свистом,
листвой наигрывая Листа
из «Наставления для птиц»

Стоять, стоять, ни пяди не
отдав пиле лесоповала –
ни буроземного начала,
ни звезд, цветущих в вышине

расти
расти

* * *

Пишет Финист пером из крыла:

«Почему ты меня не нашла?
Жал ли ногу чугунный сапог,
или гребень стать лесом не смог?

Я все там на том же берегу
развлекаю все ту же Ягу,
под присмотром ее лебедей,
забывая повадки людей.

Если можешь идти – торопись.
Все милей мне становится высь.
Только имя твое не дает
(почему-то не помню лица)
полюбить соколиный полет
до конца

* * *

Осенняя муха, тяжелая на подъем,
семь пальцев каштана, схватившихся за ограду,
и небо так светит в забитый листвой проем,
что кажется – целая вечность до снегопада:
из туч, начиненных парами, прольется ртуть…

Нелепость какая – пальто и платок пуховый! –
когда виноградина лопается во рту,
как белое солнце, дозревшее до сверхновой…

* * *

Мой светел дом отсутствием своим,
покинутыми детскими вещами…

Я помню, как замочки запищали
и дверь в последний раз пропела гимн
оставшимся – за вымытым стеклом,
за теплой стенкой, выкрашенной белым.
В последний раз калитка заскрипела
и ель махнула высохшим крылом…

Никто ко мне, прощаясь, не приник.
Никто не звал, не ждал меня на ужин,
и в будущее прочь ушел по лужам
суровый стройный призрак – мой двойник.

* * *

Привет, собака, русая, как я.
Не прячь бездомных глаз в густом бурьяне.
Гляди: Луны покинутый каяк
неспешно поднимается над нами.

Куда б она, дурашка, ни плыла,
Исправить траекторию нельзя ей.
Не надо мне вилять хвостом и лап
давать за горсть костей: я – не хозяин.

Есть то, что нас роднит, – один родник,
исполненный печали и скитаний.
По звездам чиркнул спичкой истопник,
и птицы засыпают на платане…

Равно перемещение нулю,
когда оно во мрак бежит из мрака,
но утро скажет:
– Я тебя люблю,
моя русоволосая собака!..

И снова мир откроется большой,
и солнце брови рыжие насупит,
и станет так тепло и хорошо,
как будто вечер больше не наступит.

* * *

Ю. К.

Где начинается ночь, там
я говорю себе – фрам! фрам!

Шар улыбается во сне.
Лижут собаки мои снег.

Ищут собаки мои след,
что оставляет во тьме свет

твой.

Галя Маркелова

«Спасибо тем, кто не забыл меня…»

11 августа большинство одесских газет вышли со скорбными извещениями о смерти заместителя главного редактора газеты «Вечерняя Одесса», журналиста Людмилы Александровны Гипфрих, которая скончалась от скоротечной тяжелой болезни 3 августа 2012 года.

Никогда не могла себе представить, что я буду писать скорбные строки в память о Люде Гипфрих. Мы никогда не были подругами, в редакции сталкивались весьма редко и в те младенческие времена, когда Люда работала в «Комсомольском племени», переформатированном позднее в «Комсомольскую искру», где собрался молодой коллектив одесских интеллектуалов, стремящихся преобразовать серые будни соцреализма. На улице Пушкинской проходили и интересные встречи, и первые выставки одесских художников. Центром этой жизни были Гиприх, Голубовский, Кохрихт, молодой поэт Юрий Михайлик, и естественно, когда Борис Федорович Деревянко создавал с такой любовью «Вечерку», он пригласил Люду Гипфрих.

Моих стихов там не печатали. И точка. А вот стихи Гипфрих иногда мелькали в этих комсомольских изданиях. И при всем

моем желании найти в них огрехи – не выходило! Как нынче я жалею, что не сохранила пожелтевшие вырезки скверный бумаги, пахнущие типографской краской, как доказательства искренних моих чувств и неподдельной скорби…

А скорбеть есть о чем! Ушел поэт, который так и не увидел сборника своих стихов! Поэт тонкой организации, широкой эрудиции, хорошего образования – она (Людмила Гипфрих) все же была очень ранимым человеком, и я думаю, что многолетняя журналистская деятельность сделала ее излишне осторожной. Но говорят, что Люда даже договаривалась с художником о создании иллюстраций к книге своих стихов. Я же свидетельствую, что лет десять тому, когда у меня вышла первая книжечка, мы с ней говорили о материальном вопросе, то есть во что выльется издание книги стихов. Тогда я посоветовала издать и ее статьи, которые она считает интересными, на что Гипфрих улыбнулась своей загадочной и целомудренной улыбкой…

Кстати, красавицей ее не назовешь, но вот улыбка действительно скромно цвела на ее лице особым обаянием.

Я сразу запомнила ее из-за этой улыбки, из-за первого услышанного ее стиха. Было это где-то в шестидесятых, на каких-то литературных сборищах. Вдруг поэт Юрий Михайлик (который сейчас живет в Австралии) объявил вновь вошедшую, она улыбнулась той самой улыбкой и стала читать: «О, Саврань, не позволь мне соврать…» – далее шло о самолетике, пришпиленном туманом к летному полю, и становилось грустно и обидно и за самолетик, и за девушку-журналиста, заброшенных где-то в неведомой (для меня) Саврани. Думаю, что именно тогда у меня возникло ощущение глухой провинции, безысходности, щемящей тоски, которое уже больше меня не покидает. А стишок-то был написан очень простыми, прозрачными словами! И надо же, на девятый день, когда преданная Айя Катрич (подруга Люды), закрывшая ей глаза, читает мне ее рукописи, я слышу:

Спасибо тем, кто не забыл меня,
кто вдруг при встрече опознал и вспомнил
ту девочку, что плача и смеясь

входила в мир. И книгами заполнить
его хотела. И дарить, дарить
все, что узнала, что прочла – напомнить.

Непостижимая страна Поэзия! Она имеет свою особую структуру, и узлы, завязанные Бог знает когда, образуют спасительную нить, которая позволяет не заблудиться в ее лабиринтах, отыскивая тот самый единый, истый смысл, удирая от осклизлой туманности. Тогда, в шестидесятых, она уже благодарила всех, помнящих ее, и тех, кто запомнит ее стихи, как только их услышат, как только их прочтут…

Мысли о жизни и мысли о смерти
Не умещаются в суетной смете
Нам ежедневно отпущенных чувств.
Лишь иногда эти мысли большие
Могут догнать нас в летящей машине
За облаками, приникшим к стеклу,
Взять человека, который пристегнут
К небу и скорости серым ремнем –
Что ж это значит: живем и умрем?

Но это уже другой самолетик, это самолетик, который мчал ее к своей любимой подруге, искрометной Бэле Кердман. Кто в Одессе (и не только) не помнит этого смелого, дерзкого журналиста – Бэлу Кердман, которая сейчас проживает в Стране Обетованной? Обе они умели дружить, их дружба была проверена десятилетиями, последняя поездка Люды была к ней…

Каким мужественным человеком нужно быть, чтобы так четко оформить в строфу главные, жесткие мысли о жизни?!

Я надеюсь на то, что сотрудники газеты, газеты, которой журналист Люда Гипфрих отдала тридцать девять лет, которые с такой любовью сделали подборку ее стихов, в дальнейшем помогут издать книгу стихов замечательного мудрого поэта, журналиста Людмилы Гипфрих.

Людмила Гипфрих

Я вас помню

* * *

Спасибо тем, кто не забыл меня,
Кто вдруг при встрече опознал и вспомнил
Ту девочку, что плача и смеясь,
Входила в мир. И книгами заполнить
Его хотела. И дарить, дарить
Все, что узнала, что прочла – на память.
На счастье вам, на много дней открыть
Страницы, шелестящие стихами.
Спасибо вам, кто сквозь десятки лет
Ко мне моею юностью прорвался,
Как будто приглашая вновь в полет.
На карусель почти забытых вальсов.
Входите все – из красных уголков,
Из заводских цехов и общежитий
Все, кто с моею юностью знаком,
Верните мне – хотя бы день забытый.
Давайте вместе смысл своих основ
Значеньем этих давних дней восполним.
Я вам признаюсь: среди лучших слов
Есть три прекрасных слова: «Я вас помню».

* * *

Близка мне простота, но простота
Проросшего над берегом куста,

Омытого волною валуна…
Но заменить простым я не вольна
Семь нот, семь дней, начальных семь цветов…

* * *

Может, годы отлетают чайками,
Может, облетающими листьями.
Может быть, строкою не случайною,
Терпкою, настоянною мыслями.
Может, где-то в глубине зачатые,
В материнской жизни изувеченной,
Белым полем, белыми зайчатами,
Незаметными на фоне вечности…
Каждый год мой встречами отпразднован
И оплакан горькими потерями.
Ждет и ищет каждый год по-разному,
И в дороги каждый год мой верует.
Стук колес до слез красноречив –
Очень скоро, очень верю, что уеду я,
Позабыв про тысячи причин,
По которым уезжать не следует…
А пока что днями семенят
Годы с постоянною пропискою.
Кто-то пишет песни для меня,
Для меня идет пути отыскивать.

* * *

Вот говорят: инакомыслящие…
По отношению к кому?
Я думаю: однако – мыслящие
По отношению к тому,
Кто сам привык, как попугай…
А впрочем, что же я о птице?
Он тоже мыслит, и пугать
Сравненьем с птицей не годится.

И у него – у попугая –
Свой взгляд на мир, и мысль тугая,
Как тетива, – на волю тянет.
Он тоже мыслящий, однако.
Он тоже мыслящий инако
По отношению к безмыслью,
К закрытой клетке, к жуткой выси,
Над ним нависшей потолком.
Открой окно – и был таков.
А может быть, и не решится?
А может, он – уже не птица?
Уютно в комнате от мыслей
О сладком корме и плече
Хозяина. Иные мысли
Ему зачем? И нам зачем?

* * *

Спасибо бабушке Прасковье
За то, что перезвон церковный
Меня учила понимать.
Нет, нет, не верить, не молиться,
А только вглядываться в лица
И знать, что пред тобой не жрица,
А только, только чья-то мать.

Полина Перепелица

Понарошку...

Полина – один из лауреатов детского конкурса на «Зеленой волне – 2012». Она учится в 4-м классе 2-й гимназии, член литкружка имени А. Гайдара, которым руководит И. Потоцкий.

Мамин супчик

Приготовила мама сыну супчик.
Говорит она ему:
– Ешь, голубчик!
Но губы кривит ребенок:
– Я толстенький стал, как теленок!
Худеть я не хочу, мамуля!
А она ему:
– Знаю, сынуля!
Только съешь поскорее супчик,
Тебе он понравится, мой голубчик!
– Да, мамуля, мне супчик нравится, но съешь
Его ты, красавица!

В автобусе

В автобусе ехали мы,
И было нам очень жарко.
Я была не одна –
Со мною была Одарка.

Старушка в автобус вошла
И начала место искать,
Но, конечно, никто, никто
Ей место не стал уступать.
Одарушка встала вдруг –
И бабушка села в кресло.
Чего все захлопали вдруг,
Мне до сих пор интересно.
Чего все захлопали вдруг,
Я до сих пор не знаю,
Но место старшим всегда
В автобусах я уступаю

Наш класс

У нас в классе детей много:
Вот попробуй, сосчитай,
Имена их называй.
Богдан – хулиган,
Непослушный мальчуган.
Братья Коля с Толей – близнецы.
Сестрички Аня с Маней – молодцы.
Вот такие у нас дети –
Они лучшие на свете.
А с учителем проблема:
Он не слушается нас.
Если б были мы большими,
Он пошел бы в первый класс

Понарошку

Понарошку в лес пошел я
Понарошку без сапог
Понарошку в дождь попал я
Понарошку я промок

Понарошку потерялся
Понарошку дом ищу
Понарошку ох как страшно
Понарошку я реву
Понарошку слез соленых
Стала лужа или две
Понарошку, может, это
Ночью все приснилось мне

Чудесный лекарь

Чудесный лекарь в мире есть,
Его все люди знают,
Но только имя он свое
Не говорит, скрывает.
Лекарства делать он мастак,
Выписывать бумаги,
Но только деньги не звенят
В карманах у бедняги.
– Я денег вовсе не прошу, –
Нам лекарь отвечает.
Здоровья, радости всем, всем
Он от души желает!

Родное море

Море доброе, зеленое,
Игривое, соленое –
К нему я руки протяну
И обниму его волну.
Запенится барашками
Игривая волна,
Лечу я вверх тормашками –
Уж так сильна она.

Елена Погорельская

Одесса – Николаев – Одесса

Новые материалы к биографии И. Бабеля

14 октября 1931 года, после публикации в журнале «Молодая гвардия» рассказа «Пробуждение» и перед публикацией в «Новом мире» рассказа «В подвале», Бабель писал матери: «Я там (в «Молодой гвардии». – **Е. П.**) дебютировал после нескольких лет молчания маленьким отрывком из книги, которая будет объединена общим заглавием «История моей голубятни». Сюжеты все из детской поры, но приврано, конечно, многое и переменено, – когда книжка будет окончена, тогда станет ясно, для чего мне все это было нужно. В этом же месяце появятся два рассказа в «Новом мире» – один из той же серии…»*

Приведу несколько мемуарных фрагментов на ту же тему.

Однажды в Одессе, нарушив обычное правило не говорить с Бабелем о его литературных делах, жена писателя, Антонина Николаевна Пирожкова, спросила, автобиографичны ли его рассказы.

«– Нет, – ответил он.

Оказалось, что даже такие рассказы, как «Пробуждение» и «В подвале», которые кажутся отражением детства, на самом деле не являются автобиографическими. Может быть, лишь некоторые детали, но не весь сюжет. На мой вопрос, почему же он пишет рассказы от своего имени, Бабель ответил:

– Так рассказы получаются короче: не надо описывать, кто такой рассказчик, какая у него внешность, какая у него история, как он одет…»**

* Бабель И. Собр. соч. в 4-х т. М., 2006. Т. 4, с. 293. Второй рассказ, напечатанный тогда в «Новом мире», – «Гапа Гужва» из задуманной книги о коллективизации «Великая Криница».

** Пирожкова А. Семь лет с Исааком Бабелем // Бабель И. Собр. соч. в 4-х т. М., 2006. Т. 4, с. 453-454.

Существует, однако, другое свидетельство, принадлежащее Константину Георгиевичу Паустовскому. «У меня нет воображения», – упрямо повторял Паустовскому Бабель. Он говорил: «Я не умею выдумывать. Я должен знать все до последней прожилки, иначе я ничего не смогу написать. На моем щите вырезан девиз: «Подлинность!». Поэтому я так медленно и мало пишу. <…> Когда я пишу самый маленький рассказ, то все равно работаю над ним, как землекоп, как грабарь, которому в одиночку нужно срыть до основания Эверест»[***].

Свидетельство Пирожковой, безусловно, достоверно, и в данном случае мы можем быть уверены в точной передаче слов Бабеля. Паустовский же, как известно, создавая повесть «Время больших ожиданий», из которой взят приведенный отрывок, не ставил перед собой задачи с фактической точностью отобразить реальные события.

Но, видимо, к обоим признаниям Бабеля надо относиться осторожно. И вместе с тем каждое из свидетельств по-своему правдиво. Дело в том, что Бабель действительно очень тщательно прорабатывал многие детали, а фактографическая, порой документальная точность и писательский вымысел идут в его произведениях рука об руку.

Пожалуй, золотая середина изложена в воспоминаниях С.А. Трегуба. Ему Бабель рассказал, что процесс художественного осмысления реальности проходит у него три этапа: «во-первых, нужно хорошо знать действительную жизнь, во-вторых, нужно ее забыть и, наконец, в-третьих, нужно ее вспомнить, осветить таким ослепительным светом, чтобы это была настоящая жизнь»[****].

Писатель имеет право на вымысел, смещение фактов, на сгущение красок и преувеличение. Но для подготовки реального комментария к тому или иному произведению Бабеля, где присутствуют автобиографические моменты или затронуты реальные исторические события, – а таких рассказов у него большинство, – необходимо постоянно быть начеку, распознавая художественный вымысел и фиксируя подлинные факты и даты. И тут нередко на помощь исследователю приходит документ. Своими новыми (главным образом сделанными летом 2012 года)

*** Паустовский К. Рассказы о Бабеле // Воспоминания о Бабеле. М., 1989, с. 27.

**** Трегуб С. Спутники сердца. М., 1964, с. 195.

архивными находками в Одессе и Николаеве, связанными с жизнью и творчеством Бабеля, я и хочу поделиться сегодня с читателями.

Для начала мне хочется внести ясность в некоторые факты биографии писателя. Прежде всего, речь пойдет о дате его рождения. Не хочу показаться излишне педантичной в отыскивании, как может кто-то подумать, несущественных мелочей, но очень часто приходится слышать и читать, что настоящую биографию Бабеля написать невозможно – и в силу обстоятельств (пропажи значительной части архива во время ареста), и из-за характера писателя, склонного к выдумкам и мистификациям. Но если внимательно отнестись к сохранившимся документам (в том числе к его письмам – неоценимому биографическому источнику), то можно реконструировать многие факты и события его жизни.

Итак, в Краткой литературной энциклопедии датой рождения Бабеля названо 1 (13) июля 1894 года. Однако по старому стилю Бабель родился не 1 июля, а 30 июня. В Метрической книге Одесского раввината о родившихся в 1894 году евреях* есть запись за № 883 (о лицах мужского пола) о рождении 30 июня у происходящего из сквирских мещан Маня Ицковича Бобеля и его жены Фейги сына Исаака. Вот она:

№		Кто совершил обряд обрезания	Число и месяц рождения и обрезания		Где родился	Состояние отца, имена отца и матери	Кто родился и какое ему или ей дали имя
женский	мужской		Христианский	Еврейский			
	883	Блинчевский	Июль 4	Таммуз 12	В Одессе	Происходящий из сквирских мещан Мань Ицкович Бобель Жена Фейга	Сын Исаак Род[ился] 30 июня обр[езан] 7 июля

* Государственный архив Одесской области (ГАОО), ф. 39, оп. 5, д. 71. Раввинатские книги о рождении составлялись в трех экземплярах. В 2008 г. я просматривала книгу, на которой была отметка «Дубликат». В 2012 г. в мои руки попала книга, где такой отметки не было. Но эти книги отличаются только почерком и проставленными в них штампами – датами выдачи «Метрического свидетельства».

Дата рождения Бабеля – 30 июня – подтверждается также датой обрезания – 7 июля, произведенного, как и положено по еврейской традиции, на восьмой день.

О чередовании гласной в фамилии «Бобель» – «Бабель» достаточно хорошо известно, и останавливаться на этом не имеет смысла.

30 июня по старому стилю для XIX века соответствует 12 июля по новому. Вероятно, автором неточности был сам Бабель, когда в XX веке стал прибавлять к дате своего рождения по старому стилю, то есть к 30 июня, не двенадцать, а тринадцать дней. Так, в конармейском Дневнике 13 июля 1920 года в Белеве он записал: «Я именинник. 26 лет». В 1926 году, 14 июля, на следующий день после рождения сына Михаила, он писал его матери – Тамаре Владимировне Кашириной: «Вчера, 13 июля (по старому стилю 30 июня) был день моего рождения, и парень этот родился 30 июня». Для 1926 года подобные вычисления верны: ведь для событий, происшедших в XX столетии, 13 июля по новому стилю соответствует 30 июня по старому.

Еще через несколько дней после рождения Михаила, 18 июля, в письме тому же адресату он вновь подтвердит дату 30 июня: «Мама категорически не помнит, когда я появился на свет божий – днем или ночью. С несомненностью установлено только одно, что случилось это шаблонное событие 30 июня».

Бабель не был одинок в совершении подобной ошибки, такое встречается довольно часто. Так, например, И.А. Бунин, который родился по старому стилю 10 октября 1870 года, в XX веке в дневниках упорно называл днем своего рождения в октябре не 22, а 23 число.

И все же в официальную биографию Бабеля следует внести ясность: день его рождения приходится не на 13-е, а на 12 июля.

Автор первой «Краткой летописи жизни и творчества Исаака Эммануиловича Бабеля» У.М. Спектор почему-то называет такую дату его рождения (со ссылкой на названную метрическую книгу, где никаких дат по новому стилю не приведено): 13 июля (30 июня) 1894 года**. Говорить о том, что это ошибка, излишне, но, к сожалению, в таком виде эта дата вынесена в название самой «Краткой летописи…» и встречается в работах, посвященных Бабелю.

** См.: Бабель И. Пробуждение. Тбилиси, 1989, с. 421.

Надо воздать должное покойному Ушеру Моисеевичу Спектору. Он был большим энтузиастом, собирал по крупицам все, что имело отношение к фактам биографии Бабеля, его вклад в создание Хроники жизни писателя неоценим. Но, тем не менее, некоторые даты из названной «Краткой летописи…» ошибочны и требуют уточнения. Я остановлюсь здесь лишь на отдельных датах, связанных с Одессой и Николаевом.

Одна из них – день рождения Марии Эммануиловны Бабель. Спектор называет 16 июля 1898 года, тогда как сестра писателя появилась на свет в Николаеве на год раньше, а именно 13 июля 1897 года*.

Известно, что вскоре после рождения Исаака семья Бабелей перебралась в Николаев, вернулись они в Одессу в конце 1905 года.

Мне не давал покоя вопрос – когда же именно состоялся этот переезд в Николаев, ведь промежуток, в который они могли уехать из Одессы, – между июлем-августом 1894 года (после рождения Исаака) и июнем 1897-го (перед рождением Мери) – слишком велик для хронологии жизни писателя? Сколько было Бабелю, когда он покинул Молдаванку, столь красочно обрисованную им впоследствии? Я очень надеялась, что в Николаеве мне удастся по каким-нибудь косвенным фактам сократить этот отрезок хотя бы до года или полутора лет.

Единственным указанием на возможную дату переезда является последняя фраза рассказа «Первая любовь» о проведенных в Николаеве десяти годах детства героя. Видимо, из этого исходят современные николаевские краеведы, называя 1895 год временем появления семьи Бабелей в Николаеве**. Однако датировать какие-либо события, основываясь на произведениях писателя, как будет показано дальше, дело довольно рискованное. Хотя, забегая вперед, скажу, что в данном конкретном случае риск оказался оправданным.

---

* Государственный архив Николаевской области (ГАНО), ф. 484, оп. 1, д. 1482. Здесь и далее все даты до 1917 года указаны по старому стилю.

** Гриневич Е., Сарафонова А. Николаевские адреса Исаака Бабеля (1894-1940) // Одесса и еврейская цивилизация: Материалы 3-й Международной научной конференции. 8-10 ноября 2004 г. Одесса, 2005, с. 123-125.

Исаак Бабель был третьим ребенком в семье. Его старшие брат и сестра не дожили до взрослого возраста. 2 июня 1891 года у Маня Ицковича и Фейги Ароновны родился первенец – Арон, в том же месяце в возрасте 18 дней мальчик умер[***]. Это случилось в Одессе, за три года до рождения писателя, следовательно, данное событие для уточнения возможной даты переезда семьи в Николаев никакой роли не играет. А вот Анна, родившаяся 12 июня, но следующего,1892 года[****], вместе с родителями и младшим братом отправилась в Николаев. Дата смерти Анны могла приблизить меня к цели моих поисков. Но в данном случае этого не произошло: Анна умерла 7 июня 1898 года. В «Метрической книге умерших евреев» есть следующая запись: «Дочь мещанина Хана Гитель Эммануиловна Бобель»[*****]. В книге, правда, ошибочно указано, что ей было семь с половиной лет, тогда как на самом деле она не дожила нескольких дней до шести.

И все же в Николаеве мне очень повезло. Благо из Одессы до Николаева можно добраться сейчас за два часа. Утром 3 июля 2012 года я делала выписки в Государственном архиве Одесской области, а днем – в Государственном архиве Николаевской области – просматривала алфавитные указатели к метрическим книгам о родившихся и умерших в Николаеве евреях – на букву «Б», с 1894 по 1905 год. И я глазам своим не поверила, когда в списках родившихся за 1895 год увидела имя: «Бобель Ида Маневна», имя Иды Бобель я обнаружила и в списках умерших в 1896 году. Сомнений не было: Ида – младшая сестра писателя, умершая в младенчестве.

На другой день мне удалось воочию во всем убедиться: я просмотрела в метрических книгах четыре интересовавшие меня записи: о смерти Анны (Ханы Гитель), о рождении Марии, но главное – о рождении и смерти Иды.

Но вначале в основном здании архива, на Московской улице, 1, я смотрела дела Николаевского коммерческого училища, затем мне пришлось переместиться на другой конец города, на улицу Васляева, 43.

*** См.: ГАОО, ф. 39, оп. 5, д. 59 и 62.
**** См.: ГАОО, ф. 39, оп. 5, д. 63.
***** ГАНО, ф. 484, оп. 1, д. 1505.

Итак, в «Метрической книге родившихся евреев на 1895 год» под номером 343 (для лиц женского пола) сделана запись, что в Николаеве 1 декабря родилась Ида Бобель. Цитирую эту запись дословно: «Отец запаса армии из мещан г. Сквиры Киевской губ. Мань Ицкович Бобель, мать Фейга. Дочь Ида»*. Умерла девочка в возрасте шести месяцев – 14 июня следующего года**.

Таким образом, Фейга (Фаня) Ароновна Бабель родила не четверых, как было известно до сих пор, а пятерых детей, из которых до взрослого возраста дожили двое: писатель Исаак Бабель и его сестра Мария Эммануиловна (в замужестве Шапошникова, 1897-1987).

А главное, стало ясно, что семья Бабелей переехала в Николаев не позднее ноября 1895 года. Но это, если говорить строго, для официальной хроники. Сделаем допущение: переезд состоялся не позднее осени 1895 года – вряд ли они отправились на новое место жительства в последний месяц перед рождением ребенка.

Возможно, отыщутся когда-нибудь и другие документы, которые позволят еще точнее установить дату переезда в Николаев. Но уже сейчас смело можно утверждать, что Бабель уехал из Одессы, не достигнув полуторагодовалого возраста. И прав, безусловно, Р. Александров (А.Ю. Розенбойм), полагая, что один лишь факт рождения на Молдаванке и проведенный там небольшой кусочек детства «вряд ли генерировали ту душевную нескрываемую привязанность к ней и скрупулезное знание реалий, печатью которых отмечены «Одесские рассказы», а «замысел бабелевских рассказов родился на уже известной автору фактологической основе из желания сберечь память о старой Молдаванке»***.

Раннее детство – до 11 лет – будущий писатель провел в Николаеве.

Далее. В «Краткой летописи…» Спектора сказано, что Бабель был зачислен в первый класс Николаевского коммерческого училища 20 сентября 1905 года. На самом деле это не что иное как цитата из рассказа «История моей голубятни» с той лишь разни-

* ГАНО, ф. 484, оп. 1, д. 1480.

** См.: ГАНО, ф. 484, оп. 1, д. 1503.

*** Александров Р. Волшебник из Одессы: По следам Исаака Бабеля. Одесса, 2011, с. 15.

цей, что в произведении речь идет не о коммерческом училище, а о гимназии: «Двадцатого сентября тысяча девятьсот пятого года в гимназии вывешен был список поступивших в первый класс. В таблице упоминалось и мое имя».

Хранящиеся в Николаевском архиве документы Николаевского мужского коммерческого училища имени статс-секретаря С.Ю. Витте неоценимы как источник комментария к рассказу «История моей голубятни».

Вот что выяснили краеведы из Николаева Е. Гриневич и А. Сарафонова: «В «Книге для записывания биографических сведений и экзаменационных отметок вновь поступающих учащихся» под № 52 числился Исаак Бабель – «рождения 1894 года, в Одессе, иудейского вероисповедания. Отец – сквирский мещанин, член Николаевской биржи». Здесь же указаны оценки, полученные на экзаменах, – пятерки по всем предметам. И определение педагогического совета: «не принят за недостатком вакансий...».

И. Бабель начинает усиленно готовиться к экзаменам на будущий год, уже в первый класс. И целиком автобиографичны строки из рассказа «История моей голубятни» о том, как он выполнял задание своего учителя. Здесь все документально, даже фамилия инспектора указана верно (в новелле: помощник попечителя Пятницкий. – **Е. П.**). В рассказе упоминаются реальные лица: попечитель действительно жил в Николаеве, правда, был он инспектором народных училищ 5-го района Херсонской губернии. Упоминаемый Калистов (М.К. Калустов) жил в собственном доме № 36/38 по ул. Херсонской. В рассказе «Первая любовь» Бабель пишет, что их соседом был домовладелец Рубцов. Действительно, дом Рубцова находился на ул. Рыбной, 5, – теперь ул. Чкалова, 7»[****].

Добавлю от себя, что точны многие реалии, и не связанные непосредственно с Николаевом. Так, например, в рассказе есть упоминание о трех книгах, которые герой рассказа выучил наизусть, «от строки до строки»: «грамматика Смирновского, задачник Евтушевского и учебник начальной русской истории Пуцыковича». Речь идет об «Учебнике русской грамматики» П.В. Смирновского, «Сборнике арифметических задач» В.А. Евтушевского и «Краткой

**** Гриневич Е., Сарафонова А. Указ соч., с. 123-124. См. также: Мирошниченко Е. Литературный Николаев (Путеводитель). Вып. 1-й. Николаев, 2008, с. 84–88.

русской истории со многими портретами и другими рисунками» Ф.Ф. Пуцыковича.

Тем не менее, насколько автобиографичны строки о выполнении заданий учителя, мы судить не можем, и это никоим образом не вытекает из того факта, что Бабель называет реальные имена, названия улиц и даже реально существовавшие в ту пору учебники. В приведенном фрагменте из сообщения николаевских краеведов имеются и другие неточности. Во-первых, «Книга для записывания биографических сведений…» (или «Приемная книга») из фонда Коммерческого училища процитирована не совсем корректно, в этой цитате совмещены данные из двух «Приемных книг» училища, так как упоминание о том, что отец будущего писателя – член Николаевской биржи, содержится только в книге за 1904 год. Во-вторых, в обеих книгах – и 1903, и 1904 годов – указан не только год рождения поступающих (в том числе Бабеля), но число и месяц. Поэтому я позволю себе дальше еще раз сослаться на обе эти книги. Но главное, в указанном материале ничего не говорится о смещении на год вперед автобиографических событий рассказа.

Ни в коем случае не претендуя на роль первооткрывателя фактов биографии писателя, связанных с Николаевом, я просто хочу расставить точки над «i», попытаться составить хронику поступления и обучения будущего писателя в коммерческом училище города Николаева, которая, в свою очередь, может служить реальным комментарием к рассказу «История моей голубятни».

Кульминация произведения связана с происшествием в Николаеве в воскресенье, 20 октября 1905 года. И действительно, основные события еврейского погрома в Николаеве приходились на 19 и 20 октября (после царского манифеста 17 октября, упоминаемого и в рассказе «История моей голубятни», и в рассказе «Первая любовь»). Только в реальности 20 октября (по новому стилю – 2 ноября) 1905 года приходилось не на воскресенье, а на четверг: здесь Бабель вновь совмещает факт и вымысел – подлинная дата погрома (20 октября) и единственный день недели (воскресенье), когда герой мог отправиться на Охотницкую за голубями. Но именно к реальной дате – 20 октября 1905 года – подверстаны вымышленные даты в произведении Бабеля.

Начало рассказа «История моей голубятни» и впрямь кажется документально точным: «В детстве я очень хотел иметь голубятню. Во всю жизнь у меня не было желания сильнее. *Мне было девять лет*, когда отец посулил дать денег на покупку тесу и трех пар голубей. Тогда *шел тысяча девятьсот четвертый год*. Я готовился к экзаменам в приготовительный класс *Николаевской гимназии*. Родные мои жили в городе Николаеве, Херсонской губернии. Этой губернии больше нет, наш город отошел к Одесскому району» (курсив мой. – **Е. П.**).

Более того, дальше, при описании погрома, Бабель дает подлинную свою фамилию. «На Рыбной бабелевского деда насмерть угостили», – говорит прохожий в валеных сапогах голубятнику Ивану Никодимычу. Речь идет о двоюродном деде героя-рассказчика Шойле.

Бабелю на самом деле было девять лет, когда он готовился к экзаменам, но не в гимназию, а в коммерческое училище. И шел тогда не 1904, а 1903 год.

Гимназия появляется здесь для того, чтобы усилить драматизм описанной в рассказе ситуации: ведь процентная норма для евреев в коммерческом училище была очень высокой и составляла пятьдесят процентов, в гимназии же эта норма была значительно ниже, – но не пять, как говорится в рассказе Бабеля («…из сорока мальчиков только два еврея могли поступить в приготовительный класс»), а в черте оседлости – десять процентов (в 1908 году норма была увеличена до пятнадцати процентов)*.

Николаевское коммерческое училище имени С.Ю. Витте было открыто 9 декабря 1903 года, а в ноябре проходил набор и принимались вступительные экзамены, в том числе в старший приготовительный класс, куда поступал Бабель. «Приемная книга» училища, упомянутая выше, была начата в ноябре 1903 года. За № 52 в ней записан Исаак Бабель, родившийся в 1894 году, 30 июня, в г. Одессе, вероисповедания иудейского, звания – сквирский мещанин, до поступления в училище обучался дома. Бабель сдал три устных экзамена – по Закону Божию, русскому языку

* См., например: Щукин В.В., Павлюк А.Н. Евреи города Николаева: Очерки истории (конец XVIII – начало XX вв.). Николаев, 2008, с. 247-248.

и арифметике. Все три испытания он выдержал на «пятерки», однако не был принят «за недост[атком] ваканс[ии]»*.

Но ни о каких «пятерках с крестом» или «пятерках» с минусом из рассказа «История моей голубятни» в документах речи не идет.

20 апреля следующего 1904 года отец будущего писателя подает прошение на имя директора училища. Факсимиле этого прошения воспроизведено в упомянутом путеводителе по литературному Николаеву, но путеводитель этот малодоступен, поэтому не будет лишним это прошение привести здесь полностью:

«*Его высокородию*
господину директору Николаевского коммерческого училища
члена Биржевого общества
мещанина, состоящего в запасе
армии Мани Ицковича Бабеля,
жительствующего по Херсонской
улице угол Фалеевской
д. Вайнштейна

Прошение.

Желая определить сына моего Исаака в первый класс вверенного Вам училища и представляя при сем метрическое свидетельство от 5 октября 1903 года за № 5498, свидетельство о привитии предохранительной оспы от 7 ноября 1903 г. за № 1159, копию паспорта, выданную Николаевским градоначальником, от 12 ноября 1903 г. за № 15348 и членский годовой билет Николаевской биржи на 1904 год за № 65; настоящим имею честь покорнейше просить Ваше высокородие подвергнуть сына моего Исаака надлежащему испытанию, при этом имею честь присовокупить, что на испытании прошлого года в старший приготовительный класс он выдержал экзамен отлично.

Мани Бабель.
Николаев, 20 апреля 1904 года»**.

Бабель вновь сдает вступительные экзамены, но уже в первый класс, в мае 1904 года. И снова получает «пятерки» почти

* ГАНО, ф. 133, оп. 1, д. 1.
** ГАНО, ф. 133, оп. 1, д. 4.

по всем предметам, к экзаменам прошлого года прибавился письменный русский, письменный и устный немецкий, а еще рисование – единственный экзамен, за который он получил «тройку». В «Приемной книге» училища за 1904 год[***], откуда взяты эти данные, в графе о звании родителей к званию отца «сквирский мещанин» добавлено: «член Николаевской биржи». В этой книге датой рождения Исаака Бабеля названо 4 июля 1894 года. Эту ошибку, однако, легко объяснить, если заглянуть в книгу Одесского раввината, где графы, в отличие от книг Николаевского раввината, почти нигде не соблюдены, и эта дата – 4 июля, стоящая в графе «Число и месяц рождения», является в данном случае датой записи в метрическую книгу. Дата выдачи метрического свидетельства – 5 октября 1903 года, названная в прошении, соответствует штампу, проставленному в книге Одесского раввината.

В протоколе № 13 соединенных заседаний педагогического комитета училища от 23 и 24 августа 1904 года записаны имена учащихся, зачисленных по результатам приемных испытаний 16-21 августа, а также «производившихся в мае месяце с 18 – 22 числа». Среди поступивших в первый класс – Исаак Бабель[****].

На заседании педагогического комитета от 3 мая 1905 года было принято решение о его переводе из первого основного во второй класс[*****].

В «Ведомости об успехах и поведении учеников первого класса основного отделения Николаевского коммерческого училища…» за 1904/1905 учебный год фамилия Бабеля значится под № 3. «Пятерки» он получил за первое и второе полугодие и за год по поведению, Закону Божию, русскому языку и арифметике (по арифметике нет оценки за первое полугодие). По немецкому и французскому языку в первом полугодии у него – «четверки», во втором полугодии и годовые – «пятерки». Все «тройки» он получил по предметам – география, чистописание и рисование[******].

Таким образом, в рассказе «История моей голубятни» Бабель сдвигает все биографические события на год: ему было девять

*** ГАНО, ф. 133, оп. 1, д. 9.
**** См.: ГАНО, ф. 133, оп. 1, д. 2.
***** См.: Там же.
****** См.: ГАНО, ф. 133, оп. 1, д. 7.

лет, и он не поступил в приготовительный класс Николаевского коммерческого училища в 1903, а не в 1904 году, а зачислен он был в первый класс в 1904, а не в 1905 году. Осенью 1905 года, когда происходят основные события в рассказе, он был уже учеником второго класса.

Вымышленная дата – 20 сентября 1905 года – день, когда «в гимназии вывешен был список поступивших в первый класс», понадобилась ему для «симметрии» с датой подлинной – 20 октября 1905 года, одним из дней страшного еврейского погрома в Николаеве. Именно через месяц после начала учебы герой рассказа вспомнил об обещании отца дать денег на голубятню: «Мы месяц привыкали к пеналу и к утреннему сумраку, когда я пил чай на краю большого освещенного стола и собирал книги в ранец, мы месяц привыкали к счастливой нашей жизни, и только после первой четверти я вспомнил о голубях».

Называя реальные улицы и имена людей, живших в то время в Николаеве, рассказывая об имевших место исторических событиях 1905 года, упоминая о процентной норме (пусть и заниженной) для поступления евреев в казенную гимназию, обозначая, в конце концов, «конкретные» даты биографии героя, Бабель создает иллюзию абсолютной документальности и подлинности повествования.

Но попробуем представить, что могло бы произойти, если бы писатель рассказал ту же историю, но сохранил при этом настоящие даты, а вместо гимназии дал действительное место своей учебы – Николаевское коммерческое училище? Наверное, не настолько трагической была бы коллизия, отраженная в произведении. Да просто-напросто не было бы прекрасного рассказа «История моей голубятни», от которого всякий раз, когда его читаешь и перечитываешь, на глаза наворачиваются слезы и до боли сжимается сердце.

Николаевскому периоду посвящен еще один рассказ – «Первая любовь». Смещение дат, о котором говорилось выше, происходит и в этом произведении: во время николаевского погрома герою рассказа было десять лет, Исааку Бабелю – одиннадцать. Однако факт и вымысел соседствуют в рассказах не только в отношении дат, но и в отношении персонажей. В «Истории моей голубятни»

упоминается родной дед героя по отцовской линии: «Все мужчины в нашем роду были доверчивы к людям и скоры на необдуманные поступки, нам ни в чем не было счастья. Мой дед был раввином когда-то в Белой Церкви, его прогнали оттуда за кощунство, и он с шумом и скудно прожил еще сорок лет, изучал иностранные языки и стал сходить с ума на восьмидесятом году жизни. <…> Изо всей семьи оставались только безумный дядя Симон, живший в Одессе, мой отец и я».

А вот в финале рассказа «Первая любовь» о нем говорится как о живом, и названо его имя, именно к нему герой отправляется с матерью в Одессу: «Мы выехали утром на пароходе, и уже к полудню бурные воды Буга сменились тяжелой зеленой волной моря. Передо мной открывалась жизнь у безумного деда Лейви-Ицхока, и я навсегда простился с Николаевом, где прошли десять лет моего детства».

На тему одесского детства Бабель напишет в 1931 году рассказы «В подвале» и «Пробуждение», где подробно и ярко выведет образ дедушки. Исследователями отмечалось, что о деде Лейбе-Ицхоке написал внук, никогда его не знавший*. Но поскольку эта работа посвящена уточнению дат и фактов, которые могут служить реальным комментарием к отдельным рассказам Бабеля, назову точную дату смерти Лейба-Ицхока Лейбовича Бобеля. Он умер 14 июня 1893 года в возрасте восьмидесяти лет (вспомним цитату из «Истории моей голубятни»)**, то есть за год до рождения внука Исаака.

Из Николаева я возвратилась в Одессу и вновь пришла в Государственный архив Одесской области, где мне предстояло уточнить важнейшую для жизнеописания Бабеля дату.

Согласно «Краткой летописи…» Спектора, отец писателя умер 3 мая 1924 года, и сын, находившийся в марте-апреле в Москве, приехал на похороны. Я не знаю, откуда взята эта информация, но она совершенно не соответствует действительности. Во-первых, даже в 1924 году, надо полагать, Эммануила Исааковича, соблюдавшего еврейские традиции, похоронили бы в тот же день. Правда, 3 мая 1924 года пришлось на субботу, и если бы он на самом

* См., например: Александров Р. Указ. соч., с. 17.

** ГАОО, ф. 39, оп. 5, д. 70.

деле умер в этот день, то его хоронили бы 4 мая. Но в любом случае находившийся в отъезде Бабель вряд ли успел бы «приехать на похороны».

В книге записей о смерти Одесского ЗАГСа за 1924 год есть запись № 639 от 3 марта, в которой говорится, что Э.И. Бабель умер 2 марта 1924 года «от грудной жабы» в возрасте 60 лет. В графе «Род занятия умершего» стоит: «Кустарь-одиночка». Но особенно примечательна графа: «Кем сделано заявление о смерти». В этой графе настоящей записи указано: «Сын»*.

Все встает на свои места. Когда умер отец, Бабель находился в Одессе. Это обстоятельство косвенно подтверждается тем фактом, что 20 февраля 1924 года в Одессу приехал Владимир Маяковский. Хорошо известно, что Бабель встречался с ним, принимал вместе с родными его у себя дома на Ришельевской, 17, а 23 февраля побывал у Маяковского на прощальной вечеринке, которую тот устроил перед отъездом. До смерти Эммануила Исааковича оставалась неделя…

Если опираться на ошибочную дату в «Краткой летописи…» Спектора, то может показаться, что именно свое опоздание к постели умирающего отца Бабель отобразил в неоконченной повести «Еврейка». В этом незавершенном произведении на самом деле есть целый ряд автобиографических моментов: так же, как героине повести Эстер, матери Бабеля Фане Ароновне было в год смерти мужа 60 лет, как и герой произведения Борис Эрлих, Бабель после смерти отца перевез мать и сестру в Москву (только в отличие от пятнадцатилетней сестры Бориса Эрлиха, Мария Эммануиловна была взрослой и в том же году уехала в Бельгию к мужу, а позднее за ней последовала и мать), Борис учился в Петербургском психоневрологическом институте, студентом которого был когда-то сам Бабель. Но сюжетный ход с опозданием героя повести к умирающему отцу, берусь утверждать, никакой автобиографической подоплеки не имеет.

И еще одно, пусть и не столь важное, уточнение к «Краткой летописи…». Исаак Бабель и Евгения Гронфайн поженились, как там указано, в 1919 году. Так вот, согласно книге Одесского равви-

* ГАОО, ф. Р-8085, оп. 1, д. 227.

ната за этот год «о бракосочетавшихся», данное событие произошло 10 августа по новому стилю**.

В заключение хочу выразить сердечную благодарность за помощь, советы и доброжелательное отношение директору Государственного архива Николаевской области Ларисе Леонидовне Левченко; заведующим читальными залами ГАНО Александру Валентиновичу Серединскому и Ирине Валентиновне Крикаловой; заместителю директора по научной работе Государственного архива Одесской области Лилии Григорьевне Белоусовой; заместителю директора по научной работе Одесского литературного музея Алене Леонидовне Яворской, а также одесским исследователям Евгению Михайловичу Голубовскому и Александру Юльевичу Розенбойму.

** См.: ГАОО, ф. 39, оп. 5, д. 170.

Евгений Деменок

По одесским следам Бурлюков

21 июля 2012 года любители современного искусства во всем мире отмечали юбилей. Исполнилось 130 лет со дня рождения «отца русского футуризма» Давида Бурлюка.

Масштаб личности Давида Давидовича Бурлюка становится все более очевидным сквозь призму прошедших лет. Наверное, из работавших в Одессе художников рядом с Василием Кандинским можно поставить только Бурлюка – как по масштабу личности, так и по влиянию на развитие искусства XX века. В последнее время интерес к «отцу русского футуризма» (кстати, он так он себя величал и на обложках выпускаемых им с женой Марией Никифоровной в Америке журналов «Color&Rhyme») неуклонно возрастает. Его работы устанавливают на аукционах все новые и новые ценовые рекорды; о нем пишут статьи, монографии, книги.

Только за несколько последних лет вышли прекрасные книги Ноберта Евдаева «Давид Бурлюк в Америке», тот же Евдаев в соавторстве с японским переводчиком Бурлюка Акира Судзуки стали авторами книги «Огасавара в бытность Д. Бурлюка и В. Фиалы» – она вышла в 2006 году в Нью-Йорке на японском и русском языках. Украинец Александр Капитоненко, руководитель Фонда Давида Бурлюка в Симферополе, совместно с Т. Фудзии и А. Судзуки написал книгу «Ошима в бытность Д. Бурлюка» – она вышла в 2005 году в Японии, а в 2007 году в Украине также на японском и русском языках. Андрей Крусанов в своем великолепном четырехтомнике «Русский футуризм» пишет о Бурлюке чуть ли не на каждой странице. А в Тамбове весной этого года вышла книга «Д.Д. Бурлюк. Письма из коллекции С. Денисова».

В общем, найдено и описано очень многое. И все же… Я хочу попробовать посмотреть на его жизнь с «одесской» точки зрения. Причем пойти по одесским следам не только Давида, а почти всего бурного и талантливого семейства Бурлюков. Ведь в этой большой семье к искусству были причастны почти все. Владимир стал известным художником, Давид – великим художником и поэтом, открывшим новые страницы в истории русской – и не только – живописи и литературы. Николай также стал известным поэтом.

Сестры не отставали от братьев. Людмила была одной из первых женщин, поступивших в Академию художеств в Санкт-Петербурге, и в первом десятилетии прошлого века ее работы экспонировались на множестве выставок от Петербурга до Одессы. Надежда также пробовала себя в искусстве, и небезуспешно, – широко известен и неоднократно репродуцирован графический силуэт Велимира Хлебникова ее работы. Младшая сестра Марианна – она была младше Давида на целых шестнадцать лет – была, как он писал, «певицей-дилетанткой», и активно помогала Давиду Давидовичу в его «Сибирском турне», выступая с чтением стихов Маяковского, Каменского, Хлебникова и других поэтов-футуристов.

Более того – мать большого семейства Людмила Иосифовна также много лет посвятила живописи и также была участником множества выставок по всей России.

Это кажется поразительным – как в одной семье, причем семье из провинции, могли вырасти люди, оказавшие колоссальное влияние на развитие искусства не только российского, но мирового?

Бенедикт Лившиц, родившийся в Одессе и познакомившийся с Бурлюками зимой 1911 года, в своей легендарной книге «Полутораглазый стрелец» отдавал приоритет в приобщении детей к искусству именно Людмиле Иосифовне: «Людмила Иосифовна обладала некоторыми художественными способностями: дети унаследовали, несомненно, от матери ее живописное дарование». И все же без необычайного таланта и энергии самого Давида Давидовича невозможно представить себе активное приобщение братьев и сестер к искусству.

С нашим городом так или иначе связаны шестеро Бурлюков – почти вся семья. Давид Давидович учился в Одесском художественном училище дважды и в 1911 году получил диплом; он неоднократно участвовал в выставках, организуемых в Одессе Товариществом южнорусских художников, а также в обоих «Салонах» Владимира Издебского; в 1914-м вместе с Владимиром Маяковским, Василием Каменским и Петром Пильским дважды выступал в Русском театре во время турне кубофутуристов; среди его друзей было множество одесситов – Исаак Бродский, Бенедикт Лившиц, Владимир Баранов-Россине, Митрофан Греков, который был известен тогда под своей настоящей фамилией Мартыщенко… Его работа «Одесса (Порт)», написанная в 1911 году, стала знаковой – сам Бурлюк много раз исполнял различные варианты картины и неоднократно репродуцировал ее в своем журнале «Color&Rhyme».

Владимир Бурлюк учился вместе с братом в ОХУ в 1910-11 годах, его работы были представлены на «XVII выставке картин Товарищества южнорусских художников», состоявшейся в октябре 1906 года, а также на обоих «Салонах» Издебского, где вызвали значительный резонанс.

Людмила Бурлюк – старшая из сестер – экспонировала свои работы на двух выставках ТЮРХ – XVII-й и XVIII-й, состоявшихся соответственно осенью 1906 и 1907 годов. Согласно каталогу, на XVII-й выставке Владимир выставил один этюд, Давид – шесть, а Людмила – четыре этюда. На следующей выставке Давид и Людмила выставлялись уже без Владимира.

Надежда Бурлюк – средняя из сестер – тоже отметилась в Одессе. Ее рисунки (Надежде тогда было двенадцать лет) были выставлены в отделе детских рисунков второго «Салона» Издебского.

Мать семейства Людмила Иосифовна принимала участие в обоих «Салонах» Владимира Издебского – ее работы были выставлены вместе с работами знаменитых сыновей.

Николай Бурлюк – единственный из всей семьи, кто попал в наш город по делам, никак не связанным с искусством. В 1918-19 годах он служил в Одессе в радиодивизионе, причем сначала в войсках, подчиненных гетману Скоропадскому, затем у Петлю-

ры, потом у белых, а затем при Красной Армии. И все это на протяжении полугода. После радиодивизиона он переходит на службу в морскую пограничную стражу. Наконец в июне 1919 года он демобилизуется и уезжает в Херсон. О трагической судьбе Николая Бурлюка я расскажу немного позже.

Итак, шестеро из семейства Бурлюков оставили свой след в Одессе. Но, конечно, первый, главный, незабываемый – след Давида Давидовича. Я хочу рассказать о нем, о его одесских днях – хотя каких днях, это были месяцы жизни и плодотворной работы – подробнее, по ходу рассказывая и об остальных Бурлюках.

«Отец русского футуризма» и Одесское художественное училище

Родившийся 8 июля (по старому стилю) 1882 года на хуторе Семиротовщина Херсонской губернии «полутораглазый стрелец» всегда привлекал к себе внимание. Он не только был в центре событий пришедшего в Россию нового направления в искусстве (практически во всех видах искусств, позволю себе заметить), но и сам, собственно, импортировал, принес это искусство в бывшую империю. Причем не просто принес – трансформировал, изменил, «обрусил». Саму свою жизнь отец русского футуризма превратил в художественный акт, старательно документируя все значимые для себя – и, что самое важное, для российской, да и для мировой культуры в целом – события, встречи, выставки, поездки, выступления. Давид Давидович Бурлюк осознавал важность тех событий, в гуще которых находился, в которых участвовал, а чаще всего – создавал, и также осознавал важность тщательного их документирования. Собственно, это началось с детства и всегда шло рука об руку с рисованием – «я стал пунктуально вести дневник и вперемежку с записями делал рисунки».

В основном именно благодаря воспоминаниям самого Давида Давидовича мы можем сегодня восстановить события тех лет.

В 1994 году издательство «Пушкинский фонд» в Санкт-Петербурге наконец опубликовало рукопись Давида Бурлюка

«Фрагменты из воспоминаний футуриста», присланную автором для публикации в СССР еще в 30-е годы. Вот что Бурлюк пишет о самом первом знакомстве с Одессой:

«1902 год, однако я уже учился в Одесском художественном училище: Преображенская, 25 (автор ошибся – он учился в Одессе в 1900-1901 годах. – **Е. Д.**). Лето 1902 года было для меня «историческим». Я начал писать красками – запоем. Мой отец Давид Федорович нашел хорошую службу управляющего в имении «Золотая Балка» Святополка-Мирского. <…> Отец дал мне сто рублей: я поехал в Одессу и вернулся в «Золотую Балку» на берег Днепра с целой корзинкой прекрасных красок. Теперь ночной сторож будил меня, когда начинали тускнеть очи украинских звезд, когда над запорожским Днепром начинала индеветь пелена тумана в холодеющем перед рассветом холодном воздухе, и я, схватив с вечера приготовленный ящик с красками, бежал писать на берег Днепра весенний рассвет, мазанки запорожцев, голубые дали и вербы, осокори и степные курганы. Так продолжалось до осени.

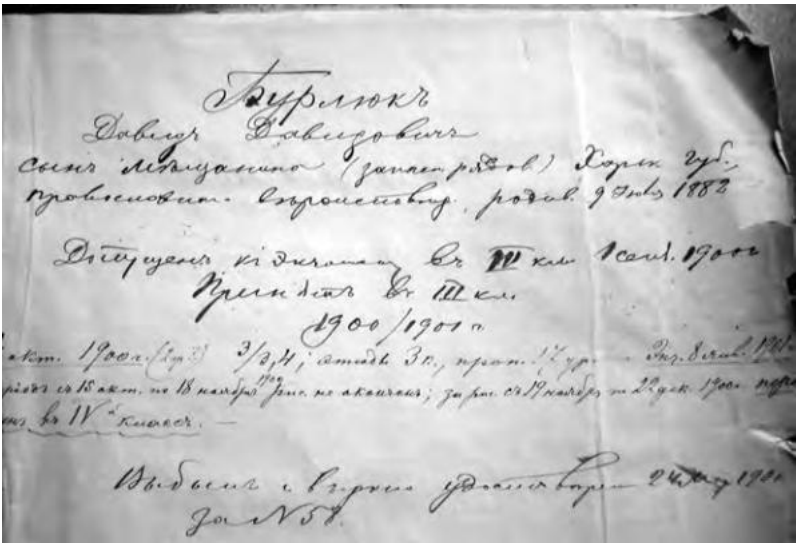
Когда я привез в Одессу триста пятьдесят таких этюдов, то Александр Попов-Иорини (Бурлюк соединил двух преподавателей. – **Е. Д.**), Ладыженский и К.К. Костанди не только не похвалили меня, но даже сделали выговор, что это «не искусство, а какое-то фабричное производство».

А вот еще один фрагмент из записей Бурлюка:

«1900-1 год в Одесском художественном училище я был переведен по рисованию в фигурный класс, а по живописи в головной. Встреча здесь с художником-учеником Исааком Бродским, с Тимофеем Колца, с Анисфельдом, с Мартыщенко и Овсяным (умер вскоре в туманах Питера) соединила меня дружескими узами с Одессой.

Мой колорит ознакомился с лиловатыми гаммами русского импрессиониста Костанди, и когда я в 1901-2 году опять появился в Казани, затосковав по своим казанским друзьям, то в бесконечном количестве привезенных опять на берега мной этюдов юга было гораздо больше мягкости и понимания тональности».

Гостеприимный и хлебосольный Давид (об этом хорошо пишет Бенедикт Лившиц в «Полутораглазом стрельце»), разумеет-

Документ Давида Бурлюка в фонде Художественного училища

ся, приглашает новых друзей к себе. В своих воспоминаниях он пишет: «Весной у меня (в «Золотой Балке». – **Е. Д.**) гостили Исаак Бродский, Мартыщенко, Орланд, Овсяный; моя сестра Людмила, запершись в отдельной комнате, раздевала крестьянских девушек и писала с них этюды в натуральную величину. Загорелые бронзы тел, крепкие «осторожные» ноги деревенских венер. Мы завидовали ей».

Сложившиеся дружеские отношения – в первую очередь, с Исааком Бродским – Бурлюк поддерживает и в дальнейшем. Вот что он пишет в своих воспоминаниях: «Летом 1906 года у нас работали Бродский, Мартыщенко, Орланд, наезжали Агафонов и Федоров. С братом Владимиром трудился Баранов (Россине). <…> Исаак (Бродский. – **Е. Д.**) неоднократно признавался мне, что работа со мной в «Козырщине» (Екатеринославской губ.) в 1906 году заставила его изменить отчасти свою палитру».

В Государственном архиве Одесской области среди дел Одесского художественного училища (фонд 368, опись 1, ед. хранения 216) сохранился фрагмент личного дела Давида Бурлюка, из которого

Дом, где жил Д. Бурлюк, – Преображенская, 9

следует, что он, сын мещанина (рядового в запасе) Херсонской губернии, православного вероисповедания, был 1 сентября 1900 года допущен к экзамену в III класс и по результатам экзамена принят в III класс. Учился на 3 и 4, пропустил 17 занятий, был переведен в IV класс и выбыл 24 марта (мая?) с выдачей удостоверения за № 58.

Есть в воспоминаниях Давида Давидовича и адрес, по которому он жил в Одессе. Этот фрагмент из воспоминаний Бурлюка под названием «Мое пребывание в Казанской художественной школе», продиктованных в 1930-м году, существовавший в виде машинописи с правками Марии Никифоровны Бурлюк, опубликован теперь в книге Н. Евдаева:

«Вторая зима в Казани (1901-1902). Предыдущую зиму, таковую вторую в моей жизни, посвященной палитре и кистям, я провел в Одессе. Родитель мой, получив место на юге, в имении у Днепра, – посоветовал мне так далеко не ехать, а перевестись в Одесское художественное училище. Я послушался.

Отправился в Одессу. Я жил тогда в Одессе «пыльной»… Поселился в доме номер 9 по Преображенской улице как раз наискосок от школы. Позже, через десять дет вернувшись в Одесское художественное училище, чтобы «получить диплом», опять пришел в этот же старый дом, поднялся на тот же этаж в ту же квартиру: и поселился, «чтобы вполне себя чувствовать учеником, в той же комнате: «под крышей», с окнами бойницами, где по потолку Воронцовский маяк проводил полосы своих огней. Пол в комнате был наискось, упавшая гантель, с которой гимнастировали, катилась с грохотом до наружной стены.

Одесса – морской порт: весь город устремляется улицами к Эвксинскому порту. Там я научился любить море.

Встретил Тимофея Николаевича Колца, художника импрессиониста (его позже съела покровительница талантов бедных – чахотка), Овсяного (умер и он от чахотки в 10-е годы в Академии художеств), М. Мартыщенко / Б. Грекова, И.И. Бродского, Орланда, Б.А. Лаховского, Б. Анисфельда и утонувшего в 1902 году Эвенбаха, Кирьяк Константиновича Костанди, учил в О.Х.У вместе с Ал. Поповым Морини, дожившим до 90 лет, и акварелистом Г. Ладыженским (его в Третьяковке «Куры»). Через своих приятелей – Колцу и И.И. Бродского – я от Костанди почерпнул первое понятие об импрессионизме. Эти молодые художники ездили ко мне, в мою семью – в гости, и мы запоем работали в Херсоне.

И.И. Бродский – чудесный юноша, был мне опорой в моем восхождении к мастерству. Он – остряк: наедимся яичницы на степном хуторе, засядем писать в пять кистей этюды: «Теперь на холстах яичница выступит», – говорит Исаак. Его похвалам моему искусству я всегда придавал большое значение. И.И. Бродский любил искусство и всегда был предан ему. Нас связывала теснейшая дружба. Позже, в годы своей славы, Исаак никогда не отрекался от меня и всегда радушно встречал. Он купил несколько моих импрессионистических этюдов (1910-1915 гг.), и они занимали почетное место в его большой коллекции в С.-Пб, и Петрограде, и Ленинграде, я сестра Людмила и младший брат Владимир Давидович Бурлюк, позже выдающийся новатор. Одессу я когда-нибудь опишу отдельно.

Летом перед Одесским училищем ко мне в Золотую Балку приехал «пан» Оношко и мы вместе писали красками и рисовали. Моя матушка заметила, что женолюбивый «пан» превратил отведенную ему комнату в нашем доме в гарем, причем дворовые девушки, привлеченные его шевелюрой и заунывным исполнением украинских песен, – валом под покровом ночи шли туда, где «пан» Оношко прожил и проработал у нас свыше шести недель.

В Одессу я привез триста этюдов. Около ста этюдов и множество рисунков было выставлено мною на осенней выставке вновь в Казанской художественной школе опять-таки в доме Вагнера: на Большой Лядской, куда, соскучившись по Казани, и найдя, что О.Х.У.

Письмо Д. Бурлюка А. Розенбойму

чересчур по сравнению с Казанью «казенно», я вернулся».

Гантеля, с которой гимнастировали, была, конечно же, гантелей Владимира Бурлюка. Давид часто жаловался на то, что Владимир упражнялся, а носить гантелю приходилось ему, старшему брату. В процессе подготовки этой статьи я зашел к Виталию Алексеевичу Абрамову в Одесский художественный музей. Рассказал ему о найденных мной воспоминаниях Бурлюка – и он тут же достал из шкафа сборник «La memoire d'Odessa», изданный в 1989 году в Марселе, в котором репродуцирован портрет Владимира Бурлюка с гантелей, написанный в 1907 году и хранящийся ныне в Музее изобразительных искусств в Лионе. Я привожу этот портрет в качестве иллюстрации.

Что касается обещания Давида Давидовича описать Одессу отдельно – рукопись такая пока не обнаружена и не опубликована, зато в моем распоряжении оказалось письмо Бурлюка известному одесскому краеведу Александру Розенбойму, датированное 14-м августа 1964 года и подаренное им коллекционеру Леониду Рабиновичу (США), в котором Бурлюк кратко описывает свои одесские годы. Я буду по ходу статьи цитировать это письмо.

Осенью 1910 года Давид Бурлюк вновь поступает в Одесское художественное училище. Позади – годы учебы в Казанском художественном училище (1899-1900, 1901-1902); неудачная попытка поступления в Академию художеств в Санкт-Петербурге в 1902 году – тогда в академию поступила старшая из сестер Людмила, а Давид провалился на рисунке натурщика – ему досталось место в конце зала, откуда он почти ничего не видел единственным «рабочим» глазом; затем была учеба в Мюнхене и Париже, куда

он позвал с собой и Владимира. Именно с Владимиром он приезжает учиться в Одессу. У каждого из братьев были свои веские причины: Владимиру нужно было спасаться от неизбежной солдатчины, а Давид хотел получить диплом, дающий право преподавания в средних учебных заведениях. Такие дипломы ОХУ начало выдавать только в 1902 году, то есть уже после первого захода Давида Бурлюка на учебу в Одессу.

Михаил Ларионов. Портрет Владимира Бурлюка

Давид Давидович понимал, что, не имея законченного художественного образования, он не будет иметь профессионального статуса и ему будет трудно зарабатывать деньги на жизнь. Доходы от продажи картин были скромными. Он твердо решает завершить свое художественное образование. «…Зиму 1910-11 я и Володя учились в Одессе, где я получил диплом окончания «Одесского худучилища» с правом быть учителем искусств в средних учебных заведениях. В России – без диплома – заработок денег был немыслим», – эти его слова опубликованы в 55-м номере журнала «Color&Rhyme».

А перед этим у Бурлюков было насыщенное лето 1910 года, когда в Чернянке гостили Михаил Ларионов и Велимир Хлебников. Вот что пишет в июле 1910 года Бурлюк в письме к М.В. Матюшину: «Работаем мы это лето и много, и мало. Все лето почти у нас писал М.Ф. Ларионов. Был Хлебников, сейчас он уехал – Одесса-Люстдорф, дача Вудст'а. <…> Очень было бы хорошо, если бы Вы приехали в первых числах августа, ибо Вове предстоит, кажется числа 25 августа, уехать куда-нибудь в школу, спасаться от неминуемой сей год солдатчины, а может и числа 15-17 августа. Пропал он бедняга – ему ведь рядовым». Этим «куда-нибудь» и стала Одесса, а затем Пензенское художественное

училище, но угроза солдатчины, видимо, никуда не девалась, и после училища Владимир Бурлюк едет в Москву, в Алексеевское военное училище, и совершенно отходит от живописи. Давид Бурлюк писал 18 сентября 1915 года Василию Каменскому: «Владимир Давидович 1 октября 1915 оканчивает московское Алексеевское военное училище. Что дальше – не знаю – он написал весной 1 большую хорошую картину». Последней выставкой, в которой участвовала его работа, стала выставка «Бубнового валета» в Москве, в Художественном салоне Михайловой (6 ноября – 11 декабря 1916 года).

В сборнике «Лестница моих лет», выпущенном Давидом Бурлюком в 1924 году в Нью-Йорке к 25-летию его художественно-литературной деятельности, он еще раз упоминает об Одессе:

«В 1909 году поступил вновь и в одну зиму окончил Одесское художественное училище. Здесь: архитектор Трегубов (ныне в Пенсильвании). В 1910 году вступил по конкурсу в училище живописи В. и З. в Москве». Об этом же пишет Бурлюк в письме к Александру Розенбойму: «Одесса мне была близка с 1900 года, когда я учился в худ. училище Преображенская 25 и жил в доме № 9. Снова зиму 1910-11 провел там и в одну зиму получил диплом худ. училища – чтобы осенью поступить по конкурсу в Моск. Акад. и встретить там Вл.Вл. Маяковского. <…> В те же годы в Одессе Нилус, худ. Кузнецов, худ. Костанди».

Бурлюк и Кандинский

В марте 1909 года в Одессе Давид Бурлюк знакомится и сближается с Василием Васильевичем Кандинским. Их знакомит в процессе подготовки к первому «Салону» Владимир Издебский. Знакомство состоялось в присутствии художницы Александры Экстер, с которой Д. Бурлюк был знаком с 1907 г. Там же присутствовал поэт Николай Гумилев, задержавшийся в Одессе по пути в Абиссинию.

Кандинский произвел на Бурлюка очень сильное впечатление. В своей статье о знакомстве с ним (David, Marussia Burliuk. Our friendship with W.W. Kandinsky // Color&Rhyme. [1963(?)].

№ 51, 52) Бурлюк пишет: «Родившийся в России В. Кандинский, воспитывавшийся в зажиточной семье, окончил российский университет. Он изучал экономику, философию и естественные науки, в частности, биологию. Его близкие друзья говорили, что его картины, представленные на знаменитой выставке «Der Blaue Reiter», были созданы под впечатлением виденного им при работе с микроскопом, также на него произвел впечатление визуальный феномен, открывшийся человечеству в результате развития авиации и астрономии. Первая мировая война застала В. Кандинского в Германии, где он был арестован немцами. С трудом вырвавшись из заключения, он бежал через Швейцарию и с 1914 года обосновался в Москве. Зимой 1914-1915 г. мы с В. Кандинским разделяли студию на пятом этаже дома № 1 Гнездиковского переулка в Москве. 11 апреля 1915 года родился Никита (Николас) Бурлюк, и Кандинский стал крестным отцом ребенка. Позже судьба разделила нас навсегда. Мы больше никогда не встречались».

Давид Давидович неоднократно писал о знакомстве и сотрудничестве с Кандинским: «Сезоном 1910-1911 гг. я оканчиваю в одну зиму Одесское художественное училище. Здесь началась связь с Мюнхеном: «Голубой всадник», и с Василием Васильевичем Кандинским».

В своих «Фрагментах из воспоминаний футуриста» он пишет:

«Еще гораздо более радикальным между тем оказалось лето 1910 года. Здесь уже были написаны неоимпрессионистические этюды Днепра. К нам приезжали и работали с нами некоторое время Михаил Федорович Ларионов, а затем Лентулов. Ларионов написал «Случку», «Стог», «Шиповник», «Окно с букетом», «Дождь» – прекрасные вещи. Лентулов – этюды баб…

Подобная работа воспроизведена в «Голубом всаднике» Кандинского. У нас в Одессе осенью, Преображенская, 9, был проездом Василий Васильевич Кандинский, и мы отныне стали его соратниками в проповеди нового искусства в Германии».

В 1911 году Василий Кандинский и Франц Марк после разрыва с «Новым объединением художников Мюнхена» пригласили Давида Бурлюка в Германию, в город Мурнау, для участия в издании альманаха, который вскоре явился основой для организации

двух одноименных выставок. В мае 1912 года в Мюнхене вышел в свет альманах «Der Blaue Reiter» («Голубой всадник»), в котором была опубликована статья Давида Бурлюка «Дикие» России», в котором он пишет о «новом» искусстве и его представителях. Помимо Бурлюка в альманахе были опубликованы статьи Николая Кульбина, стихи Михаила Кузмина, выдержки из сочинений Василия Розанова. На первой мюнхенской выставке «Голубой всадник», состоявшейся в 1911 году в Heinrich Thannhauser Gallery, экспонировалась работа Давида Бурлюка «Пахарь», которая хранится ныне в нью-йоркском музее скульптора Хаима Гросса. Во второй выставке (графической) «Голубой всадник» участвовали Михаил Ларионов, Наталья Гончарова, Казимир Малевич.

А незадолго до этого работы Кандинского и Бурлюка были представлены в Одессе, Киеве, Санкт-Петербурге и других городах России на двух «Салонах» одесского скульптора Владимира Издебского.

«Салоны» Издебского

«Салоны» Владимира Издебского давно стали легендарными. И это заслуженно – именно благодаря «Салонам» российская публика смогла познакомиться с произведениями ведущих французских художников, а вместе с ними – и с работами своих соотечественников, находящихся в авангарде художественного поиска и экспериментов. Хотя Владимир Издебский всегда старался сбалансировать представляемых на «Салонах» авторов – наряду с «леваками» Давидом и Владимиром Бурлюками, Ильей Машковым, Аристархом Лентуловым, Александрой Экстер, Алексеем Явленским были представлены работы художников, входивших в привычные и признанные «Мир искусства», «Союз русских художников», Товарищество южнорусских художников, – именно работы «леваков» вызвали наибольшее внимание и даже скандалы. «Незнакомец» (Б.Д. Флит) в статье «Наброски на лету» («Одесские новости», 5.12.1909) писал: «В «Салоне» три разряда: правые, средние и левые картины… Правыми публика любуется, средними восхищается, левых – не понимает».

Первый «Салон» открылся 4 декабря 1909 года в бывшем помещении Литературно-артистического общества – дворце князя Гагарина, и проработал в Одессе до 24 января 1910 года, вызвав значительный интерес как публики, так и критики, и переехав затем в Киев, Петербург и Ригу. Давид Бурлюк был представлен на первом «Салоне» 8-ю работами, значившимися в каталоге под № 62-69: «Портрет», «Сирень», «Сад», «Весна», «Весенний свет», «Аллея», «Nature morte» и «Лето» – причем последняя была указана как собственность Владимира Издебского. Владимир представил три работы, обозначенные как «витражи»: «Рай», «Павлин» и «Ландшафт» (№ 70-72). Кроме того, на «Салоне» экспонировались семь работ – в основном этюды, – мамы многочисленного семейства Бурлюков Людмилы Иосифовны, которая выставлялась под девичьей фамилией Михневич. Ее работы значатся под № 491-497. Семейные узы были у Бурлюков необычайно крепкими – сыновья старались представить на выставках работы матери при малейшей возможности.

Владимиру Издебскому удалось отобрать для экспозиции работы самых передовых европейских художников. Дочь Издебского Галина Владимировна Издебская-Причард в статье «Владимир Алексеевич Издебский на родине и в изгнании. Страницы истории отечественного искусства» пишет:

«Это были главным образом французские художники парижской школы, члены немецкой мюнхенской группы, «Новая художественная ассоциация», были и несколько итальянцев и представителей других национальностей. Группа развивающегося модернистского движения парижской школы даже теперь кажется очень представительной, начиная от неоимпрессиониста Синьяка, группы Наби, фовистов и кончая Браком, который уже тогда был кубистом и показал три пейзажа. Среди 37 французских художников (некоторые из них сейчас забыты, но некоторые и сегодня остаются светилами искусства начала XX в.) были Эмиль Бернар, Пьер Боннар, Жорж Брак, Феликс Валлоттон, Морис Вламинк, Эдуар Вюйар, Альбер Глез, Морис Дени, Кис Ван Донген, Мари Лорансен, Анри Манген, Альбер Марке, Анри Матисс, Жан Метценже, Одилон Редон, Жорж Руо, Анри Руссо, Поль Синьяк, Анри Ле Фоконье и Отон Фриез…»

Работы представленных на «Салоне» французских художников произвели большое впечатление на Давида Бурлюка. Он пишет Николаю Кульбину в Петербург (6 декабря 1909): «Выставка очень интересна – так много милых французов – прекрасный Ван Донген, Брак, Руссо, Вламинк, Манген, и мн. др. <…> Приехали в деревню поработать до января – ужасно хочется (после французов)».

Что касается русских художников, то они были подобраны во многом самим Бурлюком. Г. Издебская-Причард пишет о том, как Владимир Издебский выбирал авторов для выставки: «В Париже ему помогал Мерсеро, в Мюнхене – Кандинский, в Москве и Петербурге – Давид Бурлюк, Ларионов и Камышников».

Второй «Салон», прошедший в Одессе с 6 февраля по 3 апреля 1911 года по адресу: улица Херсонская, 11, стал бенефисом русских «левых». Василий Кандинский выставил 54 работы, Наталья Гончарова – 24, Михаил Ларионов – 22, Илья Машков – 17, Петр Кончаловский – 15. Вообще, второй «Салон» значительно отличался от первого. Среди новых художников были Роберт Фальк, Владимир Татлин и Георгий Якулов Представлены были также «сезаннисты» Куприн, Машков, Кончаловский, неопримитивисты Гончарова и Ларионов. Всего в каталоге было заявлено 57 художников с 425 экспонатами. Из иностранных художников в выставке участвовала только одна Габриэле Мюнтер.

Давид Бурлюк представил 26 работ, обозначенных в каталоге под № 12-37. Семья Бурлюков была представлена на втором «Салоне» практически полностью – из рисующих отсутствовали только работы Людмилы. Владимир Бурлюк представил 12 работ, обозначенных в каталоге под № 38-49. Людмила Иосифовна представила пять работ (в каталоге под № 289-299, № 293-298 в каталоге отсутствуют); кроме того, в отделе детских рисунков (замечательная инициатива Издебского) среди прочих были представлены работы двенадцатилетней Надежды Бурлюк («Салон» Вл. Издебского, «Одесские новости», 13.02.1911).

Работы «левых» на втором «Салоне» вызвали скандальную реакцию в среде местной публики. Это была уже не просто критика – произведения Гончаровой, Ларионова, Кончаловского, Владимира Бурлюка и Кандинского были попорчены чернильными карандашами.

Наибольший поток критики и вообще внимания привлекли работы Владимира Бурлюка. Именно его портреты Владимира Издебского, Михаила Ларионова и Аристарха Лентулова наделали столько шума, что были даже отображены в шаржах различных авторов. Возмущенные критики соревновались в негативных эпитетах. Например, вот что писал Альцест в статье «В «Салоне» В.А. Издебского» («Одесское обозрение», 16.02.1911):

«Но все-таки как далеко ни шагнул в «новаторстве» г. Д. Бурлюк, брату его удалось уйти еще дальше. Молодой художник успел окончательно перешагнуть за черту, отделяющую наши художественные и эстетические принципы и восприятия от вкусов и прихотей дикаря или душевнобольного. Таковы его знаменитые в своем роде портреты Вл. Издебского (№ 47), художников Ларионова (№ 38), Лентулова (№ 48) и автопортрет (№ 40). Не менее оригинален художник и в качестве пейзажиста. В этом жанре наиболее любопытными являются две его вещи: «Весенний пейзаж» (№ 41) и «Цветущая сирень» (№ 42). Если эта живопись не продиктована только соображениями чисто рекламного характера, то, несомненно, с ней ведаться необходимо не художественной критике, а врачебно-медицинской экспертизе».

Давид Бурлюк представил много работ, написанных в 1905-6-8-9 годах в реалистической манере. Лоэнгрин [П.Т. Герцо-Виноградский] в заметке «Зигзаги» («Одесские новости», 05.02.1918) писал: «Много протестов, вероятно, вызовут гг. Бурлюки. <…> Весьма умно сделали устроители «Салона», выставив в комнате одного из Бурлюков некоторые его вещи, написанные с прежней манерой». Сергей Зенонович Лущик в книге «Одесские «Салоны Издебского» и их создатель» пишет о том, что состав коллекции работ Давида Бурлюка во втором «Салоне» становится понятным, если учесть, что Бурлюк приехал в Одессу получить диплом и был принят сразу в пятый художественный класс. Были представлены произведения разных лет с датировкой каждой картины, что не практиковалось ранее в «Салонах». «Фактически – персональная выставка к экзаменам!» – пишет С.З. Лущик.

А вот что пишет в своих воспоминаниях сам Давид Бурлюк:

«В 1904 году лето мы живем в Херсоне и один месяц в Алешках. <…> Работаем здесь: я, Владимир, Людмила и наша матушка,

в четыре кисти… Без конца… Неустанно пишу портреты со своей матушки. По целым дням пишу пейзажи: это лето 1905 года должно быть отмечено созданием ряда уже доведенных до известного выявления «законченности» пейзажей Украины. Позже с выставки в Одессе «2-й Салон Издебского» 1911 года большинство работ этих было продано.

Это время в моей живописи отмечено отчаянным реализмом. Каждая веточка, сучочек, травка – все выписано».

И действительно, Бурлюк был одним из самых продаваемых авторов второго «Салона». 26.02.1911 г. «Одесские новости» писали: «Несмотря на явное недружелюбие, питаемое большой публикой к новому искусству, картины левых художников, выставленные в «Салоне», очень бойко продаются». Среди приобретенных названы 9 работ Давида Бурлюка. Продан был даже вызвавший столько шума портрет Владимира Издебского работы Владимира Бурлюка. Вообще, успех второго «Салона» превзошел все ожидания – выставку посетило более трех тысяч человек. «Распроданы почти все картины Давида Бурлюка», – писал «Одесский листок» 11 марта 1911 года.

Давид Бурлюк принимал также участие в организованном Владимиром Издебским публичном диспуте «Новое искусство, его проблемы, душа, техника и будущее». Диспут состоялся в зале «Унион» на Троицкой, 43. Собственно говоря, Бурлюк принял участие в прениях, так как основными докладчиками были доктор философии А.М. Гринбаум («К философии современного искусства») и сам Владимир Издебский («Новое солнце» (от академизма к импрессионизму)). Вот что писали одесские газеты о прошедшем вечере:

«Вчера, в зале «Унион» <…> раскололся на две половины: пасмурную – лекции А.М. Гринбаума <…> и В. Издебского <…> и оживленную – словопрения, в которых приняли участие: гг. Бурлюк, Гершенфельд, Инбер, Нилус и Пильский» («Одесский листок», 02.04.1911).

«В прениях приняли участие Д. Бурлюк, М. Гершенфельд, Н. Инбер, П. Нилус и П. Пильский. Они не имели вида диспута, а походили скорее на ряд самостоятельных лекций <…> Г-н Издебский отказался их резюмировать» («Одесские новости», 02.04.1911).

О приятельских отношениях Бурлюков и Владимира Издебского можно судить по ряду моментов. Во-первых, к началу первого «Салона» Владимир Издебский уже владел работами Давида Бурлюка – под № 69 в каталоге работа «Лето» значится как собственность В. Издебского. Во-вторых, на втором «Салоне» сам Издебский представил скульптурный портрет Давида Бурлюка, а Владимир Бурлюк представил портрет Издебского, наделавший немало шуму и известный нам сегодня по шаржам И. Гохмана и Mad (Михаила Александровича Дризо). Сам Бурлюк пишет: «В 1909 году осенью я принял участие на выставке Издебского «Салон»; я здесь приобщился плечо к плечу к лучшим мастерам, привезенным моим старым, еще из Мюнхена, знакомым из Парижа».

Эти приятельские отношения Бурлюка с Издебским были несколько омрачены эпизодом невозврата картин после второго «Салона». Дело в том, что еще по результатам первого «Салона» Издебский понес убытки, и по результатам второго они только усугубились. Еще 9 октября 1910 года Василий Кандинский, который был тогда в Одессе, писал Габриэле Мюнтер: «Ко мне завтра придут Издебский и Давид Бурлюк. Издебский задолжал за первый «Салон» 4000 рублей и теперь живет более чем скромно». А 30 ноября 1910 года Кандинский уже писал Мюнтер о том, что на ряд работ с «Салона» был наложен арест, чтобы покрыть долги. Сам Бурлюк в один и тот же день 27 августа 1911 года писал Кандинскому и Николаю Кульбину об этом: «В.А. Издебский возбудил против себя сильно русских художников: не отдает до сих пор работ» (Кандинскому), и «Издебский бежал из Одессы: писал, что за границей, я думаю, жид врет: где-либо в Бердичеве. <…> Я своих работ, к своему сожалению, не могу получить» (Кульбину). Этот антисемитский пассаж (притом, что Издебский был католиком) крайне неприятен в устах Бурлюка, который сам, оказавшись в Америке, долго выдавал себя за еврея, пытаясь приспособиться к тамошней среде.

Через некоторое время не только Бурлюк, но и Владимир Издебский оказывается в Америке. Лично там они не общались, лишь несколько раз обменялись письмами. 16 июня 1955 года Издебский писал Бурлюку:

«Да, да, дорогой друг, Давид Давидович. Очень нехорошо, что я так долго не отвечал на письмо; но не надо забывать, что в мае месяце этого года пошел 75-й год моей очень сложной и запутанной жизни, и наступило время болезням всяким и прямо усталости в борьбе за жизнь. Да и работаю я над скульптурой очень много и порядком устаю. А сейчас еще увлекся живописью; лучше поздно, чем никогда, сказал турок, когда его посадили на кол. Вот и я взялся за письмо».

Далее Владимир Издебский вкратце описывает, где и когда состоялись «Салоны», и кто принимал в них участие, а в конце письма сожалеет о том, что Бурлюк не пришел на его первую выставку, состоявшуюся в Нью-Йорке. Видимо, в том первом письме от Бурлюка, на которое отвечал Издебский, Давид Давидович просил его восстановить информацию о «Салонах» – как мы понимаем, не зря, так как в 31 номере журнала «Color&Rhyme» (1956 год), который Давид и Маруся издавали в Америке, опубликован фрагмент из воспоминаний «Маяковский», в котором Бурлюк упоминает о «Салонах» Издебского: «Осенью 1909 г. в Одессе В.А. Издебский устроил выставку «Салон», которая позже была показана в Киеве и Петербурге. <…> Маленькая локальная выставка была устроена в Одессе в ноябре 1910 г. Я выставил 25 картин периодов 1905, 1906, 1908 гг. Кандинский представил 52 работы, многие из которых были еще в сюжетном стиле. Владимир Бурлюк уже писал в очень «продвинутой» манере. В это время я познакомился с Кандинским. Он был на шестнадцать лет старше (он – 1866 года, я – 1883-го)». Как видим, Давид Давидович ошибается не только в количестве представленных на выставку работ, но даже неправильно указывает год своего рождения. Такие ошибки встречаются в его воспоминаниях довольно часто. Собственно, в таком возрасте это простительно – сам Издебский в своем письме также сделал множество ошибок.

Бурлюк упоминает Издебского в своем письме к А. Розенбойму: «В 1909-10-11 и ранее 1907 г. участвовал в Одессе на выставках. (Вл. Издебский). Он жив и сейчас здесь в Нью-Йорке».

В ответ на письмо Издебского Бурлюк пишет ему уже 20 июня 1955 года: «…Мы были February, March на Кубе. Теперь там моя

выставка 53 работы – написал их с 1-го января (1955) по 22 марта того (сего) года. <…> Выставка под покровительством правительства Кубы. Один друг из Москвы (1913) S.M. Vermel – все это организовал. Жизнь коротка – а друзей мало!..».

В другом письме от 14 июля 1955 года Бурлюк пишет Издебскому: «…Посылаю вам каталог моей выставки на Кубе: «Palacio Belles Artes». June 3-30… Устроитель ее (директор Вермель), мой друг из Москвы… С.М. Вермель – поэт, актер (ученик Мейерхольда), он выпустил книжку стихов с моими рисунками в Москве в 1914 году».

Как видим, от былых обид не осталось и следа.

Турне кубофутуристов

После окончания Одесского художественного училища Давид Бурлюк поступает в Московское училище живописи, ваяния и зодчества, где знакомится и завязывает дружеские отношения с Владимиром Маяковским. Начавший писать стихи во многом благодаря влиянию Бурлюка, Маяковский очень быстро «расправляет плечи». Например, Игорь Северянин, с которым Бурлюк и Маяковский будут участвовать в «Первой Олимпиаде футуризма», писал в начале декабря 1913 г. поэту Вадиму Баяну (В.И. Сидоров): «Я на днях познакомился с поэтом Влад. Влад. Маяковским, и он – гений». В декабре 1913 года Давид Бурлюк, Василий Каменский и Владимир Маяковский начинают «гастроли кубофутуристов». После выступлений в Харькове, Симферополе, Севастополе и в Керчи (в Крыму вместе с ними выступали также Игорь Северянин и Вадим Баян) троица кубофутуристов приезжает в Одессу, где к ним присоединяется критик Петр Пильский. Благодаря стараниям Василия Каменского вечера футуристов в Одессе рекламировались уже с 11 января 1914 года. Основной приманкой для зрителей, жаждавших скандала и раскупивших все билеты, была раскрашенная в футуристическом стиле кассирша. Вот что писал «Одесский листок» 16 января 1914 года: «Уже давно вестибюль Русского театра не видал такого оживления, какое там царит со дня приезда футуристов. Здесь можно встретить представи-

телей всех слоев общества: тут и приказчик, офицер, и чиновник, особенно мелькают студенческие фуражки. За кассой сидит футуристическая дама с позолоченным носом и губами. Щеки разрисованы какими-то каббалистическими фигурами. <…> И любуются – но как-то по-особенному – самым бесцеремонным образом подходят к кассе, заглядывают в лицо и отпускают самые рискованные остроты. Кассирша сидит с каким-то видом, как будто это ее совсем не касается».

15 января в Одессу приехали Каменский, Маяковский и Бурлюк, и все внимание переключилось на них. «Появление их на улицах города вызвало всеобщее отвращение, хотя толпы зевак и ходили за ними по пятам», – писал некто Гр. Ф. в статье «Футуристы в Одессе», опубликованной 16.01.1914 г. в газете «Вечерняя южная мысль». Оставим отвращение на совести Гр. Ф., но то, что футуристы вызвали всеобщий интерес, неоспоримо. Известна история о том, что когда наши герои зашли в один из одесских ресторанов, чтобы скрыться от внимания толпы, уже через несколько минут все столики в ресторане были заняты, после чего хозяин отказался брать с футуристов деньги за заказанное ими пиво.

В общем, на первом вечере 16 января 1914 года Русский театр был полон. «Вчера вся Одесса обчаялась, обужиналась, окалошилась, ошубилась, обиноклилась и врусскотеатрилась. Сбор был шаляпинский», – писал Незн. в заметке «На футуристах» («Одесские новости», 17.01.1914). Выступали по очереди: Петр Пильский со вступительным словом о футуризме и футуристах; Василий Каменский – с отповедью критикам футуризма и рассказом о достижениях футуристов в творчестве; Давид Бурлюк с лекцией о кубизме и футуризме, ретроспективой истории искусства от барбизонцев до новейших групп и течений в русском искусстве; и в конце – Владимир Маяковский с рассказом о достижениях футуризма. После этого Каменский, Бурлюк и Маяковский читали свои стихи.

Публика ждала скандала, однако скандала не было. «Городовые вынуждены были довольствоваться лишь зрительными и звуковыми впечатлениями», «Это был вечер клоунады и добродушного настроения», «А между тем ждали скандала. И публика

разошлась с нескрываемой миной разочарования», – писали одесские газеты.

Особо репортеры отметили выполненный Владимиром Бурлюком кубистический портрет Петра Пильского – как раньше на втором «Салоне» портрет Владимира Издебского. Вот что писал Лери в заметке «Звуки дня. Футуристы» («Одесский листок», 17.01.1914):

«Особенный успех сам собою выпал на долю произведения самого лектора (Давида Бурлюка. – **Е. Д.**) и его не менее одаренного брата. Очень понравился портрет г. Пильского кисти Владимира Бурлюка. Писанный по-футуристски. Не кистью, брандспойтом. И изображавший не Пильского, а пирамиды под снегом. Очень удачный портрет».

Некто А. в статье «У «смеяльных смехачей» («Одесские новости», 17.01.1914) написал: «Гомерический хохот вызвало демонстрирование на экране кучи треугольников, долженствовавших изобразить «портрет Петра Пильского». – Узнаю дорогие черты, – шутит за кулисами артистка Кузнецова. И закулисная публика заливается от хохота…».

Второе выступление кубофутуристов, также состоявшееся в Русском театре 19 января, вызвало куда меньший интерес.

С пребыванием Маяковского и Бурлюка в Одессе связан один из интереснейших романтических эпизодов в жизни Маяковского – его увлечение Марией Денисовой, вылившееся в известные теперь уже всем строки «Это было, было в Одессе…» поэмы «Облако в штанах». И вот тут интересное свидетельство Давида Бурлюка из его письма к Александру Розенбойму, которое я уже цитировал выше:

«В 1913 г. в Одессе выступления с Петром Пильским и Володя имел свой роман с Марией – младшая-бедная сестра Катерины, жены румынского помещика. Я ее (Катерину) знал в 1906 г. в Харькове – они были богатые люди, и художник Митрофан Семенович Федоров писал ее портреты. Мария и Катя приезжали в Москву в 1915 год апрель. Я их тогда не видел, так как у нас родился 11 апреля младший сын Никифор Давидович. Фамилию Марии и Кати ее старшей сестры – я записал в своем манускрипте «Романы Маяковского».

Николай Бурлюк

Из трех братьев только Николай не увлекся живописью. Вот что писала о нем Людмила в воспоминаниях «Фрагменты семейной хроники», опубликованных в 48 номере журнала «Color& Rhyme»: «Родился в 1889 году. Обладал огромным поэтическим талантом. Он никогда не брал в руки карандаш или кисть. Отец Бурлюков любил говорить, что Коля тем хорош, что его одежда никогда не будет в пятнах от масляных красок».

Долгие годы дата и место смерти Николая оставались неизвестными. В книге «Давид Бурлюк в Америке» Ноберт Евдаев приводит информацию о братьях и сестрах Бурлюк, собранную из «различных писем, по записям бесед с внучкой Бурлюка Мэри Клер и статьям из различных номеров журналов «Color&Rhyme». Вот что он пишет о Николае Бурлюке:

«Он был очень образованным юношей. Был призван в армию в 1916 году. Воевал на румынском фронте. Людмила Иосифовна, мать Николая, всегда ждала Колю с фронта. Он вернулся в 1920 году в Херсон. По настоянию матери женился на Саше Сербиновой, и у них родился сын Николай. Осенью 1922 года Николая Давидовича Бурлюка нашли убитым в Херсоне». Сам Давид Давидович в разных письмах также упоминал разные предполагаемые даты смерти Николая.

Не так давно искусствовед Андрей Крусанов, автор великолепного четырехтомника «Русский футуризм», расставил в этом вопросе все точки над «i», обнаружив в архивах Службы безопасности Украины обвинительное заключение по делу Николая Давидовича Бурлюка. Из обвинительного заключения мы узнаем, что после окончания в 1914 физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета Николай Бурлюк некоторое время учился в Москве, а затем, уже в 1916 году, был мобилизован на правах вольноопределяющегося, служил в электротехническом батальоне. 15 июля 1917 года он окончил школу инженерных прапорщиков, после чего отправлен на Русский <Румынский?> фронт и в 9 радиодивизионе исполнял сначала обязанности помощника начальника учебной команды, а затем и сам стал начальником полевой радиотелеграфной учебной шко-

лы. В начале ноября 1917 года Николай едет в Россию и привозит свою мать в Румынию, в город Вотушаны <Ботошани?>. В январе 1918 года ввиду разоружения дивизиона белыми добровольцами на ст. Сокола Николай Бурлюк уезжает в Кишинев, в Радио (?) Румынского фронта, и в том же январе 1918 года поступает в Кишиневскую земуправу и уезжает в Измаил уездным представителем министерства земледелия Молдавской республики. В марте 1918 года он уходит в запас и продолжает служить в Управлении земледелия до июня 1918 года. После чего через Одессу едет на жительство в Херсон, где устраивается чернорабочим завода Вадон, затем помощником табельщика, и в начале августа 1918 года уезжает в имение Скадовского (Белозерка Херсонской губернии), где служит приказчиком и неофициально исполняет обязанности помощника управляющего. В ноябре 1918-го по объявленной гетманом Украины Павлом Скоропадским мобилизации Николай Бурлюк является как офицер и направляется в Одессу, в радиодивизион, где от гетмана переходит к Петлюре, затем в начале декабря 1918 года – к белым, а в апреле 1919 года остается в Одессе и служит до мая при Красной Армии, после чего переходит на службу в морскую пограничную стражу. Уже в июне 1919 года он освобождается от службы как агроном и уезжает в Херсон, а затем в село Веревчино к родным. С июня до августа живет в деревне, но затем уезжает в Алешки (уездный город Таврической губернии Днепровского уезда) для подыскания службы учителя, дабы не попасть в ряды белых. Тем не менее, по объявленной белыми мобилизации является как офицер, за службу в Красной Армии преследуется, понижается в чине до рядового и отправляется на фронт против Махно, где служит рядовым телефонистом. После наступления Красной Армии в декабре Николай убегает от белых через Мелитополь и Алешки в Херсон, затем в Голую Пристань и там скрывается в больнице до декабря 1920 года.

Считая, что гражданская война закончена, Николай Бурлюк сам является в комиссариат для учета как бывший офицер. Несмотря на то, что Николай служил в радиодивизионе, и совершенно очевидно, что главной его целью было как можно скорее вернуться к мирной жизни, более того, он служил и в Красной Армии, Чрезвычайная тройка принимает решение расстрелять его

как шпиона армии Врангеля, и «желая скорее очистить Р.С.Ф.С.Р. от лиц подозрительных, кои в любой момент свое оружие МОГУТ поднять для подавления власти рабочих и крестьян».

Такие приговоры выносила та самая советская власть, власть рабочих и крестьян, о которой и сегодня многие вспоминают с умилением и ностальгией.

К счастью, после Николая остались его стихи. В 2002 году в серии «Новая библиотека поэта» под редакцией С. Красицкого вышла книга стихов Давида и Николая Бурлюков, куда вошли все стихотворения Николая, опубликованные в футуристических альманахах с 1910 по 1915 год.

Два визита в Давида и Маруси Бурлюк в СССР, воспоминания и встречи с одесситами

В коллекции Е.М. Голубовского есть открытка, отправленная 1 декабря 1955 года Давидом Бурлюком одесситу Семену Кирсанову, проживавшему тогда по адресу: Москва, Лаврушенский переулок, дом 17/19, кв.22. Бурлюк пишет: «Дорогой друг. <…> Мы хотим май, июнь, июль прожить и пописать (реальный стиль, «лубок») на нашей родине. Я могу иметь на двоих в СССР – 10 дол. в день – что у нас здесь достаточно, но как быть с этими долларами в СССР? Дорогие: Кирсанов, Шкловский, Асеев – думайте! Love – David Marussya Burliuk».

Эта открытка во многом является знаковой. Давид Давидович много лет хотел попасть на родину и рассчитывал на взаимность – заслуг хватало. И среди этих заслуг – не только открытие Маяковского как поэта. За много лет жизни в Америке Бурлюк ни разу не высказался негативно о советской власти. Скажу больше – именно в США он написал и издал поэмы «Десятый октябрь» с портретом Ленина в виде иллюстрации и «Максим Горький». Благодаря Бурлюку в нью-йоркской газете «Русский голос» печатались Илья Эренбург и Луначарский, Бонч-Бруевич и тот же Горький. Вообще, Бурлюк регулярно писал на страницах «Русского голоса» о Советском Союзе – печатал отчеты о достижениях в области промышленности, сельского хозяйства, науки и искусства; писал

о спасении челюскинцев, открытии Днепрогэса, перелете через океан советских летчиков и о многих других событиях, происходящих в СССР.

Но «советские» не торопились ни с визой, ни с приглашением – все-таки эмигрант, два брата служили в царской армии, живет в стране загнивающего капитализма… А Бурлюк не оставлял попыток – и они в конце концов увенчались успехом. Лиля Брик, Василий Катанян и Семен Кирсанов добились-таки приглашения в СССР для Давида и Маруси.

29 марта 1956 года они отплыли из Нью-Йорка в Норвегию на океанском лайнере «Ставангер Фиорд». 10 апреля в 10 часов утра – Бурлюки были в Осло – им позвонили из «Американ Экспресс» и соединили с Семеном Кирсановым. Он сказал им, что семью Бурлюков официально принимает Союз писателей. А в 5 вечера того же дня в гостиничный номер принесли радиограмму, подписанную Лилей Брик. Лиля Юрьевна также писала о том, что они наконец получили возможность посетить страну своих предков и друзей.

Из Осло Бурлюки отправились в Стокгольм, где в советском консульстве им выдали визу на въезд в СССР и разрешение находиться там 60 дней. Через Турку Давид и Маруся добрались в Хельсинки, где сели в поезд до Москвы. Давид Бурлюк писал в своем дневнике: «Мы смогли осилить стоимость только «плацкарта», но, войдя в вагон, мы узнали, что проводник уже получил специальное указание поместить нас в первый класс. Доллар в России обесценен. Обменный курс очень невыгоден. Требуется 60-100 долларов в день на скромное проживание. На такие расходы мы не рассчитывали, и если бы не приглашение быть почетными гостями Союза писателей России, взявшими все расходы по нашему пребыванию на себя, мы бы не потянули эту поездку». 28 апреля на Ленинградском вокзале их встречали Лиля Брик, Василий Катанян, Семен Кирсанов, Николай Асеев и другие. Все они являлись членами специально созданной комиссии Союза писателей по приему Бурлюков в России. Теперь в течение 60 дней Бурлюки могли не думать о расходах – помните 10 долларов в день? Все было для них организовано и оплачено. Бурлюков поселили в гостинице «Москва» в номере люкс.

В дороге Бурлюки вели по обыкновению дневник, во многом благодаря которому мы знаем сейчас о подробностях их поездки. Давид Давидович вспоминал апрель 1917 года, когда он был приглашен Максимом Горьким на прием в петербургский ресторан. Вот что он пишет: «В этот же вечер был дан прием в старинном ресторане «Донон», существовавшем еще со времен Петра Великого. На столе были яства, как на самых лучших приемах, французская кухня и дорогие вина. Прием был платный. Большой и давний мой друг, с которым я учился в Одесской художественной школе, Исаак Бродский (1884-1939), великий мастер, сидел рядом со мной. Первый художник, который написал мой портрет, был именно он, И. Бродский, и это было в 1901 году». Дальше Бурлюк пишет о том, что они с Бродским отправились в художественный салон мадам Добычиной, которая только что продала шесть работ Бурлюка Максиму Горькому. Там они оказались в компании Бориса Анисфельда, вышедшего из мастерской И.Е. Репина в Академии художеств. Интересно, что жизненный путь Анисфельда во многом напоминал судьбу Бурлюка. Оба они начали художественное образование в Одесской художественной школе, у одних учителей – Г.А. Ладыженского и К.К. Костанди. Когда началась революция, Борис Анисфельд с женой и дочерью уехали во Владивосток, Японию, а оттуда в США. Он проделал такой же путь, какой проделал Давид Бурлюк.

Московская программа была очень насыщенной. Бурлюки встречались с Робертом Фальком и Сергеем Коненковым, Мартиросом Сарьяном и Ильей Эренбургом, Корнеем Чуковским и Николаем Асеевым, но чаще всего с Василием Катаняном, Лилей Брик и Семеном Кирсановым. Интервью и заметки о них вышли в «Правде», «Огоньке» и других центральных изданиях. Это было прорывом после десятилетий молчания.

Свою первую работу маслом по приезду на родину Давид Бурлюк написал на подмосковной даче Семена Кирсанова. Взяв с собой этюдник, они с Марусей отправились пешком в ближайшую деревню, где обосновались на вспаханном поле. Прошло тридцать семь лет с того дня, когда Давид Давидович писал на родной земле – тогда это был Владивосток.

Стены дачи Кирсанова были увешаны живописью – среди работ были две картины Бурлюка периода 1910-х годов. А до это-

го Бурлюки побывали у Кирсанова дома. Вот что они записали в дневнике:

«Семен Кирсанов пригласил нас к себе на обед в квартиру в доме напротив Третьяковской галереи. В этом доме жило много известных писателей. Его жена, которую он нежно называл Раинька, выглядела намного моложе Семена. Белолицая, голубоглазая, с прямой точеной фигурой, как стрела, заявила, что диету не соблюдает. Она оказалась известной спортсменкой – бегуньей. Она также чемпионка спортивного общества «Наука» по теннису.

Кирсанов пригласил нас в комнату, где на стене висит японский пейзаж Бурлюка. «Здесь, под этим пейзажем, на этом диване родился мой сын 18 лет тому назад. Мать заплатила жизнью за его рождение. Раинька моя вторая жена. Мы прожили с ней 16 лет. Я купил Ваш японский пейзаж у вдовы Петрова, который был инспектором Московской консерватории и был другом Ларионова. Он слыл гурманом и накрывал шикарные обеды для художников, после того как получал от них в подарок картины. Вашу картину «Березки» я купил в антикварном магазине».

14 мая по программе Союза писателей Давид и Маруся на двухмоторном самолете вылетели в Крым. В полдень они приземлились в Харькове, родном городе Бурлюка, откуда добрались до Симферополя. В поездке их сопровождала секретарь Надежда Ивановна Нечаева, которая хорошо владела английским и французским языками. Конечно же, она была приставлена к Бурлюкам компетентными органами.

В 40-м номере журнала «Color&Rhyme» (1959 г.) Бурлюк писал: «Теперь, через 55 лет, вместе с моей дорогой Марусей я возвратился сюда как завоеватель жизни, почетный гость, расходы по путешествию которого все оплачены, чтобы осваивать красоты моего любимого Крыма. Я прибыл сюда со своим «секретарем», проживаю первым классом, со всем воображаемым комфортом».

В Крыму Давид Давидович, как обычно, много работал, много путешествовал и много общался. Помимо многочисленных рисунков он написал около двадцати больших полотен. Они с Марусей побывали в бывшем имении Константина Коровина в Гурзуфе, ставшем Домом творчества художников; в доме Максимилиана Волошина, ставшем Домом творчества писателей. В моей

Давид Бурлюк в Крыму

коллекции есть фотография из Гурзуфа – Бурлюк набрасывает что-то на картоне на фоне радостно позирующих художников и детей.

Бурлюки познакомились в Крыму более чем с тридцатью художниками и скульпторами. Одним из них был Николай Лукич Савицкий, окончивший Одесское художественное училище. Бурлюки записали в дневнике, что визит в домстудию Николая Лукича Савицкого завершился тем, что Николай Лукич и Лидия Ивановна Савицкие подарили им одну из его очаровательных майолик – скульптуру «Гитарист» (которая сейчас находится в коллекции вдовы Давида Бурлюка-младшего в Лонг-Айленде). «Николай Лукич Савицкий прославил себя, создав известную скульптуру горного орла, водруженного на одной из саблеобразных вершин крымских гор. Это могучая бронзовая птица-монумент, символ победы героической русской армии во второй мировой войне», – писал Бурлюк. Скульптура Савицкого «На защите СССР» репродуцирована в 41-м номере «Color&Rhyme».

Сын Николая Лукича, Игорь Николаевич Савицкий, руководивший недавно Одесским художественным училищем, помнит эту встречу. Бурлюки пробыли у них около двух часов, Давид Давидович хотел даже написать портрет Лидии Ивановны, но не успел. Майолика, скорее всего, не «Гитарист», а «Бандурист». Бурлюк говорил тогда ему, что нужно заниматься искусством, идти по стопам отца; когда «секретарь» Надежда вышла из комнаты, посмеялся над «трогательной» заботой компетентных органов –

неужели ему, выросшему в России, нужен переводчик? Бронзовые орлы работы Николая Лукича установлены в Крыму в трех местах – на вершине скалы напротив Ласточкиного гнезда, у водопада Учан-Су и при въезде в Ялту.

Обратный путь в Москву Бурлюки проделали на машине – Маруся уговорила Надежду и через нее руководство Союза писателей. Ехали по маршруту Алушта – Симферополь – Москва, по пути заехали в Маячку, ту самую знаменитую Чернянку, где большая семья Бурлюков провела шесть счастливых лет.

26 июня Бурлюки покинули Советский Союз и на теплоходе «Кунсхолм» из Гетеборга отплыли в Нью-Йорк. За время пребывания в СССР Давид Давидович помимо большого числа крымских и подмосковных пейзажей написал портреты Лили Брик, Майи Плисецкой и два портрета Николая Черкасова.

Давид и Маруся были в СССР еще раз – в 1965 году, и тоже по приглашению Союза писателей. Дневниковых записей об этой поездке не осталось. Возможно, причиной тому был возраст – Давиду Давидовичу было уже 83. Известно только, что в этот приезд Бурлюк пытался обменять свои старые работы, хранящиеся в советских музеях, на новые, но ему фактически отказали, предложив взамен принять советское гражданство.

Заезжали ли Бурлюки в Одессу во время своих визитов в СССР, – до сих пор остается загадкой. Скорее всего, нет – в их дневниках нет об этом никаких упоминаний, и попасть в наш город они могли лишь на обратном пути из Крыма, на автомобиле. То, что об этом нигде не упоминается, – нормально, так как такое отклонение от курса не могло быть одобрено властями, плотно курировавшими все перемещения Бурлюков.

21 октября 1969 года живший в Тамбове Николай Алексеевич Никифоров, известный исследователь творчества Бурлюка, ответил Евгению Михайловичу Голубовскому на письмо с вопросами о пребывании Давида Давидовича в Одессе во время его визитов в СССР, состоявшихся в 1956 и 1965 годах. Вот что пишет Никифоров:

«Давид Давидович мне рассказывал, что он бывал в Одессе… Я в 1969 году помог сотруднику обл. музея Одессы (речь идет об Историко-краеведческом музее) установить переписку с Д. Д., но он почему-то прислал мне письмо в просьбой, чтобы я написал

Давид и Людмила в 1962 году в Праге

Д. Д. – не писать ему (?). Вот фамилию его не помню – а Бурлюк написал в музей: когда он был и с кем в Одессе!»

Так что вопрос пока остается открытым. Одно известно наверняка – попасть в Одессу Давид Бурлюк очень хотел. Вот что он пишет в письме Н.А. Никифорову (12.06.1959): «Америк. газеты полны объявлениями о турах в СССР. <…> За 1000 дол. (2000 для двоих) можно в октябре 30 дней пароходом, с заходом в Португалию, Испанию, Африку (Сев.), Италию, Египет, Израиль, Грецию, Турцию, попасть в Ялту, Одессу (!). <…> Пожалуй, в 1960 г. побываем на Родине».

Работы Бурлюков в одесских музеях

К сожалению, в Одесском художественном музее ни одной работы Бурлюков не сохранилось. В Ильичевске, в Музее изобразительных искусств имени А. Белого, хранится отличная работа Давида Бурлюка «Весна. Сирень», датированная 1907 годом. Эта

работа находилась ранее в коллекции самого Александра Моисеевича. И сегодня в частных коллекциях одесситов есть немало работ Бурлюка. К сожалению, широкая публика познакомиться с ними не может – возможно, уместной стала бы выставка его работ из частных коллекций, организованная одним из одесских музеев.

Давида Бурлюка не случайно назвали «отцом русского футуризма». Именно его талант, энергия, страстная любовь к искусству стали той движущей силой, которая позволила новому русскому искусству пробиться и выйти в авангард художественной жизни не только России, но и Европы. Новое увлекало его, служению искусству он посвятил всю свою жизнь.

«Вот три Бурлюка… – пишет Давид Давидович в воспоминаниях. – Что связывает их в один общий тип? Упрямство, характер, стремление овладеть раз намеченным. Во всю свою жизнь в себе я чуял эти же черты… Но было упрямство мое направлено к преодолению старого изжитого вкуса и к проповеди, к введению в жизнь нового искусства, дикой красоты».

Валентин Максименко

Семья Рубинштейн и Одесса

Сложилось так, что на протяжении десятилетий с нашим городом были тесно связаны жизнь и деятельность многих членов большой семьи Рубинштейн, сыгравшей значительную роль в истории отечественной культуры.

Начну со старейшины – Калерии Христофоровны (1807-1891). Эта женщина определила творческие пути своих выдающихся сыновей – Антона и Николая: именно ее воле и настойчивости они обязаны вхождением в мир музыки.

Первой в Одессу приехала сестра Антона Григорьевича – Любовь. Современники отмечали ее красоту, сравнивая с Мадонной Рафаэля, и вокальную одаренность. Ее контральто нравилось А. Г., и он сожалел, что сестра не стала профессиональной певицей.

Вскоре после приезда сестры в Одессу А. Г. писал, что Одесса для него «город обетованный» (1850 год), а в одном из его писем 1851-го читаем: «Мне несказанно захотелось поехать в Одессу». Подобные записи нередки.

В нашем городе жила и Софья Григорьевна. Она на 12 лет моложе А. Г., их отношения были дружественными, теплыми. С. Г. унаследовала волю и ум матери. Человек широко образованный (в круге ее интересов – история, социология, экономика, литература, искусство), она хорошо знала музыку, играла на фортепиано, сама пела и преподавала в Одессе вокал. По рекомендации видного юриста и музыкального деятеля Одессы Л.А. Куперника молодая А.В. Нежданова была представлена С. Г. Позднее в «Автобиографии» А. В. вспоминала: «Выслушав меня, она тотчас согласилась заниматься со мной бесплатно». Занятия продолжались около года.

С. Г. была причастна к одесскому кружку «чайковцев», который возглавлял Ф. Волховский; ее связывали дружеские отношения с народоволкой Верой Фигнер, сестрой знаменитого тенора Николая Фигнера (его гастрольные выступления на сцене одесского Городского театра определили выбор Неждановой профессии певицы).

По совету сестры А. Г. обратился к поэзии Вука Караджича и создал цикл сербских песен на тексты этого поэта. По просьбе сестры А. Г. написал романс «Узница» на стихи Полонского, посвященные Вере Засулич.

С. Г. жила в нашем городе под гласным надзором полиции, той самой, которая попустительствовала одесским погромам 1871 года. А. Г. писал матери: «Мы с отвращением следим за событиями в Одессе. Теперь уже все позади, но впечатление должно быть мучительным и неизгладимым».

А. Г. вообще беспокоился о сестре и ее судьбе. 26 января 1883 года он пишет матери: «Скажи ей (Софье. – **В. М.**) от моего имени, что ей следует теперь (до Рубинштейна дошли сведения о готовящемся процессе «Народной воли». – **В. М.**) больше, чем когда-либо быть осторожной в отношении всего, что она делает и что говорит каждому и всякому, с кем встречается…».

26 сентября того же года: «Очень обеспокоен по поводу Софиньки из-за обыска (о нем ему сообщила мать. – **В. М.**). Надо быть очень осторожной! И даже с ближайшими знакомыми говорить (и особенно писать) только о погоде, театре…».

Надзор был столь строгим, что С. Г. не разрешили выехать даже на похороны брата Николая…

А. Г. трогательно заботился на протяжении всей жизни и о матери, и о сестре, и о брате. Н. Г. был неудачно женат: его супруга Елизавета Хрущева и ее семья категорически возражали против его артистической деятельности и вместе с тем настаивали на большом числе частных уроков из экономических соображений. Любопытно, что жена самого А. Г. Вера Чекуанова – напротив – настаивала на концертной деятельности мужа, полагая, что таким образом ему нетрудно решать материальные проблемы семьи. Это досаждало Рубинштейну, ибо отрывало от композиции, которую он считал главным делом жизни.

В январе 1859 года А. Г. пишет матери: «Я отговаривал его (Николая. – **В. М.**), насколько мог, от того, чтобы давать слишком много уроков. Надеюсь, что он понял правильность этого и что отныне будет больше заниматься публичной деятельностью» (речь идет о концертировании).

Несколько месяцев спустя тому же адресату: «Николаю следовало бы поехать вместе с Вами в Одессу и дать несколько концертов, так как там летом сезон».

Н. Г., подобно брату, начинал пианистическую деятельность как вундеркинд. Его приветствовали Шопен и Лист, консультировали Мейербер и Мендельсон. Потом был перерыв в публичном исполнительстве, связанный с обучением на юридическом факультете Московского университета, а также с упоминавшимся запретом семьи жены. Любовь к музыке, однако, взяла верх: он высвобождается от гнета светских условностей, дает несколько концертов в Москве, а затем приезжает в Одессу. 13 июля 1859 года Н. Г. играет в помещении старой биржи (она располагалась на Приморском бульваре), а 17-го – в зале К. Гааза. Благодаря обозрению «Оперы и концерты» газеты «Одесский вестник» мы получаем возможность узнать, что Н. Г. играл произведения Генделя, Листа, Вебера, принял участие в исполнении трио брата. Обозреватель «Фагот» (под этим псевдонимом печатался П.П. Сокальский) констатирует: «Прием был из блистательнейших, каким когда-либо удостаивался в Одессе лучший из артистов».

В ноябре 1873 года А. Г. пишет матери: «Николай, вероятно, уже был у Вас, играл и опять уехал. Как сошло? О том, понравился ли он, можно, пожалуй, не спрашивать, но хотелось бы знать, посчастливилось ли ему в денежном отношении?». Не посчастливилось и не могло посчастливиться: концерты были благотворительными.

В июне 1875 года мать получает очередное письмо А. Г.: «Николай был у Вас и, как я слышал, собирается со своим учеником в дальнее путешествие…». Этим учеником был только что закончивший курс обучения в консерватории С.И. Танеев. Заботясь о развитии таланта молодого человека, Н. Г. на собственные деньги везет его – через Одессу – ознакомить с культурой Греции, Турции, Италии… Как писал один из современников, Н. Г. «из своего

тощего кошелька» оплачивал многие общественные мероприятия, нередко попадая в сеть долгов. Не случайно в дни юбилея Н. Г. его друзья скупили векселя Н. Г. и… вручили ему их на подносе.

В годы русско-турецкой войны Н. Г. говорил: «Чем я могу помочь нуждающимся (семьям погибших и раненых. – **В. М.**), если у меня самого ничего нет? А между тем я занят делом, от которого надолго отрываться нельзя… И вот я прерываю его… Еду по России…». Проехав 12000 верст по городам и весям, дав десятки концертов и собрав 35000 рублей, он передал их «Красному Кресту». Одним из посещенных Н. Г. городов была Одесса, где он играл в самом начале 1878 года.

6 января «Одесский листок» опубликовал заметку «Концерт Н.Г. Рубинштейна», подписанную: «Бемоль».

Отношения братьев не были простыми, однозначными, но А. Г. всегда гордился успехами Николая.

После смерти брата А. Г. размышлял в письме к С. Г. в Одессу: «Мы давно не виделись, но я чувствовал руку брата, может быть, и он мою… Совсем пусто кругом. И я плакать не умею… Ежели бы хоть ты смогла в Москву (на похороны Н. Г. – **В. М.**)». Не смогла: не пустили. В письме трогательная лаконичная приписка: «маменьку не трогай». К. Х. тоже не была на похоронах Н. Г. А вскоре А. Г. сам навестил мать и сестер, а из Одессы уехал на гастроли в Англию.

Впервые Антон Григорьевич Рубинштейн гастролировал в Одессе в июне 1850 года. С тех пор он был нередким гостем нашего города на протяжении почти четырех с половиной десятилетий. Это были и частные приезды для встреч с родными и близкими, и концертные выступления.

В один из приездов А. Г. «Одесский вестник» писал: «Имя его говорит само за себя. Нам остается только добавить, что Одесса после Листа лучшего артиста не слышала».

А. Г. был редким тружеником. Он не случайно говорил: «Работа – жизнь, праздность – умирание». В его легендарном «Коробе мыслей» есть такое высказывание: «Давать для меня – большее наслаждение, чем иметь». Это не просто красивые слова – за ними дела. Так, например, в 1868 году А. Г. давал в нашем городе бесплатные концерты в пользу местных музыкантов. В 1870 го-

ду оказал в Одессе же творческую и материальную помощь молодому талантливому скрипачу А. Бродскому (впоследствии тот стал выдающимся музыкантом, ему, первому интерпретатору, Чайковский посвятил свой ныне знаменитый Скрипичный концерт).

В 1882 году А. Г. концертировал в Одессе. Он познакомился здесь с юным пианистом, учеником местного педагога Ф. Кестлера (чешский музыкант работал в Одессе с 50-х годов) Василием Сапельниковым, который войдет в историю музыки как пианист, скрипач и композитор. Рубинштейн добился помощи юноше от городского головы, а затем помог поступить в Петербургскую консерваторию. 12 мая он пишет из Петербурга в Одессу: «Письмо от Сони получил и рад, что достигнут результат в этом деле (по-видимому, Сапельникова брату представила С. Г. – **В. М.**). Я говорил с Давыдовым (речь идет о русском музыкальном деятеле Карле Юльевиче Давыдове. – **В. М.**), и он велел ей сказать, чтобы она прислала этого юношу сюда… Жить он будет, вероятно, у Иогансена (следовательно, у своего будущего директора), а заниматься у Брассена, следовательно, будет во всех отношениях хорошо устроен». В сентябре А. Г. сообщает матери: «Маленький Сапельников приехал и принят после испытаний в консерваторию» (Василий Львович окончил ее по классу ученицы Листа, Бюлова, Таузига Софии Ментер).

В ноябре А. Г. спрашивает у К. Х.: «Правда ли, что Тедеско умер? Для Одессы это потеря». Игнац Амадей Тедеско (1817-1882) – чешский пианист, дирижер и композитор, работал в Одессе с 1840 года. Рубинштейн пытается помочь семье покойного. Позднее он напишет матери: «Для Тедеско ничего невозможно сделать. Большей пенсии добиться нельзя». И здесь же: «Деньги для матери Сапельникова обеспечены. Скажите ей, чтобы она написала Давыдову благодарственное письмо». Помощь людям у А. Г., таким образом, носила не эпизодический, разовый характер, он как бы принимал на себя ответственность за тех людей, с которыми его сводила судьба (в частности, он еще не раз будет помогать Сапельникову и т. д.).

А. Г. много внимания уделял организации музыкальной жизни нашего города. 14 ноября 1883 года он пишет матери о своих коллегах: «Есипова – замечательное существо. Во всяком случае,

она и Ментер – наилучшие пианистки. Если бы возможно было их слить воедино, вышла бы богиня фортепианной игры, но и каждую в отдельности я охотно принимаю. В эту зиму Вы получите многих артистов…».

Месяц спустя тому же адресату в Одессу: «Есипова и Ментер… очень довольны пребыванием в Одессе» (добавлю, что ученица Т. Лешетицкого Анна Есипова создаст одну из крупных отечественных школ пианизма; Ментер – гастролер мирового класса – примет участие в триумфальных одесских концертах Чайковского в 1893 году).

В 1883 году А. Г. провел в Одессе совещание музыкальной общественности, поставив вопрос об организации здесь специализированного обучения музыке. Через год не без участия А. Г. в нашем городе откроется отделение Императорского русского музыкального общества (ИРМО), а в 1897 году – Музыкальное училище.

В конце восьмидесятых годов А. Г. выдвинул предложение об открытии двух правительственных консерваторий – на севере (инструментально-симфоническая музыка) и на юге (вокал). В числе возможных южных городов он назвал Одессу, полагая, что здесь благоприятный климат для певцов. Консерватория в Одессе была открыта в 1913 году. Успехи воспитанников ее вокальной кафедры (для примера назову хоть некоторых из обширнейшего списка – Чавдар, Христич, Сергиенко, Олейниченко, Руденко, Поливанова, Шемчук, Пономаренко, Огренич, Захарчук, Мукерия, Билый, Цымбалюк, Анисимова, Мельниченко, список обрываю с сожалением, из чисто стилистических соображений) вот уже около века свидетельствуют о прозорливости Рубинштейна.

Человек деликатный и сосредоточенный на творчестве, А. Г. не хотел стеснять своим присутствием других, даже самых близких. Собираясь в очередной раз в Одессу, он просит мать в августе 1884 года: «Снимите, пожалуйста, для меня номер в «Лондонской» с видом на море и велите поставить в гостиницу рояль».

В 1885 году А. Г. задумал «как окончание виртуозной деятельности представить в ряде концертов обзор постепенного развития фортепианной музыки», обзор, охватывающий более трех веков пианизма. Для подготовки концертов ему, по сути, понадо-

билась жизнь. Эти беспрецедентные концерты назовут историческими, о них скажут как о «геркулесовом подвиге». Но прежде чем выйти на эстраду, А. Г. решил провести в Одессе генеральную репетицию. В конце сентября в течение семи дней он сыграл в зале Витцмана для небольшого круга близких людей весь цикл, проверяя свою память и выносливость. В местной прессе прозвучат упреки в адрес музыканта, мол, слишком узким был круг его одесских слушателей. Своеобразный ответ находим в его письме матери перед поездкой: «Я хотел бы, чтобы знали как можно меньше о моем приезде, так как мне надо работать, и я вовсе не хочу знакомиться с многочисленными музыкальными гениями, которые бродят по Одессе». Музыканту необходима была сосредоточенность на деле, которое стало предварительным итогом его подвижнического труда в искусстве.

Не гладкими были его отношения с одесскими «музыкальными генералами». В 1888 году А. Г. пишет сестре: «Ваши музыкальные дела доходят до смешного, т. е. печального. Во всяком случае, назначение Климова освобождает меня от всякого интереса к вашему делу, т. к. он выступил публичным моим антагонистом здесь». Д.Д. Климов (1850-1917) – пианист, дирижер, педагог, был директором музыкальных классов, училища, деятелем ОО ИРМО. Климов обладал трудным характером, он находился в продолжительном конфликте с А. Г. Во всяком случае, несколько лет спустя Чайковский в письме к Куперник у в Одессу писал: «Оппозиция Балаболкина (прозвище Климова. – **В. М.**) Рубинштейну очень комична (Климов, в частности, воспротивился организации традиционного концерта учащихся в честь высокого гостя города. – **В. М.**). Он слишком великий деятель ИРМО, и игнорирование его приезда есть оскорбление и бестактность, на которую он справедливо ответил презрением».

В 1888 году отмечалось 50-летие творческой деятельности А. Г. Он пишет матери: «Так называемые юбилейные торжества мне в высшей степени неприятны. Я бы их совсем запретил, если бы не усматривал в этом средства для достижения общественных музыкальных целей». Большой резонанс празднеств достиг и Одессы: с «неблагонадежной» сестры было снято полицейское наблюдение!

Весной 1890 года А. Г. побывал в Одессе и в письме к матери так подвел итоги этого визита: «Пребывание в Одессе дало мне новые силы».

В августе следующего года Рубинштейн снова в нашем городе. В сентябре скончалась его мать. Из письма А. Г. дочери Анне: «Уезжая из Одессы, я знал, что дело с матерью покончено… Однако катастрофа поразила меня. Что теперь будет с Соней? Я уже предлагал ей поселиться со мной, но ведь она сама себе человек…».

Дальнейшие письма в Одессу адресуются сестре Софье. Он стремится поддержать ее. Но и его моральные силы иссякают. К нему, по его же словам, приходит «полнейшее разочарование». В нем поселяется ощущение непонятости людьми. В драматическом письме к издателю Бартольфу Зенфу прорываются горчайшие строки: «Творчество мое потерпело неудачу, меня не хотят признавать композитором».

21 апреля 1893 года А. Г. присутствовал в одесском Городском театре на премьере очередной постановки «Демона». Спектакль прошел с успехом. Публика горячо приветствовала композитора, так много сделавшего для музыкальной Одессы.

В конце следующего года Антона Григорьевича не стало. Четверть века спустя ушла из жизни Софья Григорьевна, которая передала на хранение архив своей матери, содержавший ценнейшие письма Антона Рубинштейна, жительнице нашего города Е.А. Герасименко. У Елизаветы Аполлоновны он хранился до начала пятидесятых годов прошлого столетия. Ныне «одесский архив» А.Г. Рубинштейна находится в фондах Петербургской консерватории, основанной Антоном Григорьевичем в 1862 году.

Роман Бродавко

Мэтр одесского авангарда

Впервые о Владимире Мюллере я услышал в середине 70-х годов от главного художника Одесского украинского театра Николая Степановича Матковича. Речь шла о современной сценографии, в которой на смену реалистическим традициям в то время приходили традиции авангарда. Я восхищался некоторыми работами московских сценографов, которые казались мне по-настоящему новаторскими. В ответ Николай Степанович улыбнулся и сказал:

– Все это уже было. И, как мне кажется, на более высоком художественном уровне. Достаточно вспомнить моего учителя Мюллера…

Через несколько дней наш разговор продолжился в доме у Матковича, где он показывал мне альбом со своими эскизами декораций к спектаклям, поставленным в 20-е годы, и рассказывал об Учителе, который открывал своим студентам неисчерпаемые возможности формы.

Узнать что-либо о подробностях жизни профессора Мюллера в то время было крайне трудно. Многие из деятелей искусства и науки, кто по своему социальному положению не вписывался в «стандарты» советской власти, не афишировали своих биографий. Лишь намного позже я узнал, что Владимир Николаевич родился в 1887 году в Херсоне в семье провизора, был старшим из четырех сыновей. В 1907 году он окончил Ришельевскую (1-ю) гимназию в Одессе и поступил в Новороссийский университет, но проучился там только год, решив посвятить себя изобразительному искусству.

В 1908 году Мюллер поступил в Центральное училище технического рисования барона А.Л. Штиглица в Петербурге, на кера-

мическое отделение, которое успешно окончил в 1916-м со званием художника по прикладному искусству. Керамические вазы студента Мюллера отличались передовыми для того времени приемами работы с кристаллическими глазурями, а также экспериментальными формами, которые были придуманы самим художником. В статье «Отчетная выставка школы барона Штиглица», опубликованной в журнале «Столица и усадьба», Владимир Мюллер упоминается как один из заслуживающих внимания выпускников этого авторитетного учебного заведения. Там же фото дипломной работы Мюллера «Изота из рода Малатесты». Эта и другие его керамические работы сейчас находятся в крупнейшем российском частном собрании фарфора.

В училище Владимир Николаевич увлекся театром и стал изучать работы театральных художников. К этому времени он – сложившийся художник-конструктивист. Поэтому неудивительно, что он стремился привнести в сценографию эстетику конструктивизма.

Петербургская художественная среда была близка Мюллеру. Он не спешил расставаться с ней. Поэтому после окончания училища молодой художник остался работать в нем помощником библиотекаря. Однако события 1917 года побудили Мюллера уехать на Юг.

В 1918-1934 годах Мюллер жил в Одессе, работал художником в различных театрах (в частности, в 1921-1924 годах он был главным художником театра Массодрам (Мастерская социалистической драматургии)) и кинофабриках, включая знаменитое ВУФКУ (Всеукраинское фотокиноуправление), где оформил около 20 кинофильмов. С 1920-го он преподавал в Одесском художественном институте, где руководил театрально-декорационным отделением. Одним из его студентов был Н.С. Маткович.

С 1918 года Мюллер принимал участие в художественных выставках, в том числе в таких знаковых, как «Выставка картин Товарищества независимых художников» (ноябрь – декабрь 1918, Одесса); «Всеукраинская юбилейная выставка» (1928, Одесса); «2-я Всеукраинская художественная выставка» (1929, Киев – Одесса – Донбасс – Харьков), «Художники советского театра за XVII лет 1917-1934» (1934, Москва) и других.

Его трудоспособности можно только позавидовать. В 1918 году Владимир Николаевич создал декорации к 52 пьесам-миниатюрам одесского театра «Гротеск» и других театров миниатюр. В 1919-1924 годах он оформил свыше двадцати спектаклей в «Весеннем театре», в Театре при культпросветсекции Красного флота, в театре «Дом народа» и в Театре Массодрам. В 1925-м Мюллер создал эскизы декораций к операм «Фауст» Гуно и «Самсон и Далила» Сен-Санса. В 1926-м в только что созданной Держдраме он оформил «Марусю Богуславку».

В конце двадцатых годов Владимир Николаевич – штатный художник-постановщик спектаклей в одесской опере. Среди его работ сценография к «Думе черноморской» Б. Яновского и «Отелло» Дж. Верди… Эти работы поражают глубиной творческого замысла и подлинным новаторством.

Владимир Мюллер был знатоком современного левого искусства. Этому способствовало его знакомство со многими художниками, поэтами, театральными и кинорежиссерами, которые работали в первые годы советской власти в Украине. В его домашней библиотеке находилось много немецких изданий с работами «левых» художников. Все это, безусловно, не могло не отразиться и на его творчестве. Более того, будучи образованным и квалифицированным художником, он сумел создать свой самобытный легко узнаваемый стиль театральных работ, в котором, по мнению искусствоведов, кубизм А. Экстер и В. Татлина объединились с абстрактными находками Василия Кандинского.

В начале тридцатых годов началось наступление компартийных органов на левое искусство. Особенно рьяно действовали чиновники от искусства на Украине. Наступала эпоха соцреализма…

В 1934 году по приглашению дирекции МХАТа второго В. Мюллер переехал в Москву и занял должность заведующего художественно-постановочной частью театра. Здесь работала его вторая жена, актриса Ю.П. Гельдер-Рауш. Более он никогда не оформлял спектакли, не участвовал в официальных выставках.

В послевоенные годы Владимир Николаевич полностью посвятил себя преподаванию в ГИТИСе, став для многих студентов любимым учителем. Он знакомил их со своими эскизами и макетами, которые бережно сохранялись в его доме. Единственная

персональная выставка театральных работ Мюллера состоялась в Москве в феврале 1968 года в залах Всероссийского театрального общества.

Владимир Мюллер был образованным, доброжелательным, скромным и глубоко порядочным человеком. К нему часто обращались за советом и поддержкой, его дружеский круг составляли известные деятели искусства: Яков Зискинд, Сергей Образцов, Александр Тышлер…

В ГИТИСе Владимир Николаевич встретил свою новую любовь. Третьей женой мастера стала его студентка. С ней он прожил остаток дней и был по-настоящему счастлив.

Мюллер ушел из жизни в 1978 году.

К сожалению, многие графические работы Мюллера не сохранились. Какие-то остались на Украине, а значительная часть, особенно эскизы сценических костюмов к спектаклям 1920-30-х годов, в девяностые была похищена из квартиры вдовы художника, и ныне их местонахождение неизвестно.

Сейчас все художественное наследие Владимира Николаевича, включая его архив и не напечатанную книгу об искусстве театра, находится в двух частных собраниях России. Найдутся ли средства для публикации этого богатства – сказать трудно. Несомненно, что наследие замечательного художника заслуживает популяризации и глубокого научного осмысления. А нам, одесситам, приятно осознавать, что в истории культуры нашего города было такое славное имя.

Евгений Голубовский.

Не позволяй душе лениться…

Эту строку Николая Заболоцкого я повторял про себя на выставке Виктора Маринюка, приуроченной к 50-летию его творческой деятельности, открывшейся 12 октября 2012 года в Музее западного и восточного искусства. И потому, что выставка радовала своей масштабностью – 120 живописных полотен, 80 листов графики, скульптура из бронзы и камня, и потому, что характерной фразой Виктор Маринюка долгие годы остается: «Надо иметь неленивую душу и неленивый ум».

…Существует теория «большого взрыва», объясняющая происхождение Вселенной, расширения Вселенной. Мне представляется, что «большой взрыв» произошел в одесской художественной жизни полвека тому назад. Ничем иным я не могу объяснить такое количество талантливых живописцев, одновременно появившихся в нашем городе. Одни из них, как А. Ацманчук, Ю. Егоров, В. Власов, уже преподавали, другие, как Л. Межберг, И. Островский, Л. Дульфан, еще учились, третьи – А. Ануфриев, В. Стрельников, В. Хрущ – отказались от догм художественного училища, но все вместе они и составили яркую неповторимую мозаику живописной Одессы.

Именно в коммунальной квартире Александра Ануфриева в начале 60-х годов и возникло содружество молодых художников, куда входили помимо Ануфриева Володя Стрельников, Валерий Басанец, Виктор Маринюк, Люда Ястреб, те, кого позже назвали «нонконформистами».

С 1959 года, познакомившись, я подружился с ними.

Учеба в училище растянулась у Маринюка с 1959 по 1967 год, прерываясь армейской службой, но академическая школа не по-

шла во вред, ему уроки давали и древнерусские иконы, и Фернан Леже, мастера итальянского Ренессанса и творческие поиски друзей.

Немногие работы 1962-1967 года из сохранившихся в мастерской художника были выставлены нынче в музее. Но даже этот десяток картин, этюдов показывает, что Маринюку не пришлось «ломать себя», что в картине «Девушка в лентах» 1966 года заложено зерно всех его последующих поисков и достижений.

Еще раз вспомню начало шестидесятых, комнату-мастерскую-клуб Саши и Риты Ануфриевых. Это были трудные, безденежные, но… веселые годы. Они сформировали, как мне кажется, и характер Виктора Маринюка, и его эстетические, да и этические приоритеты.

Есть мастера, в творчестве которых легко выделяются разные периоды. Увлечения, предпочтения налагают видимый отпечаток. К иной категории художников принадлежит Виктор Маринюк – пятьдесят лет его творческого пути являют собой не перемены стиля, векторы предпочтений, а постоянное самоуглубление.

Познав уроки супрематизма и иконописи, живописи Ренессанса и экспрессионизма, он, отбирая для себя главное, пришел к минимализму, к простоте и изысканности художественного языка. Его минимализм не рационален, не рассудочен, а эмоционален. Взволнованность художника становится волнением зрителя.

Многократно повторяемые темы «Девушка и город», «Женщина с ребенком», «Человеческое лицо» каждый раз осмысливаются все более точно (как бы доводятся до формулы сущего).

Маринюк пользуется цветом для сотворения света.

И вот этой светозарностью проникнуты все лучшие работы мастера.

В августовском номере за 2007 год журнала «Фаворит» в рубрике «Мастерская» мною было опубликовано эссе скульптора, поэта и мыслителя Николая Степанова, посвященное Виктору Маринюку. Несколько абзацев из него мне хочется напомнить читателю:

«*Художник Маринюк – самоосознанная стихия. Эта осознанность в том, чтобы быть чутким инструментом природы, не теряющим избранного направления, эстетического уровня; быть частью животворящей природы, ее объяснительной стихией.*

Это работа души художника. Сам он любит подчеркивать: «Природа создала человека для того, чтобы человек объяснял ее саму».

Его работы органичны в любой среде. Они будто очерченный фрагмент бытия. Открывают окно в гармонию. Приглашают созерцать не отраженный, а вновь созданный мир… Их гармония сложна, выстраивается на контрапункте, зримом столкновении полярных основ. И все подчинено закону плоскости – это работа мастера. Драматизм мироощущения. Это видишь именно в светоносных вещах.

Талант Виктора Маринюка – это не слепящий, а мощный источник света, открывающий для видящих мир невидимых состояний. Только, как отмечает Виктор, «надо иметь неленивую душу и неленивый ум». Ведь сказано: «Пред очами твоими – тысяча лет как день вчерашний либо как стража в ночи».

...Каждый художник сам выбирает свой путь. Кого-то вдохновляет обнаженное женское тело, кто-то воспринимает морскую стихию как символ вечности. Виктор Маринюк пятьдесят

Виктор Маринюк: 50 лет творчества

лет исследует лицо человеческое – иконный лик – мадонну с младенцем. Ему это интересно. И поэтому интересно его зрителям. С 1962 года и по сегодняшний день можно говорить о яркой индивидуальности творческого почерка Маринюка. На любой коллективной выставке среди многочисленных работ холсты Виктора Васильевича Маринюка не просто узнаваемы, а обладают огромной притягательной силой.

Официальное признание к Маринюку, как и ко всем художникам, державшимся в стороне от официальной идеологии, пришло достаточно поздно. Лишь в 1989 году, почти в пятьдесят лет, на пике горбачевской перестройки, он был принят в Союз художников, хоть за его плечами были десятки выставок – и неформальных – в Одессе, в Москве, в Мюнхене, и официальных – в Одессе, в Киеве и Москве. Но Виктор Маринюк не гнался за регалиями. Если за Николаем Заболоцким он мог повторить: «Не позволяй душе лениться…» – то вслед за Борисом Пастернаком – «Цель творчества – самоотдача, а не шумиха, не успех»…

И все же успех пришел к нему. В серии из двадцати альбомов современных художников Украины журнал «Образотворче мистецтво» издал двух одесситов – Николая Степанова и Виктора Маринюка. Кстати, в альбоме В. Маринюка помещены статьи не только известного украинского искусствоведа Александра Федорука, но и эссе Николая Степанова.

А потом получил Виктор Маринюк звание – заслуженный художник Украины.

Вглядываешься в живописные полотна Маринюка в Музее западного и восточного искусства, многие из них я видел в мастерской, видел на выставке в галерее А. Дымчука, но в такой полноте, так удачно экспонированные (художник сам делал экспозицию) вижу как бы внове. А еще и фантастическая кухня творческого процесса – целый зал графики и, наконец, скульптура, переводящая в объем все те же размышления мастера, его образные поиски.

Не побоюсь еще и еще раз повторить слова Виктора Маринюка: «Надо иметь неленивую душу и неленивый ум». Потому что, к счастью, это не просто слова, а жизненная программа, этический принцип Мастера.

Олег Кудрин

Одесское кино

Петр Тодоровский (26.08.1925)

Вышла новая книга Олега Кудрина – нашего земляка, живущего в Москве. Она посвящена выдающимся кинорежиссерам, среди которых есть и те, чье творчество связано с Одессой. Мы продолжаем публикацию статьей о Петре Тодоровском.

Он – фронтовик. И порой кажется, что жизнь Петра Ефимовича, кинорежиссера, похожа ни хитро выстроенную во времени и пространстве войсковую операцию. Работал, работал. Копил творческие силы, воевал потихоньку с начальством и обстоятельствами. Накопив резервы, мощно выстрелил, пошел в атаку. Прорвал фронт славы. Закрепился на рубежах. Сделал, что хотел. И оставил на будущее на надежных позициях мощное соединение режиссерско-продюсерских свойств и хорошего вкуса – сына Валерия Тодоровского.

Он родился в маленьком городке на Кировоградщине в еврейской семье, в которой само имя-отчество звучит как музыка под скрипочку: Ефим Гильевич и Розалия Цалевна. Во время голодомора семья сильно голодала, но выжила.

Потом – война. Когда исполнилось 18 лет, Петр стал курсантом Саратовского военно-пехотного училища. А с 1944 года – командир взвода I Белорусского фронта. Есть такое ошибочное мнение, что к концу войны потерь у наших было поменьше, потому что «воевать научились». Увы, это не так. Потери также были огромные, часто – бессмысленные, солдатских жизней никто не считал. Но радостное ощущение шло оттого, что наступали и шли уже по чужой земле.

Молодому офицеру пришлось многое пережить. И он всегда заглядывался на работу фронтовых операторов. В какой-то мо-

мент сам себе поклялся, что если повезет выжить, то тоже станет оператором. Во ВГИКе он учился у великого мастера оператора Бориса Волчека (отца Галины Волчек). Но не меньшее влияние на него оказал другой учитель – сокурсник Выло Радев (оператор, режиссер, в будущем классик болгарского кино). Он приехал в Москву как убежденный коммунист, горячий сторонник СССР и Сталина. Но по мере проживания тут пересмотрел свои взгляды. И «распропагандировал» Тодоровского, до того твердокаменного, со школы еще, сталиниста: «Когда родители заводили нелояльные разговоры, я на них кидался. Чуть было Павлик Морозов из меня не получился».

По окончании ВГИКа, в середине 50-х, Петр уехал на Одесскую киностудию. Кроме фильмов Хуциева среди заметных его операторских работ была фронтовая лента – «Жажда» (1960) Евгения Ташкова (будущего режиссера знаменитых сериалов «Майор «Вихрь», «Адъютант его превосходительства», «Подросток») по сценарию Григория Поженяна с молодым Тихоновым в главной роли.

Тогда же он впервые поженился – на звезде советского кино, сыгравшей главную женскую роль в культовом фильме «Первая перчатка» (1946): «Это был такой роман с захлестом. Я только освободился после картины: лето, Одесса, Привоз, вино… Очень как-то все бурно у нас развивалось: приехали в Москву – сразу расписались. Где-то интуитивно понимал: я какой-то оператор провинциальный, зарплата 120 рублей. И тут такая звезда: квартира на Котельнической набережной, машина «Волга», дача где-то в Сухуми. У нее же до меня мужьями были Иван Переверзев и знаменитый авиаконструктор Герой Соцтруда Микулин. В общем, чувствовал себя не в своей тарелке». Они быстро развелись, и в 1961 году Петр вступил во второй брак, который уже на всю жизнь. Мира была выпускницей Института инженеров морского флота. Но под влиянием мужа и сама начала профессионально заниматься кинематографом.

Тодоровскому уже было мало чисто операторской работы. И он перешел к режиссуре. Но очень плавно. В первом фильме – «Никогда» (1962) – Петр был еще и оператором. Но он мог себе это позволить, поскольку в картине имелся сорежиссер – Владимир Дьяченко.

Первые фильмы Тодоровского-режиссера – «Никогда», «Верность» (1965), «Фокусник» (1967), «Городской романс» (1970), «Последняя жертва» (1976), «В день праздника» (1978). Это очень симпатичные качественные ленты. Тут есть замечательные выдающиеся актерские работы – Евстигнеев в «Никогда», Гердт в «Фокуснике», Пастухов и Зайцева в «В день праздника». Тонко поданная военная тема в «Верности» (приз за лучший дебют на Венецианском кинофестивале – правда, для этого пришлось пойти на маленькую хитрость: после утреннего показа критикам и перед вечерним конкурсным показом вырезать скверный эпизод, навязанный цензурой). В «Последней жертве» по Островскому с замечательной музыкой Шварца прекрасно передано обаяние классики. Но все же к этим лентам не было какого-то особого внимания. Говорили: «Да, Тодоровский – молодец. Был хороший оператор, теперь неплохой режиссер». Но не более того.

По-настоящему на его режиссерские работы обратили внимание после «Любимой женщины механика Гаврилова» (1981). Парадокс заключался в том, что к этому времени Петр Ефимович давно уже работал на «Мосфильме», но эта лента полностью снималась в Одессе. И при литературно правильной речи героев наполнена одесским колоритом, архитектурным, пейзажным, ментальным («Мама! Ну, где вы сидите?! Вы что, не видите, что вы мне мешаете!»). Сюжет этой ленты появился у Тодоровского, когда он увидел невесту, сидящую на ступеньках одесского ЗАГСа в тревожном ожидании запаздывающего жениха.

77 минут экранного времени не были напрасными. И героиня Людмилы Гурченко вместе со зрителями дождалась своего великолепного судового механика Льва Гаврилова («И кто твой

муж?» – «Гаврилов» – «Просто Гаврилов?» – «Нет, Лев!»). Этот успех показал, в чем сила режиссера Тодоровского – в разработке вечных архетипических сюжетов. В легкой сентиментальности, по-голливудски вкусной и возвышенной. Все это есть и в следующем фильме режиссера, принесшем ему еще большую славу, – «Военно-полевой роман» (1983).

И здесь тоже все началось с воспоминаний, с мгновенной картинки, увиденной на фронте: «Только два эпизода, которые стали основой для размышления. Один – когда шли к полевой кухне, чтобы получить перловую кашу и кусок хлеба, мы проходили мимо землянки комбата, где звучала музыка и смеялась женщина. Видел ее только один раз, и то со спины, – как она пронеслась на лошади вместе с комбатом. А потом, уже после войны, голодным студентом зимой я шел мимо ЦУМа и увидел женщину, которая торговала пирожками. Но я не был уверен, что это она… Не подошел к ней. Спешил в фотомагазин, прошел мимо. Потом думал: не пойду на занятия – найду ее, чтобы рассмотреть, расспросить. Прибежал к ЦУМу – ее уже не было».

Вот и все. Плюс, разумеется, талант и бюджет, чтобы создать такое кино. Только в фильме герой находит Ее (Андрейченко). И нынешней жене, интеллигентной жене (Чурикова) интеллигентного фронтовика (Бурляев), приходится вести нелегкую борьбу за мужа, за семью. И здесь все тоже заканчивается хорошо. Каждый остается при своих. Разве что легкая грусть, тоска по фронтовой юношеской мечте в финале… «Военно-полевой роман» был замечательно принят не только у нас, но и за рубежом (вошел в шорт-лист Оскара за лучший иностранный фильм).

После двух женских работ был замечательный мужской фильм – «По главной улице с оркестром» (1986), герой которого Василий Муравин (Олег Борисов) подводит неокончательные итоги, осмысливает свою жизнь. Главное его качество – любовь к музыке, сочинительство, без специального на то образования, разрешения, Тодоровский списал с себя. Ведь и песню «Рио-Рита» на стихи Шпаликова для «Военно-полевого романа» он сочинил сам. (И впредь сам будет писать музыку для большинства своих поздних фильмов.) Погрустив да помыкавшись, герой Борисова ре-

шает, что все же все нормально, «и стоило жить, и работать стоило». И идет «по главной улице с оркестром».

А потом Тодоровский решает экранизировать киноповесть Владимира Кунина «Интердевочка» (1989). Для многих такой выбор стал неожиданностью. И совершенно напрасно. Решение Тодоровского совершенно естественно. Во-первых, он как никто любит и понимает женщину как таковую, как образ мысли, как существо с другой по сравнению с мужчинами планеты. Достаточно вспомнить его главных героинь в «Последней жертве», «Любимой женщине механика Гаврилова», «Военно-полевом романе».

А во-вторых, нужно вспомнить, что он прошел с боями до Эльбы. А война – занятие целомудренное только в трактовке Сталина и сталинской трактовке эпопей Юрия Озерова. В реальности все было иначе: «Во время наступления солдату некогда, разве что изнасилует бабу и помчится дальше. А после победы наши стали повально жить с немками. Те охотно на это шли, особенно в деревнях, где почти не осталось мужчин, – только старики, женщины и дети. Разгул был невероятный…». Обратите внимание, в этих словах ни осуждения, ни одобрения, только констатация факта командиром взвода – что было, то было.

«Интердевочка» (1989) снималась совместно со шведами. И с их стороны главную роль играл артист, вышедший из Театра Бергмана. А с нашей – роль Тани Зайцевой на долгое время стала главной для замечательной актрисы Елены Яковлевой. Фильм был одним из хитов, символов перестройки. В нем полностью оправдался прогноз, данный советским киноначальником: «Тодоровскому что ни дай, он из всего сделает лирическую киноленту».

После того как все в жизни Тани Зайцевой сбылось, вышла замуж, уехала в Швецию, она нежданно встретила любовь. И ее прошлое ей еще аукнулось. Закончилось все трагично. Но эффект, вызванный фильмом, был противоположен ожидаемому. Красивые эвфемизмы «интердевочка», «путана» вытеснили грязную «проститутку». И профессия эта среди молодежи стала считаться не просто нормальной, естественной, но престижной (о чем свидетельствовали социологические опросы). Поколение, захлебнув-

шееся воздухом свободы, не поняло, не захотело понять морального посыла, заложенного режиссером в своей работе.

В 1990-2000-х годах Петр Ефимович продолжал активно работать. В замечательных фильмах «Анкор, еще анкор» (1992), «Какая чудная игра» (1995) он объединил сентиментальность, мелодраматизм, благостную атмосферу ретро с жестокими, страшными реалиями сталинских репрессий. И полученный результат впечатляет, эмоциональное воздействие от этих работ очень сильное. Потом режиссер снял два фильма ближе к нам по времени. Оба о том, что женщины все же лучше мужчин: «Ретро втроем» (1997), «Жизнь забавами полна» (2001).

Но военная тематика по-прежнему не отпускает его. И тогда были сделаны страшные, продирающие до костей «В созвездии Быка» (2003), «Риорита» (2008). Петр Ефимович снова в который раз напоминает, что нашему народу в ту войну противостоял не только внешний враг, «чужой дракон», но и «свой» – стукачи и особисты. Впрочем, сегодня эта тема не в почете. И многие просто не хотят слышать Тодоровского. И видеть…

Москва – Одесса

Илья Рейдерман, Евгений Голубовский

Кем я не стал,

или Разговор под аккомпанемент строк Бродского

– Илья, мы знакомы с тобой много лет, я публиковал твои стихи, статьи о музыке и музыкантах и, задумав это интервью как своеобразное поздравление с 75-летием, почувствовал, что сегодня ты интересен мне как мыслитель, как человек, взрывающийся ассоциациями. И я решил взять раннее стихотворение Иосифа Бродского, которое я запомнил (да и ты, наверное) из самиздата начала 60-х годов, и попросить тебя воспринять строки поэта как мои посылы к тебе, предложения к размышлению над своей жизнью, судьбой, творчеством, прошлым, настоящим и будущим…

Каждый пред Богом наг.
Жалок, наг и убог.

В каждой музыке Бах,
в каждом из нас Бог.

Ибо вечность – богам.
Бренность – удел быков…

Богово станет нам
сумерками богов.

И надо небом рискнуть,
и, может быть, невпопад
еще не раз нас распнут
и скажут потом: распад.

И мы завоем от ран.
Потом взалкаем даров…
У каждого свой храм.
И каждому свой гроб.

Юродствуй, воруй, молись!
Будь одинок, как перст!..
…Словно быкам – хлыст,
вечен богам крест.

– Спасибо за неожиданный дар, который поначалу не оценил. За возможность говорить, что хочешь и как хочешь, ибо «надо небом рискнуть, и, может быть, невпопад». Конечно, это юный, задиристый Бродский. Моего возраста он не достиг. А вот оказался бы в моем положении, – пришлось бы размышлять об итогах непомерного риска. Неужто – «невпопад»? Есть утешительная мысль – промахнувшись и не попав в малый круг избранных, ты все же куда-то попадаешь. Хотя и не очень знаешь, куда. «Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется» (Тютчев).

«…еще не раз нас распнут
и скажут потом: распад».

– Я начну с конца. Поколение шестидесятников можно сравнить с рыбами, выпрыгивающими из воды. Ибо поверхностный слой загрязнен, не хватает кислорода. Выпрыгнули – и пообщались на лету. Так сказать, вне времени, в некоем виртуальном желательно-гадательном будущем. А то, что вместо этого будущего будет наше какое-то несколько сомнительное настоящее, – мы даже и в страшном сне не могли себе представить. Но зато как свободно лились ночные разговоры за чаем или бутылкой вина! Но после моего отъезда из Кишинева разговоры прекратились. В Одессе такого собеседника, как Вадим Рожковский, – у меня не нашлось. И у меня не было иного выхода, как уйти «в глубину». Но если продолжить рыбью метафору (а она в моих стихах встречается часто), то при погружении во все большую глубину – сгущается тьма, оглушает тишина, да и давление толщи вод нарастает.

И чтобы тебя не раздавило, необходимо ответное «внутренне давление», предельное напряжение душевных сил. Выжить можно было, лишь нырнув в книги, в творчество любимых поэтов.

«Будь одинок, как перст!..»

– Одинок вовсе не потому, что следуешь этому императиву. А потому, что хотя бы номинально общаться можно лишь будучи ближе к социальной поверхности, пусть даже и в «подполье». Подполье, андеграунд – это и было место коллективной духовной жизни, совместного выживания как противостояния. Но глядя с некоторой исторической дистанции, видишь, что многие «люди из подполья» не выдержали нравственного испытания, и как только это стало возможно, потянулись к комфорту и к душевному самодовольству. Видимо, их «протест» носил лишь социальный и эстетический характер, и «напряжение духа», которое он порождал, оказалось явно недостаточным. Очутившись в глубине одиночества, ты должен понять: мотив твоего несогласия с окружающей жизнью – метафизический. Не позволяя давлению анонимных сил себя раздавить, я, как и многие из своего поколения, переживал не вполне осознаваемые мутации. И вот все чаще в моих стихах стало появляться слово «вечность».

Книгу «Вечные сны» я первоначально хотел назвать «Из глубины». Имея в виду начальные слова католической молитвы «De profundis» – так называлась исповедь Оскара Уайльда, написанная им тюрьме, которую я прочел в дореволюционном томике собрания его сочинений в бумажной (даже не картонной!) обложке! «Из глубины взываю» – из глубины отчаяния и беды. «Из-под каких развалин говорю, / Из-под какого я кричу обвала? / Я в негашеной извести горю / Под сводами зловонного подвала». Это строки из черновика Ахматовой, – Лидия Корнеевна Чуковская утверждает, что все строки стихотворения зачеркнуты, кроме двух первых и двух последних. «Зловонный подвал» более чем выразителен, особенно если вспомнить более ранний «Подвал памяти», куда спускаешься с фонарем по скользким ступенькам, страшась чего-то. И там та же рифма: подвал – обвал. Могу понять мотив, по которому зачеркнуты строки, – нельзя выдавать боль столь открыто, читатель привык к величественно-сдержанной

интонации Ахматовой, которой сродни муза Трагедии. А катарсис в трагедии возникает, когда видишь героя, обладающего не просто мужеством, но нравственным достоинством: он будет биться до конца, зная о своей обреченности.

И вот тут (прости меня, Евгений!) – строки юного Бродского в сравнении с этим так поверхностны! Так же, как и Вознесенского, Евтушенко – всех тогдашних «молодых». В них эдакое лихое шапкозакидательство. К подлинности трагедии можно прийти, как пришел поздний Бродский, и даже Роберт Рождественский в своих последних стихах. Горьких и даже страшных стихов пишется много. Но в принципе, неспособность к трагедии как болезнь современной культуры – это диагноз. И я его уже лет двадцать как поставил. Где нет подлинности трагического, – там ирония или смертная тоска.

«Подвал» у Ахматовой – образ глубины. Я пытаюсь очертить концепт глубины, противопоставив его концепту поверхностности, в выстраивании которого особенно усердствовал самый передовой боец за постмодернистское будущее Жиль Делез. Он утверждал, что нужно жить на поверхности, ни за что не цепляясь, ни в чем не укореняясь, ведя себя, как номады, кочевники, из любопытства и желания приключений совершающие набеги на те или иные области. Замечательный образ максимально истончившейся поверхности – пленка мыльного пузыря, заманчиво переливающегося всеми цветами радуги. Представим себе человека, существующего на такой поверхности – и живущего все более поверхностно! Доходя в своей беззаконной свободе до полного самоопустошения. А потом, может быть, выбрасывающегося из окна.

Этому я и противопоставляю «глубину». Она требует уединения и беспощадной работы собственной совести. Когда «и горько жалуюсь, и горько слезы лью» (Пушкин). Она сопряжена с неизбежным уединением сознания, готового говорить «последние слова». Не выговоренная правда – душит. «Нельзя не впасть к концу, как в ересь, в неслыханную простоту», – писал Пастернак. Простота здесь – синоним того глубокого, что мы иногда называем мудростью. Но глубокие истины поверхностному взгляду кажутся банальными. И в самом деле, ну что нового автор нам

сказал? Мы и сами все это знаем… А вот – не знаем! Ибо автор это выстрадал. Постиг, спускаясь, как в шахту, в глубину своей беды, своей судьбы, своей жизни.

Если говорить о себе, то мне муза трагедии хорошо знакома – она витала над многими стихами моей, может быть, лучшей книги «Земная тяжесть», странно составленной и плохо изданной. «А покуда – пыль глотаю, / побежден и втоптан в прах. / Книгу бедствия листаю, / где повсюду – горе, страх. / Не могу читать. Довольно! / Где же истина? Где соль? / В том и истина, что – больно. / Там и истина, где боль».

«И мы завоем от ран.
Потом взалкаем даров…»

– Самое время поговорить о биографии и судьбе. После эвакуации занесло меня с мамой в маленький донецкий городок Дружковка. Там и вырос. Возле реки Торец. С трудом вспоминаю обрывок ночного пейзажа: «Отраженного света колонны / погружаются в глубину». И работал потом на торецком заводе. Разнорабочим на складе, по существу, грузчиком. Нужно было делать себе «рабочую биографию». Иначе в литинистут не примут, а я хотел только туда. Все равно не приняли, и притом не один раз! И стихи пытался писать соответствующие: «Катали проволоку, складывали проволоку, / и кровь в висках стучала, будто колокол, / и лился пот, и были не с руки / увесистые круглые мотки». Когда я был уже в Перми, эти стихи предлагались в журнал «Урал». В Дружковке я начал собирать грампластинки, слушать музыку, читать и писать стихи. Но разговаривать было решительно не с кем – интеллигентных людей катастрофически не хватало. Был, правда, один, очень высокий, читавший наизусть Маяковского, но, увы, выпивоха и к тому же инструктор горкома партии. С ним и подружился, да еще со своим сверстником Эдуардом Мацко, – он жив и руководит местной литературной ассоциацией «Современник». Мы с ним учились в машиностроительном техникуме, и был он известен как вратарь местной футбольной команды. С ним связана одна из историй о том, «как я не стал…».

Как я не стал машиностроителем. Мама очень настаивала, чтобы я пошел в техникум, – а техникум был один. Теоретические

предметы мне давались легко. Но одним из главных предметов было черчение. А я не мог вычертить безукоризненно прямой линии. Лишь потом я узнал, что виноват дефект зрения – астигматизм. И вот пересдача летом, и друг Мацко сделал за меня чертежи. Хорошо начертил. Так что удивленный преподаватель спросил: сам? Не хватило духу нахально соврать. Признался: нет… Вылетел.

Как я не стал крупным финансистом. Оказался в Тбилиси – там жил мамин брат. Он решил меня устроить в финансово-кредитный техникум. Но русская группа была только на втором курсе, нужно было дополнительно сдать разные предметы, главным из которых был бухгалтерский учет. Сидел под деревом, учил итальянскую бухгалтерию. Освоил! На уроках писал стихи – одно из стихотворений, «Урок грузинского», вызвало скандал. Но не выгнали. Хорошие были люди! Все умилялись, как я, такой маленький, приехал в большой незнакомый город и живу самостоятельно (от дяди я быстрей ушел, увидев, что на меня глядят как на нахлебника). Окончил техникум с отличием и попал на Кавказ, в селение Старый Лескен под Нальчиком. Должность – фининспектор. Все бы хорошо, но однажды мой начальник оставил все дела на меня, я поневоле стал разбираться и увидел, что все ужасно запутано, заподозрил мошенничество, начал все считать, вспомнив уроки бухгалтерии. Когда начальник вернулся, он взялся за голову и поспешил от меня поскорее избавиться. Уволили «по сокращению штатов»! (Кстати, диплом финансиста мне впоследствии однажды пригодился, когда меня брали на работу в промышленный отдел газеты «Вечерний Кишинев», – в стране как раз шла экономическая реформа, которую нужно было освещать.)

Так я и оказался снова в Дружковке, где сначала пытался быть страховым агентом, а потом стал рабочим на складе. Затем решил поехать в Пермь поступать на филфак университета. Решив, что на Урале на мою фамилию будут смотреть не так косо. И вправду, когда я потом был на практике в школе в Чердыни (тогда я не знал, что там когда-то был в ссылке Мандельштам), я увидел чрезвычайно милых людей с несколько приплюснутыми лицами, которые дружно лепили пельмени и говорили: мы «чердачники», нам все равно, какой ты национальности, лишь бы человек был

хороший! Но на вступительных экзаменах меня провалили. Кажется, все сдал на отлично, а по сочинению – двойка. За «неграмотность»! Поскольку очень любил ставить тире вместо запятых.

А сочинение было на тему «Мой любимый поэт», и писал я о Багрицком. Потом выяснилось, что сочинения проверял человек, который приходил на лекции в валенках и особым авторитетом не пользовался. Я все равно решил остаться в Перми и устроился в Дом культуры железнодорожников заведующим читальным залом библиотеки. О, сколько там было старых книг! Да еще и место в общежитии дали!

Как я не стал доцентом-филологом. Университет оказался далеко не провинциальным – в нем бурлила жизнь. Из Москвы приехала Римма Васильевна Комина, из Киева – изгнанные как «космополиты» Сарра Яковлевна Фрадкина с мужем, известным специалистом по истории Англии Львом Ефимовичем Кертманом. Я увидел подлинных интеллигентов, благородных и умных людей, общение с которыми меня и сформировало. Нашел и компанию студентов, в которую входила и Лина Кертман, дочь Льва Ефимовича. Только что она прислала мне из Израиля свою книгу «Безмерность в мире мер. Моя Цветаева», где как раз вспоминает, как мы открывали Цветаеву. Мы разыскали в библиотеке книжечку Марины «Версты» (не уничтожили!), и сидя в читальном зале, переписали ее всю от руки. Переписывали по очереди, подложив копирку, чтобы каждый получил свой экземпляр. Такие листки где-то еще лежат в моем архиве.

Библиотека была потрясающая. Так случилось, что мне разрешили сдать экзамены сразу за два курса, а потом ректор не разрешил «скакать через курс», и я, получая повышенную стипендию, имел возможность не ходить на лекции и целый год просидеть в университетской библиотеке. Помню, я взял книгу Бенедикта Лифшица «Полутораглазый стрелец». Я был вторым ее читателем – первый брал ее ровно двадцать пять лет назад. Лифшица расстреляли, а книга чудом уцелела от «чисток». Я выступал на научных конференциях и публиковал работы о драматургии Б. Брехта, но когда защитил диплом и должен был остаться на кафедре зарубежной литературы, вдруг понял всю двусмысленность своего положения. Мой научный руководитель был

ортодокс-реакционер. А дружил я с совсем другими людьми. Настал момент выбора: с кем ты? И я… вернулся в свою Дружковку.

Как я не стал литературным критиком. Сидя на «маминых хлебах», я стал писать большую статью о молодежной прозе. Помнится, списался с кем-то – с «Литературной газетой», с каким-то журналом. Заказ был получен. Но это была для меня не работа, а, так сказать, свободный полет, и потому писал я до-ол-го! И тут пришел милиционер. В буквальном смысле слова – постучал в дверь, вошел в квартиру, уселся и спросил: где вы работаете? И когда я сказал, что пишу, он ответил, что согласно закону о тунеядстве (тому самому, по которому осудили Бродского, «делая ему биографию», как говорила Ахматова), он должен будет привлечь меня к ответственности. И дал мне месячный срок. Уходя, не оборачиваясь, добавил: было бы лучше, если бы в следующий раз я вас тут не видел. Я собрал вещи и уехал в Кишинев. Почему туда? Там у мамы была знакомая – еще по Черемхово, где она со мной была в эвакуации.

Как я не стал известным деятелем театра и кино. В Кишиневе я сунулся в местную «Вечерку», замредактора спросил: что вы умете делать? И когда я ответил, что пишу рецензии, он проницательно разглядел во мне робкого книжного мальчика и сказал: не надо! Поехал в районную газету, в Страшены (благо близко от Кишинева), писал обо всем, вплоть до вывоза навоза на поля. И через несколько месяцев снова пришел к тому же самому заму в «Вечерку». Взяли. В отдел промышленности. Править корявые статьи хозяйственников об экономической реформе было очень скучно. Но я писал и о театре. Театр я любил и понимал, в юности прочитал всего Станиславского, хотел быть актером. В конце концов, меня перевели в отдел культуры, которым заведовал Ефрем Баух, нынешний руководитель Союза русских писателей Израиля. (Кстати, уезжая, он отдал мне рукопись романа на хранение – вероятно, отдавал и другим, но сохранил его только я. И через двадцать пять лет в Одессе я отдал ему рукопись – она уже издана.)

Я воевал с главным режиссером русского тетра, который вульгаризировал тончайшие пьесы Теннесси Уильямса. Баух бегал со статьями в ЦК, что-то согласовывал. Видимо, будучи поэтом,

он чего-то недосогласовал, – в республиканской партийной газете появилась статья самого главрежа, в которой раз двадцать настойчиво повторялась моя еврейская фамилия. Редактор меня вызвал и велел о театре не писать. А сидеть в кабинете в ожидании посетителей было скучно. Скучал, пока не вышел срок – три года работы, дающие право на поступление в Союз журналистов. Членский билет был нужен: с ним меня уже никто не мог привлечь к ответственности за тунеядство. Получив его, ушел в театр, который организовали в Тирасполе. Тут я и заглянул за кулисы, и закулисье мне очень не понравилось. Мама моя уже жила в Одессе, на лето в отпуск я поехал к ней. И тут разразилась холера, мой отпуск роскошно затянулся, и в это время я познакомился со своей будущей женой.

Кем я еще не стал? Известным в России поэтом? Совершая чуть ли не дважды в год наезды из Перми в Дружковку, я всякий раз останавливался в Москве. Там меня в кругу литераторов очень радушно приняли. В доме Аркадия Акимовича Штейнберга я слушал, как читал стихи Тарковский. Аркадий Акимович достал из ящика стола бледную машинописную копию и дал мне прочесть, так сказать, «не отходя от кассы». Это была «Четвертая проза» Мандельштама, которая меня потрясла. (О, литературная злость! Кажется, и во мне она до сих пор кипит, – хоть и хотелось бы ее уже утихомирить.) Павел Антокольский буквально за руку привел меня в редакцию «Литературной России», – но публикация, увы, не состоялась. Не скрою, была возможность и жениться на москвичке. Тут бы и продолжал вертеться в литературном кругу – без чего, как известно, и публикаций не будет. Вот Боря Друкер, ставший Борисом Викторовым, с которым мы когда-то пили вино, отмечая в Кишиневе выход моей первой книги, удобно женился, и с кем только не был потом знаком, и даже успел и на Анти-Букер номинироваться, и умереть.

Анастасия Ивановна Цветаева, которой мой кишиневский знакомец передал стихи (подписав их моим журналистским псевдонимом), откликнулась бурно, как и положено Цветаевым. Благодаря ей (при содействии ее друга-редактора) подготовленный мной сборник оказался в издательстве «Советский писатель». Лежал долго, числясь в плане. Был обстрелян рецензиями. Види-

мо, колебались – дали на третью рецензию, ее написала Лариса Васильева. Рецензия – на удивление – была положительной. Начиналась она, как сейчас помню, словами: Илья Рудин, несомненно, поэт. Дальше шла критика. Но тут началась перестройка. Мне прислали письмо из издательства, предложили издать стихи в составе коллективного сборника. И опять наступил момент выбора. Я вдруг решил, что Илья Рудин – имя журналиста, не поэта. И написал: печатайте, но под фамилией Рейдерман! О результате этого шага предлагаю догадаться самостоятельно.

…Одесса не только после Перми, но даже после Кишинева показалась мне глубоко провинциальной. В местных газетах меня не печатали – исключением была «Комсомольская искра». Сколько там было статей за подписью Илья Рудин – в переводе на украинский!

Я старался не замечать своего литературного одиночества. Ярошевскому, которому показали меня издалека, не прощу, что он ко мне не подошел. Голубовский меня нашел, прочитав обо мне в письме Анастасии Ивановны Цветаевой. Остальные не торопились. Так и жил – читал лекции через общества «Знание» и книголюбов. Растил сына. Читал книги. Кропал стихи в стол. Сын стал наркоманом, дважды сидел в тюрьме, тоже писал стихи, умер. Потом умерла и жена. Нужно было найти душевные ресурсы для новой жизни. Упав – отжаться и встать. Встав на ноги, женился на студентке. Кроме любви простой расчет: то, что сейчас делаю, сохранит. Но и полученный стимул дал результат: почти все стихотворное, что лежало в запасниках, издал.

«В каждой музыке Бах,
в каждом из нас Бог».

– О, уж это мы хорошо знаем. «Но видит Бог, есть музыка над нами…» (Мандельштам). Что бы мы делали, не будь ее «над нами», не будь небес духа, культуры? Высота и глубина, о которой я говорил, вместе образуют вертикаль. А иначе жизнь превращается в нечто плоское, как блин. Не случайно именно слово *блин* стало употребляться как жаргонное для обозначения всякой неудачи.

Спасительная высота и глубина мировой культуры. Среди умеющих жить в ней для меня высшие образцы Осип Мандель-

штам и Райнер Мария Рильке. Много лет я писал о музыке, улавливая то же созвучие, что и Бродский: Бах – Бог. И привык смотреть на все с этой высоты. Но ведь нужно побеждать неизбежное сопротивление времени, пытаясь удержать «высокую ноту»…

«У каждого свой храм.
И каждому свой гроб».

– Про гроб не буду. Лучше – про храм. Когда я начинал, нужно было выбирать между Евтушенко и Бродским. Я выбрал нечто третье. Тютчева! Поэт-философ. Соединение этих двух начал дается трудно и кажется не совсем естественным. Будь только поэтом. Или только философом. Я, по правде говоря, не только в стихах философствую. Но вот зачем же в стихах? Возможно, иные мои стихи становились при этом несколько неуклюжими и тяжеловесными. Но надеюсь, что «голую рассуждательность» искупала музыкальность и лирическая стихия. Все же я – лирик, а это сегодня тоже редкость, ибо пишут как бы не от своего лица, стремясь быть всего лишь «объективными» повествователями и свидетелями современности.

Готов повторить вслед за Мандельштамом: «Нет, никогда ничей я не был современник!». Кому-то моя стилистика может показаться старомодно-высокопарной. Дескать, откуда у него право на пафос в мире, где господствует трезвый холодок и ирония? Но «старомодность» сознательна. Признаюсь, в ней есть тайный расчет на то, что новое выйдет из моды, и тогда неизбежно вернутся к старому, которое покажется таким трогательными и хорошо забытым. Но для этого нужно жить долго. В надежде дожить до других времен.

Редколлегия поздравляет Илью Исааковича Рейдермана с 75-летием.

Вера Савченко

Нераздельность и неслиянность: выставка графики Елены Ноны Завадскене

Елена Нона Завадскене – художник Литвы и одесситка – по рождению, годам детства и юности, учебы в Одесском театрально-художественном училище. Поэтому кажется столь естественным и закономерным представление ее экспозиции во Всемирном клубе одесситов. Давние дружеские связи с одесскими нонконформистами-шестидесятниками-семидесятниками, с вице-президентом клуба Е.М. Голубовским привели к представлению этой – 29-й по счету – персональной выставки художницы именно здесь, хотя и впервые в ее родном городе. Экспонируются графические листы художницы, отмечающие разные вехи ее творческого пути, весьма многогранного и одновременно очень цельного.

Нельзя не сказать хотя бы о нескольких биографических этапах, связанных с ее становлением как художника. После окончания училища в 1963 году Нона Кнышова (девичья фамилия) была приглашена на работу на Литовскую киностудию (г. Вильнюс), где много лет работала при создании фильмов художником по гриму, одновременно серьезно занимаясь рисунком и живописью. С 1966 года начинается активная выставочная деятельность

художницы в республиканских и всесоюзных выставках, и тогда же одну из ее работ закупает Литовский государственный художественный музей.

Е.Н. Завадскене продолжает творчески работать, получает признание, приходит успех – и тут проявляется то, что, видимо, называется нонконформизмом, причем вне каких-либо его конкретно-исторических рамок. Художница останавливает себя в привычном движении по уже более или менее накатанному профессиональному пути… И отправляется в вояж вглубь себя, открывая неизвестные ранее возможности, испытывая себя в освоении новых художественных задач.

«Больше всего как художник я боюсь самоповтора, пребывания в однажды открытом пространстве и репродуцировании его», – делится своими размышлениями мастер. И графика как таковая, с образцами которой сегодня знакомится одесский зритель, стала одной из таких возможностей. А разнообразие освоенных форматов (от крупных до небольших, почти миниатюрных), техник (монотипия, шелкография, литография, цинкография), жанрово-стилистических вариантов раскрывают действительно большой путь творческих поисков и находок (практически все работы, представленные в персональ-

ной экспозиции Е.Н. Завадскене во Всемирном клубе одесситов, – неоднократные участники многих европейских и мировых выставок графики).

В начале 60-х годов, уезжая из Одессы, художница оставляет здесь не только родительскую семью, но и круг близких друзей, единомышленников, с которыми были связаны многие замыслы, чаяния и надежды, получившие осуществление в дальнейшем. На протяжении всех последующих лет эта связь не прерывалась. В каждый приезд происходили встречи с художниками-модернистами Александром Ануфриевым, Виктором Маринюком и Людой Ястреб, Владимиром Стрельниковым, Валерием Басанцом, Александром Стовбуром, Евгением Рахманиным и Валентином Хрущом, Владимиром Цюпко и Светланой Юсим, общение с которыми было и остается чрезвычайно важным, живительным и творчески плодотворным для Елены Ноны Завадскене. И на выставке, видя работы разных лет в своеобразной, ее собственной манере, темах и сюжетах, то тут, то там «одесский глаз» с радостью замечает проявления глубокой внутренней связи, переклички, протянувшейся через годы и расстояния…

С другой стороны, в этой литовской одесситке, а точнее – в ее работах, помимо корней, о которых было упомянуто, конечно, очень ощутимо и влияние второй родины – Литвы. Западный дух работ художницы, может быть, в изыске и отточенности линии, богатом фактурном разнообразии, которое она создает с видимой легкостью, будто играя или плавая в безграничных и неожиданных просторах человеческой фантазии и мастерства. Возможно, и в определенной эмоциональной уравновешенности и некоторой отрешенности.

И тут очень интересным образом Запад встречается с Востоком. Художнице близки размышления и мирочувствие Востока, в частности, буддийские, дзенские идеи и представления. И сквозь призму ощущения всеединства, связи всего со всем, перетекания-перехода одного в другое, гармонии целого, устраняющей частичность Я, в творчестве Елены Ноны Завадскене осуществляется синтез Запада и Востока. Это гармония, приемлющая и уравновешивающая, «усматривающая» и устанавливающая порядок среди противоречивостей и несовершенств мира, это вселенское прощение Любовью, способной чудом умиротворять самые непримиримые конфронтации.

В художественно-смысловом поле работ Е.Н. Завадскене мы видим противоборствующее сосуществование разного, его взаимопронизанность и переплетенность… Например, это сложная, динамически напряженная борьба ангелов – белого и черного (из серии «Танец»); обратим при этом внимание на название. В другой работе, собственно изображающей танцевальную пару (из серии «Цирк»), мы видим вовлеченность хоть и в игровой, но поединок!

В произведениях Завадскене люди и ангелы взаимопереходны, небесные существа подобны земным, и наоборот; и в этом устойчивом мотиве – одно из проявлений «нераздельности и неслиянности» противоположностей в мире этого мастера.

В динамичных противостояниях героев картин, следуя интонации и логике авторской линии, мы видим их благую соединенность. И напротив, под внешней благополучностью казалось бы обыденных вещей и ситуаций таится и раскрывается неизбыв-

ная трагичность, конфронтация человеческого бытия. Поэтому так неслучаен тут мотив одиночества, внешнего и внутреннего, художнического и личностного…

В то же время все, что мы видим на выставке, не создает тягостного уныния, несмотря на серьезность и глубокую печаль каких-то тем, волнующих художника и зрителей. Это мир преображенный, переплавленный в тигле его подлинно эстетического восприятия. Причем творчество и личную философию Е.Н. Завадскене, возможно, было бы справедливо назвать гармонией… несовершенства.

«Узнаю тебя, жизнь, принимаю, и приветствую звоном щита…» (А. Блок). Это гармония противоречий, несовпадений, сложностей, непониманий, которые художник вопреки их исходной несоединимости собирает в целостность Красоты и Любви. Не идеальной, где, согласно античному мифу, ты можешь сосуществовать с другим как половинки одного некогда разломенного яблока (или единого существа андрогина). Нет, здесь ощущается восточный взгляд на мир, где всегда, извечно существует противоборство инь и ян, черного и белого, доброго и злого, света и тьмы… И в работах Елены Ноны Завадскене мы ощущаем благодарное приятие такого мироустройства, видение его гармонии, успокаивающего Порядка, даже если он не совсем ясен и постижим для нас в деталях или в целом.

Это очевидно в сериях небольших по формату триптихов («Ангелы», «Эгейское лето», «День святого Валентина»). К примеру, в последнем из названных произведений в центральной части взаимодействие двух фигур – танец, противостояние, некий отзвук борьбы-состязания, но и игра. В левой и правой части – голо-

вы Его и Ее с мечтательными, блаженствующими лицами. Но что характерно, они направлены не друг на друга, а смотрят в одном направлении, то есть существуют в этот момент не в единстве, а параллельно и уединенно. (Это лейтмотив очень многих работ этого художника – «Две фигуры», «В ожидании восхода», диптих «Идущий по ветру» и «Идущий против ветра», «Вдвоем», «Прогулки», «Женщина в полнолуние», серия портретов.)

Причем одним из самых выразительных доказательств приятия этой гармонии художницей является цветовое начало ее произведений. Оно очень разнообразно (по структуре, принципам создания, характеру и эмоциональной направленности) в различных работах мастера. И в нем всегда есть то, что отчасти по другому поводу было определено С.С. Аверинцевым как «теплота сплачивающей тайны».

Так в цвете Елены Ноны Завадскене ощущаешь тайну, магически обволакивающую тебя чем-то не до конца понятным, но бесспорно притягательным и убедительным – вне слов, вне знаков, действующим с очевидностью аксиомы или откровения. И так же абсолютно, хотя и, казалось бы, негромко, сдержанно, порой подспудно, тобой ощущается теплота этого мира. И его тайны, которая оказывается не пугающей, как все неведомое, а напротив, будто получившей благословение мудрого художника, интуитивно проникшего в глубины мироустройства и как драгоценный дар открывающего это для нас. Предлагая не страшиться противоречий и несовершенств мира, а с благодарностью видеть его таким, какой он есть, но в другом масштабе и измерении: гармонии целого – Любви и Всеединства.

Александр Чацкий

Ошибка коллекционера Патиниоти

Заметки библиофила

То было время дефицита.
Всего не хватало. Книг тоже.
А. Ревич «Так было»

Во времена отсутствия аукционов и Интернета в жизни коллекционера редко встречались большие удачи: такие, как случайная находка замечательного раритета или нахождение коллекции, которую по каким-либо причинам распродает сам коллекционер, а чаще – его наследники. Все зависело от Его Величества Случая.

Так и в моей долгой жизни только трижды случились подобные происшествия. Расскажу о первом, которое произошло 35 лет тому назад.

Полвека назад Одесса была другой, и горожане были другими. Книголюбы-старожилы помнят, что в 60-70-е годы в Одессе кроме специального букинистического магазина, помещавшегося в Круглом доме на Греческой площади, существовали еще букинистические отделы в нескольких книжных магазинах (на 1-й станции Люстдорфской дороги, в районе одесских Черемушек и т. д.).

Вторым по значимости был большой букинистический отдел в книжном магазине на ул. Преображенской (угол ул. Успенской). К сожалению, в настоящее время все они исчезли, а как эти «кладовые разума» украшали жизнь одесситов!

Характерную зарисовку того времени оставил Н.А. Брыгин, основатель Литературного музея, а в то время – оценщик книг в букинистическом магазине: «Воскресенье. От стеклянных две-

рей с табличкой «Закрыто» и далеко за угол вытянулась очередь. Только-только промелькнул первый троллейбус, еще не все дворники вышли на свои посты, а здесь то и дело слышатся хрипловатые со сна голоса: «Граждане, кто последний?», «Я отбегу на минутку, за мной двое, просили разбудить...». Очередь эта не за телевизорами, не за холодильниками и даже не за билетами на столичный ансамбль танца. Люди прервали сон, побросали все воскресные дела, чтобы не пропустить подписку на очередное собрание сочинений».

Его величество случай

И случай, бог изобретатель…
А.С. Пушкин

В конце февраля 1978 года, зайдя в букинистический отдел книжного магазина на ул. Преображенской, я нашел книгу Сергея Маковского «Страницы художественной критики», книга III, 1913 г.

У меня уже была первая книга этого трехтомника. Мелькнула мысль: «А может быть, у сдавшего книгу есть и вторая часть?».

Прошу продавца сообщить мне, прочитав квитанцию, адрес сдавшего книгу. Слышу в ответ: «Нельзя, тайна».

Вернувшись домой и внимательно рассматривая купленную книгу, я задумался над владельческими печатями, стоявшими на обложке, титульном листе и последней странице: в прямоугольнике, украшенном по периметру мелкими полукругами, было написано: «Из книг / Патиниоти / Марино Петровича / Одесса».

«А вдруг я найду эту фамилию в городском телефонном справочнике», – подумал я. Мне повезло: «Патиниоти» в справочнике был, и был только один. Жил он на ул. Короленко, в доме № 15.

С замиранием сердца набрал заветный номер. Мужской голос мне ответил. Когда я объяснил причину звонка, то услышал, что книги в букин он не сдавал, но может быть, это сделала его родственница, и тут же сообщил мне ее адрес. Она жила на Приморской улице. Телефона у нее не было. Оставалось пойти и спросить, что я и сделал.

На мой звонок дверь открыла пожилая женщина. Когда я объяснил причину прихода, то меня пригласили в квартиру. Второго тома Сергея Маковского у хозяйки не было. Зато во второй, почти пустой комнате, я увидел картины, которые сплошным ковром занимали всю стену. У меня глаза разбежались: на стенах висели этюды самых известных одесских художников начала XX века. И все это продавалось!

Ушел я счастливый, унося небольшие этюды художников Нилуса и Головкова (на большее не хватило денег), и несколько каталогов выставок художников в Одессе. Этюд Нилуса был им подписан, этюд Головкова был без подписи, но сотрудники Художественного музея подтвердили авторство Головкова.

Через несколько дней, собрав сумму, близкую к моей месячной зарплате, я снова звонил в заветную дверь. Меня гостеприимно приняли. На этот раз мое внимание привлекла картина, на которой была изображена стена комнаты с окном, за которым было запорошенное снегом дерево. Слева на переднем плане было изображено кресло в белом чехле, за ним – фикус. Справа – небольшая часть рояля с раскрытой клавиатурой. Правее окна на стене висел небольшой этюд.

Но самое главное было в надписи!

На обороте картона карандашом было написано: «Из коллекции / П. *след от вытертого слова* / П.Э. Патиниоти г. Одесса / 1941 г. худ. М.В. Добужинский».

Кто сейчас не знает этого знаменитого художника?!

Я спросил: «Сколько?». В ответ услышал: «Сто рублей». (Тогда это было чуть больше среднемесячной зарплаты среднего служащего. Ведь не так давно, в 1961 г., была проведена деноминация рубля, и рубль ценился дорого.) Сказав, что за Добужинского это мало, я отдал все, что у меня было, 150 рублей.

Уходя, обратил внимание на несколько десятков пастелей одесского художника Дворникова, которые занимали половину стены комнаты.

Одолжив деньги, через несколько дней я снова звонил вдове Патиниоти. Увы, за эти дни ее посетили два ленинградца (как она объяснила мне), которые купили все пастели Дворникова. Комната была пуста. Никаких картин больше не было…

Своей находкой «Добужинского» я поделился с С.З. Лущиком, известным коллекционером-исследователем, с которым постоянно встречался в секции книголюбов Одесского дома ученых. (Секция существовала с 1968 года, собираясь два раза в месяц. Заседания часто бывали крайне интересными, слушателей собиралось более 100 человек, и заседали тогда в самом большом зале бывшего особняка графа М.Д. Толстого – Зеленом.)

Мое сообщение настолько заинтересовало С. З., что после заседания мы отправились ко мне домой, чтобы исследовать картину.

Внимательно рассматривая оборотную сторону этюда, мы обратили внимание на небольшую потемневшую от времени наклейку, расположенную в самом центре. Этикетка размером 4,5×12 см содержала надпись: «Салонъ» / интернациональная – / художественная выставка / организованная / Владимиромъ Издебскимъ».

Слева от надписи была эмблема «Салона» по рисунку художника М. Соломонова.

А над наклейкой, приглядевшись, мы обнаружили слегка вдавленный след от надписи. С трудом мы все же ее прочитали: «Добржинский / Виктор Антонович».

Итак, по-видимому, автором этюда является художник Добржинский.

Через несколько дней С. З. позвонил мне и рассказал, что в каталоге «Салона» В. Издебского он нашел фамилию художника Добржинского, выставившего пять этюдов. Наверное, одним из них и был мой «Добужинский».

Чем руководствовался Петр Эммануилович Патиниоти, когда в 1941 году он вместо фамилии «Добржинский» написал «Добужинский»? Неужели коллекционерским тщеславием, или это просто его ошибка?

Добржинский

Прошли десятилетия, и в 2005 году С.З. Лущик издал свой труд «Одесские «Салоны Издебского» и их создатель» [2], поместив на 40-й странице репродукцию этюда В. Добржинского и этикетку «Салона» с оборотной стороны картины, указав в сноске, что она (этикетка) – единственный известный экземпляр.

Евгения Н. Петрова, заместитель директора Русского музея (СПб) пишет:

«Сохранившиеся каталоги («Салонов Издебского». – **А. Ч.**) не дают возможности с точностью идентифицировать произведения, хранящиеся в нынешних коллекциях, с экспонировавшимися на выставках, организованных Издебским». Поэтому многие иллюстрации в книге сопровождаются словами: «могла экспонироваться».

Этюд В. Добржинского точно был на выставке Издебского в Одессе и других городах (мы знаем об этом благодаря наклейке).

Биографии В.А. Добржинского в интернете нет. Собирая по крупицам сведения о нем, мы вступаем на тропу предположений. Два совпадения: отчества В. А. Д. и редкой фамилии дают возможность предполагать, что его отцом является Антон Францевич Добржинский (1844-1897).Он окончил юрфак Киевского университета. К концу 1868 г. Антон Францевич служит следователем в судах различных инстанций Одесского округа. В начале 80-х годов он занял должность товарища (говоря по-современному, заместителя) прокурора Одесского окружного суда. Предполагаю, что его сын Виктор родился (к тому времени) в Одессе.

Обладая незаурядными способностями, Антон Францевич вел несколько громких дел. В частности, дело террориста-народовольца Г.Д. Гольденберга – убийцы харьковского генерал-губернатора Д.Н. Кропоткина.

А. Ф. сумел обманным путем убедить Гольденберга дать показания, в которых тот описал биографии, личные качества и приметы всех известных ему 143 членов «Народной воли», что позволило развернуть охоту на них. Осознав свою вину перед организацией, Гольденберг покончил с собой.

А. Ф. получает назначение стать товарищем прокурора Санкт-Петербургской судебной палаты.

В феврале 1883 г. он допрашивает знаменитую террористку В. Фигнер. В мае 1896 г. А. Ф. в чине действительного статского советника назначен на должность директора Департамента полиции и занимает эту должность до своей смерти в августе 1897 г.

Где учился его сын Виктор, нам не известно. Возможно, в качестве вольнослушателя он посещает классы Академии художеств в Петербурге.

И все же кое-что об авторе этюда я нашел.

Виктор Антонович Добржинский – знакомый Н.К. Рериха, был близок с Н.А. Римским-Корсаковым, соприкасался с художниками и музыкантами…

В письме к жене с курорта Бад-Ноенар 4 июля 1911 г. Н.К. Рерих писал: «[Миронов] спрашивал мое мнение о Добржинском. Я, чтобы не упрекал он меня в любезности, – изругал его как следует. Он тоже находит, что из него ничего не вышло»…

Виктор Антонович был членом «Нового общества художников» (НОХ) в Петербурге, которое существовало с 1903 по 1917 год. В него, в частности, входили И.И. Бродский, Д.Д. Бурлюк; а также Бакинского художественного общества (с 1913 по 1917 гг.) и с 1913 г. Тифлисского общества художников (как филиала «Внепартийного общества художников», существовавшего в Петербурге с 1912 г.).

На первый «Салон» Издебского В.А. Добржинский дал 5 этюдов, которые были показаны в Одессе, Киеве, Петербурге и Риге.

На второй «Салон» для экспозиции поступило только четыре этюда Добржинского, показанные в Одессе, Николаеве и Херсоне.

Можно предположить, что пятый этюд был продан в Одессе после завершения первого «Салона». Он-то, по-видимому, в 1941 году попал в коллекцию П.Э. Патиниоти, а не проданные этюды были возвращены автору.

Когда поиски в Интернете информации о Викторе Антоновиче Добржинском (ВАД) указали на Петербург, я позвонил в Русский музей искусствоведу Владимиру Федоровичу Круглову (автору статьи «Салоны В.А. Издебского». Он сообщил, что картин ВАДа в музее нет, и обещал через несколько дней сказать, есть ли какая-либо информация в музее о нем.

Спустя несколько дней разговор продолжился, и единственным фактом, который сообщил В. Ф., было участие ВАДа с 1907 по 1913 г. в выставках «НОХ».

Знакомство ВАДа с Н.К. Рерихом и его кругом и слова Миронова («из него ничего не вышло») означают, по крайней мере, что на первых порах ВАД подавал надежды как художник.

В «Салон» Издебского «просто» кого-нибудь не приглашали: художник должен быть талантлив. Одесситы учились живописи

в Петербурге, Мюнхене, Париже. Возможно, кто-нибудь из них и порекомендовал Камышникову (в СПб) или Издебскому (в Мюнхене или Париже), или ВАДу дать свои работы на выставку Издебскому.

ВАД принимает участие в Бакинских весенних выставках 1913, 1914 годов и Тифлисских выставках с конца 1913 г. …а потом 1-я мировая, революции…

ВАД мог быть призван в армию (попасть в плен, остаться в Германии, погибнуть), умереть от голода и болезней в 1918-20 годах, наконец, просто эмигрировать из России. Его следов после 1-й мировой войны обнаружить не удалось.

И последнее замечание.

С.З. Лущик противоречит сам себе, когда, с одной стороны, говорит, что В.А. Издебский обладал талантом, вкусом, и, следовательно, на его выставку должны были попасть отборные, талантливые работы, а с другой стороны, пишет, что «в одесских музеях и частных собраниях не найдено ничего, за исключением одного незначительного этюда ВАДа». Насколько этюд ВАДа «незначителен», может судить каждый, кто раскроет книгу С.З. Лущика на 40-й странице, где приведена его репродукция.

Мне кажется, что этот этюд с настроением, много говорит о людях (несмотря на их отсутствие), обитающих в этой комнате. Кроме того, он мастерски исполнен в простой классической манере.

Марин Патиниоти

Жизнь Марина Петровича Патиниоти была бы мне неизвестна, если бы не его «Следственное дело», начатое в Одессе 26 декабря 1944 г. и законченное 3 марта 1945 г.

Предо мной возникал молодой человек (27 лет) среднего роста (165-170 см), с серыми глазами, высоким лбом. Из-за отсутствия фотоматериалов (в деле нет по этой причине фотографии) лишь приведен словесный портрет: лицо овальное, волосы темно-русые с проседью (это уже в 27 лет!), брови дугообразные, нос большой, тонкий, спинка носа прямая, рот малый, углы рта приподняты, губы толстые, подбородок выступающий раздвоенный с поперечной бороздой, уши большие, шея длинная, заметен зоб.

Были и особые приметы: вставные золотые зубы – передних верхних 5 и два нижних. На нижней губе мало заметен шрам, правая нога короче на 4 см, поперечный шрам на затылке – все это, по-видимому, следы наезда автомашины в сентябре 1935 г.

О своей семье М. П. сообщает следующее: отец Петр Эммануилович родился в Одессе в 1880 г., по национальности грек, не работает из-за инвалидности, пенсионер. Мать Ефросинья Алексеевна родилась в Одессе в 1888 году, русская, домохозяйка.

Родители живут на ул. Приморской в доме № 35, кв. 19. Брат, Виктор Петрович, родился в Одессе в 1919 г., проживает в Воронцовском пер., 6; работает мотористом на судне Совторгфлота.

В 1933 году 16-летний Марин становится студентом Одесского художественного института (в 1934 г. преобразован в училище), окончил 2 курса. В 1935 г. после автомобильного наезда из-за длительного лечения учебу пришлось бросить.

В 1937 году отец, мать, брат, мать отца, сестра отца и Марин были арестованы. «Все мы были арестованы в один день. За что нас арестовали, я не знал», – рассказывал Марин на первом допросе 26 декабря 1944 г.

Мать и бабушку освободили через две недели без суда. В 1938 г. бабушка (1864 г. р.) умерла. Марина и сестру отца решением «тройки» НКВД освободили через полтора месяца. Отец и брат Виктор были освобождены решением «тройки» НКВД после девяти месяцев нахождения под стражей.

С 1938 по 1940 г. Марин работал шлифовщиком и чертежником на одесском заводе им. Ленина. С 1940 г. работал шлифовщиком на заводе «КинАп» до эвакуации завода в 1941 году. Жил Марин (вместе с Т. П.) в годы оккупации Одессы по ул. Короленко (ныне ул. Софиевская), 15, кв. 17, вселившись в квартиру эвакуированных.

В годы оккупации Одессы Марин писал номера к велосипедам, вывески для магазинов, буфетов, ресторанов, парикмахерских.

Его трижды арестовывали (по подозрению: в краже, в том, что он еврей, – и просто немецким патрулем), но после отсидки нескольких дней, недель, его освобождали.

В сентябре 1944 г. он восстанавливается студентом 3 курса художественного училища.

Началу «оперативной разработки» послужил донос на М. П. В «Следственном деле» об этом сказано так: «В Водно-Транспортное районное отделение НКГБ г. Одессы поступили данные о том, что житель г. Одессы М. П., проживая в оккупированной врагом Одессе, установил тесную связь с карательными органами румынских оккупационных властей и последним помогал выявлять лиц, неблагонадежных для оккупационных властей». Начиная с сентября 1944 г. Одесское отделение Госбезопасности начинает опрос свидетелей о «преступной деятельности М. П.» Допросили 10 человек. Некоторые из них начинают разговор об М. П. следующей фразой: «Характеризуется антисоветским настроением к ВКП(б) и советской власти».

26 декабря 1944 г. Марин был арестован на квартире родителей. Его обвинили в связи с карательными оккупационными органами, в том, что он был их информатором. Обвинение просило для Марина 10 лет ИТЛ. 3 марта 1945 года помощник военного прокурора ОдВО капитан юстиции Шпак заключил: «Практическая преступная деятельность М. П. не установлена», – что не помешало ему согласиться с мерой наказания: «10 лет ИТЛ и конфискация личного имущества». 17 сентября 1945 г. М. П. осужден «Особым совещанием» к 4 годам ИТЛ.

Сразу после приговора Татьяна Прокофьевна (жена М. П.) подала апелляцию. Летом 1946 г. в пересмотре дела ей было отказано (пом. воен. прокурора ОдВО майор юстиции Молодык).

В те времена существовала грустная поговорка: «На «нет» суда нет, но есть «особое совещание».

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 января 1989 г., М. П. был реабилитирован.

Я читал допросы «свидетелей» и думал: чем вызваны их слова? Страхом? Злобой? Желанием отомстить? За что – отомстить? Или что-то получить? Страшное было время!

Перечитывая «Следственное дело», я обратил внимание на очную ставку между М. П. и Анной Максимовной Безрученко от 23 февраля 1945 г.

На вопрос следователя об их отношениях М. П. сказал, что отношения были ненормальные, так как:

«– в 1937 г. по ее (и ее мужа) доносу была арестована наша семья (отец, брат и я). Отец был осужден к 3 годам высылки в Архангельскую область, брат Виктор – к 2 годам, а я был освобожден по болезни,

– в 1943 г. А.М. Безрученко написала заявление в полицию о том, что мой отец и я – евреи. Отца допрашивали 4 часа, меня отпустили через двое суток».

Как сложилась жизнь Марина Петровича после его выхода из ГУЛага в 1949 году?

Я взял телефонный справочник «Одесса-1997» и снова нашел телефон Патиниоти (на этот раз он был на Приморской улице). За последние 15 лет вместо шестизначных номеров ввели семизначные. «Справка» дала мне новый номер. Звоню. В ответ слышу молодой женский голос. Рассказываю. Оказывается, телефонную трубку взяла соседка вдовы Марина Петровича (квартира была коммунальной, и Патиниоти принадлежали две из трех комнат).

«Татьяна Патиниоти, вдова М. П., умерла 15 мая 2002 года».

Я опоздал на 10 лет…

Шло время, но мысли о судьбе М. П. меня не покидали. И вот я снова звоню соседям Патиниоти. На этот раз слышу голос пожилого мужчины, который знал жену М. П., начиная с 1975 года. Он сообщил несколько фактов, которые высветили жизнь М. П.

Татьяна Прокофьевна была лет на 10 старше М. П. Ее очень рано родители выдали замуж за офицера, который погиб на войне. От этого брака у Т. П. было два сына (один погиб на войне, другой – подполковник, жил в Москве) и дочь (жила в г. Братске).

По-видимому, жить вместе с М. П. Татьяна Прокофьевна стала в военные годы. Общих детей у них не было. Зарегистрировали они свой брак уже после ареста М. П.

После возвращения из лагеря М. П. работал художником-оформителем, ездил (часто вместе с Т. П.) по Одесской области, оформляя колхозные клубы. Впоследствии работал на одесской ювелирной фабрике.

После смерти отца в декабре 1965 года Марин поначалу декларировал, что продолжает собирать картины, участвовал в выставке живописи из частных собраний в редакции одесской газеты

«Комсомольская искра». Но вскоре стал понемногу продавать отдельные работы из коллекции отца. Умер М. П. в декабре 1977 года.

Коллекция Петра Патиниоти и ее судьба

С.З. Лущик познакомился с П.Э. Патиниоти на выставке «Из частных собраний» в Художественном музее (на ул. Софиевской) в октябре 1958 года. Начал бывать у него, но никаких обменов не совершал. Он свидетельствует:

«Обе комнаты [Патиниоти] были увешаны [картинами] до потолка. Наверху – картины побольше, внизу – небольшие. Каждая самая мелкая работа была любовно оформлена – разноцветные паспарту, аккуратные рамочки, стекла. Много работ еще было в сундуке (на стенах не помещались). Было много книг.

Коллекционировать живопись Петр Эммануилович начал с 1908 года

Старожилы рассказывали, что Петр Эммануилович в 1920-х годах поддерживал отношения с рядом художников, оказывал [им] мелкие услуги – делал рамы, резал стекло. И [взамен] подбирал… этюды и рисунки. Отсюда у него так много работ Волокидина, Дворникова, Бальца и др. Сохранилась его «Регистрационная книга» – каталог картин, этюдов, эскизов, рисунков, которую он вел с 20-х годов. В книге 100 листов; заполнена лишь часть. «Художники – по алфавиту, внутри каждой буквы – хаотичные записи [каталог малограмотный!]. У некоторых картин пометки Патиниоти. Например, «продана Николаевскому музею в 1963 г.», «Подарил Виктору (сыну)», «В сунд[уке]».

«После смерти П. Э. появилось немного пометок его сына Марина типа «Виктор взял» или «продал я». После смерти Марина книга перешла в собрание коллекционера С.И. Орлова. Есть его пометки: «у Орлова С.И.». Вдова Орлова в конце 80-х годов отдала книгу А.М. Тюрюмину, искусствоведу Одесского художественного музея». В 1997 г. книга перешла к С.З. Лущику.

«В книге записано 470 работ. Крупных по размеру работ очень мало. Есть «знаменитые» авторы, многие картины без подписи, авторство многих сомнительно:

Айвазовский – 2, Архипов, Богданов-Бельский – 2, Бурлюк В., Бурлюк Д., Бродский, Верещагин, Вахрушов – 2, Гауш – 3, Ганский – 2, Дубовской, Кузнецов, Куинджи – 2, Лагорио – 3, гр. Муравьев, Маневич, Рубо, Пурвит – 2, Рылов, Судковский – 4, Светославский, Туржанский, Шовкуненко.

Доминируют: Бальц – 37, Волокидин – 33, Власов – 21, Головков – 9, Дворников – 47, Заузе – 5, Крайнев – 6, Нилус – 14, Пустовойтов – 6, Соколов – 8, Скроцкий – 30, Шварц – 6, Шклявер – 28, Эгиз – 6 (три крупных). Остальные – совсем малоизвестные, а 70 – неизвестные.

Основная масса работ – мелкие этюды или рисунки. Лучшее в коллекции, хоть и мелкие, хоть и «кухня», но все же подлинные этюды Волокидина, Головкова, Дворникова, Нилуса», – записал С.З. Лущик в 1996 году.

И продолжил: «обращает внимание наличие в списке большой группы работ новых молодых художников – В. Власова, О. Соколова, С. Пустовойтова, студента II курса Художественного училища Г.С. Соколовского. Даже в 80 лет [огонь] коллекционирования не угас [в нем]!» (Лущик)

С конца 60-х годов С.З. Лущик «приобрел у Марина десяток-полтора работ из коллекции отца: Шовкуненко – 1, Степан Колесников – 1, Дворников – несколько, Нилус – несколько, Волокидин – несколько».

Около 40 работ из коллекции Патиниоти были проданы сыном, а затем его вдовой коллекционеру С.И. Орлову. После смерти С.И. Орлова они снова были распроданы, в основном, через комиссионный магазин на ул. Дерибасовской.

Летом 1989 г. С.З. Лущик получил от вдовы собирателя С.И. Орлова две работы из коллекции П.Э. Патиниоти: «автопортрет» Шклявера и «портрет Давыдова» (?) Дворникова.

«В рукописный каталог коллекции картин Патиниоти вложено несколько списков книг. Общее число названий – 650-700 книг. В основном, книги издания 1950-х годов: беллетристика, поэзия, история. Старых книг (до 1941 г.) – около 160 названий. Новые – наверно, покупки Марина», – записал С.З. Лущик в 1996 г. и продолжил: «В конце 1970-х годов ко мне попали через третьи руки две книги из собрания Патиниоти:

– А. Федоров «Стихи», СПб, 1908 г. (с дарств. надп. автора К. Костанди)

– «Хроника ж-ла «Мир искусства», 1903 (брак. экз., без № 7).

Ранее, в августе 1966 г., купил у Марина несколько каталогов одесских выставок, в т. ч. «Временный каталог 2-го Салона В. Издебского».

Вдова Марина очень быстро в течение 1978-79 гг. распродала почти все», – писал Лущик в 1980 г.

И в заключение С.З. Лущик рассказывает: «Лет 10 тому назад в Отраде, в альтфатере… нашли груду рисунков старых одесских художников. В городе – сенсация, разговоры…»

2 марта 2008 г. жена «находчика» показала мне эти рисунки… Подозреваю, что они из коллекции Патиниоти, [т. к. среди них] два портрета Марина. [Кроме того], вдову Марина я видел в 1990-х годах несколько раз в Отраде… Говорила, [что] навещает здесь свою то ли сестру, то ли племянницу…»

В Одесском художественном музее хранится полотно художника В. Власова «Портрет П. Патиниоти», 1963 года. Портрет простого человека, сапожника по специальности (сообщено Е.М. Голубовским), чья жизнь была пронизана сильным искренним чувством любви к живописи. Этим он и запомнится одесситам.

В заключение хочется привести слова писателя и библиофила Владимира Лидина, которые верно характеризуют чувства и переживания коллекционера: «Биография любого собирателя была бы неполной, если бы в ней не было событий – иногда смешных и нелепых, иногда грустных, иногда разочаровывавших, а иногда радующих находками, открытиями, а главным образом – ощущением, что спас что-то, чему суждено было погибнуть или затеряться в безвестности».

Сердечно благодарю Лидию Всеволодовну Ковальчук и Лилию Григорьевну Белоусову за помощь в работе, а также Сергея Зеноновича Лущика, который разрешил ознакомиться с его картотекой, посвященной Патиниоти. Благодарю Эдуарда Ивановича Ратушняка, без помощи которого «карточки» С. З. были бы мне неизвестны, и Евгения Голубовского, заставившего меня высянить, кто такой таинственный Добржинский, чей этюд я приобрел, думая, что это Добужинский.

Литература

1. Н.А. Брыгин. Как хлеб и воздух. – Одесск. кн. изд-во, 1962 г.

2. С.З. Лущик. Одесские «Салоны Издебского» и их создатель. – Од.: «Студия «Негоциант», 352 с.

3. Владимир Издебский и его «Салоны». – Гос. Русский музей, СПб, 2003 г., 84 с.

4. Одесский мартиролог. Т. 1. – Од.: ОКФА, 1997, с. 752.

5. Марин Петрович Патиниоти. – ГАОО, ф. Р-8065, оп. 2, дело № 11778.

6. В. Лидин. Друзья мои – книги. – М.: «Книга», 1966, 352 с.

Вадим Перельмутер

Невольный переулок жизни Сигизмунда Кржижановского

Готовя в 2005 году к изданию пятый, представлявшийся мне тогда последним том собрания сочинений Сигизмунда Кржижановского, я упоминал о фантомной новелле, которая вроде бы написана была, однако разыскать ее не удалось. Да в самом заглавии новеллы отчетливо слышалась некая фантомность: переулок с таким именем, по которому некогда в пяти минутах от своего арбатского жилья бродил Кржижановский, размышляя – по ассоциации – о невольности человеческой жизни, был снесен три четверти века назад во время реконструкции Смоленской набережной и… по сей день отмечен/прочерчен на всех планах этого московского района.

Следы замысла «Невольного переулка» на протяжении нескольких лет мелькали на страницах «Записных тетрадей». Пока наконец в письме к Анне Бовшек (от 30 августа 1933 г.) не было упомянуто, что новелла написана, хотя, по мнению автора, еще не вполне завершена. Загадкой представлялась то, что более никогда о «Невольном переулке» речи не было: ни в письмах, ни в нескольких позднейших «автобиблиографиях» Кржижановского, ни в воспоминаниях Анны Бовшек, как известно, после смерти мужа чрезвычайно тщательно собравшей и систематизировавшей его творческое наследие. После находки в конце 2005 г. «Киевского архива», преобразовавшей уже готовое к завершению пятитомное собрание сочинений в шеститомное, я счел, что искать неизвестные его сочинения больше негде, правда, оговорил, что не категоричен, просто мне в голову не приходит адрес дальнейших поисков. Потому что, когда речь о Кржижановском, с подобными утверждениями надо быть очень и очень осмотрительным. Не раз мне в том доводилось убеждаться. Теперь коллекция снова пополнилась.

Летом 2012 г. В.В. Петров обнаружил текст новеллы – и не где-нибудь в ухоронке неожиданной, а… в фонде Кржижановского в РГАЛИ. Просматривая перечень документов во второй описи фонда, увидел в самом конце описи приписку. Текст был передан в РГАЛИ из Центрального архива ФСБ по акту, датированному 19 сентября 1995 года. Могу поручиться, что когда я в последний раз просматривал опись – уже во время работы над собранием сочинений, – этой приписки там не было. Как сие могло случиться, объяснить не берусь, но это так.

Сигизмунд Кржижановский

Текст новеллы – не сама машинопись, а сделанная на стеклографе копия (то бишь текст копировался, а возможно, и размножался в нескольких экземплярах тогдашним НКВД-ОГПУ) из объемистой машинописной сшитой тетради, где новелла занимает страницы 105-119 (детальное описание текста В.В. Петровым см. в его публикации в сетевом журнале «Toronto Slavoc Quarterly»: http://www.utoronto.ca/tsq/41/index.shtml).

Насколько удалось установить, тетрадь имеет отношение к «делу» Н.А. Клюева, арестованного 2 февраля 1934 г. по обвинению в «составлении и распространении контрреволюционных литературных произведений». Как туда попала новелла – неизвестно. Как неизвестна и судьба остальных экземпляров машинописи, диктовка которой, судя по дате, была завершена на следующий день после письма автора к жене. Можно лишь предположить, что они были уничтожены самим Кржижановским, до которого каким-то образом дошло известие об аресте новеллы, – догадка, проверить которую, боюсь, весьма и весьма непросто…

Ну, а то, что присутствие «Невольного переулка» в криминальной тетрадке обошлось без трагических для Кржижановского последствий, возможно, объяснимо его литературной безвестностью. Да и фамилия могла смутить следователей – не родственник ли знатного и высокопоставленного партийца, по поводу которого никаких указаний в органы не поступало, лучше не трогать… Впрочем, скорее – просто счастливый случай, ведь вообще безо всякой видимой причины попадали под каток репрессий сотни тысяч и вовсе ничем не примечательных людей…

Не могу отделаться от впечатления, что внезапное явление «Невольного переулка» странным образом рифмуется с находкой «Киевского архива». Случись оно всего несколькими неделями позже, и в собрании сочинений новеллы быть бы уже не могло (а теперь ею открывается последний, шестой том). Ровно так же, как без малого семью годами ранее вне издания могли бы очутиться несколько сотен страниц, написанных Кржижановским.

И столь раздражавшая меня двухлетняя пауза между пятым и шестым томами не вызвана ли волею «Невольного переулка»?..

Новелла не только хороша сама по себе, – на мой взгляд, она относится к числу наиболее зрелых и сильных сочинений Кржижановского. Она и во всем творчестве писателя сразу и органично занимает одну из ключевых позиций. Поворотом этого ключа замыкается восьмилетний «московский» цикл сочинений, то бишь тех, в которых топографии, топонимике, истории Москвы отведена особо значимая, содержательная роль. Вот перечень-пунктир этого цикла: «Штемпель: Москва» (1925), «Автобиография трупа» (1925), «Квадратурин» (1926), «Книжная закладка» (1927), «В зрачке» (1927), «Швы» (1927-28), «Чужая тема» (1928-30), «Красный снег» (1930), «Невольный переулок» (1933).

Восемь лет, жанрово закольцованных, – двумя пачками писем…

Сигизмунд Кржижановский

Невольный переулок

Пачка писем – от одного лица разным адресатам

1.

Тверская 4 и, кажется, 3[1].
4-й этаж, слева.
– Шести продолжительным звонкам.

Я познакомился с вами, проделывая зигзаг вашей узкой и достаточно темной лестницы. На квартирной доске – по белому, врамленному в красное, – внизу стояла ваша фамилия. Но я забыл ее, простите. Помню только, что вы шестизвонковый. Это – уже характеристика[2]. Первый, по возможности короткий звонок, забирает себе наиболее почтенный жилец квартиры. Обычно это отвработник[3], человек с портфелем. Ему некогда вслушиваться и пересчитывать звонки. После первого металлического толчка о слух он перестает считать и возвращается к своим цифрам и докладам. Человек о двух звонках уже не существо с портфелем, а существо при портфеле[4]. Оно достаточно почтенно, состоит на сверхпайке[5], но работает и в сне, и в яви[6], все двадцать четыре в сутки. Ну, а шестизвонковый жилец – он и не в счет. Это терпеливый человечек, которого терпят за терпение. И только. И я знаю, что вы, терпеливо отсчитывающий ваши шесть, настолько покорны, что долистнете эти страницы непрошенного письма до последней. Это единственное, что мне, в сущности, надо. Быть выслушанным.

Странная болезнь, скажем – письмомания, овладела мной вот каким образом. Это началось года два тому, когда водка создавала внезапные и длинные очереди, а сдачу с рублей давали почтовыми марками[7]. Я пью[8]. Что меня заставляет пить, спросите вы. Трезвое отношение к действительности[9]. Я стар – у меня рыже-серые волосы и рыжие зубы, а жизнь юна – следовательно, меня надо смыть, как пятно, вытравить водкой начисто. Вот как.

Утро свое я начинал тогда так. Встав спозаранками, я выходил к перекрестку и ждал. Как охотник на току. Вскоре, а иной раз и невскоре, с той или иной улицы перекрестка показывалась телега, груженная деревянными ящиками. В ящиках – запрятанный под стекло и пробки алкоголь. Я выходил из неподвижности и шел за телегой – куда бы она ни поворачивала – вплоть до остановки и разгрузки. Чувство такое, будто почтительно шествуешь за катафалком, на рессорах которого твой же собственный прах.

Но не в этом дело. Дело в марках, которыми платили тогда, по недостаче мелочи, сдачу. Что делать человеку, живущему на отшибе от людей, отодиноченному от всех, с марками? Эти клейкие рубчатые прямоугольнички для общающихся, сросшихся сердцами, вклеивающихся друг в друга. Марок у меня накопилось препорядочное количество. Они лежали в стороне, на отодвиге, у края стола. И просили работы, осмысления. Я как-то – на полпьянии это было – оторвал рубчики от рубчиков и решил (мы, пьянчуги, знаете, не злы) доставить удовольствие марке.

Но кому писать? Хоть шарóм. И ни конверта, ни почтового листа[10]. Но все-таки я набросал мое первое письмо, сложил бумагу лодочкой, приклеил марку и сверху: «Первому, кто подымет». Затем оставалось открыть форточку и бросить в нее, как в почтовый ящик.

Ну вот, так и повелось. Мы, я и мой соавтор, водка, постепенно пристрастились к эпистолярному делу. Нечто вроде духовной закуски. Не обижайтесь. Впрочем, вы, шестизвонковые, и не должны слишком быстро обижаться. Кстати, на каком звонке у вас возникает волнение? На четвертом, или может быть, на пятом? Ведь если вы он, то ждете óну, а если она, то ждете óна[11]. А я вот стар и никого уже не жду. И ходит ко мне только проклятое онó: вонзится в душу безглазием в глаза, холодом в кровь – и иногда так станет тошно, так захолодеет сердце, что вот бы… впрочем, к чему это я. Бутылка до конца. Пойду за другой. По дороге брошу в ящик письмо. А там и меня в ящик. Ну, пока. Точнее – навсегда.

2.

Арбат, 51[12].
3-й этаж, первое окно слева, у правого подъезда.
Кому бы то ни было.

Нарочно наклеил в шесть раз больше марок, чем нужно, – их у меня хоть на вей-ветер швыряй[13]. Авось, почтальон смилостивится и не испугается странного адреса.

Я про вас знаю, гражданин кто-бы-то-ни-было, только одно: что над подворотней вашего дома цифра 51, и что в самую глубокую ночь, когда тьма перевалит через зенит и сотня окон вашего нелепого, о́блого[14] дома потухнет, только ваше окно горит[15], пряча свет за белой занавеской.

Я это знаю, потому что люблю гулять по ночам. Очевидно, вы не в дружбе со сном. И когда все уже отдумали свои дневные мысли и расцепили контакты мозговых полушарий[16], вы продолжаете идти вслед за мыслью. И я тоже. Нас только двое. Знаете, среди многого множества побратимств есть и такое: братья по свече. Это из старины. Когда людям не хватает полушек[17], чтобы купить обетную свечу[18], они покупают ее, сладившись[19], и держат ее вместе, пальцы к пальцам. Так вот, мы с вами братья по свече. Друзья по негаснущему думанию. Хотя и не знаем друг друга, ни разу не видели один другого и вряд ли увидим.

Итак: люблю гулять по ночам. Днем, когда пространство заполнено лучами солнца и по всем излучиям города кружение колес и дёрги шагов, время слабо ощутимо. Оно – лишь тень пространства. Но вместе с ночью, когда вещи, живые и мертвые, бездвижутся, тень выступает на место вещи, тем самым оттесняя ее в сны, в тенеподобную жизнь[20]. Над пустыми улицами горят циферблаты часов. И время, шевеля остриями черных стрел, как вот я сейчас острием пера, вписывает свои мысли в тьму.

Наше время – это время времени. Мы отказались от захвата пространств, от аннексии территорий. Но мы захватили себе время, аннексировали эпоху. И эта новая социалистическая собственность должна быть тщательно и додонно изучаема. Я это делаю, как умею.

Глубокоуважаемое негаснущее окно, я часто беседую с вами, стоя на противолежащем тротуаре. Никто нам не мешает, кроме редких голосов пьяниц и набегающего грохота ночных грузовиков. Время мне представляется то вихрем секунд, то водопадом, падающим вниз: в грядущее[21]. Если у ветра секунд хватило баллов, чтобы сорвать с меня шляпу (а иным это стоило сорванной головы), то значит ли это, что я раскланялся с революцией? Вот в этот вопрос – как капля в камень – и вдалбливаются все мои мысли.

Сейчас надо жить, распрямясь во всю душу. Уровень жизни так поднялся, что подбирается к горлу. Легко стать утопленником смысла. Но что делать тем, чья душа старчески ссутулена? Или горбатому? Обращаться – как консультирует пословица – за помощью к могиле?[22] Очевидно, так.

Вы не отвечаете, окно. Вы молчите светом. Хотя как-то на днях мне показалось, что я получил от вас, именно от вас, строку в три слова. Строка золотилась круглыми буквами по черной дощечке: «Уходя, погаси свет»[23].

3.

Почтальону.

Товарищ почтальон, это письмо не надбавит шагов к вашей ходильной работе и не сделает вашу сумку тяжелее ни на единый грамм. Боюсь только, что привычка носить письма заставит вас отнести и эти строки к себе на квартиру. Но я советовал бы вскрыть его немедля, прочесть и выбросить: в ближайшую урну.

Я очень уважаю труд почтальона. По-моему, между словами «почта» и «почтенная» есть даже какое-то родство. И все-таки, я утверждаю – только не торопитесь обижаться, – что ни одно письмо ни до кого никогда и ни разу не дошло. Полностью. До последнего своего смысла.

Разумеется, я не хочу этим хоть в самой малой степени порочить работу почтальона. Почтальон добросовестно стучится в дверь. Но стучать в сердце и достучаться до него – это не входит в круг обязанностей письмоносца.

Почтальон вручает конверт. Но уверяю вас, что письму со штемпелем «Владивосток», врученному в Москве, предстоит гораздо более длинный путь, чем тот, который оно уже проделало.

Мы ликвидировали, или почти ликвидировали, неграмотность. Это очень хорошо. Кто спорит? Но что мы сделали для ликвидации духовной неграмотности? Ведь все мы понимаем друг друга по слогам, еле-еле, не умеем читать чужое чувство, суть, спрятанную в букве.

И все-таки я угадываю в вас, мой случайный адресат, некое ощущение обиды, а то и скуки, которая вот-вот – через секунды – швырнет мое письмо прочь. Потерпите еще пару строк. Дело в том, что по мере того, как в чернильнице – капля за каплей – убывают чернила, в пишущем – рюмка за рюмкой – прибывает водки. Вы сами, вероятно, иной раз не прочь. Ваше здоровье. Недавно после двух флаконов я взял да и написал открытку Господу Богу. Так и заадресовал: «Богу. В собственные руки». Ей-богу. И идя за третьей скляницей[24], опустил открытку в ящик. Проспавшись, я и забыл о ней, но она обо мне нет. Через два дня получаю письмо обратно со штемпелем: «За ненахождением адресата»[25]. Скажите после этого, что наша почта не четко работает. Ваше здоровье.

Но о чем бишь мы? Ах, да, о конвертах. Мысли боятся солнца, отдергиваются от нахлеста лучей. Впрочем, и я, кажется, нахлестался. Перед глазами рябь какая-то и прыг пятен. Да, сперва мысль под теменем, в костяном конверте, потом в бумажном конверте. И легче проломить костяной, чем вскрыть – пойми ты, вскрыть – бумажную кожуру до… Фу ты черт, мысли шатаются, как пьяные. И чернильница почему-то на полу. Чернильница. Не догнусь. А перо всхт-[26].

4.

Невольный переулок, д. 16[27], кв. 1.

Госпиртыы[28] стали открываться почему-то только в 11. Вышел в 10 и принужден был бродить, пока не снимут железной решетки. Сперва пошел по Варгунихиной горе и постоял рядом с обезглавленной единоверческой церквушей[29]. Внизу, где раньше был голый берег, теперь веселый зеленый сквер. Если всмотреть-

ся, за Москвой-рекой и за Бережками виден черный циферблат Брянского[30]. Золотая стрела тянула по его кругу минуты медленно и натужно, как носильщик, работающий сразу на двоих пассажиров. Потянуло ветром. Я повернул ему спину и вошел в Варгунихинский переулок[31]. Несколько коленчатых поворотов – и нежданно для себя я очутился в незнакомой улочке, обставленной одно- и двухэтажными домиками. Ничего в ней не было, останавливающего внимание. Как и все другие. Только вот название – белыми буквами по синему фону: «Невольный переулок»[32].

Вас еще нет здесь, человек, которому пишу. Нет уже потому, что домов у переулка всего четырнадцать, а № 16 только строится, растет кирпичами вверх. Мне не хочется, чтобы это письмо дошло слишком скоро. Пусть оно доберется до ваших глаз вместе с будущим, о котором сейчас думаю.

Невольный переулок: четырнадцать с половиной домов, а вот мне показалось – на минуту показалось, – будто длинится он, выкрючивая колена из колен, сквозь всю Россию, и будто не счесть невольных вселенцев его, таких вот как я. Ведь я и мне подобные, а нас не так уж мало, все мы живем в Невольном переулке истории.

Что мы сделали, чтобы пришла Она, вы знаете, о чем я говорю. В лучшем случае мы выкликали ее, как в деревнях выкликали весну. Веснянками[33]. И веснянкам нашим нужна была, в сущности, так, веснишка. А пришла весна, пугающе юная, настоящая весна. Цветение ее слишком ярко для наших глаз. И мы прячем глаза под консервы[34]. «Оханьем поля не перейти»,[35] – а мы хотели перейти его именно… оханьем. В то время как другие, подымая на плечи тяжелые плиты дней, мостили ими дорогу в революцию, подлинную дорогу гигантов, мы отрывали календарю легонькие листочки, изредка лишь взглядывая, на сколько секунд прибавилось солнце, и что на сегодня предлагает отрывной: бульон с гренками или раковый суп.

Да, какой может быть праздник в Невольном переулке? Невольный. Какая радость? «Нечаянная», как озаглавил ее еще Блок[36]. А жить можно только чаянным, бытие с чужого плеча – небытию сосед. И все мы, как это учили нас в школе, – «возлѣ», «нынѣ», «подлѣ»[37]. А что подлее «подлѣ»?[38] Из него «вчужѣ». Это для

меня стало теперь – «послѣ» – «въявѣ», и исход лишь в том, что – «вкратцѣ», «вскорѣ»[39]… Но зачем об этом так вот, «вообще»…

5.

Человеку на марке.

Вот я вижу вас в вашем зеленом бумажном окошечке. Ваши плечи выдвинуты над рубчатым подоконником, а поднятая вверх голова охвачена суконным шлемом[40]. Вот я вас приклеиваю к письму, вам же адресованному. Я, человек, не умеющий ни к чему приклеиться[41]. Бесклейное существо. Бес-клейное, но келейное.

Я завидую вам. Это благородная профессия: отдавать жизнь не минутами и не часами, а сразу всю, не раздробью, а целиком. Загородить своим трупом свое от чужого. Я тоже, собственно, кандидат в трупы. Потому что живой перегораживаю дорогу своему к своему. Логика требует: убрать[42]. Но кроме логики есть еще и…

Сперва, когда это случилось, пробовал вместе с другими. С вами. Голосовал, заседал, говорил речи, одним словом – во все открытые двери. Но как-то рабочий один, лицо у него было похоже на ваше, отслушал одну из моих речей и сказал: «с февралевой душой, да в октябрьские дела»[43]. Занозил он меня. Обидно. Но обиднее обиды то, что верно.

Конечно, было много и другого. Не сразу я понял, что вот скачу задом и передом, а дело своим чередом[44]. Ну, а там руки плетью. И к чему, в самом деле, вставлять палки в колесо катафалка, на котором тебя везут?[45] От людей я отошел и завел дружбу с бутылкой. Пью.

Теперь даже детишки с нашего двора, увидев меня, кричат: «дяденька красный нос». Ну что ж, лучше красный нос, чем нос по ветру. Как вы полагаете, человек на марке?

6.

Арбат, 51. 3-й этаж.
Негаснущее окно у правого подъезда.

Я опять к вам, окно. Наверное, вы писатель. Кому другому бодрствовать у ночной лампы? Признаться, я не люблю наших писателей. Одинаковые какие-то и все про одно. Жизнь выбро-

сила уйму тем, сюжет на сюжете и сюжетом погоняет. А они трусят сюжета. Только у них и темы, что, мол, не те мы. Правильно. Ну а дальше?

Чернильницей вы, писатели, пользуетесь так, как осьминог своим чернильным мешком: для самозащиты. Замутит свое вокруг – и «отмежевался». И каждая последующая книга удирает от предыдущей. С осьминогим проворством.

В общем, не то литература, не то игра в перышки и пятнашки[46]: чуть пошалил перышком, сейчас тебя и запятнают. И опять сначала.

Но у вас, наверное, свое окно в мир, и вы поймете меня.

Сам я, разумеется, никакой не писатель, а так… записыватель. Если какой-нибудь образ увяжется за мозгом и начинает преследовать меня, я иду на него с пером, как с рогатинкой. Вот, например, выписываю подряд[47], не пробуя суразить несуразицу:

– Подтянитесь, – сказали человеку. «Хорошо», ответил тот, пошел и повесился.

Покойный был льстюга. Он даже и в петлю попробовал без мыла пролезть.

Сначала повесничал, а после повесился.

Не будет преувеличением, если сказать о висельнике: он в натянутых отношениях с жизнью.

Ну, и так далее, около дюжины вариантов: вроде вариаций Шуберта на тему[48]. Сижу и придумываю, пока не перепротивню противное. Тогда легче как-то. Но вам, другу бессониц, я хочу предложить одну тему. Пожалуй, даже две. Не откажитесь от скромного подарка. Ведь всякая мысль, всякий замысел тянется к форме. У меня ее нет. Но там, под желтым светом вашей лампы, авось замыслам не будет отказано в том, о чем они просят.

Первая тема, в сущности, и не придумана, а наблюдена. Еще в молодости я знавал одного любопытного старика крестьянина. Звали его Захар. Про свою старость – а было ему под 80 – он говорил, что она обижает его. Именно обидчивое отношение к своей немочи, к грузу годов, отнявшему возможность работать в поле и по хозяйству, заставило Захара покинуть избу и разросшуюся

семью и уйти в сторожа. Сторожил он где-то под городом, на складах[49]. Работа не требовала мускульной силы (тряси колотушкой и только). Нужна была лишь способность бодрствовать: от всех вечерних до всех утренних зорь. Старик и так спал чрезвычайно мало, легким и будким сном. Теперь, честно выполняя обязанность, он стал жить на сплошном бдении.

Во время ночной работы он иной раз как бы прикручивал фитиль сознанию, но никогда не гасил его. С первым брезгом[50] старик проделывал несколько верст, отделявших склады от его дома. Здесь он тоже никогда не ложился. То присядет на завалинке, подставляя голову теплому солнцу, то помогает сыну в какой-нибудь легкой работе, то подшивает лапоть, штопает валенок или одежду. А с вечерними сумерками опять на работу.

Я был тогда молод, платил сну третью жизни – полностью, и для меня был крайне занимателен и непонятен этот своего рода феномен. Не раз я спрашивал Захара, как ему удается жить врозь со сном. Старик, ясно улыбаясь, отвечал: «А что спать-то по мелочам? Как-нибудь завалюсь – и сразу на веки веков».

Взгляд у Захара был очень зоркий, острый. Он различал породы птиц, присаживающихся на дальних нитях телеграфных проводов. Казалось, несмежаемость глаз надбавляла им силы, а непрерывность сознания уменьшает его рывкость, дает какое-то преимущество перед другими сознаниями, каждодневно обрываемыми сном и снова стягиваемыми узлом при пробуждениях.

Захар говорил мало, но всегда веско и точно. Если ему прекословили, замолкал. Молчал он как-то сверху вниз.

И вот однажды, отсторожив ночь, Захар вернулся – как обычно – к своим. Сперва он посидел под стылым осенним солнцем. Потом по просьбе сына взялся за одну из ручек пилы, чтобы помочь ему распилить тележку. Зубья заходили было, разрывая древесные нити, как вдруг старик отвел руку, отошел к крыльцу и только с порога повернулся к удивленному сыну:

– Иди за попом. Сегодня засну.

Сын стоял оторопело на месте.

– Ну чего испугался, дурак? Делай, что говорят.

Вскоре пришел священник. Захар, успевший надеть чистую рубаху, исповедался и причастился. Сделал распоряжения по хо-

зяйству: починить свиную кровлю до дождей, подоткнуть забор, чтобы ветром не сносило. Затем сел на завалинке. Домашние и соседи опасливо оглядывали старика. Ходили вполшума. Кто-то спросил его: не перейти ли в избу. Старик не ответил. Он слегка поклевывал носом, и тугая зевота растягивала ему рот. Сперва он подоткнул голову локтями. Но так было неудобно. Прилег вдоль завалины и разогнул ноги. Лицо его было повернуто к холодному осеннему солнцу.

Жена робко подошла к спящему:

– Захар Егорыч, пошел бы на полати. Захолодит тут тебя.

Не слыша ответа, она притронулась к опавшей руке спящего. Действительно, его уже захолодило: смертью.

Ну, вот вам одна тема. Может, не побрезгуете. Ну, а другая, не знаю, стоит ли… Лучше отложим. Устал. Если факт мой подойдет вам, советую подлитературить его, кое-что соскоблить, убрать. А то еще какой-нибудь дурак скажет: мистика.

Кстати, давно собираюсь спросить: соседи ваши – за то, что жжете столько электричества, – наверно, учиняют вам склоку?

7.

Адрес тот же.

Другая моя тема: обо мне. Прилагаю несколько копий моих писем. Написал их по памяти: большинство завалилось в беспамятье. Материала, конечно, мало. Но все-таки. Заглавия не подсказываю, сами лучше моего придумаете, но мне, персонажу, хотелось бы: Невольный переулок.

Письмо это – последнее. Больше не буду беспокоить. Всё бы это, может быть, тянулось бы и тянулось, если б не один пустячнейший случай.

Сегодня утром видел, как в сумятице колес раздавило автомобилем пса. Выдавило кишки и… но не в этом дело. Пес был еще жив. Ему оставалось несколько секунд. Породистый, сильный зверь. Он встал на качающихся ногах, вытянув вперед залитые кровью глаза. Хозяин бросился к нему. Вслед за ним и еще несколько прохожих. И в ответ на протянутые руки пес стал кусать, яростно кусать всё что ни попадало под зубы. Круг людей

испуганно расширился. Пес, издыхая, продолжал лязгать зубами. Его слепнущие глаза видели перед собой смерть, неминуемую смерть, и он защищался. Защищался до последнего. Мудрый зверь. Потом короткая конвульсия, и всё.

Я тотчас же вернулся домой, так и не дойдя до госспиртовой вывески. Невольный переулок пройден. Теперь я не неволен. И сегодня я чокнусь с судьбой. Но в рюмке моей будет не водка: другое.

31/VIII 1933

Комментарии

[1] *Тверская, 4, и, кажется, 3*, – четные дома в начале Тверской (уже переименованной в улицу Горького) были взорваны в 1938 г. во время расширения ее проезжей части.

[2] *Это – уже характеристика* – ср. «Красный снег» (V, 148 – здесь и далее ссылки даются на собрание сочинений: римские цифры – на тома, арабские – на страницы): «На двери дощечка: «врачу Бухгалтеру – три раза, Ю.Ю. Тишашеву – два раза, Безносенко – один раз, И. Я. – ни разу». Рука Шушашина в нерешительности описала круг около звонковой кнопки: интересно бы взглянуть на этого И. Я.; только как до него добраться?»

[3] *…отвработник* – об использовании Кржижановским советского новояза в комментариях упоминалось не раз; вероятно, он был знаком с книгой А.М. Селищева (Язык революционной эпохи: Из наблюдений над русским языком последних лет (1917-1926). М., 1928), в которой проанализированы различные способы подобных словообразований, а поскольку он не писал, а диктовал свои сочинения, то, естественно, и вслушивался в звучание этих лексических гомункулусов, чутко ловя неожиданные подчас звуковые ассоциации, как, например, в этом случае: «отвра-ботник»…

[4] *…существо при портфеле* – эта метафора, как уже отмечалось, одна из сквозных в прозе Кржижановского: любопытно ее происхождение/толкование, относящееся ровно ко времени написания новеллы и обнаруживающееся в книге Г.В. Андреевского «Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху. 1920-1930-е годы» (Изд. 2-е. испр. и доп. М.: Молодая гвардия, 2008): «Французский журналист Родэ-Сен нарисовал довольно мрачную картину Москвы 1934 года. В журнале «Иллюстрированная Россия» он писал: «…Некоторые прохожие резко отличаются от общей массы своим внешним видом. Они гораздо лучше одеты и все, без исключения, носят портфели. Это – чиновники, властители советского общества» (с. 21-22).

[5] *…состоит на сверхпайке* – сверхпаек – обычный паек плюс дополнительные продукты (см. упомянутую книгу А.М. Селищева, с. 36).

[6] *…и в сне, и в яви* – в машинописи: «и в сне в яве», – что можно реконструировать как «и в сне, и в яви», но также «и в сне и въяве»; быть может, эта пословица заимствована из собр. соч. Платона в пер. и с примеч. В.Н. Карпова (в шести томах, 2-е изд., 1863-1879); Кржижановский хорошо знал это издание и использовал примечания Карпова в своих теоретических работах.

[7] *…сдачу с рублей давали почтовыми марками* – ср. А.П. Чехов. Письма (1886): «В редакцию «Радуги»… Имею честь просить уважаемого г. Мансфельда сочинить мне для домашнего обихода четыре комедии, три драмы и две трагедии погамлетистее, на каковой предмет по изготовлении их вышлю три рубля. Сдачу прошу переслать почтовыми марками… Полковник Кочкарёв»; в России, как правило, почтовые марки заменяли мелкую монету во время нехватки последней, так было и во время Крымской войны, когда марками выдавали сдачу с рубля, и в годы первой мировой, и до 1917 г. – для этого использовались почтовые марки копеечных номиналов из юбилейной серии, выпущенной в 1913 г. к 300-летнему юбилею династии Романовых, надпись на них гласила, что они имеют хождение наравне с медной или серебряной разменной монетой; следующий разменный кризис относится к началу 1920-х…

[8] *Я пью* – см. письма Кржижановского к А.Г. Бовшек: «Мыслям (в летние месяцы) вход в мою голову строго воспрещается, – если какие и протиснутся под темя, немедленно заливаю их водкой» (19.07.1931); «В магазинах по-прежнему ни капли водки: а ведь мозгу необходим хоть какой-то малый % иллюзий» (16.07.1932); «Пью значительно меньше, стараясь заменять водку легким столовым вином. Я понял, что это необходимо, иначе нервы не выдержат и работа кракнет» (04.08.1933); «Пью микстуру – и самочувствие мое значительно лучше. Стараюсь помогать этому, переходя с водки на красное вино. Это стоит дороже, но здоровье еще дороже» (20.06.1938).

[9] *Трезвое отношение к действительности* – ср. А.Г. Бовшек о Кржижановском во втор. пол. 1930-х гг. (Глазами друга XII): «Ни явь, ни сон не давали ему покоя, алкоголь стал для него необходимостью. Когда его спрашивали, что привело его к вину, он говорил, отшучиваясь: «Трезвое отношение к действительности»; тот же каламбур – в музыкальной комедии «Поп и поручик» (1934-1938).

[10] *…ни почтового листа* – почтовый лист – специальный лист бумаги, который можно было сложить и отправить без конверта.

[11] *…если она, то ждете о́на* – ср.: «не́т влечется к не́те, не зная, что не́ты не́ту» (Страна нетов, I, 266).

[12] *Арбат, 51*, – дом сохранился поныне, он расположен чуть наискосок от дома 44, где жил Кржижановский, так что горящее в ночи окно писатель мог видеть из собственного окна.

[13] *…хоть на вей-ветер швыряй* – ср. В.И. Даль. Пословицы русского народа в двух томах, изд. 2-е, т. 1, раздел «Язык-речь» (СПб.-М., 1879), с. 522: «Это на вей-ветер сказано»; там же, с. 530: «Он на мах (на ветер, на вей-ветер) сло́ва не молвит».

[14] Облый – тучный, неповоротливый.

[15] …*только ваше окно горит* – о горящем ночью окне см. в новелле «Красный снег» (V, 162).

[16] …*расцепили контакты мозговых полушарий* – ср. «Красный снег» (V, 155): «Лежа лбом к стенке, он пробовал слабеющими мыслями развязать и сбросить с себя день… Но связи путались и стягивались узлами, и тесный день продолжал охватывать мозг».

[17] *Полушка* – название мелкой монеты (чаще всего равнялась ¼ копейки); последние полушки отчеканены в России в 1916 г.

[18] *Обетная свеча* – по народному календарю на Украине, в Белоруссии и в западных областях России 15 февраля отмечали Громницы, праздник встречи зимы с весной, посвященный языческому богу весны Громовнику; праздник, связанный с культом огня, совпадал с православным праздником Сретения Господня, заменившим поклонение огню на чествование свечи; несколько дворов в деревне объединялись, чтобы топить воск на общинную свечу, которая именовалась также обетной.

[19] …*сладившись* – в машинописи: «слодившись», что допускает вариант «сложившись».

[20] …*в тенеподобную жизнь* – ср.: «…нельзя сказать с уверенностью, существует ли тенное тело или не существует. Правда, неты учат своих малых нетиков, что тени отбрасываются какими-то там вещами, но если рассудить здраво, то нельзя с точностью знать, отбрасываются ли тени вещами, вещи ли тенями, – и не следует ли отбросить, как чистую мнимость, и их вещи, и их тени, и самих нетов с их мнимыми мнениями» (Страна нетов, I, 266); этот мотив проходит через все творчество Кржижановского (см. «Штемпель: Москва», «Философема о театре», «Боковая ветка», «Швы», «Сэр Джон Фальстаф и Дон-Кихот», «Фрагменты о Шекспире» etc.).

[21] …*вниз: в грядущее* – то есть, в представлении автора, время течет из прошлого в будущее – сверху вниз.

[22] …*за помощью к могиле* – ср. у В.И. Даля (Пословицы. Т. 1): «Горбатого могила исправит» (с. 445), «От старости зелье – могила» (с. 551).

[23] «*Уходя, погаси свет*» – ср.: «В сущности, все сокращенные заглавия, которые мы читаем над входом в автобус, в магазин, в библиотеку, в музей, – всегда содержат в себе момент заглавности: «Уходя, гаси свет» (пригодно для новеллы о фашистском режиме)»… (Фрагменты о Шекспире, IV, 358).

[24] *Скляница* – штоф, бутыль для вина или водки (ср. В.И. Даль. Пословицы. Т. 1, с. 277: «Охоча ста́рица до скляницы»).

[25] …«*За ненахождением адресата*» – во второй ЗТ: «Письмо адресовано: «До востребования Господу Богу». Не востребовали. Назад с надписью: «За ненахождением адресата»« (V, 349).

[26] …*всхт-* – автор, разумеется, намеренно обрывает письмо в конце шестой страницы машинописи этим случайным – «нетрезвым» – набором согласных

с дефисом-переносом «в никуда», ускользанием смысла; следующая, седьмая страница исправно начинается следующим, четвертым письмом.

[27] *Невольный переулок, д. 16*, – ни один из домов переулка до наших дней не дожил (см. далее).

[28] *Госспирты* – Центральное управление государственной спиртовой монополии (Госспирт) ВСНХ РСФСР (1918-1925, Москва); в 1918-1921 гг. именовалось Центроспиртом и Главспиртом, в 1921 г. переименовано в Госспирт, в 1925 г. упразднено.

[29] *…обезглавленной единоверческой церквушей* – церковь Николая Чудотворца Николо-Смоленской старообрядческой общины, построенная в 1914-1915 гг; закрыта в 1931 г. (здание передано под клуб завода «Напильник»), снесена в конце 30-х годов; Варгунихина гора находилась на Смоленской набережной рядом с Бородинским мостом (срыта после войны).

[30] *…циферблат Брянского* – вокзала (с 1934 г. – Киевский).

[31] *Варгунихинский переулок* – прекратил существование одновременно с уничтожением горы и новой застройкой этой части Смоленской набережной, соединял Шубинский переулок со Смоленской улицей.

[32] *Невольный переулок* – тоже исчез из адресной книги Москвы, он обездомел, дома, выстроенные на месте шестнадцатидомного «переулочья», значатся по иным адресам, однако – совершенно в стиле автора новеллы – переулок сохранился как бы фантомно: именем на планах этой части города, фрагментом своей проезжей части – вдоль пятиэтажной стороны типографии «Наука» (с другой стороны стоящее на косогоре здание шестиэтажно, что не редкость в холмистой Москве), фантом, одним словом – и нет его, и есть…

[33] *Веснянки-заклички* – календарные обрядовые песни у украинцев, белорусов и части русских.

[34] *…мы прячем глаза под консервы* – очки-консервы (goggles), защитные облегающие очки; обычный в середине 20-х гг. «атрибут» московских таксистов («На шоферах (шоффэрах, как тогда писали) в любую погоду кожаные костюмы, в зубах трубка, на лбу «очки-консервы», – писал Лев Славин в одном из июньских номеров «Вечерней Москвы» 1925 г.); тема очков в прозе Кржижановского варьируется постоянно, от «Чуть-чутей» (1922, I, 83-92) до «Глазуньи в пенснэ» (<1940>, V, 167-170), однако здесь они единственный раз они выступают, так сказать, в защитной роли.

[35] *Оханьем поля не перейти* – ср. «Мухослон»: «Душа мухи порешила так: «Оханьем поля не перейти» (I, 219).

[36] *…как озаглавил ее еще Блок* – Александр Блок. Нечаянная радость. Второй сборник стихов (М.: Скорпион, 1907).

[37] *…как это учили нас в школе, – «возлѣ», «нынѣ», «подлѣ»* – обыгрываются наречия на букву «ять», которые гимназисты (и в их числе, естественно, будущий автор новеллы) должны были заучивать наизусть; ср.: «Никакие отсихпоры и досихпоры, «возлѣ – нынѣ – подлѣ – послѣ», заколачиваемые учителями, точ-

но тугие пыжи, в мозг Горгиса, не держались в нем никак» (Материалы к биографии Горгиса Катафалаки, 1929, II, 267); подобный гимназический след обнаруживается и в новелле «Квадрат Пегаса» (1922, I, 93-102), где все главки названы существительными с «ять», для запоминания которых гимназисты затверживали стишок наподобие считалки.

[38] *А что подлее «подлъ»?* – ср.: «Въ нашемъ дореформенномъ письмѣ мы имѣли иногда возможность корректировать неточность устной рѣчи (тѣмъ и темъ; прѣніе и преніе; подлѣй и подлей; въ морѣ и въ море; сѣй и сей). А съ новой орѳографіей становятся омонимами, т. е. одинаково читающимися, и такіе слова, которые различаются въ произношеніи (тѣшу и тешу; осѣни и осени; сѣлъ и селъ; сѣла и села; сѣло и село; смѣлъ и смелъ; мѣчу и мечу; желѣзка и железка и т. д.)» (В. Перемиловскій. «Новое или старое правописаніе?» В кн.: «Къ вопросу о старой и «новой» орѳографіи» (Jordanville, N. Y. Holy Trinity Monastery, 1962), с. 17).

[39] *…исход лишь в том, что – «вкратцъ», «вскоръ»* – мнемонические цепочки, затверженные с гимназических времен, навсегда оставались в памяти; помимо приведенных выше литературных реминисценций относительно наречий на ять ср. организованные в стихотворение 19 модусов силлогизма «Bárbara, Célarént, Darìi, Ferióque prióris» у Кржижановского в «Красном снеге» (V, 544).

[40] *…голова охвачена суконным шлемом* – скорее всего, имеется в виду марка «Красноармеец» – одна из первых стандартных марок СССР; выпускалась в 1923-1927 гг. номиналом от 1 коп. до 5 руб. золотом; на марке – профиль красноармейца (изображение основано на бюсте работы И.Д. Шадра).

[41] *…не умеющий ни к чему приклеиться* – ср.: «Каждая партия имеет среди своих членов не только лиц, солидарных во взглядах, но и лиц, вошедших в состав партии ради каких-нибудь выгод. Это – примазавшиеся. <…> В первые годы после Октября часто говорили: примазываться, примазавшийся…» (Селищев. Язык революционной эпохи, с. 106).

[42] *Логика требует: убрать* – ср.: «Если ваш талон М не отрезан, можно получить средние термины. Торопитесь, термина может не хватить… Средний термин предположено в целях рационализации унифицировать… Ведь М в «S есть Р» все равно никогда не попадает, следовательно, не все ли равно, какое оно там» (Красный снег, V, 158).

[43] *…с февралевой душой, да в октябрьские дела* – Вторая ЗТ (V, 342).

[44] *…а дело своим чередом* – В.И. Даль. Пословицы. Т. 1, с. 239: «…скачет баба и задом и передом, а дело идет своим чередом».

[45] *…вставлять палки в колесо катафалка, на котором тебя везут*, – Первая ЗТ: «Жить – это значит втыкать палки в колеса катафалка, на котором меня везут» (V, 329).

[46] *…не то литература, не то игра в перышкии пятнашки* – первая из этих двух детских игр ныне позабыта, просто потому, что надобных для нее перышек-вставок у школьников давным-давно нет (вторая, она же «салочки», в комментарии, пожалуй, не нуждается); правила игры требовали с помощью своего

пера щелчком перевернуть перо противника на «спинку», а потом тем же приемом вернуть его в исходное положение, если это удавалось, перо выигрывалось.

[47] *…выписываю подряд* – на самом деле не «подряд»: только последний пример можно обнаружить (с несущественным разночтением) в Третьей ЗТ (V, 382), три остальных случаях реальные записи использованы лишь как повод, черновой набросок (скажем, отдельной строкой стоящее во Второй ЗТ слово «Льстюга» – V, 344).

[48] *…вроде вариаций Шуберта на тему* – имеется в виду: Франц Шуберт, Forellenquintett, IV часть. Тема и вариации на тему песни «Форель».

[49] *…Сторожил… на складах* – ср.: «…Служил только в советских учреждениях, в период же захвата Киева белыми, отказываясь от какого-либо с ними сотрудничества, предпочел работать сторожем на складах кооперативных учреждений (в общем, в течение около 1½ лет» (С.Д. Кржижановский. Заявление Тройке Фрунзенского района по выдаче паспортов от 22.03.1933. РГАЛИ, ф. 2280, оп. 1, ед. хр. 99, л. 1); возможно, именно тогда его «копилка образов» пополнилась этим сюжетом.

[50] *С первым брезгом* – ср.: «Осенью 1917-го один из практикантов Гринвичской обсерватории, работавший под раздвинутым в звезды сводом главного павильона, с первым брезгом утра, закончив наблюдение и запись, остановил часовой механизм трубы и направился к выходу» (Материалы к биографии Горгиса Катафалаки, II, 322).

Феликс Кохрихт

Возвращение в Сорренто

Я вернулся сюда, на Амальфийское побережье Италии, минувшим летом и нашел его таким, каким себе представлял. Возможно ли вернуться туда, где никогда ранее не был, – на берег, на который не ступал, в море, в котором не плавал?

Люди моего поколения – послевоенные начитанные дети, воспитанные на если не всегда великой, то уж наверняка благозвучной и чистой музыке и классической живописи, были мастерами виртуальных путешествий. На крыльях фантазии мы переносились туда, где происходило действие увлекательных книг, где рождались полюбившиеся мелодии.

В зрелые годы, когда мне посчастливилось побывать в этих местах, произошло чудо узнавания: на самом деле все оказывалось почти таким, как в произведениях замечательных писателей, композиторов, на холстах любимых художников. Так я вернулся в Париж Дюма, Веймар Гете, в Иерусалим царя Давида, в Прагу Кафки, в Севилью Бизе, во Флоренцию Леонардо, в Мадрид Сервантеса, в Рим Феллини…

И вот – Сорренто. Впервые я узнал о его существовании лет в семь – из песни, которая воскресным утром вырвалась из репродуктора в нашей коммуналке на Садовой. Был я тогда голосистым пацаном, который тут же звонко и без стеснения повторял все, что слышал, – независимо от жанра, тесситуры, языка исполнителя.

«Вернись в Сорренто!» – призывал чей-то дивный голос, в котором звучали и тенор, и баритон, сливающиеся в чарующую мечту о счастье. Содержание песни я узнал от мамы, которая тоже застыла у репродуктора с тарелкой в руке… Певца звали Энрико Ка-

рузо, а городок, в который он призывал нас вернуться, именовался Сорренто…

…Прошло много-много лет, и вот мы добрались до Сорренто: прилетели в Неаполь и дальше – на машине по серпантину с дивным видом на залив… Я сразу же, несмотря на укоризненные толчки локтем, последовавшие от Тани, запел, как мне казалось, внутренним голосом, а на самом деле весьма громко: «Как прекрасна даль морская, как влечет она, сверкая, сердце нежа и лаская, словно взор твой голубой…». И так – до самого припева: «Вернись в Сорренто, вернись ко мне!». Я подражал не Карузо (так и не выучил итальянский текст), а знаменитому некогда тенору Михаилу Александровичу. И заслужил вежливые аплодисменты водителя.

Голос великого певца мы услышали через несколько дней – почти аутентичный, во всяком случае, он звучал с грампластинки, записанной в 1916 году, за пять лет до безвременной кончины маэстро. Более того – тяжелый пластмассовый диск кружился на граммофоне с трубой, который Карузо любил заводить, и мне разрешили покрутить ручку, помнящую тепло его пальцев. Случилось это в «Ristorante Museo Caruso» – все три слова не нуждаются в переводе. Его любезнейший хозяин не только позволил нам съемку уникального интерьера (на стенах – афиши, портреты великого певца и его коллег, а главное – рисунки и карикатуры, автором которых является великий тенор), но и угостил фирменным белым вином. В меню – блюда, которыми гурман Карузо потчевал своих гостей. На дне салатном чувственно белела под томным базиликом моцарелла…

Синьор Энрико был уроженцем Неаполя, но именно в Сорренто находил и отдых, и почитание друзей, и пылкие встречи с местными красавицами. А они с античных времен отличались (-ются!) не только статью и волоокостью, но и чарующими голосами. Древние римляне называли утопающий в цветах город на высокой скале – Surrentum (место, где живут Сирены). Именно здесь Гомер поселил этих обольстительных дев, которые чуть не свели с ума хитроумного Одиссея. Что уж говорить о романтичном, пылком сеньоре Энрико, да и о наших любвеобильных современниках, слетающихся сюда со всего мира…

Справедливости ради следует сказать, что наше внимание привлек еще один ресторан, лежащий на торном пути в порт, активно посещаемый мореплавателями и туристами, особенно из постсоветских стран. Нас привлекает здесь не только отменная и весьма не дорогая pizza, но и обнадеживающее название – «Il Pozzo». Я даже сфотографировался на фоне меню, а имя этой точки общепита в переводе с итальянского означает «Хороший»

или «Хорошая», как будет угодно. Если в Италии к вам обратятся подобным образом, откликайтесь вежливо и доброжелательно.

Все побережье залива пронизано романтикой и располагает к проявлению сильных чувств, но именно в Сорренто играется большинство свадеб. Мы были свидетелями (и зачастую почти участниками) процессий разного масштаба и толка – от пафосного выхода из собора аристократической пары до венчаний новобрачных явно деревенского происхождения, словно шагнувших с экрана фильма эпохи неореализма. Особенно впечатлила нас фотосессия жениха и невесты, в свите которой угадывались «хрещені батьки» из неаполитанской Каморры – разновидности Козы Ностры. Мафиози женит дочку Кьяру. И меж кланами чтоб не было «базара», пригласили Папу. Он приехал, взял с собой и посох, и тиару…

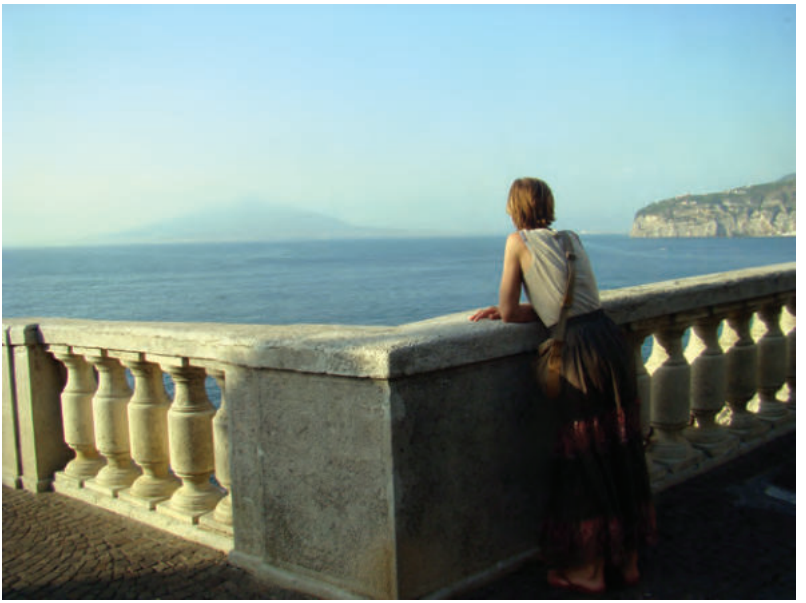
Брачующиеся – независимо от достатка и классовой принадлежности – любят фотографироваться на фоне Заката над Неаполитанским заливом. Большая буква в обозначении процесса ежевечернего на протяжении тысячелетий захода солнца свидетельствует об исключительном, уникальном (по свидетельству быва-

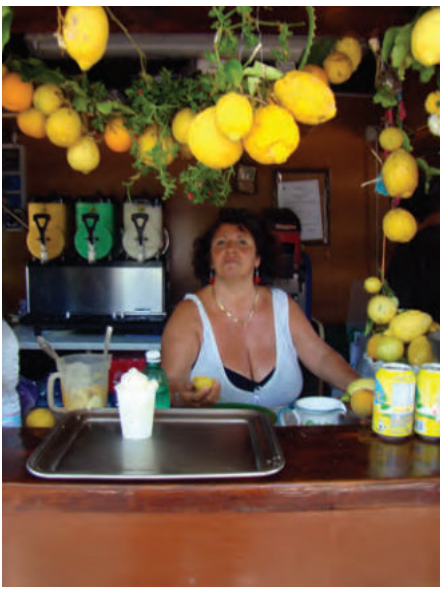

лых путешественников) качестве этого процесса. Витиеватость фразы свидетельствует о замешательстве автора этих заметок, не нашедшего русских слов, соответствующих увиденному и прочувствованному. Закат над морем у Сорренто. На небе – огненная лента… Ну как, сеньоры, описать в стихах простых уно момento? Рискну лишь показать вам несовершенные фото, сделанные с балюстрады над морем и из окна нашего гостиничного номера. Главное действующее лицо этой мистерии – Везувий.

И еще одно возвращение – в сказочную страну, где живут Фрукты и Овощи, герои, придуманные на радость детям Джанни Родари. Разумеется, мы встречались и с Чиполлино-Луковкой, и с его друзьями, но царит в Сорренто сеньор Лимон. Город утопает в желто-зеленых рощах и садах, лимоны повсюду – на полотенцах и скатертях, на деревянной утвари и керамике. Вас обязательно поведут в одну из многочисленных семейных фабрик, где на протяжении столетий готовят ликер «Лимончелло» – разных сортов и крепости. Вслед за обязательной дегустацией – неизбежная покупка… Пошли на дело – пить «Лимончелло».

Этот солнечный плод мог бы стать гербом города. Сочиняю гимн Сорренто в ожиданьи комплименто: «Ой, лимончики, мои лимончики! Вы растете, ой, у Сони на балкончике!». Такую вот

местную Соню (чем не София Лорен – урожденная Соня Шиколоне?) мы встретил на свое счастье во время прогулки по побережью в самый полуденный зной. Она спасла нас, нацедив в стаканы со льдом и листьями мяты только что выжатый лимон. А потом, переведя дух, я втянул доверчивую и добрую сеньору в совместное исполнение неаполитанского фольклора – но это была иная песня (по ее выбору) – «O, sole mio!» – «О, мое солнце!».

Зато другая сеньора, соседствовавшая с нами крышами (я имени ее не знаю), не была склонна петь со мной дуэтом. Только что дама, пребывавшая явно не в духе, согнала с раскладушки дочку, которую я, угадав в ней мутировавшую прапраправнучку вышеупомянутых Сирен, увы, не успел

сфотографировать. А из нашего окна крыша красная видна. Вчера там девушка топлес вовсю читала книжки. Сегодня барышни уж нет, но сушатся ее штанишки. Взамен мне на утешение явился еще один член этой семьи – черный кот…

…Но, разумеется, места эти не только романтические и романические, гастрономические и ликерные, но и намоленные. Здесь проповедовали, исцеляли, здесь воспитывали учеников и восходили на костры знаковые и яркие персонажи Нового Завета. Об одном из них я в ранней юности узнал не из церковных книг, а из жизнеописания, которое полагаю лучшим произведением Гилберта Честертона. Он поведал о святом Франциске Ассизском просто и величественно, с пафосом и истинно английским юмором. В Сорренто Франциск занимался привычным делом – лечил бедняков, вразумлял заблудших, а еще – разговаривал о жизни с птицами, язык которых понимал. Они и сейчас вьются вокруг памятника у собора, посвященного великому гуманисту. В тени воркует голубь сизый: по-итальянски говорит весьма прилично. С его прадедом разговаривал по-птичьи святой Франциск из города Ассизи…

…Впереди были Амальфи, Позитано, Ровелло – легендарные города, к которым ведут узкие стремные дороги, пробитые тысячелетия назад то ли финикиянами, то ли римлянами. И сегодня здесь есть места, где у обрыва не могут разминуться два автомобиля, – ждут сигнала светофора, управляемого то ли со спутника, то ли милостью всех местных святых…

Почему мы не поехали в близлежавшие Помпеи? Отвечаю кратко, как сумею. Нервы-то у нас не так уж крепки, чтоб смотреть на человеческие слепки тех, кто парился когда-то в бане, предаваясь эротической нирване. Помянем их. Глянь, на дне стакана – пепел вовсе не угасшего Вулкана…

Почему вы не поехали в Неаполь? Почему вы не купили себе шляпу? Почему вы не купили себе «пушку», чтобы всех и сразу взять на мушку? «Мазаратти»-фаэтон, «Феррари»-двушку с тентом ярким откидным и шофером заводным, что под мышкой (очень мощной) носит «пушку», каждый вечер он кадрит себе подружку, он соломенную набок носит шляпу… – Ну, и нужен мне такой Неаполь?

Вскоре мы вернулись в Одессу.

«Язык Италии златой звучит на улице веселой…» – подметил молодой Пушкин, отбывавший в Южной Пальмире недолгую ссылку.

Прислушались. Но это было лишь Эхо – так звали юную нимфу, которая по воле ревнивого Зевса, согласно любимой книге моего детства «Мифы Эллады» (составитель Г. Петников), жила в одной из пещер Амальфийского побережья и передразнивала заблудившихся путешественников…

Фото автора и Татьяны Вербицкой

Иван Липтуга

Многоэтажная Америка

Туризм и путешествия, наверное, самое интересное занятие в жизни, которое позволяет увидеть мир своими глазами. Каждое новое место, в котором удается побывать, делает нас богаче в разы. Личный опыт и ощущения никогда не заменят даже самой умной и красивой книги, даже уже потому, что каждая книга – это лишь взгляд на мир ее автора. История моих путешествий насчитывает двенадцать лет и чуть более пятидесяти стран. Мне есть с чем сравнивать и есть чем поделиться. В этом – рождественском выпуске альманаха я расскажу вам о своей поездке в Город Ангелов – Лос-Анджелес, мировую столицу индустрии кино и развлечений.

Америка – далекая и не очень понятная во всех отношениях для меня страна. Она всегда у меня вызывала противоречивые ощущения. С детства мы считали все американское самым лучшим. Лучшие фильмы, компьютеры, джинсы, игрушки, жвачки – нам все время хотелось иметь хоть что-то американское. К нам в школу по обмену приезжали американские дети, которые кроме запаса питьевой воды привозили с собой в качестве подарков советским школьникам разную мелочь – ручки, значки, брелоки, флажки, – эти вещи определенно сводили нас с ума. Мы были готовы за карандаш с резинкой продать родину. Примерно за то же самое ее и продали, но те, кто был чуть постарше… Американцы быстро научили нас продавать, как они, но так и не научили так же эффективно работать. Поэтому за двадцать лет мы продали все, что создавали наши деды и родители, но взамен так ничего и не построили. Зато мы все время рассуждаем о том, как должно быть, и продолжаем ничего не делать. В отличие от нас,

американцы не рассуждают. Во-первых, их этому не обучают, во-вторых, им некогда – они должны делать бизнес. И делают они свой бизнес – классно, четко и быстро. Главный бизнес Америки – делать бизнес. У них все работает. Полиция, пожарные, «скорая помощь», почта, авиация, железные дороги, заводы, кино, театры, все едет, все светится, горит, сверкает, все так, как было задумано изначально, и даже круче. Их самолеты летают между городами чаще, чем у нас ходят трамваи между Черемушками и Фонтаном.

На катке парень сломал ногу, катаясь на скейте, через три минуты приехали две «скорые помощи» и одна пожарная машина. Из магазина выбежал чернокожий, укравший банку пива, за ним пронеслись с сиренами и скрипом тормозов пять полицейских машин, а в воздухе появилось два патрульных вертолета. Вообще, у них все выполняют свои обязанности так, как это было написано в инструкции, без рассуждений. На авеню Звезд, где был расположен наш отель «Хаятт», четыре раза за один день проезжал кортеж президента Барака Обамы, который прибыл в Калифорнию выступать со своей предвыборной программой. Так полицейские перекрывали каждый раз всю улицу за час до того, как тот проедет, и не давали ни проехать, ни пройти. И какие бы аргументы кто ни приводил, на полицейских они не действуют. Не положено, пока не проедет кортеж, который, кстати, состоит из тридцати машин и шестидесяти полицейских мотоциклов.

Лос-Анджелес как город представляет собой агломерацию нескольких районов, раскинувшихся на громадной территории в 1300 квадратных километров, которые раньше считались отдельными городами, но затем слились в единое городское пространство. Даунтаун, Голливуд, Беверли-Хиллз, Вилшир, Восточный, Западный, Южный и Северный Лос-Анджелес – основные районы мегаполиса. Переезд из одного района в другой на такси может запросто обойтись в сотню долларов. Забавно, что перелистывая «Одноэтажную Америку» Ильфа и Петрова, которые были командированы в США в 1935-м году редакцией газеты «Правда», понимаешь, что за последние восемьдесят лет в Америке мало что изменилось. Небоскребов, конечно, стало побольше, но принципы буржуазного жизнеустройства остались неизменными. Голливуд и все известные киностудии как принадлежали

крупным банкирам, так и принадлежат. Голливудский кинематограф как выстреливал по 800 фильмов в год, так и выстреливает. Деньги по-прежнему делают деньги, и жизнь полна ярких красок. Когда проезжаешь на двухэтажном открытом автобусе по улицам Лос-Анджелеса, не покидает ощущение того, что весь город – это большой съемочный павильон. Деловой центр Даунтауна, Чайнатаун, Кореантаун, Литл-Токио, Беверли-Хиллз – в каждом районе свои декорации и своя история.

Лос-Анджелес в полном смысле слова многонациональный город, в котором гораздо сложнее найти коренного американца – не индейца, разумеется, но хотя бы гражданина Америки во втором поколении, – чем иммигранта. Китайцы, корейцы, японцы, армяне, русские, украинцы и многие другие мирно сосуществуют, разговаривают между собой на ломаном английском и перетягивают постепенно к себе своих родственников. За две недели пребывания мне не удалось ни разу взять такси с водителем не армянином. На мою шутку, что их в Ереване меньше, чем там, они шутили в ответ, что в Армении у них просто штаб-квартира.

Район Венеция, который находится прямо на побережье Тихого океана возле Санта-Моники, был заложен бизнесменом Эботтом Кинней в 1905 году, который страстно желал воссоздать Венецию в Америке. Он потратил колоссальные средства и прорыл каналы общей протяженностью 26 километров, через которые построил арочные мосты и пустил настоящие итальянские гондолы с гондольерами. Район был очень привлекательным, однако из-за недостаточной циркуляции воды каналы стали зловонными, и часть из них пришлось к середине двадцатых годов засыпать. Но в девяностых каналы восстановили, и район вновь стал дорогим и престижным. На набережной Венеция жизнь всегда кипит – полно музыкантов, артистов и спортсменов, катающихся на роликах, скейтбордах и серфингах.

На бульваре Голливуд, а точнее – на двух его кварталах, сосредоточена вся пропаганда американского кинематографа. Знаменитый Китайский театр работает с 1927 года, и в нем проходят премьеры всех новинок Голливуда. У входа на полу в бетонных плитах увековечены следы рук, а иногда и ног кинозвезд. Такую традицию завел Сид Граумен – первый владелец театра, после слу-

HIGH TIME
PARKING

CAR WASH

MOUP
MOUP
MOUP

чайной оплошности одной актрисы, которая споткнулась и упала в не застывший цемент еще достраивающегося здания. Рядом расположился театр Кодак – место проведения ежегодной кинопремии Оскар и главная сцена цирка Дю-Солей в Лос-Анджелесе. Также на бульваре расположены и другие театры, знаменитая Голливудская аллея звезд, студия звукозаписи «Кэпитал-Рекордс», два музея восковых фигур, музей рекордов Гиннеса, торговые и развлекательные центры, Хард-рок-кафе, отели, рестораны, клубы и множество магазинов, в которых продаются всевозможные сувениры, напоминающие о прелестях мира голливудского кино. Кроме сувенирных на бульваре расположены несколько магазинов с реквизитом для актеров любых ролей – костюмы супергероев, парики, грим, маски, различные штуки, о которых у нас можно только мечтать. После посещения одного такого магазина поход на одесскую киностудию может показаться, как писал Паустовский, засаленной оберточной бумагой в сравнении с «Первой весной» Боттичелли. Имея в свободном доступе любой костюм, от Микки-Мауса до Шрека и от Чарли Чаплина до Майкла Джексона, не стоит удивляться тому, что на бульваре в большом количестве снуют взад и вперед герои мультфильмов и персонажи известных кинокартин, предлагающие за два-три доллара с ними сфотографироваться. Особо нахальные Элвисы Пресли и Джонни Деппы за сложность костюмов просят по пять долларов. Если не хочешь фотографироваться с псевдозвездами, то можно это сделать с их восковыми фигурами в Музее мадам Тюссо. Экспозиция расположена на трех этажах здания музея. Кстати, именно на бульваре Голливуд, в одноименном отеле «Голливуд» останавливались накануне Рождества тридцать пятого года Ильф и Петров и наблюдали из окна за музыкантами, попрошайками и газетчиками, которые орали во все горло с утра до вечера. Напротив их окна, как и сейчас, весела реклама ставшего к тому времени миллионером нашего земляка Макса Фактора, который в 1904 году покинул Одессу и открыл в Голливуде производство грима сначала для местных киностудий, а затем и для всей Америки.

Рождество для американцев, как писали наши классики, праздник, не имеющий ничего общего с религией, а скорее торжество коммерции и торговли индейками и рождественскими подарка-

ми. Об этом мне напомнил круглогодичный магазин «Счастливого Рождества», который я также встретил на бульваре Голливуд.

Прямо с бульвара можно отправиться на открытом автобусе в студию «Юниверсал». В отличие от студий «Парамаунт», «Фокс» и «Уорнер Бразерс», «Юниверсал» создали свою студию открытым для миллионов посетителей парком развлечений и аттракционов. Вход в парк стоит восемьдесят долларов, что включает в себя стоимость посещения любого из аттракционов или шоу в течение дня, также возможно и приобретение годового абонемента. На территории студии – целый город. Каждый павильон посвящен одному из проектов студии. Парк юрского периода, мумии, трансформеры, Симпсоны, Губка Боб и Шрек, Терминатор, Кинг-Конг, шоу спецэффектов в кинематографе и другие программы, которые за день обойти просто невозможно. Современные технологии аттракционов создают полную иллюзию попадания в мир героев. Например, в трансформерах, которых я встречал раньше только в полуразобранном состоянии в комнате своих детей, оказываешься пристегнутым в специальном трансформер-мобиле,

стающем на несколько минут игрушкой в руках огромных монстров, которые швыряют ее из стороны в сторону. То она взрывается, то падает с огромной высоты вниз, то тонет, и все происходит с полным ощущением реальности во всех измерениях. Что сказать, сотрудники всех аттракционов аплодируют всем выжившим на выходе. Впечатления даже для взрослых – незабываемые.

Разумеется Лос-Анджелес центр не только киноиндустрии, но и шоу-бизнеса. Нам не удалось попасть на концерт Мадонны в Киеве, поэтому мы решили восполнить этот пробел в Америке. Причем решение мы приняли утром в день концерта. Билеты заказали на сайте СтабХаб по смешной даже для Украины цене 105 долларов. В Киеве аналогичные билеты стоили в два с половиной раза дороже. Концерт проходил на площадке Стейплс-Центра, который вмещает двадцать тысяч зрителей. Зал был забит битком. По-моему, одновременно съехались все геи, лесбиянки и больные ожирением люди из окрестностей Большого Лос-Анджелеса. В такой концентрации раньше мне их видеть не приходилось. Однако, в отличие от концерта в Питере, на котором всем, в том числе и детям, раздавали розовые браслеты в знак толерантности к людям нетрадиционной ориентации, в Америке ничего подобного не было. Хотя билеты предполагали начало концерта в восемь вечера, реально концерт начался почти к одиннадцати. До этого времени толпы стояли в очередях в «Макдональдсы» и «Бургер-Кинги», расположенные в холлах по кругу. На сцене полтора часа играл ди-джей Солвейг, под его одухотворяющее уц-уц все поглощали свои биг-маки с картошкой и запивали кока-колой. Само шоу Мадонны заслуживает похвалы как с точки зрения технического оснащения сцены и всей концертной инфраструктуры, так и с точки зрения физического состояния 55-летней певицы. Она в прекрасной спортивной форме, отработала без перерыва двухчасовое шоу, в каждом номере которого она пела, танцевала, падала, прыгала, летала и делала разные трюки, на которые может пойти только здоровый и хорошо подготовленный человек. Инфраструктура сцены, как и все, что касается технической части в Голливуде, было на фантастическом уровне.

Также мы посетили музей Пола Гетти – некогда самого богатого человека Америки, который скупал предметы искусства во всем

мире, в том числе и в бывшем СССР, не без помощи опять же нашего земляка Арманда Хаммера. Гетти собирал предметы искусства и выставлял на своей вилле в Малибу. Созданный бизнесменом фонд вскоре после его смерти стал оперировать огромными средствами и позаботился о расширении музея, в связи с чем было начато строительство Центра Гетти на вершинах предгорий близ Лос-Анджелеса. Строительство центра обошлось в 1,3 миллиарда долларов. С его смотровых площадок открывается панорамный вид на весь Лос-Анджелес. В четырех больших павильонах из белого камня выставлена живопись, графика, скульптуры, манускрипты и декоративно-прикладное творчество. Проходят выставки современного и классического искусства. Вход в музей бесплатный для всех.

Напоследок перед отъездом мы пошли в ресторан чесночной кухни. Хоть украинцы и гордятся тем, что сало и чеснок – национальная еда, такого разнообразия блюд из чеснока у нас нигде не встретишь. На закуску мы ели чесночный хлеб с чесночным маслом, поливая соусом из мелкорубленого чеснока с укропом. Затем нам подали смешанный салат из листьев чеснока и рукколы и жаренные целиком зубцы чеснока. На первое и второе съели чесночный суп с рапанами и вкусный стейк под чесночно-перечным маслом. Запивали все это белым чесночным вином, а на десерт ели настоящее чесночное мороженое под шоколадной подливой. Обратно в отель шли пешком.

Туристу не понравиться Америка не может. Если кто-то говорит, что ему там не понравилось, – не верьте. Но жить там я бы согласился только при наличии больших денег, потому что без них мы там никому не нужны. Собственно, как и здесь…

Фото автора

Анатолий Горбатюк

Песни моего детства

Оказывается, не такое это простое дело – заставить собственную память вернуться лет на 65 назад, чтобы вспомнить, какие песни пели мы в такие уже далекие послевоенные годы и чуть позже, какие танцы и под какую музыку танцевали наши родители… Уверен, что вспомнить удастся до обидного мало, зато читатель обязательно восполнит мои провалы в памяти. Впрочем, какие еще провалы?! Семь веков без малого прошло, так что – без упреков, пожалуйста, и скажем спасибо памяти и за этот предоставленный минимум. Итак, начинаем – песни моего послевоенного детства…

Сначала вспомним пионерские лагеря первых послевоенных голодных лет и пионерские же песни, которые мы распевали, усевшись вокруг костра и стараясь не думать о еде. Вообще-то, таких песен запомнилось не очень много. Во-первых, конечно же, это знаменитый гимн пионеров всех поколений «Взвейтесь кострами, синие ночи!», стихи Александра Жарова, музыка Сергея Кайдана-Дешкина. Песня имеет весьма интересную историю появления на свет. Как вспоминал Александр Алексеевич Жаров, по предложению Надежды Константиновны Крупской, супруги Владимира Ильича Ленина, которая в мае 1922 года присутствовала на заседании бюро Центрального комитета комсомола, ему было поручено в двухнедельный срок представить пионерский марш. Запаниковавший было молодой поэт обращается за советом к Дмитрию Фурманову, который предложил, не мудрствуя лукаво, взять за подоснову какую-нибудь уже существующую маршеобразную песню.

В совершенно расстроенных чувствах Жаров вечером отправляется в Большой театр. Давали оперу Шарля Гуно «Фауст». И ког-

да со сцены зазвучал «Марш солдат», молодого поэта осенило – вот оно, спасение:

Башни, зубцами
Нам покоритесь!
Гордые девы,
Нам улыбнитесь!..

Очень быстро возникло:

Взвейтесь кострами,
Синие ночи!
Мы – пионеры,
Дети рабочих…

Пошел послушать «Фауста» и молодой пианист Сергей Кайдан-Дешкин… «Я позаимствовал… в «Фаусте», – рассказывает А.А. Жаров, – только ритмический ход для своего текста. А комсомолец Сергей Дешкин, ученик музыкального техникума… позаимствовал там же музыкальный ход для мелодии, написанной им на мои слова». Вот как рождаются шедевры! Конечно, никто из нас, распевавших голодными глотками про «эру счастливых годов», ничего не знал не только о Фаусте, но и о замечательном композиторе со странной фамилией Гуно – орали себе песню, и все тут…

Не менее популярной песней (так мне кажется) стало «Веселое звено» (музыка Матвея Исааковича Блантера, стихи Сергея Владимировича Михалкова). Напечатанная в журнале «Вожатый» и газете «Комсомольская правда» в тревожном 1937 году, песня очень полюбилась юным строителям светлого будущего:

По улицам шагает веселое звено.
Никто вокруг не знает, куда идет оно.
Друзья шагают в ногу, никто не отстает,
И песню всю дорогу тот, кто хочет, тот поет.
Если песенка эта поется,
Если песенка всюду слышна, –

Значит, с песенкой легче живется,
Значит, песенка эта нужна…

Вспоминаю ее, и с понятной ностальгией возвращаюсь в конец 1940-х, а чтобы ничего не придумывать, обращусь к своей (своей!) книге «Мое одесское детство»…

«Иногда группой из трех-четырех пацанов мы ходили в кино. В первые послевоенные годы новых советских фильмов было очень мало, но мы с удовольствием ходили на один и тот же фильм по несколько раз, причем нам было безразлично, новый это фильм или не очень. Чаще всего мы посещали кинотеатр имени Уточкина* на Дерибасовской, который в те годы имел статус детского, благодаря чему билеты здесь были для нас самые дешевые. Называли мы его «Кино на лестничках» – из-за располагавшегося на втором этаже фойе и зрительного зала, куда нужно было подняться по довольно узкой лестнице.

Местная малолетняя шпана считала этот кинотеатр своей вотчиной и, становясь в очередь к кассе для покупки билетов, мы снимали головные уборы и прятали их за пазухой. А стоило кому-то зазеваться, – одним из юных разбойников шапка срывалась с головы «чужака» и пускалась «на пропуль», то есть перебрасывалась от одного к другому, пока вообще не исчезала из видимости. Так лишился головного убора мой друг Витька, которому пришлось остаток зимы проходить в старой кепке без козырька.

Перед началом сеанса на сцену довольно тесного фойе поднималась высокая худощавая нарядно одетая женщина, обладавшая очень красивым, с каким-то серебряным переливом голосом. Она проводила с нами «массовки», которые обязательно заканчивались пением пионерских песен – «Взвейтесь кострами, синие ночи!», «Веселое звено» и других, – для чего на край сцены выставлялся высокий пюпитр с текстами этих песен. Тексты были написаны огромными буквами, чтобы были видны отовсюду. Потом по звонку мы шли в зал…

* Прочитал в одном из очерков О. Губаря, что в 30-е годы этот кинотеатр назывался «Червоний залізничник». Сегодня, к нашему огромному сожалению, знаменитое название с фамилией нашего земляка Сергея Уточкина навсегда, кажется, исчезло из облика Города.

Через какое-то время наше «Кино на лестничках» сделали «кинотеатром повторного фильма», а детским стал кинотеатр имени Горького на углу улиц Советской Армии (Преображенская) и Карла Либкнехта (Греческая), где было два зала, а просторное фойе и буфет размещались в подвальном этаже.

Потом детским стал кинотеатр «Смена» на улице Розы Люксембург (теперь – Бунина), но это уже другая «эпоха»… Теперь детских кинотеатров вообще нет, а нынешние дети смотрят по «телеку» и «видику» такое… Временами я испытываю истинное счастье при мысли, что дети мои давно выросли, и мне не приходится вместе с ними смотреть это. Вовсе не будучи аскетом, я бы точно провалился к соседям на первый этаж…

Отвлекся, извините.

…В конце 1935 года на экраны советских кинотеатров вышел фильм, ныне всеми забытый, «Концерт Бетховена» режиссера Владимира Георгиевича Шмидтгофа, получивший, кстати, почетный диплом на Международном конкурсе синематографии. Для этого кинофильма В.Г. Шмидтгоф на музыку Исаака Осиповича Дунаевского написал текст марша пионеров «Эх, хорошо в стране советской жить!»:

Эх, хорошо в стране советской жить!
Эх, хорошо страной любимым быть!
Эх, хорошо стране полезным быть,
Красный галстук с гордостью носить!
Меря землю решительным шагом,
Помня твердо заветы отцов,
Знай один лишь ответ – боевой наш привет:
Будь готов! Будь готов! Будь готов!
Будь готов всегда и во всем,
Будь готов ты и ночью и днем!
Чем смелее идем к нашей цели,
Тем скорее к победе придем!..

Песня сразу же становится очень популярной, постоянно транслируется по радио в передачах для школьников, и никто уже не вспоминает ни фильм, в котором она впервые прозвучала,

ни тем более автора ее текста, потому что в веселый день 1 апреля 1938 года драматург, режиссер и актер Владимир Шмидтгоф был арестован и немедленно сознался в шпионской деятельности в пользу Германии. Правда, через год дело пересмотрели, и «германский шпион» оказался на свободе, но жить ему оставалось не слишком долго: в первый день 1944 года он скончался. Вот такое невеселое повествование об авторе очень бодрой, прямо скажем, боевой пионерской песни. А дочь Владимира Георгиевича впоследствии оказалась супругой самого Булата Шалвовича Окуджавы, но к нашей песне это, конечно, отношение не имеет…

Хочется вспомнить одну довольно «древнюю» пионерскую песню – «Картошка». Несколько куплетов из нее совершенно случайно сохранилось в памяти:

Наши бедные желудки (лудки-лудки-лудки)
Были вечно голодны (дны-дны),
И считали мы минутки (нутки-нутки-нутки)
До обеденной поры (ры-ры).
Дым костра, углей сиянье (янье-янье-янье),
Серый пепел и зола (ла-ла)…
Дразнит наше обонянье (янье-янье-янье)
Дух картошки у костра (ра-ра).
Ах, картошка – объеденье (денье-денье-денье),
Пионеров идеал (ал-ал)!
Тот не знает наслажденья (денья-денья-денья),
Кто картошки не едал (ал-ал)!..

Куплетов – таких вот, совершенно незамысловатых, – было очень много, обычно основной текст пели обладавшие хоть каким-то слухом, остальные же с удовольствием подпевали все эти «ра-ра», «па-па», «ал-ал»… Вспоминаю песни, а вдруг почему-то очень захотелось печеной картошки. К чему бы это? Да, но только не из духовки, а непосредственно из костра, чтобы, измазавшись в золе, перекатывая с руки на руку раскаленную картофелину, обжигаясь, жадно вгрызаться в нее… Но вернемся к этой замечательной пионерской песне, точнее, к истории ее появления на свет, и с удивлением узнаем, что не такая уж она и пионер-

ская. Написана она была (и музыка, и слова) не то в 1914, не то в 1915 году (как понимаете, тогда пионеров и в помине не было) редактором популярнейшего журнала «Вокруг света», известным русским писателем и просветителем Владимиром Алексеевичем Поповым как песня скаутских отрядов, потому что, ко всем делам, Владимир Алексеевич был еще и предводителем (лидером) московских скаутов. Где-то в середине 1920-х российский комсомол вновь призвал поэта Александра Жарова и поручил ему скаутскую песню переделать в пионерскую. Поэт легко справился с этой задачей, ничего особенно в тексте не меняя – только чуть-чуть его подчистив (например, вместо «лагерников идеал» вставив «пионеров идеал»). Добрых семьдесят лет звучала эта вполне пионерская песня, а возродившиеся из небытия скауты поют ее сегодня в старой редакции. Ну и на здоровье!..

И следующая песня ассоциируется у меня исключительно с пионерским лагерем. Ни одно, вспоминается, открытие или закрытие смены, обязательно сопровождавшееся концертом художественной самодеятельности, не обходилось без нее. Как правило, она исполнялась группой девочек, иногда – с солисткой… Поймал себя на интересной мысли: если песня исполнялась девочками, с чем еще, как не с пионерским лагерем, может она ассоциироваться? Слушать ее я мог только в лагере, ибо в мои пионерские годы обучение в школах было сугубо раздельным. Вот так. А называется песня «Наш край», музыку написал Дмитрий Борисович Кабалевский, текст – Антон Ильич Пришелец (настоящая фамилия – Ходаков):

То березка, то рябина,
Куст ракиты над рекой…
Край родной, навек любимый,
Где найдешь еще такой?..

Очень теплая, душевная песня, исполняемая на ¾ (в смысле – вальс), которую вовсе не портит несколько пафосная кода:

Детство наше золотое
Все светлее с каждым днем,

Под счастливою звездою
Мы живем в краю родном.

…Упомянув популярного поэта-песенника Антона Пришельца, сразу вспомнил еще одну замечательную детскую песню тех лет – «Чибис», помните? (Влез в Интернет, чтобы позаимствовать подзабытый текст, а там такое… Одним словом, автором музыки назван поэт Антон Пришелец, а текста – известнейший композитор Михаил Вячеславович Иорданский, представляете?!). С удовольствием приведу фрагменты песенного текста:

У дороги чибис,
У дороги чибис.
Он кричит, волнуется, чудак:
А скажите, чьи вы?
А скажите, чьи вы?
И зачем, зачем идете вы сюда?
А скажите, чьи вы?
А скажите, чьи вы?
И зачем, зачем идете вы сюда?
Не кричи, крылатый,
Не тревожься зря ты:
Не войдем мы в твой зеленый сад.
Видишь – мы ребята,
Мы друзья пернатых,
Мы твоих, твоих не тронем чибисят…

Ну признайтесь, только честно, – разве не прелесть?.. Эту маршеобразную и в то же время глубоко лиричную песню мы с удовольствием пели и возле костра, и отправляясь строем к морю (а как без строя?) и направляясь с дружеским визитом в соседний пионерский лагерь…

А на десерт хочется вспомнить просто выдающуюся песню 1950-х, написанную в творческом содружестве двумя мэтрами – композитором Исааком Осиповичем Дунаевским и поэтом Михаилом Львовичем Матусовским. Называется эта песня – бессменный участник всех школьных концертов в течение многих

лет – «Школьный вальс», и я с удовольствием вставляю в очерк несколько куплетов из нее:

…Сюда мы ребятишками
С пеналами и книжками
Входили и садились по рядам,
Здесь десять классов пройдено,
И здесь мы слово «Родина»
Впервые прочитали по складам.
Под звуки вальса плавные
Я вспомнил годы славные,
Любимые и милые края,
Тебя с седыми прядками
Над нашими тетрадками,
Учительница старая моя…
Но где бы ни бывали мы,
Тебя не забывали мы,
Как мать не забывают сыновья…
Простая и сердечная,
Ты – юность наша вечная,
Учительница первая моя!

Этот великолепный вальс – один из первых (если не первый) опыт совместной работы выдающихся мастеров. Вот так почин! Насколько трогательны как музыка, так и текст песни, настолько же симпатична история, связанная с ее созданием.

…Начиналось все ранней весной 1950 года, когда без пяти минут выпускница одной из воронежских школ решила обратиться с просьбой к прославленному композитору – написать песню, посвященную ее любимой учительнице. Вот так – ни больше ни меньше. Сказано – сделано. Заклеила конверт и написала адрес получателя – очень похоже на то, как это сделал небезызвестный чеховский герой. Благо адресат нашей школьницы был поизвестнее Константина Макарыча, потому письмо, на котором было написано «Москва. Композитору Дунаевскому», попало, куда нужно. Композитор и музыковед Юрий Бирюков, раскопавший эту трогательную историю, пишет: «Меня всегда поражала необык-

новенная заинтересованность Исаака Осиповича Дунаевского в судьбах совершенно незнакомых ему людей, большинство из которых он в своей жизни так и не встретил. Уже после смерти композитора, перебирая в его осиротевшей московской квартире на Можайском шоссе письма, адресованные Исааку Осиповичу, я видел сделанные его рукой пометки «ответить», «помочь», «отправить ноты»…».

Не осталось без ответа и письмо воронежской школьницы, которая и сегодня, спустя шесть десятков лет, бережно хранит этот ответ. Письмо, несмотря на огромную занятость, композитор написал подробное и обстоятельное. По понятным причинам показываю его лишь фрагментарно:

«5 апреля 1950 года. Москва.

Милый товарищ Плахотник! Ваше предложение о написании песни для десятиклассниц Воронежской женской школы я получил. Я очень хочу, чтобы Вы и Ваши подруги по классу поняли, почему я не могу исполнить Вашу просьбу. Писать песню для школы (и не одну) очень нужно… Но почему такую песню надо писать специально для воронежской школы?.. Я думаю, что Вы со мной согласитесь и простите мне мой принципиальный отказ исполнить вашу просьбу. Но она подтолкнет меня на работу над песней о выпускниках школы…».

Как мы знаем, песня состоялась, да еще какая!..

Конечно, формат очерка не позволяет мне вспоминать все песни из моего далекого детства, но о наиболее ярких из них я все же, кажется, рассказал. А вот интересно, какие песни поют оснащенные компьютерами и «мобилами» девчонки и мальчишки нового тысячелетия?..

Владимир Трухнин, Ирина Полторак

«Городок» – пятый угол!

Городок по новейшим технологиям

На деревенской улице у водяной колонки старенький Профессор набирает ведро воды. Рядом останавливается дорогая машина. Из нее выходит Чиновник.

Чиновник. Профессор Серёжкин? Я вас все-таки нашел! Во-первых, хочу вам предложить…

Профессор. Во-первых, здравствуйте. С кем имею честь?..

Чиновник (*с апломбом*)**.** Министр науки нашего края. (*Протягивает руку*.) Скакунков! Так вот, хочу предложить вам возглавить новый научный центр.

Профессор. Но я давно на пенсии. Здесь, в деревне, поближе к земле… Привыкаю. Ха-ха!

Чиновник. Да ладно! На вас еще можно воду возить!

Профессор. Что я и делаю… (*Поднимает ведро*.) Водопровода-то в доме нет. А какой научный центр?

Чиновник. Новейший! С самыми новейшими технологиями! Мы его прямо в вашей деревне и построим! (*Понижая голос*.) Актуальная тема… Прямо здесь! Представляете, прямо возле вашего дома мы построим… Что у вас возле дома?

Профессор. Туалет.

Чиновник. Вот в том месте, где у вас сейчас туалет, мы построим самую современную научно-исследовательскую лабораторию!

Профессор. Знаете… Мне кажется, если строить лабораторию вместо туалета, то результат работы в этом месте будет… э-э… ну, тот же, что до лаборатории.

Профессор с трудом несет домой ведро воды, Чиновник идет рядом, не предлагая помочь.

Чиновник. Понимаете, у нас в науке возникли серьезные проблемы. И мы решили сделать ставку на молодежь.

Профессор. Вот это правильно! Но тогда почему же вы обратились ко мне? Ой…

Профессор спотыкается и качается, Чиновник подхватывает его под руку.

Чиновник. Потому что из тех, кто у нас в состоянии решить эти проблемы, вы самый молодой… А в новом научном центре будут созданы прекрасные условия для нашей науки!

Профессор. И какие условия?

Чиновник. И оборудование, и персонал… всё!.. Но главное – квалифицированные сиделки!.. Осторожней, вы так всю воду расплещете… На меня…

Профессор. Извините старика. Я тут в деревне немного отстал от жизни… Идемте ко мне, побеседуем, я вас вареньем угощу – хорошим, не по новейшим технологиям…

Чиновник. Я к вам не чаи распивать приехал, а на работу звать.

Профессор. Неужели нет никого другого? Ведь на нашей земле таланты не переводятся.

Чиновник. Мы раньше тоже так думали. А потом оказалось, что наши таланты очень даже переводятся… Особенно на английский, немецкий, французский… Сначала переводятся, а потом и перевозятся. По всему миру. Утечка мозгов!

Профессор. Что ж вы пришли к старику? Возьмите и переманите наших молодых ученых обратно!

Чиновник. Понимаете… Пока мы эту молодежь переманим обратно, им будет столько же, сколько вам… А вы-то уже сейчас под рукой!

Профессор кряхтя меняет руку, несущую ведро.

Чиновник. Тяжелое, да? Так бросайте это ведро, профессор! Наука ждет вас!

Профессор. Не знаю, не знаю. Меня уже все забыли. Вам нужен кто-то молодой, новый.

Чиновник. Да ладно вам… Как говорится, новое – это хорошо забытое старое.

Профессор. Так ведь я уже не просто старое. Я уже, можно сказать, ископаемое.

Чиновник. Но полезное ископаемое, ха-ха! А полезные ископаемые нас всегда и спасали! Но теперь все будет по-другому. Теперь у нас главный упор на науку! Пока ископаемые не кончились… Ой, извините, это я не о вас…

Профессор. Знаете, я когда-то читал, как в далеком-далеком будущем непрочное дерево заменят прочным пластиком, детей будут обучать машины, а искусственную еду нельзя будет отличить от настоящей. И жалел, что не доживу.

Чиновник. И что?

Профессор. К сожалению, дожил… Извините, я тороплюсь, мне нужно идти дрова рубить, а то топить будет нечем… У нас тут газа нет.

Чиновник. Дрова… При чем тут какие-то… дрова, когда наука должна сказочно облегчить жизнь! Сказочно!

Профессор. Почему вы так уверены?

Чиновник. Ну, во-первых, больше просто некому… А во-вторых, люди уже сейчас постоянно пользуются всякими микроволновками, мультиварками, тостерами… Представляете, даже моя мама… вчера сломала мой ноутбук.

Профессор. О! Ваша мама пользуется интернетом?

Чиновник. Нет, она думала, что ноутбук – это вафельница… Да, профессор, вот еще важный аргумент. Вернетесь к работе – дадим хорошую зарплату. Судя по ведру и дровам, вы от вашей науки не очень-то разбогатели.

Профессор. Для меня это никогда не было главным. И кроме того, могу признаться, что все, что я зарабатывал, я всегда… (*Несколько смущенно*.) тратил на девочек… Да я и сейчас…

Чиновник. Хо-хо! Ай да ученый муж! Ай да пенсионер! (*Доверительно*.) Знаете, у меня тоже уходит куча денег. Ну.. туда… У меня и тут дама сердца, и там…

Профессор. Хм… Нет, я трачу на девочек – это в смысле, что у меня три дочери. Я им и сейчас помогаю.

Чиновник (*меняется в лице*)**.** А-а… Так и я тоже… Тоже образцовый семьянин. Просто семей у меня много… А тут еще и о науке надо заботиться! Поднимать ее надо.

Профессор. Поймите, наивно рассчитывать, что наука у нас будет хорошая, пока жизнь плохая. Не бывает такого в открытом обществе. Поэтому отдельно эту проблему не решить.

Чиновник. М-да… Поехали, профессор! Вот умные вещи говорите, а сами сидите тут без дела.

Профессор. Ну, почему… Я тут с детьми физикой занимаюсь, учу их думать. Когда-то в этой деревне и меня думать научили. Теперь моя очередь. А дети у нас талантливые!

Чиновник. Вот как… Но, я надеюсь, английскому вы их тут не учите? А то опять… Фьють и там!

Профессор. Нет, они в ту сторону даже не смотрят. Они в будущее смотрят.

Чиновник. Вот это хорошо! Это правильно!

Профессор. Да… Они китайский учат…

Евгений Голубовский

Книжный развал

Издано в Одессе

Александр Гунн
Тайна золотой тиары
Одесса, Печатный дом, 2012

Эта книга – пример того, как много может сделать увлеченный человек. Александр Гунн – моряк по профессии и краевед, исследователь по призванию.

Прочитав когда-то в одной научно-популярной книжке о золотой тиаре, купленной Лувром как произведение скифских мастеров, а потом о скандале вокруг покупки, когда одесский ювелир Израиль Рухомовский сообщил, а потом и доказал, что это его изделие, Александр Гунн загорелся желанием собрать все материалы об этом уже практически забытом ювелире.

Цель была поставлена автором благородная. Мы сегодня чаще всего произносим имя Карла, в одесском Пассаже есть мемориальный знак в память об одесском отделении фирмы Фаберже, а вот об одессите, человеке, потрясшем Европу, – лишь отрывочные сведения.

Александр Гунн нашел все газетные статьи о скандале в Лувре – и одесские, и петербургские, и парижские. Более того, он нашел в Израиле Бенжамена Тальмона – внука Израиля Рухомовского, которому 98 лет, хранящего и изделия своего деда, и мемуары деда, вышедшие во Франции на идиш в начале XX века.

Теперь все это стало большой подарочной книгой. Здесь и поисковые статьи Александра Гунна, и впервые опубликованный перевод на русский язык мемуаров Рухомовского, и репринтное издание брошюры о ювелире, вышедшей в Одессе в 1903 году.

Остается только сожалеть, что в одесских музеях нет ювелирных изделий блистательного ювелира. Но теперь у нас будет прекрасная книга об этом незаслуженно забытом мастере.

Владимир Лазурский
История моей жизни
Одесса, ВМВ, 2012

Профессор Владимир Федорович Лазурский – известный филолог, историк западноевропейской литературы, прежде всего, английской. Чаще всего в последние годы его имя вспоминается в связи с Иваном Буниным. Они дружили, Иван Алексеевич неоднократно упоминает профессора Лазурского в «Окаянных днях». Но не менее значимый (и сегодня) период жизни Владимира Федоровича Лазурского – тот, что связан со Львом Толстым, он был учителем внуков великого писателя.

Естественно, воспоминания В.Ф. Лазурского представляют ценность и для историков, и для филологов. До сих пор рукопись хранилась у его наследников. Недавно они передали ее в Одес-

су, своему другу Александру Бирштейну, волею судьбы живущему в бывшей квартире профессора Лазурского. И стараниями и заботой А. Бирштейна книга увидела свет в Одессе.

Можно горестно пожалеть, что сохранившиеся воспоминания охватывают период до 1916 года. Может быть, в семейном архиве найдется их продолжение, но и эта часть воспоминаний воскрешает не только жизнь в Ясной Поляне, но и в Одессе – встречи с профессором Е. Щепкиным, с украинской труппой Заньковецкой, с художниками К. Костанди, Т. Дворниковым, П. Нилусом, Е. Буковецким, писателями А. Федоровым и С. Юшкевичем…

Это третья книга из серии «Ольгиевская угол Баранова», изданная заботами А. Бирштейна. Будем ждать следующих книг этой серии.

Лада Прокопович
Бесконечная нить Арахны
Одесса, Астропринт, 2012

Лада Прокопович – кандидат технических наук и одновременно культуролог, начала свой путь в литературе сборником искренних, порой трогательных, порой юмористических рассказов «Жил-был в Одессе кот» еще в 2006 году. И лишь в 2009 году она определилась с жанром, вернее, сама его изобрела, – «артефакт – авантюра» – короткие иронические романы, где произведения искусства становятся действующими лицами фантасмагории.

В четвертой книге этой серии, в романе «Бесконечная нить Арахны» события развиваются вокруг вышитой картины, которая, естественно, как и положено в детективе, пропадает, а затем…

Важно отметить, что сам по себе сюжет, образующий книги Лады Прокопович, не главное для автора. Он лишь дает ей возможность делиться своими знаниями об искусстве, своим пониманием природы людей, своим отношением к событиям в современной Украине. Поэтому ее книги с удовольствием читают не только студенты-культурологи, но и все те, кто любит иронический, порой абсурдистский, как наша жизнь, детектив.

Андрей Добролюбский
Археология Одессы
Одесса, Optimum, 2012

Недавно зашел в продовольственный магазин и увидел, что на полках появился коньяк «Борисфен». Забавное совпадение с выходом монографии, где автор, профессор Андрей Добролюбский, выдвинул гипотезу о том, что Борисфен находился не на Березани (есть и другие версии), а именно тут, где впоследствии выросла Одесса.

Десятки лет Андрей Добролюбский занимается археологией Одессы. Понятие неожиданное, но разумное, так как объединяет краеведение, историю и чистую археологию.

Одесситы, наверное, помнят и раскопки на Ланжероновской напротив оперного театра, и раскопки у Воронцовского дворца, и на Жеваховой горе… Из таких отдельных поисковых работ и возникали предположения, гипотезы, убежденность.

Широкий круг интересов автора позволяет ему исследовать античные нравы Хаджибея, ритуал и место основания Одессы, в конце концов, возвести планировку Одессы, предложенную Де Воланом к Витрувию…

Если бы Андрей Добролюбский не был археологом, он мог бы стать прозаиком, в чувстве стиля ему не откажешь. А все вместе это сплавилось не в монографию, написанную ученым только для ученых, а в научное и (подчеркиваю) публицистическое издание, которое предназначено для широко круга людей, интересующихся прошлым и настоящим нашего края.

Степова пектораль.
Поетична антологія
Упорядкування і передмова
Анатолія Глущака
Одеса, Маяк, 2011

Пытаясь объяснить феномен Одессы, мы часто говорим, что наш город вырос на границе Моря и Степи, той великой Степи, которая для многих и была ярким символом Украины, ее души, ее вольницы.

В 2004 году в издательстве «Маяк» увидела свет антология «Морская поэзия Украины», также составленная Анатолием Глущаком. И вот как бы завершение дилогии – «Степова пектораль». Если в первую книгу вошли стихи 150 авторов, то во вторую стихи 170 поэтов, охватывая период с XIX по XXI век.

Степная пектораль, овеянная запахами степи, ее ветрами, озаренная ее солнцем и ночным сиянием звезд, бесконечностью ее истории, ее немыми свидетельницами – скифскими бабами…

К сожалению, еще в тридцатые годы был закрыт Институт степи. Думается, что размышления поэтов могли бы побудить вновь открыть этот институт. Всех и все процитировать невозможно. Только 16 строк нашего земляка поэта Тараса Федюка:

Вже нічого не лишилось,
Не лишилося і все.
Птах-могильник в хмарі пилу
Череду могил пасе.

Дві машини малинові
Згіркли в сірих полинах.
На горищах – жовкнуть сови,
І газети на шибках.

О, південна Україна,
Рідна мати нежива!
Дерева, руїни з глини
І гадюка степова.

Вже нічого не лишилось.
І вимолюють вуста
Хоч би місця для могили
Або хоч би для хреста.

Володимир Литвиненко
Шлях досконалості. Альбом
Одесса, Печатное бюро, 2012

Одна из горьких потерь в художественной жизни Одессы – смерть в 2011-м году заслуженного художника Украины Владимира Николаевича Литвиненко. Ощущение это остро еще и потому, что готовя книги-интервью «Смутная алчба», я звонил Владимиру Николаевичу, договаривался о разговоре. Потом он был в деревне, где писал, жил. Потом болел.

И это интервью не состоялось, а без него, конечно же, живописная Одесса выглядит неполно.

Поэтому обрадовался, что буквально через год после кончины художника вышел альбом-каталог, подготовленный Владимиром Кабаченко. Вступительная статья написана В. Кабаченко в январе 2011 года, еще при жизни мастера. Серьезный, глубокий очерк – размышления художника о творческом пути близкого человека, живописца, у которого было чему учиться.

Нельзя воспринимать жизнь художника, честно служившего искусству, благостно. Лишь в 2004 году, в 74 года, он был удостоен звания заслуженный художник Украины. Хоть и заслуженным, и народным, по сути, был долгие годы.

Последняя выставка Владимира Литвиненко прошла в 2009 году в галерее Анатолия Дымчука.

Как и Альбин Гавдзинский, так и Владимир Литвиненко, сквозь всю жизнь пронесли верность южнорусской школе, импрессионизму, одесскому солнцу.

Альбом репродукций картин Владимира Литвиненко украсит любое собрание книг по искусству и нашего города, и Украины.

Галя Маркелова

Написанное на песке

Как умеет любить поэт! Скорее не умеет, а способен. Вопреки расстоянию, вопреки утекающему времени и… перемене времен. Эта любовь к нашему городу, любовь к Одессе, звучит в каждой строчке нового сборника под названием «Перемена Времен» поэта, ныне живущего в Австралии, Юрия Михайлика.

Перемена времен.
Так горят письмена в небесах.
Так пустыни шуршат
в беспощадных песочных часах.
Так горчайшее знанье
за горло берет в оборот,
Уходя вместе с нами
в разряд метаморфных пород.

Вот как отвечал на посыл А. Кушнера («…Времена не выбирают. В них живут и умирают..») сам поэт много лет назад, перед своим отъездом:

Ах, как сладко выбирать –
Где придется умирать…

На излете глупой жизни
Этот выбор все трудней.
Там – от нежности к отчизне.
Здесь – от ненависти к ней.

Но разлетаются, дробятся все предвидения мудрого поэта, они сталкиваются с кристаллом любви к своему городу, который возрастает в сердце. Непрестанно, с каждым днем все более раня воспоминаниями там, вдали, под иными небесами:

И город рушится в воду с треском арктических льдин.
Из тех, кто помнил мой город, остался лишь я один.
Его больше нет над морем. Он сгинул вместе со мной.
А когда-то в его колоннадах качался июльский зной,
И все дрожало и плыло, предсказывая пейзаж,
Где сам ты лишь очертанье, жажда, жара, мираж.

Но город – это и люди, жившие и живущие в нем.
Горькое:

Никто не знает дня, покуда счетчик щелкает,
Но если вправду есть дверь, за которой свет, –
Там девочка стоит с мальчишескою челкой
И, рассыпая «р», кричит тебе: привет.

Ироничное, мудрое: «Вы, конечно, правы Андрюша…». И такое же «Покушение» – маленькая баллада, ювелирно изысканная – посвящение Валентине Голубовской. А какие пейзажи! Они зримы, они сжаты до формулы, как пейзажи Ю. Егорова:

Каролино-Бугаз. Переливом,
перекатом, морщинкой у глаз,
так приходит волна – каролино,
так она ударяет – бугаз…

А вот дыхание В. Хруща, именно дыхание – так легко и пахнет морем:

на промозглой, на приморской, где калитки дребезжат,
где как раковины горсткой лодки черные лежат.

А далее прозрение, античная формула:

Скользящей строкой по бессмертью песка
кого окликают моря сквозь века?
Не нам ли с тобою они повторяют,
что жизнь бесконечна, строка коротка.

Надеюсь, вы заметили, насколько музыкальны стихи Ю. Михайлика? Этого не найдешь в сборниках стихов молодого поколения, предпочитающих «эксперименты с языком». Поэт настолько владеет поэтическим слухом, он так четко слышит ритм другого поэта, что легко воспроизводит самые затейливые, изощренные. Кроме того, что строчки его «цепляют слух», их хочется петь, танцевать под его «Цыганский вальс»:

То ли угрозой, то ли рыданьем,
то ли насмешкой – как в полусне –
Древним, опасным, черным гаданьем
Ты ворожила мне на огне:
– Вольному воля, сильному сила,
верному вера, а жизнь молодым…
И замолчала, как погасила
Белое пламя, розовый дым.

Поэтический мир Ю. Михайлика огромен, космичен. И вовсе не потому, что

Млечный путь. И в поисках ночлега
Век из века тащится телега…

А и потому… Юрий Михайлик – мыслитель, философ, который дает своим посылам, поэтическим алгоритмам живой, человеческий, песенный вид. Он стремится осмыслить человеческую жизнь в разных ее проявлениях – «блеск

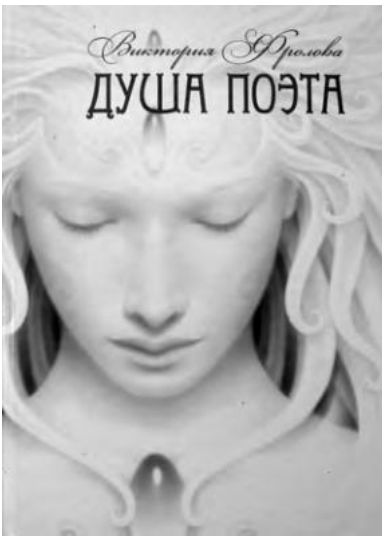
костра меж звезд опознавая»… С ним можно соглашаться, спорить, любить его или не любить – это ваше право. Но остается одно – это большой поэт, любящий Одессу и вас, читатели, в ней. И мы, читатели, вместе с автором и Всемирным клубом одесситов должны поблагодарить Сергея Рафаиловича Гриневецкого и Валерия Борисовича Горелова за помощь в издании этой книги. Книга вышла изящной, формат книги – перекличка с изданием стихов И. Бродского издательства «Ардис», фото Ани Голубовской как нельзя лучше подчеркивает внутреннее напряжение книги, оно поддержано строкой автора:

Всё против нас. И небо против,
но море все еще за нас.

Эта книга вышла действительно как ювелирное изделие, восхищающее и подбором материала, и изысканной работой автора, такой органичной и мастерски сложной.

Юрий Виноградов

Душа поэта

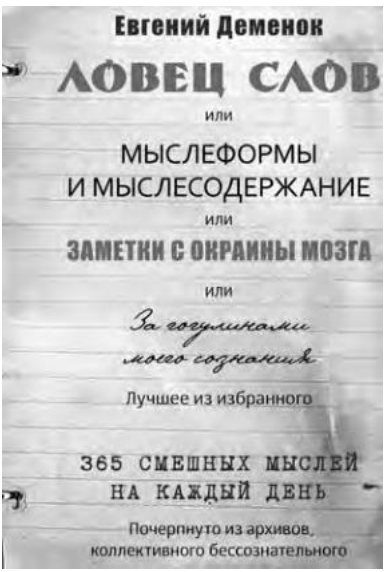
Виктория Фролова
Душа поэта
Очерки о поэтах и поэзии
Одесса, Друк Південь, 2012

Виктория Валерьевна Фролова – автор и ведущая популярной программы рубрики «Душа поэта» на одесской радиостанции «Гармония мира», выпускница филологического факультета ОГУ, газетчик со стажем, член Союза журналистов Украины. В сборник вошла некоторая часть текстов программ на радио, представляющих авторское видение творчества классиков и современников: Пушкина, Дельвига, Вяземского, Кюхельбекера, Языкова, Туманского, Леси Украинки, Владимира Сосюры, Лины Костенко, Веры Зубаревой, Анны Яблонской и других.

«Мне хотелось избежать стереотипного подхода к привычным фактам и к знакомым с детства строкам, – пишет автор. – Именно поэтому во всех очерках творчество стоит на первом месте, а биографические факты и литературные направления рассматриваются как предлагаемые обстоятельства жизни, в которых раскрывается и реализуется талант поэта».

Евгений Голубовский

Ловец слов

Евгений Деменок
Ловец слов…
Одесса – Дрогобыч, Коло, 2012

Евгений Леонидович Деменок – выдающийся украинский спирит. Естественно, перед выходом первой книги своих размышлений о человеческих недостатках и достоинствах, он поставил на стол блюдечко с голубой каемочкой и вызвал духов своих предшественников.

Марк Твен: «Когда я был в последний раз в Одессе, в Гигантской лестнице было 200 ступеней. Ваша книга – 201 ступень по пути в…». Связь прервалась.

Оскар Уайльд: «Не смейтесь над глупостью. Только она отличает людей от флоры и фауны. Глупой гвоздика не бывает. Так человек доказал свою уникальность».

Шолом-Алейхем: «Конечно, важно, есть кипа или нет кипы. Но если нет головы, к чему тогда кипа?».

Я посчитал, что утаивать от читателя отзывы великих людей об этой книге преступно.

Литературно-художественное издание

Дерибасовская – Ришельевская

Одесский альманах
Книга 51

Deribasovskaya – Rishelievskaya

Odessa almanac
Book 51

Издается с 2000 года

Координатор проекта «Одесская библиотека» Иван Липтуга

Технический редактор Геннадий Танцюра
Верстка, корректура Татьяна Коциевская

Подписано в печать 05.11.2012
Бумага офсетная. Печать офсетная
Формат 60x84/16
Физ. печ. л. 20,75. Усл. печ. л. 19,2
Зак № .... Тираж 500 экз.

Всемирный клуб одесситов
65014 Одесса, Маразлиевская, 7
Украина
Тел.: +38 (048) 725-45-67

Worldwide Club of Odessits
7 Marazlievskaya Str. 65014 Odessa
Ukraine
Tel.: +38 (048) 725-45-67

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии издательства «ВМВ»

Издательская организация АО «ПЛАСКЕ»
Регистрационное свидетельство ДК № 3673 от 21.01.2010
а/я 299, Одесса 65001 Украина
Тел.: +38 (048) 7 385 385
E-mail: books@plaske.ua

Содержание

От редакции 3

Михаил Жванецкий
Добро и зло 5

История, краеведение

Александр Третьяк
О доходах и расходах Одессы
в первой половине XIX века 8

Олег Губарь
«Дом с петухом» и его давние обитатели 21

Сергей Решетов
Потомки и родственники М.И. Голенищева-Кутузова
и Наполеона Бонапарта в Одессе 43

Ева Краснова, Анатолий Дроздовский
Открытка из Одессы 1888 года 61

Виктор Михальченко
Жизнь нуждается в милосердии 71

Станислав Айдинян
На прошлолетнем Французском бульваре 82

Валентина Голубовская
«Не надо заводить архива»?! 99

Одесский календарь

Анатолий Горбатюк
Четырежды голова Одессы, или Кое-что из топонимики 104

Проза

Сергей Рядченко
Укротитель баранов. 110

Ефим Ярошевский
Жизнь была страшна и прекрасна… Как во сне 122

Петр Межурицкий
Дневник человека 139

Владимир Каткевич
Интерпол ловит щипача 145

Ефим Бершин
«В лесу, где не бытует эхо…» 154

Поэзия

Ольга Ильницкая
Молись и пой 178

Юлия Петрусявичюте
Цикл «С того берега» 184

Евгения Красноярова
Наставления для птиц 189

Галя Маркелова
«Спасибо тем, кто не забыл меня…» 193

Людмила Гипфрих
Я вас помню 196

Первые шаги

Полина Перепелица
Понарошку 200

Искусство – жизнь – искусство

Елена Погорельская
Одесса – Николаев – Одесса 204

Евгений Деменок
По одесским следам Бурлюков 220

Валентин Максименко
Семья Рубинштейн и Одесса 252

Роман Бродавко
Мэтр одесского авангарда 260

Евгений Голубовский
Не позволяй душе лениться. 264

Олег Кудрин
Одесское кино 268

Илья Рейдерман, Евгений Голубовский
Кем я не стал 274

Вера Савченко
Нераздельность и неслиянность: выставка графики Елены Ноны Завадскене 285

Александр Чацкий
Ошибка коллекционера Патиниоти. 291

Публикации

Вадим Перельмутер
Невольный переулок жизни Сигизмунда Кржижановского 306
Сигизмунд Кржижановский
Невольный переулок. 309
Публикация Вадима Перельмутера

Путешествие

Феликс Кохрихт
Возвращение в Сорренто 326

Иван Липтуга
Многоэтажная Америка. 334

Ах, Одесса

Анатолий Горбатюк
Песни моего детства 342

Владимир Трухнин, Ирина Полторак
«Городок» – пятый угол! 351

Издано...

Евгений Голубовский
Книжный развал. 356

Галя Маркелова
Написанное на песке. 363

Юрий Виноградов
Душа поэта 367

Евгений Голубовский
Ловец слов 368

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

